

№9 (87)
ДЕКАБРЬ

2020

СИМБИРСКИЙ

12+

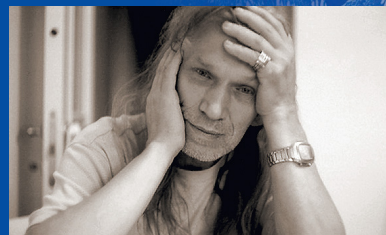
Литературный журнал

Организация
объединяет Россию по
вопросам образования,
науки и культуры

УЛЬЯНОВСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

«Я ступаю по тонкому льду».
Михаил Анищенко. Стихи

стр. 16

Литературные итоги
Года молодых

стр. 20

«К этой боли нельзя
притерпеться...»

Памяти поэта Татьяны Эйхман

стр. 60

Многогранность таланта.
Художник Борис Склярук

стр. 85

Летописец
партизанских рейдов.
(О писателе – партизане
Анатолии Инчине)

стр. 127

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

12+

№9 (87)

ДЕКАБРЬ
2020

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак

Содержание

Каждый миг на земле по-особому светел.....	3
Литературное наследие	
Ольга Клопкова. Аксаковское слово – послание в будущее.....	4-5
Возродим Аксаково!	6
Владимир Дворянсков. Аксаков.....	6
Ольга Даранова. Чаша жизни Ивана Бунина	7-12
Страна поэзия	
«Великое русское слово сокрыто в его теремах...»	
Николай Марянин и Михаил Анищенко. Переписка	13-16
Михаил Анищенко. Я ступаю по тонкому льду. Стихи.....	16-19
Молодые голоса	
Алина Осокина. Литературные итоги Года молодых	20-21
Анастасия Миронова. Почувствовать призвание.	
Фестиваль имени Михаила Анищенко.....	22-23
Стихи молодых калининградских авторов: Игоря Голубя, Екатерины Мантуровой, Ульяны Румянцевой, Ольги Воробьевой.....	24-29
Гость	
Ирэна Сергеева. Иди на музыку – на свет! Стихи	30-32
Архив	
Елена Кувшинникова.	
Встречи в Театральной библиотеке	33-34
Александр Поляков. «Горе от ума».....	35
Перекресток	
Сергей Гогин. История обманутых надежд.....	36-37
Дмитрий Савельев. Бесплодный талант.....	38-39
Дорога к храму	
Владимир Крупин. Зимние ступени. Рассказ	40-42
Ольга Шейпак. В ожидании Рождества	43-44
Александрина Вигилянская. Видимое невидимое.	
Страницы книги.....	45-48
Пишет ангел рождественским инеем	
Фотографии Татьяны Перец	49-51
Светлана Кекова. Стихи.....	49-50
Среди заснеженных ветвей	
Фотографии Ильи Таранова и Татьяны Мельник.....	52-56
Всё живое	
А птица по небу летела... Стихи.....	57-59
Память сердца	
Татьяна Эйхман. Ветер судьбы. Стихи	60-64
Солнце памяти. Памяти Татьяны Эйхман	65-66
Слова любви, слова прощанья	67-72
С любовью ко всему родному	
Людмила Серзина.	
Пусть же вдохновеньем нужный труд твой дышит	73-75
Константин Смородин.	
Радостный художник. О Федоте Сычкове	76-84
Ирина Морозова. Долгая жизнь в изобразительном искусстве	
О художнике Борисе Скляруке.....	85-90
Валентина Латанова.	
Укажи мне пути Твои. Продолжение.....	91-116
Дороги памяти военной	
Любовь Папета.	
Иван Степанович. Из цикла «Светлые рассказы».....	117-126
Софья Узбекова.	
Летописец партизанских рейдов. (Об А.И. Инчине)	127-130
Житейские истории	
Дмитрий Ермаков. Молитва. Ангел прилетел.	
Рассказы	131-135
Юбилеи	
Владимир Сорочкин.	
Если б глина в моих оживала руках. Стихи.....	136-140
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	141-143
Пересмешник	
Андрей Новиков. Бег в мешках.....	144-146
Юбилейный календарь.....	147-176

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 11.12.2020 г.
Дата выхода 18.12.2020 г.
Тираж 700 экз. Заказ №1329-к

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный, д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297, www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №9 (87), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Свиристели. Фото Татьяны Мельник
На обороте обложки:
Полевой воробей. Фото Татьяны Мельник

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Вы можете пригласить на дом почтальона
для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на I полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте rodписка.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Среди оформивших подписку
на журнал «Симбирскъ» на 2021 год
будут разыграны призы.
(Телефон для справок 41-04-32).

КАЖДЫЙ МИГ НА ЗЕМЛЕ ПО-ОСОБОМУ СВЕТЕЛ...

Завершается год календарный, год журнальный. В декабрьском номере «Симбирска» по традиции – стихи и проза, краеведческие очерки, литературоведческие статьи. А еще – размышления об итогах трудного уходящего года и надежда на светлые дни. Ожидание праздника.

В рубрике «Литературное наследие» звучит аксаковская тема. В наступающем году будет отмечаться 230-летний юбилей С.Т. Аксакова. Ольга Клопова рассказывает о проекте «Аксаковское слово – послание в будущее». Продолжает тему публикация об аксаковских местах, о ходе реставрации Троицкого храма в селе Аксаково. Хотелось бы снова иметь возможность приехать на Аксаковский праздник и повторить вслед за поэтом Владимиром Дворянсковым:

*Я рад, что вновь в Аксакове гощу
И набираюсь просветленной силы,
И каждый след певца святой России
Я жадно и с волнением ищу...*

Юбилею Ивана Бунина посвящен очерк Ольги Дарановой.

В рубрике «Страна поэзия» читайте стихи Михаила Анищенко (1950 – 2012).

Публикуем переписку Николая Марянина с замечательным самарским поэтом. Анастасия Мирнова рассказывает о Молодежном литературном фестивале имени М. Анищенко. Литературные итоги Года молодых подводит Алина Осокина. На страницах журнала публикуем стихи молодых литераторов Калининграда.

Гость «Симбирска» – известный поэт из Санкт-Петербурга Ирэна Сергеева. Читайте подборку ее стихов «Иди на музыку – на свет!». В разделе «Архив» заметки о Петербургской театральной библиотеке и статья о комедии «Горе от ума», написанная Александром Поляковым в 1918 году. О пьесе А.С. Грибоедова размышляют также Сергей Гогин и протоиерей Дмитрий Савельев.

В рубрике «Дорога к храму» рассказ Владимира Крупина «Зимние ступени», эссе Ольги Шейпак «Ожидание Рождества», страницы книги Александрины Вигилянской «Видимое невидимое». Рождественское настроение создает фотографии Татьяны Перец и стихи Светланы Кековой.

В разделе «Все живое» поэтическая подборка «А птица по небу летела...», фотографии птиц Татьяны Мельник и фотопейзажи Ильи Таранова.

Рубрика «Память сердца» посвящена недавно ушедшей Татьяне Эйхман (1956 – 2020). Это большая утрата для нас. «К этой боли нельзя притерпеться». Читайте стихи Татьяны Эйхман, которые она прислала в редакцию незадолго до ухода. Публикуем и слова прощания, и стихотворные посвящения друзей.

Л.К. Токарчук – литератор, мама рано ушедшей от нас поэтессы Елены Токарчук, сильный и талантливый человек. Очерк о Любви Токарчук подготовила Людмила Серзина.

О замечательном художнике Федоте Сычкове рассказывает писатель Константин Смородин (Саранск). «Картины Ф.В. Сычкова лучатся энергией радости и передают ее нам». Ирина Морозова представляет читателям книгу-альбом известного ульяновского художника Бориса Склярука.

Публикуем продолжение исторического романа Валентины Латановой «Укажи мне пути Твои».

В разделе «Дороги памяти военной» читайте рассказ Любви Папеты «Иван Степанович». Здесь же публикуем очерк Софьи Узбековой о земляке, отважном партизане, писателе Анатолии Инчине.

Читайте в номере рассказы писателя из Вологды Дмитрия Ермакова.

Публикуем поэтическую подборку проникновенного лирического поэта Владимира Сорочкина (Брянск). «*Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова / Доброе слово сказать иль полслова – / Всем, кто ушёл... / Помню, что сретенье – не за горами, / И проступает сильнее с годами / Кровная связь...*»

Новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» представляет Гала Узрютова.

В рубрике «Пересмешник» – иронические стихи поэта из Липецка Андрея Новикова.

Завершает выпуск «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

«Каждый миг на земле по-особому светел...» – писала Татьяна Эйхман. В эти дни для всех нас светит Рождественская звезда. Давайте ценить каждый миг и всем сердцем оставаться на стороне Света.

Добра вам и любви, дорогие друзья!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Ольга КЛОПКОВА, главный библиотекарь по краеведческой работе Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

«АКСАКОВСКОЕ СЛОВО – ПОСЛАНИЕ В БУДУЩЕЕ»

В 2021 году мы отметим 230-летие со дня рождения писателя С.Т. Аксакова, чья жизнь и творчество связаны со всей Россией. Его книги проникновенно описывают природу родного края. Они посвящены семье, родным и близким людям. Читатели ценят и любят произведения Аксакова: повести «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника», сказку «Аленький цветочек», очерк «Собирание бабочек», книгу «Записки об уженье рыбы» и др.

В июле 2020 года стартовал проект «Аксаковское слово – послание в будущее: Всероссийский литературно-просветительский марафон» Ульяновского фонда поддержки детского чтения, учреждённого Ульяновской областной библиотекой для детей и юношества имени С.Т. Аксакова.

Проект стал победителем второго конкурса 2020 года на грант Президента Российской Федерации в грантовом направлении «Поддержка проектов в области культуры и искусства».

В год 230-летия С.Т. Аксакова проект призван с помощью многообразия культурно-образовательных мероприятий, раскрытия творческого и исследо-

вательского потенциала, через чтение, изучение и осмысление книг писателя Сергея Тимофеевича Аксакова передать нравственные и семейные ценности, сформировать у подрастающего поколения общегражданскую идентичность, культурный, литературный и экологический кругозор.

Мы предлагаем реализовать свои творческие, исследовательские способности детям, подросткам, молодёжи, руководителям детского и юношеского чтения, специалистам в области науки, культуры, образования.

Проект охватывает не только Ульяновск и Ульяновскую область, но и Москву, Оренбургскую, Самарскую, Московскую области, республики Башкортостан, Татарстан и другие субъекты России.

Проект реализуется с 1 июля 2020 года по декабрь 2021 года по нескольким проектным направлениям.

1 октября 2020 года стартовала Всероссийская интернет-акция «Ухожу я в мир природы», которая продлится целый год. Она привлечёт, в первую очередь тех, кто любит природу России, своей малой родины, тех, кто бережно относится к природным богатствам, – и взрослых, и детей. Мы предлагаем выйти на природу с книгой Аксакова, прочитать отрывки из произведений на камеру и познакомить всех с природной и рукотворной красотой родного края.

Также детям и подросткам мы предлагаем принять участие во Всероссийском творческом конкурсе «Аленький цветочек». Юные таланты, продолжая аксаковские традиции и увлечения, проявят творческие способности в сочинительстве, декламации и рисовании на темы аксаковских книг. Иллюстрациями победителей конкурса будет украшен сборник рассказов С.Т. Аксакова.

У активных, самостоятельных, любознательных подростков и молодёжи, тех, кто пробует свои силы как журналист, блогер или гид, есть уникальная возможность присоединиться к межрегиональному музейному десанту «Моё слово об Аксакове». Изучив аксаковские места родного края, ребята смогут создать фото- или видеоэкскурсии по музею / музейному экспонату, по экспозиции / выставке,

культурному или природному объекту, связанным с жизнью и деятельностью С.Т. Аксакова и / или членов его семьи. Свои работы они разместят в группе десанта «Моё слово об Аксакове» в социальной сети «ВКонтакте». Авторы самых интересных фото- или видеорепортажей смогут приехать в сентябре 2021 года в Ульяновск и выступить на научно-практической конференции «Аксаковские чтения».

Ключевым событием проекта станет межрегиональная научно-практическая конференция «Аксаковские чтения», адресованная в первую очередь взрослым специалистам в области науки, культуры и образования. Конференция объединит и взрослых, и молодёжь. Все желающие смогут представить свои изыскания в области аксаковского наследия. Участники из разных регионов России соберутся в Ульяновске в преддверии 230-летия С.Т. Аксакова в сентябре 2021 года.

Мы будем с нетерпением ждать открытия выставки картин художника из Подмоскovie Натальи Юрьевны Шомовской. Она проведёт мастер-класс для юных художников Ульяновска.

У проекта много партнёров. В планах – показ кукольного спектакля по мотивам сказки «Аленький цветочек» Ульяновского театра кукол имени В. Леонтьевой. Ульяновская филармония планирует концертную программу «Сказка с оркестром». «Аленький цветочек» прозвучит в исполнении артиста в сопровождении Ульяновского государственного академического симфонического оркестра «Губернаторский». 11 сентября 2021 года мы поедём в Майнский район Ульяновской области на региональный праздник «Аксаковская осень» и окунёмся в атмосферу аксаковского единения.

Мы уверены, что аксаковское слово в XXI веке звучит очень современно. Оно о вечных ценностях, любви, доброте, верности, о семейных и духовных традициях. Чтобы аксаковское слово стало посланием в будущее, многое зависит от руководителей детского и юношеского чтения, а также от молодых, активных и талантливых участников проекта! Впереди – большая и плодотворная работа. Вся информация о проекте – на сайтах Ульяновского фонда поддержки детского чтения и Аксаковки.

ВОССТАНОВИМ АКСАКОВО!

В Ульяновске много литературных памятников, связанных с жизнью и творчеством русских и советских писателей. Одно из таких значимых мест – село Аксаково, принадлежавшее деду, а потом отцу знаменитого писателя. После смерти отца село в 1837 году перешло к брату – Аркадию Тимофеевичу Аксакову, а затем к племяннику писателя – Николаю Аркадьевичу. Он был человеком хлебосольным и общительным, в Аксаково приезжали известные деятели культуры, литераторы.

Господские постройки находились на возвышенном месте в северной части села. Недалеко от церкви был пруд с чистой ключевой водой.

После Октябрьской революции поместье было разграблено, но к концу XX века интерес к родовому поместью Аксаковых снова возрос. С 1988 года каждое третье воскресенье сентября в бывшей усадьбе ежегодно проводились Аксаковские праздники, куда съезжались ульяновские поэты и писатели, а также почитатели творчества С.Т. Аксакова. В программу обязательно входила экскурсия по экологической тропе «Аленький цветочек».

Однако в последние годы село пришло в упадок, постройки, принадлежавшие некогда семье Аксаковых, разрушились. Утрачен малый пруд, а большой сильно заилен и находится на грани гибели. Потерял прежнюю привлекательность и сказочный парк.

Все изменилось, когда за дело взялась игуменья женского монастыря Архистратига Михаила матушка Магдалина. Она решила провести реконструкцию Троицкого храма в селе Аксаково и вдохнуть новую жизнь в поместье, которое внесено в список исторических мест России.

Первый храм во имя Святой Троицы построил в этом месте прадед писателя. В 1791 году на месте обветшавшего был поставлен другой храм. Через столетие Аксаковы снова озаботились постройкой, и в 1888 году племянник писателя начал строительство новой Троицкой церкви. Храм был поставлен «кораблем»: вытянут по одной оси с востока на запад. Он состоял из алтаря, собственно храма, трапезной и высокой трехъярусной колокольни. Здесь было два престола: во имя Живоначальной Троицы и Святителю Чудотворца Николая.

С недавнего времени по инициативе женского монастыря Михаила Архангела Симбирской епархии началась реставрация храма. При разработке проекта реставрации игуменья монастыря матушка Магдалина (архитектор по образованию) использовала чертежи исторического проекта деревянной церкви, а также обмерные чертежи и фотографии аналогичных церквей, в том числе Богоявленской церкви в селе Прислониха. Сам сруб неплохо сохранился, и строители смогли почти полностью использовать его после обработки. На сегодняшний день сделано много, но для завершения работ требуются значительные финансовые вложения. Будем надеяться, что благое дело найдет поддержку.

Владимир ДВОРЯНСКОВ

АКСАКОВ

1
Природы изумительный знаток,
Он воспевал ее в прекрасных книгах,
Где мир представлен в лучезарных ликах,
Такой живой, как утренняя роса.

С младенчества заядлый рыбовод,
Он обожал душой раздолье лета.
И потому, наверно, много света
Среди его, как росы, чистых слов.

И потому, наверно, вновь и вновь
Читаем мы прекрасные страницы,
Чтоб снова ключевой воды напиток,
Чтоб воссияла к Родине любовь!

2
Я рад, что вновь в Аксакове гошу
И набираюсь просветленной силы,
И каждый след певца святой России
Я жадно и с волнением ищу.

Пусть этот праздник льется и звенит.
Я сердцем рад: его здесь не забыли.
Как птицы в небе вьются, вьются были.
Снижаются и вновь летят в зенит.

И вот уж я с восторгом узнаю
Средь сельской ребятни Багрова-внука,
Вот он идет вдоль гаснущего луга
Тропинкою, у леса на краю...

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь Дворца книги,
руководитель Ульяновской писательской организации.

В октябре 2020 года во Дворце книги состоялся литературно-музыкальный вечер «Чаша жизни», посвящённый 150-летию со дня рождения русского писателя, поэта И.А. Бунина.

Вечере приняли участие и поделились своими впечатлениями ульяновские литераторы (Александр Лайков, Александр Дашко, Вера Долматова), библиотекари, постоянные читатели, любители творчества И.А. Бунина. Прозвучали стихи Ивана Бунина и стихи-посвящения писателю, фрагменты его прозы, а также композиция в исполнении ученицы Ульяновского музыкального училища Варвары Шарохиной.

В ходе подготовки вечера была использована и представлена зрителям новая литература о жизни и творчестве писателя. Выставки подготовили сотрудники отдела краеведческой литературы и Центра чтения Дворца книги.

Вечер организовала и провела Ольга Даранова.

ЧАША ЖИЗНИ ИВАНА БУНИНА

Русский аристократ, представитель древнейшего дворянского рода, уходящего корнями в XV век, Иван Бунин оставил неизгладимый след в русской словесности. Его называют ювелиром слова, прозаиком-живописцем, ярким представителем Серебряного века, его произведения сравнивают с картинами Виктора Васнецова и Михаила Врубеля. И он действительно был живописцем русской природы, особенно центральной России, «где образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым».

У него густая, будто спрессованная проза, где на одной странице умещаются жизнь и смерть. Критик

русского зарубежья Юлий Айхенвальд писал о Бунине: «Его строки – испытанного старинного чекана; его почерк – самый чёткий в современной литературе; его рисунок – сжатый и сосредоточенный. Бунин черпает из невозмущенного Кастаньольского ключа <...>. Он рассказывает себе поэзию своей жизни, ее микроскопию, её отдельные настроения <...> Он сдержан, даже не словоохотлив... Он рисует факты, а из них уже сама, органически, рождается красота».

Все современники Бунина отмечали его гордый, утонченный профиль «римского патриция», прямую осанку, элегантность в одежде, сухощавость, высокие крахмальные воротнички, трость, любимую шляпу на прогулке. В воспоминаниях

о нём присутствует много шарма и много свидетельств о его нелёгком характере, остром, язвительном языке. Он был нервным, но, как пишет Ирина Одоевцева, «кто из русских больших писателей не был нервным? Все они были людьми с ободранной кожей, с обнажёнными нервами и вибрирующей совестью». В своих записках сам Бунин писал о себе: «Характер у меня тяжёлый, не только для других, но и для меня самого. Мне с собой не всегда легко».

Встретив своего кумира в Одессе в 1918 году, Валентин Катаев вспоминает: «Перед нами предстал сорокалетний господин – сухой, желчный, щеголеватый – с ореолом почётно-академического по разряду изящной словесности. Хорошо сшитые штучные брюки. Английские жёлтые полуботинки на толстой подошве. Вечные. Бородка тёмно-русская, писательская, но более выхоленная и заострённая, чем у Чехова. Французская. Недаром Чехов называл его в шутку «маркиз Букишон». Пенсне вроде чеховского, стальное, но не на носу, а сложенное вдвое и засунутое в наружный боковой карман полуспортивного жакета – может быть, даже в мелкую клеточку. Крахмальный воротник – или, как тогда говорили, воротнички, – высокий и твёрдый, с уголками, крупно отогнутыми по сторонам корректнолилового галстука (*лиловый – любимый цвет Бунина – О.Д.*), подобно уголкам визитных карточек из наилучшего бристольского картона. В двадцатых годах я бы непременно написал: бристольский воротничок <...>

И далее Катаев пишет: «В один из дней он стал для меня Божеством, он научил меня видеть поэзию. *«Все море – как жемчужное зеркало, – Сирень с отливом млечно-золотым. И как тепло перед закатом стало, и как душист над саклей тонкий дым! Вон чайка села в бухточке скалистой... как поплавок... Взлетает иногда – и видно, как струёю серебристой бежит с лапок розовая вода»*. Бунин открыл мне глаза на физическое явление поплавок, имеющего – по-видимому! – такой же удельный вес, как и чайка со своими полыми костями и плотным, но чрезвычайно лёгким, просаленным, непромокаемым опереньем, как бы пропитанным воздухом <...>.

Бунин часто повторял: «...каждый предмет из тех, какие окружают вас, каждое ваше чувство есть тема для стихотворения. Прислушайтесь к своим чувствам, наблюдайте окружающий вас мир и пишите. Но пишите так, как вы чувствуете, как вы видите, а не так, как до вас чувствовали и видели другие поэты, пусть даже самые гениальные...» (*В. Катаев. «Трава забвения»*).

...Его постоянно тянуло куда-то уехать, он любил путешествовать. Подолгу задерживался только у себя на родине, в Орловской губернии, в Москве, в Одессе, в Ялте. Тот же Катаев писал о нём: «Бунины жили всегда как бы на бивуаке, среди чужой мебели, чужих картин, драпри, посуды, ламп. Своего у них было лишь одежда да постели, да пара плоских английских кожаных чемоданов с наклейками заграничных отелей».

Начало жизни

Родился писатель в Воронеже, но рос в деревне, в семье обнищавших помещиков, принадлежавших к знатному роду, среди предков которых – Василий Андреевич Жуковский и поэтесса Анна Бунина. Хо-

рошее домашнее воспитание с гувернёром из Московского университета, изучение языков, чтение книг, среди которых первыми прочитанными были «Одиссея» Гомера и сборник английских стихов, были началом формирования глубокой культуры и образованности.

Орловская губерния, родные Бутырки и Озёрки, жизнь в «глубочайшей полевой тишине», цветущие сады и выгоны – всё это приблизило будущего писателя к жизни простого народа, познакомило с народным творчеством. С сестрой Машей ели чёрный хлеб, редьку, «шершавые и бугристые огурчики», и за этой трапезой, «...сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир», – писал Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева». Уже тогда с редкой силой восприятия он чувствовал, по собственному признанию, «*божественное величие мира*» – главный мотив всего его творчества.

Лет в восемь написал он первое стихотворение, на одиннадцатом году поступил в елецкую гимназию. «Как ужасно было начало этой жизни! Уже одно то, что это был мой первый городской вечер, первый после разлуки с отцом и матерью, первый в совершенно новой и убогой обстановке, в двух тесных комнатках, в среде до нелепости чужой и чуждой мне, с людьми, которых я, барчук, считал, конечно, очень низкими и которые, однако, вдруг приобрели даже некоторую власть надо мной, – уже одно это было ужасно...» (*И. Бунин. «Жизнь Арсеньева»*)

Учение давалось ему легко, но только то, что нравилось. Точные науки исключались. Поэтому в третьем классе Иван остался на второй год. Учителя гимназии в большинстве своём были люди серые и незначительные. В гимназии он писал стихи, подражая Лермонтову, Пушкину. Его не привлекало то, что обычно читают в этом возрасте, а читал он, как сам говорил, «что попало». Гимназию не окончил, учился потом самостоятельно под руководством старшего брата Юлия Алексеевича, кандидата университета.

С осени 1889 года началась работа Бунина в редакции газеты «Орловский вестник». Жил будущий писатель литературным трудом и сильно нуждался. Отец к тому времени разорился, семья переезжала из Озёрок в Каменку и Васильевское. Ждать помощи было неоткуда.

В редакции Бунин познакомился с Варварой Владимировной Пашенко, дочерью елецкого врача, работавшей корректором. Варенька Пашенко стала прототипом многих его героинь, страстной любовью, любовью до сумасшествия, любовью-отчаянием. К сожалению, она была гораздо благоразумнее, спокойнее и, главное, никогда и не думала перечить воле отца. Юношеский роман Бунина составил сюжетную основу пятой книги «Жизни Арсеньева», выходящей отдельно под названием «Лица».

В конце августа 1892 года Бунин и Пашенко переехали в Полтаву, где братья Бунины входили в редакцию «Полтавских губернских ведомостей». Теперь стихи и проза Ивана Бунина стали чаще появляться в «толстых» журналах – «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство» – и привлекали внимание корифеев литературной критики.

Весной и летом 1894 года Иван Алексеевич путешествовал по Украине. «Я в те годы, – вспоминал он, – был влюблен в Малороссию, в её села и степи, жадно искал сближения с её народом, жадно слушал песни, душу его».

В этом же году он познакомился со Львом Толстым. Его привлекал Толстой, Бунин считал, что у Толстого нет ни одного фальшивого слова. Он и сам хотел жить по-толстовски, простой русской жизнью, в трудах, на природе. Толстой посоветовал молодому писателю не «опрощаться», а всегда поступать по совести: «Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не делайте мундира из неё, во всякой жизни можно быть хорошим человеком».

В 1895 году Иван Бунин оставил службу в Полтаве и уехал в Петербург, а затем в Москву. Теперь он входил в литературную среду, познакомился с вождём символистов Брюсовым, с Чеховым, Короленко, с Куприным в Люстдорфе, под Одессой. И, однако, широкому кругу читателей он пока мало заметен. Его затмевали звёзды первой величины, чьи имена были на устах у всех: Короленко, Куприн, Горький, Леонид Андреев, Мережковский, Фёдор Сологуб – и множество других «властителей дум». Он не был властителем дум. В поэзии царили Александр Блок, Бальмонт, Брюсов, Зинаида Гиппиус, Гумилёв, Ахматова, наконец – хотели этого или не хотели – Игорь Северянин, чьё имя знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерицы, коммивояжеры, юнкера, не имевшие в то же время понятия, что существует такой русский писатель Иван Бунин.

В 1898 году Бунин выпустил поэтический сборник «Под открытым небом», через три года – сборник стихов «Листопад». За «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло Бунин получил Пушкинскую премию Российской академии наук. Однако в поэтической среде многие считали поэта «старомодным пейзажистом».

В начале апреля 1899 года Бунин побывал в Ялте, встретился с Чеховым, познакомился с Горьким. В свои приезды в Москву Бунин бывал на «Средах» Н.Д. Телешова, познакомился со Станиславским, Книппер, С.В. Рахманиновым, с которым у него навсегда установилась дружба. Позже Бунин – не только поэт одиночества, певец русской деревни и оскудения дворянства, но также автор поразительных по силе и новизне рассказов «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга», «Лёгкое дыхание», которые сразу же сделали его едва ли не первым русским прозаиком.

В июне 1898 года Бунин уехал в Одессу, женился на Анне Николаевне Цакни (1879 – 1963) 23 сентября 1898 года. Семейная жизнь не ладилась, Бунин и Анна Николаевна в начале марта 1900 года разошлись. Их сын Коля умер 16 января 1905 года.

В 1901 году после отказа издательства «Скорпион» выпускать книги Бунина, писатель вынужден был обратиться к Горькому в издательство «Знание». Популярность Горького и Леонида Андреева в начале XX века была очень высока, и принадлежность к литературному окружению Горького и Андреева очень способствовала популярности Бунина.

4 ноября 1906 года Бунин познакомился в Москве, в доме Б.К. Зайцева, с Верой Николаевной Муромцевой, дочерью члена Московской городской управы и племянницей председателя Первой Государственной думы С.А. Муромцева. Десятого апреля 1907 года Бунин и Вера Николаевна отправились из Москвы в страны Востока – Египет, Сирию, Палестину. А обвенчались Иван Бунин и Вера Муромцева только в 1922 году, в Париже. Вместе они прожили почти полвека. Вера Муромцева стала преданным другом Бунина на всю жизнь, вместе они прошли все тяготы эмиграции и войны.

Любовь и смерть

Излюбленная бунинская схема рассказа – та, где венцом становится смерть. Художественная одержимость смертью, ярко выраженная в рассказах 1910-х годов и достигшая апогея в «Тёмных аллеях», отражала не столько интерес Бунина к посмертному существованию сознания, сколько знание о том, что смерть прерывает радости земного бытия, которые писатель воспекает в своих произведениях. Его Оля Мещерская из рассказа «Лёгкое дыхание» – сама жизнь в её неукротимом проявлении, а классная дама – это псевдожизнь, её высохший остов. Смысл рассказа – земное остаётся в земном. «Лёгкое дыхание её рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре».

Радость жизни, полнокровного земного существования в противовес скучному прозябанию чувствуем мы и в рассказе «Далёкое». Здесь очень живописна Москва, Москва весной, а весна у Бунина – символ обновления земли и жизни. Шумящая, бурлящая жизнь, описанная в мельчайших деталях, противопоставлена прозябанию маленького незаметного человека, служащего, живущего в гостиничном номере. И в то же время даже его ничтожная, жалкая жизнь – предмет интереса автора, ведь любая жизнь достойна внимания. К любому человеку у Бунина рождается человеческое чувство: «... Помню, как сейчас: ехал я к Кремлю, а Кремль был озарен вечерним солнцем, ехал через Кремль, мимо соборов, – ах, как хороши они были, боже мой! – потом по пахучей от всякой москательи Ильинке, где уже была вечерняя тень, потом по Покровке, уже осеняемой звоном и гулом колоколов, благословляющих счастливо кончившийся суетный день, – ехал и не просто радовался и самому себе, и всему миру, а истинно тонул в радости существования, как-то мгновенно, еще на Арбатской площади, позабыв и «Северный Полюс», и князя, и Иван Иваныча, и был бы, вероятно, очень удивлён, если бы мне сказали тогда, что навсегда сохранятся и они в том сладком и горьком сне прошлого, которым до могилы будет жить моя душа, и что будет некий день, когда буду я тщетно звать и к ним:

– Милый князь, милый Иван Иваныч, где-то гниют теперь ваши кости? И где наши общие глупые надежды и радости, наша далёкая московская весна?»

Рассказы Бунина часто заканчиваются смертью на пике любви и молодости героев, тем самым ещё сильнее оттеняя красоту, ценность и радость земного пребывания. Как верно отмечает литературовед,

писатель Максим Шраер, «...трагедия героев Бунина – трагедия свободы, прерванной вторжением бессмысленной смерти, понять которую также недоступно человеческому разуму, как и понять саму судьбу».

«Жизнь Арсеньева»

Бунин рос как художник. «Митина любовь» (1924), «Солнечный удар» (1927), «Дело корнета Елагина» и другие повести 20-х годов и, наконец, «Жизнь Арсеньева» (1930). Исторический романист и критик Марк Алданов писал: «Немного можно было бы указать в новейшей русской литературе примеров столь заслуженного успеха... Думаю, что «Жизнь Арсеньева» занимает первое место среди его книг. Этим сказано, какое высокое место она занимает в русской литературе». Это, по его словам, «одна из самых светлых книг русской литературы». Такого писателя, пишет Алданов, как Бунин, у нас «не было со времени кончины Толстого, который «вне конкурса».

«Рос я в великой глуши. Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой – безграничное снежное море, летом – море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание <...> Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему <...>.

Всё имело свой особый вид, цвет, запах и вкус. Я помню весёлые обеденные часы нашего дома, обилие жирных и сытных блюд, зелень, блеск и тень сада за раскрытыми окнами, много прислуги, много гончих и борзых собак, лезущих в дом, в расворенные двери, много мух и великолепных бабочек... Помню, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время... Помню вечерние прогулки с братьями, юношеские восторженные разговоры <...> Помню дивную лунную ночь <...> Отец спал в такие ночи не в доме, а на телеге под окнами, на дворе: наваливали на телегу сена, на сене стелили постель. Мне казалось, что это высшее счастье спать вот так и всю ночь чувствовать сквозь сон этот мир, свет, красоту деревенской ночи, родных, окрестных полей, родной усадьбы... <...>. Очень русское было всё то, среди чего жил я в мои отроческие годы» (И.А. Бунин. «Жизнь Арсеньева»).

По словам критика П.М. Пильского, «Жизнь Арсеньева» «...драгоценна именно этими никем не виденными мелочами, настроениями, их переходами, тайными волнениями, всем скрытым от людей и самого человека миром, тревожными, неясными путями юности с её бездомностью, безместностью, призрачными утешениями, обманчивыми ссылками на Писание: «Иди, юноша, в молодости, куда ведёт тебя сердце твоё и куда глядят глаза твои».

П.М. Пильский отмечает: «Бунин – прежде всего писатель русский. Но в то же время мировой. Его темы, раздумья, тревоги остановились и склонились над вопросами вечности и мира... Задумчивый мир отдаёт ему свои царственные тайны не скупясь – доверчиво и полно: так доверяется мудрость природы мудрости и пронизательности человека».

Г.В. Адамович о «Жизни Арсеньева»: «...не описание, а воспроизведение, восстановление. Бунин как будто называет каждое явление окончательным, впервые окончательно найденным, незаменимым именем, и не блеск у него поражает, а соответствие каждого слова предмету и в особенности внутренняя правдивость каждого слова. Кто у нас так писал? Толстой сам признавал, что ни он, ни Тургенев <...> Рядом с бунинскими картинами естественно было бы вспомнить, пожалуй, только Лермонтова, ту его «Тамань», о которой Бунин никогда не мог говорить без восхищения и волнения».

Борис Зайцев: «Он обладал необыкновенным чувственным восприятием мира, всё земное, реальное ощущал почти с животной силой – отсюда огромная зрительная изобразительность».

А вот сам Бунин: «Какая это большая радость – существовать. Только видеть, хотя бы видеть только один вот этот дым и этот свет. Если бы у меня не было рук и ног, и я бы только мог сидеть за калиткой на лавочке и смотреть на заходящее солнце, то это не мешало бы мне быть счастливым. Одно нужно: только видеть и дышать. Я всегда повторяю: ничего не даёт такого наслаждения, как краски <...> Нет, мучительно для меня жить на свете! Всё меня мучает своей прелестью!»

Эмиграция

16 февраля 1920 года на пароходе «Спарта» Бунин прибыл в Стамбул. В рассказе «Конец» писатель описывал душевное состояние в те мгновения: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг всего меня озарило необыкновенно ярким сознанием: да, как вот оно что – я в Чёрном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей жизни тоже конец...»

Здесь, в эмиграции, он напишет лучшие свои произведения, в том числе и книгу «Окаянные дни» по дневниковым записям событий революции и Гражданской войны в России.

Из воспоминаний А.П. Ладинского: «В последние зарубежные годы Бунин жил во Франции, в Париже, в тихом квартале Пасси. В этом шестнадцатом округе французской столицы сто лет тому назад, когда здесь встречался с Ганской Бальзак, была настоящая деревня, и в рощах прыгали дикие кролики. Теперь это чопорный буржуазный уголок Парижа, без маленьких бистро, которыми полны парижские улицы. Здесь на малолюдной улице Жака Оффенбаха у Буниных была скромная квартира. Недалеко от него жили Мережковские, Тэффи».

Из разговора с Татьяной Дмитриевной Муравьёвой-Логиновой:

– Любите ли вы Париж?

– Люблю, очень люблю, и не только потому, что это прекрасный город и памятник культуры. Сила Парижа в том, что он не накладывает на вас руку. Годы люди живут в Париже и отнюдь не становятся «парижанами», а остаются тем, чем были раньше. Сила Парижа в том, что он приемлет и чтит каждого.

Лето Бунины проводили в Провансе, в маленьком городке Грассе на вилле Бельведер. Из дневника Галины Кузнецовой: «В простом, медленно разрушавшемся провансальском доме на горе над

Грассом, бедно обставленном, с трещинами в шероховатых жёлтых стенах, но с великолепным видом с узкой площадки, похожей на палубу океанского парохода, откуда видна была вся окрестность на много километров вокруг с цепью Эстереля и морем на горизонте, Бунины прожили многие годы. Мне выпало на долю прожить с ними все эти годы. Всё это время я вела дневник...»

Солнечные жаркие дни, ровное течение жизни, работа за письменным столом, душистые вечера, пропитанные запахом гелиотропов, купание в море, чай и разговоры под тенистой пальмой... С ними вместе живёт уютный, доброжелательный Фондаминский, задиристый Рошин, приезжают Ходасевич с Ниной Берберовой, Мережковские, Алданов, Зуров. Пишутся рассказы, «Жизнь Арсеньева», ведутся долгие разговоры во время прогулок по саду вокруг виллы. Иван Алексеевич весь в белом, сухощавый, подтянутый. Этим полнятся великолепные, жаркие, сине-золотые дни... Ночи густые, тёмные, со звёздным небом, с вечера из города доносится музыка, там праздник, шатры.

В день русского Рождества в 1930 году в первый раз поставили в доме ёлку. Зимой они ходят в Лувр, в Национальную библиотеку, в старые церкви, в холодные зимние вечера пьют горячий грог в бистро.

Владислав Ходасевич: «Чем дороже нам Бунин, тем труднее для нас становится изъяснить иностранцу, в чём заключается его значение и его сила... Мне горько не только оттого вообще, что до сих пор Нобелевская премия не дана русскому, но ещё и оттого, что так трудно было бы объяснить европейскому литературному миру, почему именно Бунин достоин этой премии более, чем кто-либо другой».

Георгий Адамович: «Я никогда не мог смотреть на Ивана Алексеевича, говорить с ним, слушать его без щемящего чувства, что надо бы на него наглядеться, надо бы его послушаться, – именно потому, что это один из последних лучей какого-то чудного русского дня... И вместе с тревогой от сознания, что это уходит, было и удовлетворение от того, что это ещё здесь, перед нами, за столом, в халате, с книгой в руках, испещрённой на полях сердитыми, пусть даже не всегда справедливыми замечаниями»

Алексей Толстой: «Мастерство Бунина для нашей литературы – чрезвычайно важный пример, как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму».

В 1933 году «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы», Бунин был удостоен Нобелевской премии.

Из дневника Галины Кузнецовой: «...После залитого светом Парижа Стокгольм кажется тёмным, несмотря на обилие фонарей. Зато канал в фонаре нашей комнаты, переливающийся огнями, всё время напоминает Петербург... За окном всё время жмутся к стеклу, зябнут голуби. Холод снега под ногами даже через ботинки... Как мы от него отвыкли!». Но снег радовал! Снег, дикие утки в незамёрзших местах каналов у мостов, бледное небо города, показавшегося им гоголевским Петербургом, шведская корабельная чистота, огонь в камине, стол,

установленный бутербродами и сладостями, – всё это разительно отличалось от их прежней жизни.

И.А. Бунин из интервью с П. Пильским для газеты «Сегодня»: «Как только я получил премию, мне пришлось раздать около 120000 франков. Да я вообще с деньгами не умею обращаться. Теперь это особенно трудно. Знаете ли вы, сколько писем я получил с просьбами о вспомоществовании? За самый короткий срок пришло до 2000 таких писем».

«Тёмные аллеи» – его завещание

Последняя треть 1930-х годов – тяжёлый период в жизни стареющего Бунина. Он был опустошен разрывом с Галиной Кузнецовой, удручён подступающей старостью, терял силу воли, всё чаще задумывался о бессмысленности жизни... Его болезненно занимало собственное старение. Единственной книгой, написанной им в 1930-е годы, была книга «Освобождение Толстого».

В октябре 1939 года Бунин поселился на вилле «Жаннет», прожил здесь всю войну. Здесь он написал книгу «Тёмные аллеи» – рассказы о любви, как он сам сказал, «...о её «тёмных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях». Эта книга, по словам Бунина, «говорит о трагичном и о многом нежном и прекрасном, – думаю, что это самое лучшее и самое оригинальное, что я написал в жизни».

С 1940 по 1944 годы писалось его «завещание» – сборник рассказов о любви «Тёмные аллеи». Сам Бунин считал его лучшим как по стилю, так и по сюжетостроению. Большая часть рассказов была написана в Грассе во время войны. Первое издание «Тёмных аллей» вышло в Нью-Йорке в 1943 году и включало в себя 11 рассказов. Первое полное издание вышло в Париже в 1946 году и включило уже 38 рассказов.

Это было титаническое творческое усилие, подобное Болдинской осени 1830 года. Деньги от Нобелевской премии давно кончились, семье приходилось очень трудно.

«С 8 на 9 мая 1944 года. Час ночи. Встал из-за стола – осталось дописать несколько строк «Чистого понедельника». Погасил свет, открыл окно проверить комнату – ни малейшего движения воздуха, полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане; далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени; кое-где щёлканье первых соловьёв... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!»

О писательстве

Бунин стоял в стороне от любого литературного направления, не любил символизм, критиковал его представителей, считая себя последним бастионом классической традиции. Бунин особенно любил вспоминать слова Чехова: «Какие они декаденты, это же здоровеннейшие мужики». Отвергая Блока, Белого, Соллогуба, Бунин преподносил себя читающей публике именно носителем традиции XIX века, традиции Пушкина, Толстого, Тургенева и Чехова.

Толстой неизменно был в его жизни всегда. Пушкин был для Бунина «наше всё», высшее совершенство России.

В его записках и воспоминаниях сохранилось

много свидетельств о сути творчества и писательском труде.

Из книги В.П. Катаева «Трава забвения»: «Писать стихи надо каждый день, подобно тому как скрипач или пианист непременно должен каждый день без пропусков по нескольку часов играть на своём инструменте. В противном случае ваш талант неизбежно оскудеет, высохнет, подобно колодцу, откуда долгое время не берут воду.

А о чём писать? О чём угодно. Если у вас данное время нет никакой темы, идеи, то пишите просто обо всем, что увидите. Бежит собака с высунутым языком, – сказал он, посмотрев в окно, – опишите собаку. Одно, два четырехстишия. Но точно, достоверно, чтобы собака была именно *эта*, а не какая-нибудь другая. Опишите дерево. Море. Скамейку. Найдите для них единственно верное определение. Опишите *звук гравия под сандалиями девочки*, бегущей к морю с полотенцем на плече и плавательными пузырями в руках. Что это за звук? Скрип не скрип. Звон не звон. Шорох не шорох. Что-то другое – *галечное*, – требующее единственного необходимого, верного слова...»

Из дневника Галины Кузнецовой: «В одном месте, указывая на фразу, как бы случайно, вскользь вставленную (о разнообразной прелести деревьев – их вершин, внизу тёмных, а сверху блестящих), он сказал: вот так надо, как бы случайно, уметь сказать о какой-нибудь детали, и сказать щедро <...>. Он часто говорит с печалью и некоторой гордостью, что с ним умрёт настоящий русский язык – его остроумие, яркость, соль».

Сам Бунин ценил прежде всего дневники писателей: «И вообще нет ничего лучше дневника. Тут жизнь как она есть... Нет ничего лучше дневников, всё остальное брехня! Разве можно сказать, что такое жизнь? В ней всего намешано... Вот у меня целые десятилетия, которые вспоминать скучно, а ведь были за это время миллионы каких-то мыслей, интересов, планов... Жизнь – это вот когда какая-то там муть за Арбатом, вечереет, галки уже по крестам расселись, шуба тяжёлая, калоши... Да что! Вот так бы и написать...»

Юлий Айхенвальд о стихах Бунина: «На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает *вечную пушкинскую традицию* и в своих чистых и строгих очертаниях даёт образец благородства и простоты. Счастливо-старомодный и правоверный, автор не нуждается в «свободном стихе»; он чувствует себя привольно, ему не тесно во всех этих ямбах и хореях, которые нам отказало доброе старое время. Он принял наследство. Он не заботится о новых формах, так как ещё далеко не исчерпано прежнее, и для поэзии вовсе не ценны именно последние слова. И дорого в Буinine то, что он – только поэт. Он не теоретизирует, не причисляет себя сам ни к какой школе, нет у него теории словесности: он просто пишет прекрасные стихи. И пишет их тогда, когда у него есть что сказать и когда сказать хочется. За его стихотворениями чувствуется ещё нечто другое, нечто большее: он сам <...>. У него – поэзия спокойная, без исключительности, без событий. У него – жизнь медленная и матовая. Сердце его уже стало

«трезвей и холодней», и его тронули уже первые заморозки жизни».

*О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно –
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.*

*В бездонном небе лёгким белым краем
Встаёт, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.*

*Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.*

*День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.*

Бунин умеет зорко и пристально смотреть на природу и замечать мельчайшие её детали и оттенки. Он – мастер пейзажа, изобразитель природы. В его описаниях чувствуется дыхание природы, поля, травы. Он – несравненный поэт листопада, когда

*Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной...*

Последние годы жизни

В мае 1945 года Бунины в Париже встретили день победы над фашистской Германией. В 1946 году они узнали о своем восстановлении в гражданстве СССР. Очень хотелось на родину, в Россию. К тому времени вышло Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, в котором Центральный комитет СССР раскритиковал творчество Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. Что ждало Бунина на родине?

Писатель доживал свои дни в крохотной квартирке в Париже. «Пальцы в трещинах от холода, не искупаться, не вымыть ног, тошнотворные супы из белой репы <...> Был я «богат» – теперь, волею судьбы, вдруг стал нищ, как Иов. Был «знаменит на весь мир» – теперь никому в мире не нужен – не до меня миру!»

А в голове пульсировало: «Этой краткой жизни вечным измененьем буду неустанно утешаться я, – этим ранним солнцем, дымом над селеньем, в алом парке листьев медленным паденьем и тобой, знакомая, старая скамья. Будущим поэтам, для меня безвестным, Бог оставит тайну – память обо мне: стану их мечтами, стану бестелесным, смерти недоступным – призраком чудесным в этом парке розовом, в этой тишине...»

Иван Бунин умер в Париже 8 ноября 1953 года. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Душой и сердцем он всегда был со своей родиной. Он хотел успеть написать книгу о Чехове. Не успел. В последний свой вечер Бунин попросил прочитать ему переписку Чехова.

ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО СОКРЫТО В ЕГО ТЕРЕМАХ...

В 2011 – 2012 гг. ульяновский поэт Николай Марянин около полутора лет общался с Михаилом Анищенко. Познакомились они благодаря самарскому сайту «Литературная губерния», где Анищенко опубликовал отклик на стихи Марянина. Завязалась переписка, часть которой мы предлагаем вашему вниманию. Заочно став друзьями, поэты собирались приехать друг к другу в гости, но так и не успели: Михаил Анищенко скоропостижно скончался 24 ноября 2012 года в Самаре от сердечного приступа. В те дни сайт «Стихи.ру» посмертно присвоил Михаилу Анищенко звание народного поэта...

М. Анищенко. 28.06.2011: «Николай, когда-то Юрий Кузнецов сказал мне: «Нельзя взаимодействовать. Преобразовать можно всё». Вы словно живёте под звездой Кузнецова: ищите наши отрубленные корни там, где другие уже ничего не ищут; вы понимаете, что истоки глубже рек; вы заново читаете былое и не только смотрите, но и видите. Успех обязательно будет с вами».

Н. Марянин. 29.06.2011: «Михаил, спасибо за внимательное прочтение. К своему стыду, не был знаком с вашей поэзией, прочёл всё, что опубликовано в «Литературной губернии», и искренне потрясён. Почувствовал родственную душу во многих пронзительных строках. У меня уже появилось желание отобрать десяток ваших шедевров и порекомендовать для нашего литературного журнала «Карамзинский сад». Симбирск должен же знать, что в 200 километрах вниз по Волге творит потрясающий поэт».

М. Анищенко. 29.06.2011: «Николай, простите, но я очень занят и некоторое время не могу ничего делать. Множество моих стихотворений вы можете найти в интернете. Я бы посоветовал набрать «45-я параллель и Михаил Анищенко» и ещё «Серебряный стрелец и Михаил Анищенко». Там значительные подборки, и они мне нравятся самому, что бывает очень редко. А вот ещё: «Новые известия» и Михаил Анищенко». И ещё: «Новая газета и Михаил Анищенко». Или: «Литературная Россия» и Михаил Анищенко». Можете печатать на свой выбор... Да, жив ли, здоров ли поэт по имени Юра Соколов? Кажется, он жил в вашем городе, а мы с ним вместе учились в литературном институте...»

Н. Марянин. 3.07.2011: «Михаил, хорошо, я отобрал десяток стихов на свой вкус. Краткую аннотацию тоже сделаю по материалам этих сайтов. Пару дней назад на презентации журнала «Карамзинский сад» (отмечали 20-летний юбилей альманаха) прочитал ваше «Очищение». Ну а следующий номер журнала выйдет осенью, в него и предложу подборку... Хотелось бы получить от вас сборник «Избранное», если это возможно, ответно могу выслать свою книгу стихов... Юра Соколов, увы, уже несколько лет назад умер инсульт. Был перед этим председателем местной писательской организации. У нас вообще в Ульяновске какой-то поэтомор, уходят талантливые ребята друг за другом. Вот отправил в «Литературную губернию» материалы о четырёх поэтах, моих друзьях – Чеснокове, Мельникове, Крушко и Косоурове, почитайте, если будет желание и время. Новых вам шедевров!»

М. Анищенко. 5.07.2011: «Спасибо. Ты мой брат. Книгу вышлю».

Н. Марянин. 15.07.2011: «Михаил, приветствую! Как и обещал, я предложил нашему литературному журналу «Карамзинский сад» подборку стихов. Может быть, опубликуют не всё, но для первого знакомства симбирянам будет достаточно. Журнал только осенью выйдет, и он у нас, как и многие сегодня, безгонорарный, весь тираж расходуется бесплатно по библиотекам Ульяновской области. Но законные авторские два экземпляра обязательно пришлю в Шелехметь. Послал стихи своему другу, певцу и композитору Сергею Лямину, он плакал, тоже почувствовал родную душу. Может, напишет что-нибудь на эти стихи. И вообще у нас с Серёгой возникло желание съездить на пару часов в Шелехметь, пожать руку человеку, умеющему разбередить душу, тут и езды-то 3-4 часа от силы. Но если это случится, то в августе, предварительно сообщим. В сентябре у нас в области состоится Новополецский фестиваль, как смотришь, чтобы принять в нём участие? Авраамий Новополецев – это выдающийся сказочник, о котором в XIX веке написал Дмитрий Садовников в книге «Сказки и предания Самарского края» (там, кстати, есть легенды и о Жигулях). Я писал о Новопольцеве, можно прочитать по ссылке... Ну вот, для начала такие мысли».

М. Анищенко. 15.07.2011: «Николай, ты поэт. Чурова Долина (Шелехметь) открыта для тебя и для твоих друзей».

Н. Марянин. 15.07.2011: «Спасибо, брат! Я до конца июля уезжаю в отпуск в родные места (это

Болгары, там, где затонула «Булгария»), а в августе свяжемся. Тогда уж и книгами обменяемся, когда приедем к тебе в гости. А если согласишься приехать на Новополецевский фестиваль, тогда уж и в Ульяновске можно будет заодно творческую встречу организовать с местной поэтической тусовкой. Жму руку!».

М. Анищенко. 3.11.2011: «Николай, собираюсь уехать в зиму в Подмоскowie, пригласил один хороший поэт. Душа требует какого-то творческого выхода».

Н. Марянин. 2.11.2011: «Ну вот, так я и не доехал до Шелехмети... Но что обещал – сделаю, журнал пришлю на новый адрес. А Серёжа Лямин написал две пронзительные песни на твои стихи. Теперь попрошу его записать их и пришлю по электронке. А как же Самарская Лука, не заест тоска?»

М. Анищенко. 3.11.2011: «Да, Николай, в сентябре я ждал. А в октябре – перестал».

За песни и за журнал – спасибо. Будем на связи...»

Н. Марянин. 14.04.2012: «Михаил, приветствую! Прочитал твои новые стихи, как всегда, безупречны и душепотрясающи... У меня наконец-то появилась запись песни Сергея Лямина «Приговор» на твои стихи. Он сломал ногу, сидит бедняга дома, вот и нашёл время для записи. Электронная почта у пастушка не сменилась? Если нет, тогда пришлю запись, песня, по-моему, получилась пронзительная, до слёз...»

М. Анищенко. 14.04.2012: «Николай, очень рад твоему письму. «Приговору» тоже рад. Пусть он будет подписан автором».

Н. Марянин. 15.04.2012: «Михаил, день добрый! Христос воскрес! Шлю песню Серёжи Лямина на твои стихи, и привет тебе от него пламенный, он восторженный отклик оставил вчера на «Литературной губернии», но почему-то нет его пока на сайте. Жаль, не смогли доехать до Шелехмети, чтобы спеть это вживую, подвёл нас один товарищ, который обещал на своей машине свозить. Вторую песню Сергей не записал пока, что-то трудно у него это дело идёт, на домашнем компьютере вечно что-то вылетает... Я в январе твои стихи отдал на наше областное радио, несколько из них прочитали в «Странице поэзии». Выпуск журнала всё откладывается, но надеюсь, обещанная подборка стихов всё же появится. Как устроился на новом месте? Хотя в «Литературной губернии» прописка осталась прежней – Шелехметь...»

М. Анищенко. 15.04.2012: «Николай, не прижился пушкинский дуб в цветочном горшке. Я снова в Самаре. Песню сейчас посмотрю... Послушал. Спасибо Сергею Лямину. Очень хорошо».

Н. Марянин. 29.10.2012: «Михаил, привет! Как живётся на продуваемой холодными ветрами Самарской Луке? Подборку твоих стихов наконец-то напечатали в журнале «Карамзинский сад» (обещанного три года ждут, а тут всего полтора прошло). Презентация журнала пройдёт 4 ноября в 15.00 во Дворце книги в Ульяновске. Если есть желание и возможность, приезжай, покажись нашему поэтическому бомонду. Я там буду, пару добрых слов о тебе

скажу, может быть, Серёжа Лямин приедет, споёт песни на твои стихи... А если не получится, пришли точный почтовый адрес Шелехмети, вышлю пару экземпляров журнала, да и сборниками обещали обменяться, пришлю. У нас тут летом фильм исторический снимали «Русь: от заката до восхода», в следующем году собираются в Канны его везти. Передал продюсеру запись песни «Приговор» на твои стихи, по тематике очень близко. Но пока он не звонит, видимо, в его концепцию не вписалось...»

М. Анищенко. 2.11.2012: «Николай, очень рад весточке от тебя. И рад был бы приехать, познакомиться, послушать... Но в настоящее время это невозможно. Буду ждать лучших времён».

Н. Марьянин. 2.11.2012: «Михаил, пришли точный почтовый адрес Шелехмети (с индексом), куда выслать журнал... На презентации тогда мы с Серёжей Ляминим тебя представим, хотя многие уже знают, и по местному радио стихи звучали, и я на поэтических тусовках читал».

М. Анищенко. 2.11.2012: «Спасибо, Николай. Признателен тебе. Всю корреспонденцию я получаю по такому адресу... Всего тебе доброго. Мы ещё увидимся».

Н. Марьянин. 2.11.2012: «Михаил, давно крутился в голове твой образ хранителя клада Стеньки Разина, сегодня причесал мысли, вот что получилось... Так стих и назвал – «Хранитель клада»:

*По берегу рыщут артели,
не зная в разбое преград,
и многие здесь бы хотели
найти Стеньки Разина клад...
Вгрызается чёрный копатель
в породу холмов и равнин,
но истинный кладискатель
на древней земле лишь один!
Сказанья старинные эти
хранит он от смертных грехов,
в шальной шелухе Шелехмети
латая лохмотья стихов,
в которых – сокровищ основа
и волжской стихии размах:
великое русское слово
сокрыто в его теремах!
В фундаменте, крыше и стенке,
под полом, где жуткий подвал:
такое не снилось и Стеньке,
когда он свой клад зарывал...
Хранится оно в перезвоне
среди гулких пещер Жигулей,
таится в Змеином затоне,
похожем на клин журавлей!
Сбежать бы от вечного гула
ползущей сквозь время реки,
но брэнная жизнь захлестнула
удавкой Самарской Луки...
Господь, и лишь в этом отрада,
решил, коль такая нужда,
оставить хранителя клада
на этой земле навсегда.*

Прочитаю это стихотворение в воскресенье на презентации журнала».

Н. Марьянин. 3.11.2012: «Сегодня отправил тебе до востребования бандерольку – журнал «Карамзинский сад» и пару своих книг. Буду ждать обещанное «Избранное», мой адрес... Жму руку!»

Н. Марьянин. 31.12.2012 (из публикации на сайте «Литературная губерния»): «2 января 2013 года исполняется 40 дней с момента ухода в вечность великого поэта, нашего друга Михаила Анищенко. В начале ноября в литературном журнале «Карамзинский сад» (Ульяновск) вышла моя статья о Михаиле и подборка его стихов. Кто ж знал тогда, что это окажется одной из последних, а может быть, и последней прижизненной публикацией поэта... На презентацию, которая прошла 4 ноября в ульяновском Дворце книги, я приглашал и Михаила, он ответил, что рад был бы приехать, но в настоящее время это невозможно, подождём, мол, лучших времён. И его последние слова: «Мы ещё увидимся...» На самой презентации поделился своими впечатлениями от поэзии Анищенко, рассказал о нём, прочитал его стихи, а также посвящённое Михаилу своё стихотворение «Хранитель клада». Мой друг певец и композитор Сергей Лямин спел две душераздирающие песни на стихи Михаила Анищенко... Запись одной из них («Приговор») я ему посылал ещё весной, и Михаилу очень понравилось:

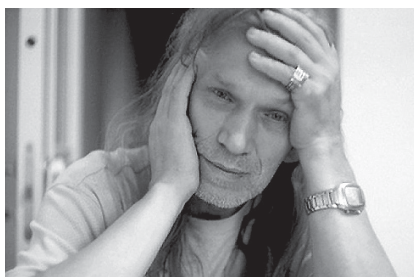
*Русь моя! Туман, поверья,
Пыль таинственных времён!
Как преступник к высшей мере,
Я к тебе приговорён.
К шуму сосен, к скрипу ставен,
К зову птиц издадека,
И к твоим тропинкам тайным,
Проходящим сквозь века.
Пусть порою путь без веры
Выпадает мне во мгле...
От всевышней смертной меры
Нет спасенья на земле.
Мир вам, роици да излуки,
Шелест, шёпот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!*

Он ждал нас с Сергеем в Шелехмети в гости и не дождался... Ко дню рождения (9 ноября) я отправил ему бандероль с журналом и свои обещанные книжки. В Самару с Сергеем мы приехали, но уже в скорбный день прощания с поэтом. На панихиде в Доме литератора в Самаре я в дополнение к словам скорби прочитал стихотворение Михаила «Я воду ношу», а на кладбище при прощании – вновь «Хранителя клада». А Сергей Лямин по просьбе организаторов похорон спел песню «Приговор», при этом вдова Михаила Анищенко Татьяна так рыдала, что едва не лишилась чувств... Потом я подошёл к ней попросить прощения, что, может быть, не следовало исполнять эту песню, но она сказала, что сама не ожидала такой реакции, до этого она её не раз слушала в записи вместе с Михаилом. Вы поймёте эти ощущения, если сами послушаете песню <https://www.chitalnya.ru/work/2937424/> Перед её исполнением на самарском кладбище, пока Сергей готовил гитару, я назвал её молитвой по Михаилу Анищенко... Пусть душа поэта ощутит сегодня нашу искреннюю любовь, а мы всегда будем чувствовать его душу в его стихах...

И в завершение – ещё одно моё стихотворение «Ожог», посвящённое памяти Михаила Анищенко:

*Мир снова надвое расколот,
и зародившийся вдали,
из всех щелей Вселенной холод
сочится в логово Земли:
сжимает плоть воды и суши,
мертвит студёною струёй
и в человеческие души
вползает скользкою змейей...
В ознобе жизни разум ноет
у смертной ярости в плену,
и ночь-волчица дико воет
на провозвестницу-луну,
свершив в груди единоверца,*

*сквозь поздней осени мотив,
остановившегося сердца
внезапно вспыхнувший порыв...
И из убежища земного
по высшей прихоти спеша,
сквозь бездну ветра ледяного
летит свободная душа:
в другое рвётся измеренье,
в иные мчится времена,
своё земное вдохновенье
откуда черпала она...
Чтоб там, у вечного чертога,
где дух поэзии высок,
сиять огнём в ладони Бога,
как слова вещеого ожог».*

Михаил АНИЩЕНКО (9.11.1950 – 24.11.2012), член Союза писателей России. Окончил Литературный институт имени Горького (семинар Ю.П. Кузнецова). Лауреат премии имени Н. Островского, премии «Серебряный стрелец». В Самаре каждый год осенью проходит Всероссийский молодежный литературный фестиваль имени Михаила Анищенко.

«Я СТУПАЮ ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ...»

РОДИНЕ

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую: эту беду
Не утянешь на дно за собою.
Впереди – беспросветная ночь,
За спиною – полоска разлада.
Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!
Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей избяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.
Мне теперь – что назад, что вперёд,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.
Оглянусь – ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

ПРОЩЕВАЙ

Прощевай, моя опушка,
Прощевай, тропа в бору!
Ухожу... Но словно Пушкин,
Весь я тоже не умру.

Положил себя, как требу,
Я на камушек лесной...
Журавли летят по небу,
Словно ангелы, – за мной.

В час распада и распыла
Грешный мир нам не указ.
Не страшусь... Всё это было
И со мною много раз.

Поклонюсь Борису, Глебу...
И над Родиной святой
Буду гром возить по небу
На телеге золотой!

ВЕТЕР

Один, на рассвете, с тоскою ворон,
Беснуется ветер на сорок сторон.
Играет ладами кромешной тоски
Над долгими льдами кричащей реки.
Ломает суставы промокших лесов,
Сметает заставы уснувших богов,
Беснуется узник над крышей тюрьмы,
Где шариком в лузе качаемся мы.
Срывает одежды, бросает в гробы
Осколки надежды, обрывки судьбы;
Уносит что было, потёмки и рань,
Вселенское быдло, да богову срань.
Он мстит и карает, клянётся в любви,
И лёд отрывает, как тромбы в крови.
И вновь, без вопросов, как боль или стон,
Двенадцать матросов идут за Христом.

НЕ НАПРАСНО

Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! никого! – кто бы вспомнил меня!

Я пытался хвататься за тень и за отзвук,
Я прошёл этот мир от креста до гурта...
В беспросветных людей я входил, словно воздух,
И назад вырывался, как пар изо рта.

Переполненный зал...
Приближенье развязки...
Запах клея, бумаги и хохот гвоздей...
Никого на земле! Только слепки и маски,
Только точные копии с мёртвых людей.

Только горькая суть рокового подлога
И безумная вера – от мира сего.
Подменили мне Русь, подменили мне Бога,
Подменили мне мать и меня самого.

Никого на земле... Лишь одни лицемеры...
Только чуткая дрожь бесконечных сетей...
И глядят на меня из огня староверы,
Прижимая к груди нерождённых детей.

ЭЛЕГИЯ

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперя на душе.

Ничего, я с дороги не сбился
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубашке родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубашку
Носит пугало в вашем саду.

* * *

Год за годом. Каждый год
Нет тебя. И карта бита.
Это – выход, это – вход,
Суть разбитого корыта.

Днём и ночью там, где ты,
Нет ни выхода, ни входа.
Надоело рвать цветы,
Ждать нелепого исхода.

Год за годом тот же сон,
Те же отзвуки бессмертья.
Тихо падает с икон
Пыль прохожего столетья.

В чёрной комнате беда,
Худоба одна, худоба.
Тихо тянутся года
От подгузников до гроба.

Днём и ночью... Чёрт возьми!
Всюду морок да изъяны...
Перед тем, как стать людьми,
Долго плачут обезьяны.

* * *

И я начинал понимать напоследок,
Как любит солома лобзанье огня.
Любовь, как деление раковых клеток,
Во мне умножалась, съедая меня.
Вот так наступала пора для признанья,
Что жизнь, как и прежде, скудна и сера,
Что я марширую по плацу незнанья
Всё в той же потешной шеренге Петра.

ТАШЛА

Мраком веяло с полей.
С приближеньем смерти –
Вылезали из щелей
Упыри и черти.
Стоны. Шорохи. Шаги.
Молнии без грома.
Взял я в руки сапоги
И ушёл из дома.
Страшно, зябко на Руси
Каждому, кто грешный.
Где ты, Господи? Спаси
От тоски кромешной.
Сила вражья – хоть кричи.
Темень за душою.
Только вспыхнуло в ночи
Небо над Ташлою!
И воды волшебной круг
Под крестом спасенья...
Рассыпаются вокруг
Тени да виденья!
И восходит надо мной,
Над моей бедою
Церковь с мёртвою водой
И с живой водою.
Утро. Озеро. Ташла.
Ни чертей, ни смерди.
Вот и жизнь моя прошла.
В двух шагах от смерти.

* * *

И в этот год нам нет прощенья,
Опять дороги спутал бес.
Всё Рождество и всё Крещение
Солёный дождик льёт с небес.
И в ночь кромешную не спится,
И днём не справиться с тоской.
Чужие вывески и лица
На испоганенной Тверской.
Везде дыханье балагана,
На волоске повисла жизнь.
А возле кладбища реклама

Зовёт покойников в круиз.
Какая страшная усталость!
И ничего не изменить.
За то, что жизнь не состоялась,
Пожалуй, некого винить.
Да и могло ли быть иначе?
Кровавый след уводит в старь...
Снимите шапки. В небе плачет
Последний русский государь.

* * *

Какая странная пора,
Какое долгое затишье.
Сегодня так же, как вчера,
Летит листва. Скребнутся мыши.

Глядят угрюмо старики,
Ворчат, как тающие льдины.
А золотые пауки
Плетут над ними паутины.

Упал скворечник. Дом забит,
По грудь засыпан листопадом.
Никто теперь не угостит
Сухим, как порох, самосадам.

Никто уже не позовёт,
Как это водится, – на помощь...
Здесь время больше не идёт.
Часы показывают полночь.

И веет гибельной тоской
По всем просёлочным дорогам.
Стоит деревня над рекой.
Одна. Под звёздами. Под Богом.

Опять – подножие креста.
Разлад. Смятение. Рутинка.
Конец столетия. Пустота.
И паутина... Паутина...

* * *

Ушёл без нас последний омик,
И на корме фонарь погас.
Мы возвратились в старый домик,
Остывший полностью без нас.
Скрипела дверь. Сквозили щели
Ещё невидимой бедой...
Но журавли не улетели,
Как будто ждали нас с тобой.
Вполнеба листья трепетали,
Метались ветви в полумгле,
Как будто нас с тобою ждали –
Одни оставшись на земле.
И над обрывом, над рекою,
Над всей незыблемою тьмой
Такой повеяло тоскою,
Таким сиротством... Боже мой!
И ты к лицу прижала руки,
Чему-то тайному внемля...
Стояла ночь. И для разлуки
Была открыта вся земля.

СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ

Родная молчит, как седьмая печать,
Молчит и молчит, золотая.
Как смел я долги и обиды считать
И плакать, от злости сгорая?
Как смел я небесную плоть возжелеть,
Касаться небесного тела,
Когда надо было служить и жалеть,
И верить в неё без предела.
Как мог я смеяться, словами играть,
Крушить её грёзы и дали,
Укладывая облако в ту же кровать,
Где листья опавшие спали?
И вот она спит у меня на груди,
И моет полы на закате...
Как будто бы ангел уже вострубил
Над тайной последней печати.

ШИНЕЛЬ

Когда по родине метель
Неслась, как Сивка-Бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потёмках Петербурга.
Была шинелька хороша,
Как раз – и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.
Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух
И отнял Кистенёвку.
Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И мучить Катерину.
Я в ней, на радость воронью,
Кровоточил, как треба,
И пулей царскую семью
Проваживал на небо.
Я в ней любил дрова рубить,
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,
Но жить – ещё страшнее.
Над прахом вечного огня,
Над скрипом пыльной плахи
Всё больше веруют в меня
Воры и патриархи!
Никто не знает на земле,
Кого когда раздели,
Что это я сажу в Кремле
В украденной шинели.

ДЬЯКОН

Возле церкви, на Полянке,
Где торговля и разбой,
Не с похмелья, не по пьянке
Плачет дьякон с бородой.
Под усмешки и улыбки
Тех, кто выдержан и крут,

Его слёзы, как улитки,
 Во все стороны ползут.
 Плачет батюшка воочью,
 Плачет долго, словно спит.
 «Что ты плачешь, милый отче?»
 «Я всё понял...» – говорит.
 Он стоит – худой, безвестный,
 Сам с собою не в ладу.
 Но сияет крест наперсный,
 Словно праведник в аду.
 Кто-то злится и зевает,
 Уходя отсюда вон...
 Ну, а тот, кто понимает,
 Плачет так же, как и он.

* * *

Нет, не напрасно сердце билось
 И след стекал с карандаша.
 Чем меньше тело становилось,
 Тем больше делалась душа.

И вот – под шорох звездопада –
 Настал неведомый черёд:
 Мне ничего уже не надо,
 Я чист и холоден, как лёд.

Судьба, конечно же, не память,
 А та – безбрежная вода,
 Где можно плыть и таять, таять,
 Без слёз, без злости, без следа.

Подборку составил Николай Марянин.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Алина ОСОКИНА, член Совета молодых литераторов, член Союза писателей России

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИТОГИ ГОДА МОЛОДЫХ

Губернатор Ульяновской области Сергей Иванович Морозов объявил 2020 год Годом молодых. Этот год стал для ульяновских молодых литераторов щедрым на события.

Заседание литературной студии «ЛИК». Дворец книги

В феврале по итогам Всероссийского совещания в Химках два молодых прозаика — Татьяна Филатова и Алина Осокина — были приняты в Союз писателей России. В марте были подведены итоги областной литературной премии «Первая роса». В номинации «Поэзия» победителем стал Александр Бухарин. В «Прозе» лучшей стала Алина Осокина, а в номинации «Иной жанр» премии удостоилась Анастасия Миронова. Некоторые участники «Первой росы» вошли в состав Совета молодых литераторов и стали активными участниками литературной студии «ЛИК».

Затем наступил карантин. Многие планы были нарушены, и молодым писателям пришлось осваивать онлайн-пространство для творческого общения и плодотворной работы. Так занятия студии перенеслись на платформу ZOOM, а в работе СМЛ появились новые формы. Наибольший интерес у молодых авторов вызвали челленджи — создание стихов и рассказов на заданную тему. Поэты Мария

Участники фестиваля «Амфибрахий» с министром искусства и культурной политики Е.Е. Сидоровой

Молодые ульяновские литераторы. Фестиваль «Амфибрахий»

Е. Богданова, О. Тугова, А. Бухарин на литературном фестивале им. М. Анищенко (Самарская область)

Международный день грамотности

Богдан, Владислав Ванюков и Екатерина Богданова приняли участие во Всероссийской акции «Спасибо врачам», они посвятили медикам стихотворные строки, а юные художники из творческого объединения «Ёжики-художники» создали тематические рисунки. Так получились открытки, которые ульяновские врачи получили в подарок в свой профессиональный праздник.

Еще одной новой формой работы стала «Домашка по лит-ре» — обсуждение опубликованных в «толстых» журналах произведений молодых авторов со всей России. Это упражнение позволило участникам студии не только познакомиться с наиболее интересными авторами, но и научиться анализировать тексты.

Ульяновские литераторы заочно приняли участие во Всероссийском гринфесте «Остров надежды» (г. Архангельск), поэты Светлана Алькина и Александр Бухарин вышли в финал фестиваля и будут опубликованы в итоговом сборнике. Также в «эпоху карантина» Анастасия Миронова заняла второе место в конкурсе рецензий #Itallica_Fest_IVIew, который проводил киножурнал Inside View.

В августе, когда постепенно стали разрешаться мероприятия в офлайн-режиме, Татьяна Филатова приняла участие в слёте молодых литераторов в с. Большое Болдино, где заняла третье место. А молодые поэты Екатерина Богданова и Анастасия Анисимова побывали в Крыму на форуме молодых деятелей культуры и искусств «Таврида».

Сентябрь был также богат на поездки. Наши авторы побывали на Всероссийском литфесте имени Михаила Анищенко (Самарская область), Школе писательского мастерства в Приволжском федеральном округе (Казань), Всероссийском фестивале «Литература тихоокеанской России», а также на Всероссийском семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России» (Оренбург). В октябре ульяновские поэты и прозаики приняли участие во Всероссийском литературном фестивале «Корифеи» (Уфа).

Молодые писатели активно участвуют в литературной жизни региона. Наши поэты знакомили горожан со своим творчеством в рамках Международного дня грамотности, Межрегионального фестиваля «Амфибрахий», областной акции «Ночь литературы», Всероссийской акции «Ночь искусств» и старте регионального проекта «Читающий транспорт».

В рамках X Международной ассамблеи художников «Пластовская осень» состоялась прогулка молодых писателей и художника Антона Костина возле памятников выдающимся писателям.

Давняя дружба связывает Совет молодых литераторов и движение «Симбирская православная молодежь». В этом году ульяновские литераторы приняли участие во встрече, приуроченной ко Дню славянской письменности и культуры, а также поздравили «молодёжку» с пятилетним юбилеем.

В завершении года Совет молодых литераторов Ульяновской области принял участие в конкурсе молодёжных литературных объединений «ЛитоСфера», который проводит Союз писателей России. Итоги будут подведены на Всероссийском совещании в Химках уже в 2021 году.

Мы надеемся, что следующий год станет не менее ярким и насыщенным, а наши ряды пополнятся новыми талантливыми авторами!

С 18 по 20 сентября в Самарской области прошёл VIII Всероссийский литературный фестиваль им. Михаила Анищенко. Организаторами выступили Самарская областная универсальная научная библиотека и Самарская областная организация молодых литераторов при поддержке министерства культуры Самарской области.

Ульяновскую область представляли молодые поэты Екатерина Богданова, Александр Бухарин, Данила Ноздряков и прозаик Анастасия Миронова.

Анастасия МИРОНОВА

ПОЧУВСТВОВАТЬ ПРИЗВАНИЕ

О литературном фестивале имени М. Анищенко

В этом году мне посчастливилось побывать на Всероссийском литературном фестивале имени Михаила Анищенко, который традиционно проходит осенью в Самарской области. Возможно, многие из вас знакомы с творчеством поэта, в честь которого назван литфест. Я не знала, что был такой поэт и жил совсем рядом, в соседней области, пока случайно не услышала о фестивале. И в этом есть ностальгия: современный автор, как пророк, получает признание значительно позже, у своих потомков. Я прочла несколько стихотворений Михаила Анищенко и почувствовала в его строках что-то знакомое, родное, вспомнила далекое деревенское детство. Уверена, меня поймут те, кто когда-то проводил лето у бабушек в сельской местности, ходил в лес за грибами и ягодами, снаряжался в походы с палатками, коротал вечера под звездным небом.

Край громадных просторов и холмов, похожих на горы. Лес величественный и обозримый, как на ладони. Деревья, мелькавшие за окном автобуса, были раскрашены во весь спектр красного цвета: одни подернуты желтым, другие опалены ярко-алым, третьи обагрены насыщенным рубиновым.

Думаю, прекрасно, что наша поездка случилась осенью, несмотря на то что некоторые сетовали на холод и испортившуюся к выходным погоду. Ведь осень – это время преобразования, переосмысления, для некоторых это творческий подъем. «С первым осенним холодком жизнь начнется сначала» (Скотт Фицджеральд).

Турбаза «Раздолье», располагающаяся на полуострове Копылово, – особенное место, приветливое, уютное, тихое (даже несмотря на ветер, который порой дул с Волги). Атмосфера там замечательная, как в маленьком райском уголке, потерянным среди огромных пространств. Казалось, будто когда-то давно я видела подобное место, будто оно мне снилось, и от этого небольшие аллейки, убористые дома, кустарники и деревья, побережье бушующей реки и Жигулевские горы приобретали особое очарование.

Нас разместили в двухэтажном доме, на каждом этаже было по две комнаты, в которых мы ночевали, а также общая комната, где мы могли пообщаться в свободное время, выпить чай или кофе. Даже в обычном приеме пищи была своя радость, когда после семинаров, выступлений или других мероприятий мы торопились в теплую столовую, где нас встречали добродушные официанты и горячая еда.

Будни были наполнены различными событиями: семинарами, на которых участники обсуждали работы друг друга, а эксперты давали советы; мастер-классами: о например, особенно запомнились ораторское искусство, где харизматичный молодой человек презентовал навыки владения, особенности и приемы ораторского мастерства, и каждый из присутствующих мог принять участие в интересных и забавных упражнениях (эти «с», «ш», сорока, импровизация косьбы, действительно, где и когда еще покосишь траву, пусть нереальную); обсуждениями и лекциями (особенно мне запомнилась лекция писателя и педагога Андрея Геласимова о структуре хорошей книги). Вечером в каминном зале мы собрались для чтения стихов. Причем читали и прозаики. Я заметила такую особенность на литфестах: стихи обсуждать, читать и разбирать любят все – прозаики, драматурги, сами поэты, и в свободную минуту в общей компании не прочь декламировать Черных, Анищенко, Воденникова, Цветаеву или Ахматову.

Также запомнились итоги хакатона и турнир поэтов и прозаиков. Ребята, выступившие с идеей

приложения голосового поисковика «Алиса», которые вызвали положительную реакцию зрителей (вы молодцы!); девушки, рекламирующее программу разделения книг по жанрам, которая позволяет пользователю совершенствоваться как читателю (что я отметила для себя полезным как для начинающего литератора, наконец-то разберусь во всех стилях и жанрах); игра-детектив, проходя которую, геймер прочитывает отрывки из книги; игра, которую игроки «читают» и могут выбирать разные сценарии развития событий; и даже смелая попытка приобщить «технарей» к чтению художественной литературы (я говорю о ярко выраженном подтипе, тех, кто любит только логические задачи и математику и мало читает литературу), а гуманитариев – к решению головоломок. Несомненно, всё это создавало неповторимый образ фестиваля и порадовало зрителей. Впервые в турнире приняли участие прозаики (обычно их длинные тексты не вписываются в формат). Но если (как ни странно) в соревновании прозаиков было все более – менее ясно (проза Виктории Татур как никакая другая достигла цели: за две минуты максимально заинтересовать слушателя), то среди поэтов развернулся настоящий батл: некоторые выбывшие участники методом жеребьевки снова попадали на турнир. Финал турнира поэтов был неожиданным и для многих зрителей, и для самого победителя.

Участники литературного фестиваля – это самые разные люди. Журналисты, врачи, инженеры, педагоги. Я никак не ожидала встретить здесь человека, занимающегося прогнозированием развития человеческого общества, технологий и инноваций. Эти люди всегда казались мне прагматичными и далекими от мечтательного полета пера. Писатель – это не профессия, это призвание. Снова убеждаюсь в этом. От себя я бы еще отметила: особое восприятие мира.

За время пребывания на фестивале я поняла две главные вещи: совершенно неважно, в каком жанре, стиле, о какой эпохе ты пишешь; важно, ЧТО ты пишешь и КАК ты пишешь.

ПОДПОЯСАВ ВЕТРА ЧЕТЫРЬМЯ СТОРОНАМИ

Стихи калининградских молодых поэтов

Калининградское отделение Совета молодых литераторов России создано в 2018 году и успешно функционирует, несмотря на значительные изменения по составу участников. Работает под руководством поэта Игоря Голубя.

Отличительной чертой Калининградского СМЛ является активное развитие творческих связей с десятками регионов России и создание общих молодёжных проектов, способных связать молодых литераторов.

Для этого Игорем Голубем создан всероссийский молодёжный литературно-публицистический журнал «Веретено», в котором всегда рады каждому талантливому молодому прозаику и поэту как из России, так и из стран СНГ. В журнале печатаются статьи о литературной жизни Калининградской области и других регионов страны, поэзия и проза молодых авторов, стихи для детей, переводы с европейских языков и языков народов России.

Вторым проектом Калининградского СМЛ является антология всероссийской молодёжной поэзии «111», которая увидела свет в конце 2019 г. и презентована на всероссийском съезде СМЛ СПР в Химках 13 февраля 2020 года.

Третий проект – «МоноЛит» – регулярные тематические выступления четырёх молодых членов Балтийской писательской организации СПР в Калининградской области.

Игорь ГОЛУБЬ

Родился в Калининграде в 1984 году.

Поэт, редактор и издатель всероссийского молодёжного литературного журнала «Веретено», составитель и издатель антологии молодёжной поэзии России «111».

Участник всероссийских литературных совещаний СПР в Химках, межрегионального литературного съезда СПР в Воронеже.

Автор пяти поэтических сборников, публиковался в журналах «Подъём» и «Бельские просторы». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018 г.)

* * *

Смотрю на город, что несётся вдаль,
Проблемы и решения – на завтра.
В пыли дорожной бьётся магистраль,
В фонтан ныряя возле драмтеатра,

Чернильная симфония грачей,
У стадиона старенькая арка,
Выпрыгивает маленький ручей
Из зелени пустого зоопарка.

Зарыться невзначай в подолы лип,
Вложив опять в минутный промежуток
И башенных часов тревожный всхлип,
И музыку мелькающих маршруток.

И только перемятая трава
Мои следы по-прежнему находит,
А я спешу куда-то, как трамвай,
Который здесь давно уже не ходит.

* * *

Я прошлым вечером скорей
Спешил попасть домой с работы,
Но на брусчатку с фонарей
Пролилось море позолоты,

Скользила по дороге тень,
Мелькали в переулках лица,
И первый раз за целый день
Я захотел остановиться.

Как много пролетело дней,
Чтоб я открыл глаза пошире –
Ведь это золото ценней
Иных сокровищ в нашем мире.

Глотая слёзы ноября,
Шумела мокрая дорога.
Крещённый светом фонаря,
Я в первый раз увидел Бога.

* * *

Здесь рапсовое поле
Как пожелтевший шёлк,
лет пять назад, я помню,
По этой ткани шёл,

И пел кузнечик где-то,
И ветер свежесть нёс,
И целовало лето
Меня почти взасос.

Дойти до сеновала,
Где в миллионный раз
Берёза танцевала, –
Серёжки напоказ,

Найти повыше место
И просто сесть в траву,
Поняв, что наконец-то
Живу...

* * *

Из пустоты обветренного парка,
Где каждая поломанная палка
Как увяданья полноценный знак,
Летит к тропинкам скрип большого клёна,
Свет фонаря, как старая икона,
Что в тишине рассеивает мрак.

А где-то там, за низкой синей аркой
Мелькнёт машина шумной и неяркой
Иллюзией движения вперёд.
А вдалеке лишь этажи бетона,
И жаль, что запах зимнего района
С собой никто домой не заберёт.

Но наконец открыв глаза пошире,
Устав сидеть по вечерам в квартире,
Где каждый метр способен надоесть,
Над головою видишь небо в звёздах,
Вдыхаешь полной грудью зимний воздух
И понимаешь: счастье в жизни есть!

* * *

Обыденно и неброско
Посередине двора
Лежит на земле берёзка,
Спиленная вчера.

Стояла она у дома
С забытых давно времён...
Машинам теперь удобно
Песок возить и бетон.

Мы в детстве под ней играли,
Смотрю на неё с тоской...
Здесь нет никакой морали,
И злобы нет никакой,

Вот только стою, краснею,
В упор на неё гляжу...
Как будто я рядом с нею
Лежу...

* * *

В лесу, в сети знакомых троп,
Где ветка каждая упруга,
Я часто нахожу окоп,
Он тянется почти до луга...

Наступишь – и насквозь прожгло, –
Как посмотрел святой с иконки...
Здесь тянутся так тяжело
Стволы берёз со дна воронки.

Берёзок непрерывен строй,
Я молча примыкаю к строю...
Спокойно спи в земле, герой,
Я сон твой не побеспокою,

Тебе деревья и цветы
Годами отдают поклоны.
А я вернусь домой – и ты
Посмотришь на меня с иконы.

* * *

Преграда может быть любой,
И с этим знанием я вырос,
Но всё же в мире есть любовь –
И это самый главный вирус.

Мы просто для неё среда,
Она себя повсюду множит,
И не оставить ни следа
Она, естественно, не может,

Пусть от неё лекарства нет,
И по ночам подушку глядя,
Я получил иммунитет,
Но потерял его не глядя...

На свете столько пандемий,
А мы на пандемии падки,
Меня повыше подними
И брось скорее на лопатки,

Ловушки для меня готовы,
Сеть, из которой я не вырвусь,
Да, в этом мире есть любовь!
И это самый главный вирус.

Екатерина МАНТУРОВА

Родилась в городе Немане Калининградской области в 1984 году, в настоящее время живёт в Калининграде. Член Союза писателей России. Член Совета молодых литераторов Калининградской области СПР. Автор 5 сборников стихотворений.

* * *

Сентябрь ворвался в город, не спросив,
Лизнул пакет у мусорного бака,
Рассыпал по дорожкам чернослив
И, как ребенок, горестно заплакал.

Пролился с неба сахарный сироп –
Бока машин как кожа у касатки,
А клён в окне приобнимает столб,
Натягивая жёлтые перчатки.

И крыши, будто корка пирога,
И суета на рыночной арене,
Троллейбусы закинули рога
За спины, как железные олени.

Всё как всегда – калининградский гам,
И день всё так же катится монетой...
Но как каштаны падают к ногам,
Стихи приходят осенью к поэтам.

* * *

Когда в последний раз пройдет по кругу
С кленовой пятерней на лбу трамвай
И в бузине засевшие пьянчуги
Промямлят еле слышно «Наливай»,

Когда повсюду высыплет лиловым,
Зелёным, синим светом фонарей,
Я призову божественное слово
Из тишины каштановых аллей.

Оно вспорхнет, как голубь в подворотне,
Прошелестит рекламной шелухой
И станет на бумаге беззаботной
Словесной стихотворной чепухой.

И первая сентябрьская прохлада,
И отголоски джаза из кафе,
И здания немецкого громада,
И человек, идущий подшофе, –

Всё попадет в словесный мой гербарий,
Растянется шеренгами столбцов, –
Лимон луны на мокром тротуаре
Среди осколков звёздных леденцов,

Опущенные веки хачапурных,
Потухший прищур хищных фар авто,
И на деревьях охристый, пурпурный,
Бордовый, апельсинный драп пальто...

* * *

На улице Руставели
Под аркой былых времён
Мы, как воробьи, апреля,
Друг к дружке прижавшись, ждём.
И падает неотменно
Под ноги нам первый снег,
На круглый поднос антенны,
На прищур машинных век,
На дворников в рыжих робах,
Похожих на двух щеглов,
На мусорную утробу,
На чёрную вязь стволов...
И холодно невозможно,
И белому нет конца.
О, как мы с тобой ничтожны
На самом краю крыльца
По улице Руставели,
Где город который год,
Привыкнув к зиме, апреля,
Как кот подаянья, ждёт.

БАБКИН ЦВЕТОК

Старуха продает герани,
И Симонова, и Золя,
Солдат, которыми играли
Когда-то в детстве сыновья.

Сидит на старом табурете
И шамкает беззубым ртом,
Монеткой водит – есть примета,
Что всё легко продаст потом.

Но к вечеру опять ненужным
Остался весь старухин хлам.
И тянет вновь она натужно
Свою тележку по двору.

Придёт. Продавленное кресло
И старой лампы мутный свет.
Глаза прикроет. Вновь воскреснет
Уже давно умерший дед.

Подсядет: «Продала что нынче?»
Она в ответ махнет рукой:
«Возьми в пакете вон гостинчик
И собирайся на покой».

Лежит одна в кровати общей,
Как на дрейфующем плоту.
Так беспокойно этой ночью,
Что ей совсем невмоготу.

А я решила, нет красивей
Цветка, чем бабкина герань,
И в непривычном мне порыве
Уже не сплю в такую рань.

Но маленькой сухой старушки
Как будто и в помине нет.
А кто-то разложил петрушку
На колченогий табурет.

БАБА ЗИНА

В тёмной церкви оплавилась свеча,
Волооко иконы глядят...
Бабе Зине идти недалече:
В коридоре накинёт на плечи
Стариковский узорчатый плат.
Будет шаркать в изношенных бурках,
Чтобы к службе со всеми поспеть,
А навстречу ей выбежит юрко
Исхудавшая пёстрая Мурка,
Ожидая привычную снедь.
– Ешь, родимая, разве мне жалко? –
И заглянет в кошачьи глаза:
– Ну, красавица! Ишь ты, нахалка,
Вечно вертишься рядом, как прялка,
Помолюсь за тебя образам.
Может, тоже детей ты потеряла?..
Мальчик, Митенька, года не жил.

Я потом уголком одеяла
Куклу долго ещё пеленала...
Не поверят, кому Расскажи.
В тёмной церкви безмолвны иконы,
Бабка крестится, в храм семени...
Когда будешь склоняться в поклоне
Большеглазой печальной Мадонне,
Баба Зин, помолись за меня!

* * *

Раскрути спираль обратно,
Запусти отчёт.
Там игрушки в жёлтой вате,
Крутится волчок.
В поле том не клевер – кашка.
Курочка, петух.
И губою мягкой Машка
Хлеб берёт из рук.
Собери и склей покрепче
Старый календарь.
Солнце, жги худые плечи!
Не жалея, жаль!
Я все выдержу, всё сдюжу
Много было бед.
Разрешите опять по лужам
Гнать велосипед.
Спать ложиться в тёплом сене,
С ёлок есть смолу,
В рамочке Сергей Есенин
Пусть грустит в углу.
Тихо-тихо, только слышу
Ходиков отчёт.
Дочка спит, как будто мышка,
Времечко течёт...

Ульяна РУМЯНЦЕВА

*Родилась в 2003 году. Живёт в городе Балтийске Калининградской области.
Член Совета молодых литераторов Калининградской области СПР. Печаталась в
сборнике молодёжной литературы Калининградской области «Луч».*

ОКНО

Скрип. О спину потолочью
Лампы тушится сигарка.
Я окно открыла ночью,
Потому что стало жарко.

Вижу: улица пустая,
Дом второй, девятый, сотый..
Спит в квартирах людостая,
Занавесив окна-соты.

Зубы, шторы, скальте, скальте!
Там, в колодце стен глубоко,
Свет, дрожащий на асфальте,
Под оконным жёлтым оком.

Безмянна и безлика,
Пронеслась ночная птица.
Свет мерцающий – улика,
Выдаёт, что мне не спится.

КОМНАТА

Прижались к ребру ребром
Потолок – стена,
И я на полу ковром
Выстелена.

За мебельной грудой не
Видно лица.
Оконный узор на мне
Выдавится.

Не мыла окно давно –
 Были дела.
 Скажите, что я в него
 Вылетела.

* * *

Холодным градом беспокойных капель
 В меня, крихтя, плевался ржавый душ,
 И звонко перекатывались на пол
 Блестящие архипелаги луж.

Стремительно поток на кафель капал,
 И душ шептал: «Молчание нарушь!»
 И в тон воде, бегущей и разлитой,
 Я растекалась песнями по плитам.

ЗЕТИФ*

Волны, камни и лебеди –
 Канала трезвучие.
 Свет маяка, корабли веди
 В туманы тягучие.

На света тонкую нить
 Плывущие молятся.
 Солнце не думает всплыть,
 Не видно его лица.

* * *

Здесь на тёплую землю ложится
 Вместо снега бумажная перхоть.
 Мишура заполняет пространство.
 Кто оставил здесь столько пространств?

Улетает железная птица
 Под названием чартер. Наверх хоть?
 Или снова натруженный транспорт
 Потеряется в пластике царств?

Очень просто, глаголы рифмуя,
 Ночь идёт по обломкам Содома.
 Наливаются карие клюквы
 Тех, кто был хоть минуту любим.

Здесь меня не прочтут, потому я
 В полусумраке старого дома
 Всё качаю уставшие буквы
 И пою колыбельные им.

Чёрные метки ночей
 Отбросить не смеем мы,
 Это – удел трубачей
 С лебедиными шеями.

* довоенное название Балтийского пролива

* * *

Звёзды рождались и падали,
 Катились по плёнке луж, но
 Никто не спросил: а надо ли?
 Все знали, кому-то нужно,

Чтоб звёзды рождались и далее
 По списку: зажглись, горели.
 А мне не узнать, нужна ли я.
 Кому и зачем? Тебе ли?

А звёзды рождались и падали...
 И пусть! Не моя забота.
 Я просто не знаю, а надо ли
 Жить для кого-то?

Ольга ВОРОБЬЕВА

Родилась в 1999 году. Живёт в городе Советск Калининградской области. Член Союза писателей России. Член Совета молодых литераторов Калининградской области

Автор двух сборников стихотворений, печаталась в журнале «Подъём».

Если будешь послушен и храбр,
 Я к нутру твоему не притронусь.
 Новый чартер на море умчится
 По маршруту невыживших фраз.

В этом городе даже декабрь
 Как пластмассовый ёлочный конус.
 Улетает железная птица,
 Забывая нарочно про нас.

* * *

Мы отражаем свет, мы моря гладь.
 Но здесь и так немного света выдано.
 За нами не придут, нас спасать
 Богам экономически невыгодно.

Мы пепел, мы развеемся в лесах,
 Ведь только так мы можем стать свободнее.
 Король под боем, это значит шах.
 А мы здесь пешки, пешки и не более.

Мы наполнялись солью и свинцом,
А вера не была для нас попутчицей.
Стремилась в космос, но за три пятьсот
Приобрести скафандр не получится.

Отсюда не отправиться в бега.
Мы прячемся, скрываемся, мы в домике.
Мы тлеем. Мы сибирская тайга,
Сгоревшая
Во благо
Экономике.

* * *

А море его, а море
Солёным пятном на шторе,
Запинкой в напрасном споре
Запрятано в старый кейс.

Ни бури, ни волн, ни грома,
Ни Наблуса, ни Содома.
Моряк остаётся дома,
Моряк не уходит в рейс.

Примерив бушлат холёный,
Он делает вдох солёный.
В окне лишь дома и клёны,
А лучше б девятый вал.

И воздух слоёно-влажный.
Кораблик стоит бумажный
На полке. Но он однажды
Отыщет родной причал.

Без моря моряк ничтожен,
Он больше сидеть не может.
Храни его душу, Боже,
И робу его, и соль.

Зовёт его дух мятежный
Туда, где закат безбрежный,
Где в тёплую даль с надеждой
Наивно глядит Ассоль.

А море его – атоге,
И радость, и злость, и горе,
И песня в церковном хоре,
И кракена острый крик.

Спит солнце в небесном тесте.
Моряк убежал к невесте.
Фигура стоит на месте,
Волнуется море.
Три.

* * *

Блики солнца по стенам пляшут,
Растекаются в тёплом свете.
Мне пять лет. Доедая кашу,
Я качаюсь на табурете.
Рядом бабушка свитер вяжет,
Кот гоняет клубок по полу.
Мне не хочется в садик, я же
Подрастаю, мне скоро в школу.

Дождь сползает по старым окнам,
Серость улицы меркнет в гуле.
Мысли делятся на волокна.
Я качаюсь на школьном стуле.
Детство, видимо, скоро рухнет,
Я боюсь становиться старше.
Только бабушка ждёт на кухне,
Будет снова готовить кашу.

Лето. Мне покорять бы скалы,
Мне б забыть аудит и сальдо.
Но в учёбе опять завалы,
Я вдыхаю пары асфальта.
Больше бабушка мне не вяжет,
Нет и каши, как было в детстве.
Я почти не взрослою, даже
Всё качаюсь на старом кресле.

Снег зашторил пространство окон,
Прямо в вечер течёт суббота.
Стал моим постоянным роком
Путь по имени «Дом-работа».
Но теперь я готовлю кашу,
В спальне тихо, уснули дети.
Ну и что, что я стала старше?
Я качаюсь на табурете.

* * *

Нас не догнать, не понять, не выяснить,
Даже не спеть на бис.
Нас не извлечь, не изъять, не вызвизить
И не стереть эскиз.

Мы не спасатели, не спасённые:
Нас ведь никто не спас.
Мы – это времени унесённого
Тихий болочий спазм.

Пачкают звёзды блестяще-маркие
Наши с тобой зрачки.
Мы – это мысли бескрайне яркие.
Лунные светлячки.

Мы – это песни печально-старые,
Спелые сгоряча.
Наши сердца не звучат гитарами,
Тикают, но молчат.

Карты, маршруты, заметки, лоции
Нам не вручили, но
Всем вопреки нас ведут эмоции
В светлое полотно.

Нам говорили, мол: «Вы привыкнете
Тихо со всеми тлеть».
Нет, мы как лампочки. Раз не выкрутят,
Будем ещё гореть.

Ирэна СЕРГЕЕВА (Ленинград, 2.10.1936), петербургская поэтесса, переводчик, литературовед, прозаик. Окончила Библиотечный институт им. Крупской по специальности «библиография и библиотечное дело». Член Союза писателей России (1976). С 1977 по 1991 гг. работала литконсультантом журнала «Звезда». Лауреат литературных премий «Традиция», им. Н. Заболоцкого, Святого благоверного князя Александра Невского, «Ладога» и других. Действительный член Петровской и Международной славянской академий. Награждена государственной наградой – медалью А.С. Пушкина.

Автор более двадцати книг стихов: от книги «Гость» (1973) до избранного «Из XX века» (2016). Автор романов: «Любовь моя, душа моя» (2013), «Надежды сердца моего» (2015), «Вера и верность» (2020), изданы также две повести, три книги рассказов. Переводы с болгарского, чешского, грузинского печатались в периодике и отдельными книгами. Редактор-составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». С 2011 года редактор-составитель восьми коллективных сборников поэзии и антологий. В настоящее время председатель секции поэзии, член правления Петербургского отделения Союза писателей России.

**Рады приветствовать
Ирэну Андреевну Сергееву на страницах
журнала «Симбирск»!
Благодарим за сотрудничество!
Желаем добра и радости!**

ИДИ НА МУЗЫКУ – НА СВЕТ!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Читаю Пушкина и в день его рождения
я думаю:

– Поэты! Мы должны
народною тропой объединенья
идти во имя Пушкинской Страны
Поэзии и той Руси Великой,
которую он духом прозревал,
той многомиллионной, многоликой,
той, для которой Пушкин – идеал.

* * *

Не люблю это слово – «солдаты»
Все любимые – братья, отцы –
с сорок первого по сорок пятый
назывались по-русски «бойцы».

Да, бойцы! Иногда в рукопашной,
даже если и в танке, в броне,
в достопамятной битве вчерашней
великанами кажутся мне.

В сердце с самого детства осталось:
«Взяли наши бойцы города» –
удивленье, восторг или жалость
и огромная гордость – всегда!

* * *

Историю моей страны
нельзя представить без войны –
Великой и Священной.
Когда бы у меня был сын,
она бы прибавляла сил,
в его впиталась гены.
Игрушкой были бы ему
«тридцатьчетвёрки» и «СУ»,
потом бы стал военным.
Просил бы он по вечерам:
«Про дядю расскажи мне, мам,
ведь он дошёл до Вены...»

* * *

Пора бы побережь друг друга.
Не доводите до недуга,
гоните всё дурное прочь.
Поймите как сестру, как брата...
Уже сегодня поздновато,
чтоб на душу не пала ночь.
Сочувствуйте и помогайте,
любите, не переставайте.

* * *

Уже и август не за горами,
и годовщина грядёт опять.
А я цветы не сажала маме,
всё лето не было сил сажать.
Куда-то нынче исчезла сила,
а ведь бывало – не занимать...
Но поняла бы она, простила,
как могут только отец и мать.

MAME

Была мудрейшим человеком,
энциклопедией живой,
меня вскормила добрым млеком,
связала с позапрошлым веком
собой, почти что вековой.
Во мне твоя живёт отвага,
и ты веди меня, зови!
Ещё от предков эта тяга...
Писать влечёт к себе бумага –
роман – трилогию любви.

В ХРУЩЁВКЕ

В межквартирном коридоре
среди находок и потерь
говорило Счастью Горе:
«Я войду в любую дверь!»
Счастье Горю отвечало:
«Здесь и так довольно бед,
лишних метров очень мало,
для тебя здесь места нет!»

* * *

Сварю малиновый сироп
и размечтаюсь: «Вот – улада!»
Потом себя одёрну: «Стоп!
Излишне сладкого не надо!»
Все сласти узнаны давно,
а страсти – те ещё давнее...
Люблю Шамирова кино,
искусства остального – вне я.

ОШИБКА

Она со всем прощалась в мыслях
пред тем, как ей в больницу лечь, –
со всем, что было в старых письмах.
Хотела эти письма сжечь –
вне стен и собственного крова...
Но веселей пошли дела.
Ошибся врач. Она здорова.
А письма старые сожгла.

* * *

Зашёл ко мне «знакомый человечек»,
а в общем-то, достойный человек.
Искала я пропавший черновик,
а он нашёл.
«Я, – говорит, – разведчик».
И думая об этом человеке
и о его коллегах, каждый раз
я говорю: «Скорей найдите нас,
кто затерялся в двадцать первом веке!»

* * *

Я так хочу, чтоб ты смеялась,
а ты печалишься опять.
Пусть в радость будет даже малость,
но эту радость не отнять.
Ножи измен наносят раны,
а подозренья жгут дотла...
Смотрю комедии, не драмы,
чтоб ты смеялась и жила.

* * *

«Как мне найти тебя? – спросил. –
Искать в толпе не стало сил...»
А для меня почти что пуст
был Форум, ярмарка искусств.
Оркестр классический играл,
звучал классический вокал...
И ничего достойней нет.
Иди на музыку – на свет!

* * *

Цветочки цвели, а созрели и ягоды.
Теперь я седая совсем.
Я прежде любила зелёные яблоки,
а нынче их вовсе не ем.
Ни белых, ни красных, ни жёлтых, ни розовых...
Да руки, видать, коротки...
Теперь говорю и стихами и прозой.
Но нет про любовь ни строки.

СВИДАНЬЕ

Цветы стояли на столе.
Вина бутылка. Два бокала.
Ты допила всё божоле,
но ты *его* не обожала.
И *он* тебя не обожал.
Но вы так страстно обнимались...
Когда разбился твой бокал,
вы разошлись...Цветы остались.

* * *

Люди любят воспоминанья,
даже те, кто ещё не стар.
Не пишу для их мемуар
про не выдуманные страданья.
Правда вымысла хороша –
не в вине, не на дне стакана –
соберётся в окне романа,
где в героях – моя душа.

СЕБЕ

Несерьёзной казаться – смеяться,
всё дурное на свете забыть,
осужденья людей не бояться
и глагольную рифму любить.
Помнить мамы, отца наставленья
и, прощенья у Бога моля,
выдать прозу и стихотворенья,
чтобы жизнь продолжалась моя.

ХИРУРГИ

Зурабу Хуцураули

В руках всегда у них ножи,
забрызганные кровью красной.
Они нам продлевают жизнь,
и может стать она прекрасной.
Они с зари и до зари –
что у станка... И не игра ведь! –
Всё видят, что у нас внутри,
пытаясь что-то в нас исправить.
Хирургов руки хороши,
и мозг их, словно нож, отточен.
И режут нас от всей души,
и потому их любим очень.

* * *

Когда сдвигается земля,
наружу выходя из трещин,
течёт рекой через поля,
змеёй шуршащей и зловещей...
Народ, собравшись на плато,
стоит, глядит, бежит куда-то,
совсем не ведая, за что
иль за кого пришла расплата

* * *

Не лишим себя нагрузки
изучать язык наш русский,
от зари и до зари
залезая в словари.
Есть всегда день, час, минута,
чтоб сказать: «легко» и «круто»,
только в шутку, только раз
применяя новояз...
Ироничные слегка,
мы на страже языка....

* * *

Они за Родину сражались,
воители сороковых.
В глазах мальчишек отражались
то страх, то боль, то ярость их.
Дни проживали огневые
и погибали, но не зря,
тогда почувствовав впервые,
что значит мать сыра земля.

АРХИВ

ВСТРЕЧИ В ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В минувшем сентябре мне довелось побывать в Санкт-Петербурге, посетить Театральную библиотеку. Мы встретились там с автором журнала «Симбирскъ», кандидатом исторических наук Андреем Васильевичем Маньковым и с замечательными сотрудниками библиотеки, которые много лет трудятся на выбранном поприще: Ольгой Вениаминовной Мокиной, Светланой Андреевной Ковалевой, Ириной Игнатьевной Хатко, Ириной Игоревной Цаповецкой и другими.

Андрей Маньков – биограф первого «красного» директора Театральной библиотеки Александра Сергеевича Полякова (1882 – 1923). (Новую статью А. Манькова, посвященную А.С. Полякову, читайте в следующем номере «Симбирска».) А.С. Поляков – симбирянин, выпускник Симбирской классической гимназии, переживший революционную молодость, нашедший свое призвание в организации библиотеки в после-революционном Петрограде, в самоотверженной работе по сохранению культурного наследия.

В Театральной библиотеке бережно хранят память об Александре Сергеевиче Полякове, хранят ценные документы, фотографии, письма, касающиеся жизни и деятельности первого директора. В отделе редкой книги, рукописных, архивных и

*Театральная библиотека.
На стене - портрет А.С. Полякова*

*Ольга Вениаминовна Мокина,
заведующая справочно-библиографическим
отделом СПб ГТб*

изобразительных материалов – на стене портреты двух директоров библиотеки: послереволюционного периода – Александра Сергеевича Полякова и директора военного, блокадного периода – Марии Иосифовны Тишкевич. (Жизнь М.И. Тишкевич заслуживает отдельного рассказа.)

В 1918 – 1921 годы издавался журнал «Бирюч Петроградских государственных театров». Редактировал его А.С. Поляков. В нем печатались подробные либретто пьес и программы спектаклей, театральная хроника, короткие архивные заметки, статьи ведущих актеров, режиссеров, художников, драматургов, историков театра, филологов и литературоведов Петрограда, комментированные публикации писем и воспоминаний. Номера журнала хранятся в Театральной библиотеке.

Благодарю сотрудников Театральной библиотеки за радушие и внимание. Будем надеяться на продолжение сотрудничества.

Елена КУВШИННИКОВА

*Предлагаем вниманию читателей статью Александра Полякова,
опубликованную в журнале «Бирюч» в 1918 году.
(Материалы для публикации предоставил А.В. Маньков)*

*Андрей Васильевич Маньков и сотрудники отдела
редкой книги, рукописных, архивных и изобразительных
материалов Светлана Андреевна Ковалева
и Ирина Игнатьевна Хатко*

Александр ПОЛЯКОВ, библиограф, историк театра

«ГОРЕ ОТ УМА»

*(Опубликовано в журнале «Бирюч Петроградских театров» №1 – 1918 год.
Журнал хранится в фондах Санкт-Петербургской Театральной библиотеки)*

А.С. Грибоедову, несмотря на хлопоты и энергичные домогательства, не суждено было видеть свое лучшее произведение на сцене, как не удалось его друзьям провести «Горе от ума» полностью через цензурные рогатки в печать. Только через два года после смерти Грибоедова, 26 января 1831 года, в первый раз на сцене Большого театра в Петербурге были даны все четыре действия комедии, конечно, основательно цензурованной и с большими выпусками. Отдельные сцены «Горе от ума» I акта увидели рампу несколько раньше – 2 декабря 1829 г. – роль «Чадского» тогда исполнял знаменитый впоследствии Сосницкий, Фамусова играл Борецкий, Софью – Семенова, а воспитанница Монготье выступила в роли Лизы.

После разрешения в 1831 году, «Горе от ума» входит в репертуар столичных театров, и ряд лучших имен русской сцены – Щепкин, Рязанцев, бр. Каратыгины, Мартынов, Мочалов, Самарин, Сазонов, Медведев, Ленский и др. – пробуют свои силы в ролях Фамусова, Чацкого, Репетилова и др. Долгое время пьесу играют по традициям, по воспоминаниям живых современников, по указанию стариков сцены и любителей театра. Режиссеры мало обращают внимания на самую постановку комедии, а театральная критика занимается больше оценкой игры отдельных артистов или указывают дефекты в исполнении некоторых сцен. И по мере того, как эпоха «грибоедовской Москвы» становилась прошлым, герои «Горе от ума» сходили с жизненной сцены, на комедию начинают обращать особенное внимание, как на произведение классическое, и историки литературы, и театральная критика, и режиссеры театра.

Уже с 60 года появляются статьи, дающие меткую и тонкую характеристику комедии, как сценическому представлению, преподаются советы о костюмах, гриме, обстановке, высказываются мнения о воплощении той или иной роли в бессмертном творении Грибоедова. Но особенно глубокую и детальную работу проделывает русская сцена в текущем веке, когда режиссерский талант находит себе широкое применение в толковании не только всего произведения, не только отдельных лиц, но и мест, фраз, восклицаний. Прежде всего стараются остановиться на определенном, каноническом тексте комедии, изуродованной цензурой и многочисленными переписчиками, так как Грибоедов не оставил вполне законченной рукописи. Двадцатые годы прошлого века, помнящие мишурный блеск Екатерининского царствования, гром победы двенадцатого года, чреватое событиями 14 декабря, гениально воплощены Грибоедовым в его произведении.

«Горе от ума» – комедия бытовая, резко подчеркивающая всю уродливость русской жизни начала прошлого века. Фамусовы, Репетиловы, Загоreckие, Молчалины – живые лица, и современники

*Александр Сергеевич Поляков,
уроженец Симбирской губернии.
Директор Театральной библиотеки в 1918 – 1923 гг.*

легко догадывались, на кого метил автор, и даже называли героев комедии по действительно существующим именам. «Горе от ума» – произведение, бичующее нравы «грибоедовской Москвы» (читай: России), среди которой выделяется одинокий в своей гражданской скорби, страстный в защите человеческого достоинства, юношески влюбленный Чацкий. Биография Чацкого отчасти биография самого Грибоедова. Он устами своего героя старался высказать свое мирозерцание, «желчь и досаду» против толпы, воспитанной в понятиях, где царит смесь французского с нижегородским, где российское мракобесие покрыто тонким слоем европейского лака.

И до сих пор русская сцена работает над правильной передачей грибоедовской эпохи, над толкованием выведенных типов, имена которых стали для нас нарицательными, а многие фразы и реплики обратились в пословицы.

1918

(Орфография автора сохранена полностью.)

ПЕРЕКРЁСТОК

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ИСТОРИЯ ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

Очередная онлайн-встреча литературной студии «Восьмерка» была посвящена комедии Грибоедова «Горе от ума».

Вы обратили внимание, что с годами восприятие классики, известной по школьной программе, меняется? Во-первых, больше не довлеет каноническое школьное толкование, подходящее для сочинений на стандартные темы, но не подходящее для наслаждения текстом. Во-вторых, собственный житейский опыт добавляет смыслов. «Горе от ума» я читал раз пять, несколько раз видел разные театральные постановки. Но последнее прочтение заставило посмотреть на пьесу под новым углом. На этот раз мне показалось, что центральный персонаж «Горя от ума» – это Софья, а пьеса – это главным образом про ее женскую историю. Историю обманутых надежд.

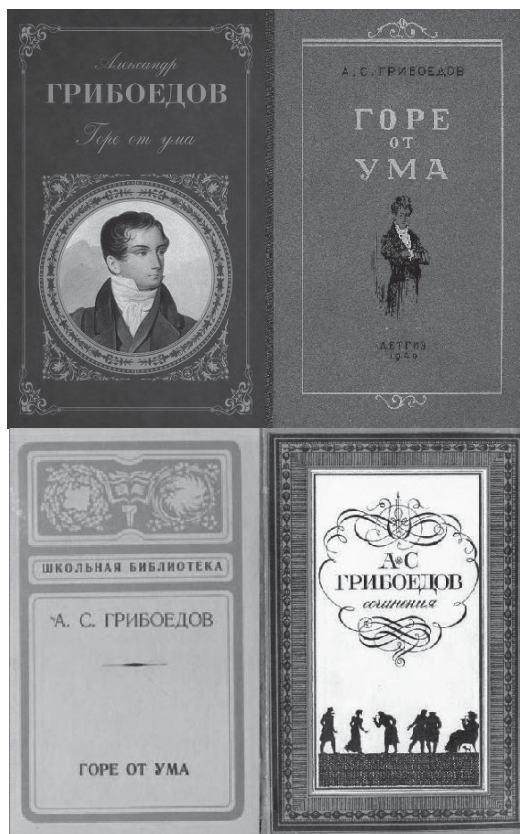
В самом деле, приятель юных лет Софьи Чацкой покинул ее на три года, не дав знать о своих намерениях в отношении ее. У Чацкого есть задатки общественного деятеля, желание служить Отчизне. Он уехал в странствия, чтобы набраться впечатлений, попробовать себя на том или ином поприще в столице. В общем, он уехал, чтобы почувствовать себя мужчиной, способным исполнить долг перед Отечеством и ищущим место приложения своих талантов. Он наделен недюжинным интеллектом и даже страстью, а кому многое дано, с того многое и спросится. Вписывается ли в эти амбиции московская барыня Софья, подруга его юных дней? Не очень. А ведь ей уже 17, в это время девушки уже на выданье, их вывозят в свет. А от Чацкого, судя по всему, – ни строчки за три года. Ну и – с глаз долой, из сердца вон. Поэтому стоит ли Чацкому обижаться на холод-

ный прием по возвращении? Девушкам, как это ни странно, нужно внимание, если вы хотите их удержать. Чацкий же был поглощен своими амбициями и решил, что Софья его подождет. С чего он это решил? Блестящий ум Чацкого оказался несостоятельным в сфере эмоционального интеллекта. И вот он возвращается: любите меня! Хочется спросить (если встать на сторону Софьи): а где ты был, милоч, все это время?

Можно ли считать, что Софья отомстила Чацкому за три года унижительного молчания? В какой-то мере – да. Она предпочла ему ничтожество Молчалина, безрассудно спроецировав на него свои девичьи грезы о семейной жизни. Стоит ли ее за это осуждать? Какой житейский опыт у 17-летней светской девушки? Ее путь проб и ошибок только начался. И начался он с Чацкого и Молчалина. Раздражение ее против Чацкого совершенно понятно: три года носа не казал, и нате вам – явился не запылел, да еще требует какого-то ответного чувства. Да нет его уже давно, и остатки развеялись, растворились в ожидании и неизвестности. И обморок Софьи, когда Молчалин наверхнулся с лошади, был неподдельный. Ее потенциал любви уже нашел место для своей реализации, правда, совершенно неудачное. Как писал другой классик: «Пришла пора – она влюбилась».

Так что Чацкий закономерно пожинает плоды своего эгоцентризма. Поэтому – победитель он или побежденный? Да, набравшись в поездках прогрессивных идей, он бросил вызов светскому «фамусовскому» обществу, никого ни в чем не убедил, потому что не мог убедить, разворошил только это осиное гнездо, да и то ненадолго. Болотная жижа хлюпнула и снова сомкнулась, а он – «Карету мне, карету!». Да это бегство! В том числе и от поражения «в личной жизни».

Поступок Софьи, запустившей слух о сумасшествии Чацкого, жесток. Но «оскорбленное чувство» – не только у Чацкого, но и у нее. У нее оно даже сильнее. Это не оправдывает Софью, но объясняет ее поступок. Униженная и оскорбленная женщина может быть страшна в гневе и мести, даже если ее обида – у нее же в голове и не имеет реальной почвы. А тут почва была: Чацкий предпочел семейной идиллии и воркованию с ней на балах общественное служение (ибо все задатки для этого имелись), гражданское чувство он поставил на первое место, а оно оказалось несовместимо с нежными чувствами. Потом, разочаровавшись в своих поисках, отчаявшись найти приложение своему гражданскому чувству, он возвращается в Москву: у него

же там запасной вариант, его же там Софья, как ему верится, ждет не дожидается, чтобы упасть к нему в объятия! Но – свято место пусто не бывает, свято место в сердце Софьи занято проходимцем (к счастью для нее, ненадолго).

Удивительно, но в советской школе образ Чацкого трактовался как образ прогрессивного молодого человека, чуть ли не революционера-декабриста, страстного обличителя феодальных и светских порядков. Но студийная дискуссия выявила, что у Чацкого мало сочувствующих. Нет никакой уверенности, что он нравится самому Грибоедову. Горе его уму! Что он может? Плести красивые слова? «Служить бы рад»? Но и в александровские времена были люди, которые находили способы служения Отечеству даже на неблагоприятном общественном фоне. Для этого надо было слегка убавить

идеализма и запастись терпением и прагматизмом (хоть терпение и не является доблестью юности, это понятно). Грибоедов выводит тип интеллигента, который не может себя нигде применить в реальной жизни. Обижается на глухое косное общество. Обижается на Софью. Эти умники жутко обидчивы. Но на обиженных, как говорится, воду возят.

Будучи эгоцентристом, Чацкий не чувствует психологических границ, в том числе и с Софьей. В общении с Фамусовым он просто не вполне адекватен (прав, прав Пушкин насчет бисера и свиней). Есть в нем что-то от Дон Кихота, только желчного и злого. Или он – более утонченная разновидность разочарованного жизнью Адуева-младшего. Он носитель идей социальной справедливости? Да. Но кому он их несет? Поэтому логично: как принес, так и унес. А может, просто свалил их за ненадобностью под той лестницей, где он затаился, слушая диалог Софьи и Молчалина. Недаром в спектакле Курского драмтеатра «Горе от ума» после возгласа «Карету мне, карету!» раздается из-за сцены пистолетный выстрел как точка в конце жизни человека, утратившего ее смысл.

А что Софья? Ну, переживет заточение в саратовской глуши. Может быть, там же выйдет замуж за местного помещика, будет образцовой матерью семейства, будет давать балы и музыкальные вечера. Или вернется в Москву после своей ссылки, опять же выйдет замуж за военного или статского, в каком-нибудь пассаже случайно столкнется с постаревшим Чацким, чуть помедлит, припоминая – кто таков, так не припомнит и пойдет выбирать французские кружева к очередному балу и сигары для папеньки.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей.

БЕСПЛОДНЫЙ ТАЛАНТ

Жизнь художественных идей и персонажей в культуре складывается по-разному. Одни как случайные прохожие, раз промелькнув перед глазами публики, постепенно удаляются, чтобы никогда больше не возвратиться. Другие задерживаются подольше, возвращаются вновь и вновь, порой переодеваясь в новые одежды переводов, экранизаций, иллюстраций и прочих переложений в другие жанры и виды искусства. Иногда от них бывает трудно отделаться как от назойливых гостей. Они настойчиво или даже нагло вторгаются в поле общественного внимания в виде героев анекдотов или популярных шлягеров. И только некоторые каким-то волшебным образом становятся постоянными спутниками не просто жизни одного поколения, но истории целого народа. Они обретают статус кого-то вроде родственников или членов семьи, которых становится как-то неприлично забыть или проигнорировать. Их наполненность содержанием и смыслами намного превосходит полноту бытия самых известных реальных исторических личностей.

Герой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» принадлежит к этой последней категории. Он не просто постоянно возвращается, а вообще никуда не уходит. Театральные постановки спектаклей не сходят с театральных сцен, фильмы можно найти в интернете, не говоря уже о школьной программе, согласно которой дети знакомятся с классическим произведением, изучают образ несчастного Чацкого и разбираются в его несчастьях. Попробую и я порассуждать на заданную тему.

Вопросы для размышлений помню еще со школьных лет. Горе главного героя комедии, его конфликт с обществом носит субъективный или объективный характер? Оно неизбежно или его можно было избежать? Герой такой несчастный от того, что такой умный, или по какой-нибудь другой причине? Ну и, как говорится, кто виноват и что делать?

Как нам известно из школьных уроков, А.С. Пушкин отказал Чацкому в уме, а И.А. Гончаров с великим поэтом не согласился. Как разобратся в этом разногласии? Лозунги, которые герой с большим пафосом провозглашает в обществе, не глупы. Однако говорить с окружающими людьми на языке лозунгов – не просто глупо, но и не очень-то уважительно. Собеседники вправе на него обидеться: «к нему относятся как к человеку, а он с нами как на митинге». Чацкий вполне себе умен и образован, но попадает в глупую ситуацию. Во всем его образе ощущается некий скрытый дефект. Чацкий какой-то не настоящий что ли... Он – картонный герой. Его конфликт с обществом чем-то напоминает конфликт подростка со взрослыми людьми. Подросток уже начитался хороших книг и знаком со многими «передовыми» идеями, с позиции которых он может даже обличать взрослых в их неправоте. Но подросток еще не знает настоящей жизни, он не осуще-

ствил ни одной своей идеи на практике. Поэтому за его словами ничего, кроме книг, не стоит.

Настоящая жизнь протекает все-таки в «фамусовском обществе», а не в среде прекраснодушных мечтателей вроде Чацкого. Как бы герой ни обличал своих оппонентов, но победу в войне с Наполеоном одержал все-таки Скалозуб и такие, как он, грубые вояки. А Москву после пожара отстроили все-таки под руководством таких чиновников, как Фамусов. Да, военные часто не блещут умом и образованностью. Да, чиновники в значительной мере взяточники и карьеристы, которые при возможности еще и подворовывают. Да, светское общество состоит не из одних Татьян Лариных и Пьеров Безуховых. Чаще тон в нем задают какие-нибудь злые старухи хлестаковы и пустословы репетиловы. Все это так. Но это реальная жизнь. Как, сказал когда-то Иосиф Виссарионович секретарю союза писателей Фадееву: «Других писателей у меня для Вас нет».

Чего тогда не хватает Чацкому? Может ли он не быть картонным героем? На мой взгляд, вполне может. Чацкий должен повзрослеть и заняться каким-то серьезным делом, заняться серьезно, повзрослому, до появления всеми признаваемых плодов и результатов. Факты – упрямая вещь, против них не попрешь. Что могло бы стать плодами жизни такого Человека, как Чацкий, которыми он мог бы ответить за свои слова? Посмотрим на его современников, которым что-то в жизни удалось.

Чаще всего Чацкого сравнивают с самим автором комедии, Грибоедовым. Исполнители этой роли нередко даже гримируются под драматурга. Мог бы Чацкий стать дипломатом или чиновником, от которого зависит жизнь в стране? Вполне мог бы, если бы сумел укротить свою гордыню, под влиянием которой ему было «прислуживаться тошно». Его блистательный современник Михаил Сперанский благодаря своему таланту смог стать помощником и советником двух императоров и автором свода российских законов. А ведь начинал тоже келейником ректора семинарии, то есть практически домашним слугой. Чацкий мог бы служить в армии, как сам же советовал другу Горичу: «в полк – эскадрон дадут». Если он не сочувствовал идеям декабристов, оставившим свой яркий, неоднозначный, но славный след в истории, то мог бы, например, участвовать в расширении пределов и охране границ империи. Это действительно важная историческая миссия. Если имел соответствующий талант, то мог бы стать писателем. Первая половина XIX века – золотое время русской литературы. Ее роль и влияние в обществе растет. Наконец, он мог заняться наукой и преподаванием. Мог стать вторым Лобачевским или предшественником Сергея Михайловича Соловьева. Мог также уподобиться Петру Чаадаеву, от которого, кажется, воспринял не только свою литературную фамилию, но и отчасти судьбу. Но для этого ему все-таки нужно было напи-

сать восемь философических писем и постараться опубликовать хотя бы некоторые из них. Тогда он всю оставшуюся жизнь мог бы, подобно своему образу, ходить по московским салонам и провозглашать мрачные пророчества. Звание сумасшедшего для Чаадаева – это не месть оскорбленной в своих романтических чувствах московской барышни. Это охранная грамота, выданная лично царем по ходатайству шефа полиции генерала Бенкендорфа, чтобы не превращать мыслителя в откровенного революционера и мученика за идею, а просто снизить общественную значимость произносимых им слов.

Но ничего подобного Чацкий не совершил. Вместо этого, он очередной раз сбегает из посмеявшегося над ним общества с криком: «Карету мне, карету!». Повзрослеет ли подросток Чацкий? Станет ли он реальным участником реальной жизни или останется ярким, но бесплодным пустоцветом? Текст комедии не дает ответа на этот вопрос.

Однако герой оказался шире своего первоначального текста. Культурная жизнь давно уже поставила его в самые разные ситуации и контексты. В разных театральные постановках Чацкий представлялся в очень разных толкованиях и интерпретациях. Был он лучом света в темном царстве ужасного фамусовского общества, пророком будущего освобождения, едва ли не буревестником грядущей революции. Был он и «лишним человеком», не сумевшим приспособиться к недоброму и пошлому миру, искавшим и не нашедшим счастья в личной жизни. Чацкий был либералом, носителем передовых западных идей, до которых еще не доросла отсталая и консервативная московская публика. Был он и никчемным чудачком-мечтателем, недалеко ушедшим от болтуна Репетилова. Трудно представить, кем еще он может оказаться для нас. Это – дело нашего общего будущего, нашей собственной роли и позиции в разыгрываемой историей драме.

А пока мы можем еще попытаться взглянуть на этого персонажа органом духовного зрения, попытаться осуществить по отношению к нему операцию «различения духов».

Адаптируется ли Чацкий в окружающем его обществе хотя бы в перспективе, хотя бы рано или поздно, или навсегда останется отвлеченным идеалистом, Дон Кихотом, ведущим свою бесплодную борьбу с мельницами? Трудно сказать. Вероятнее всего, ему суждено пополнить ряды «лишних людей», которым Лермонтов немного позднее поставил свой беспощадный диагноз:

«Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда».

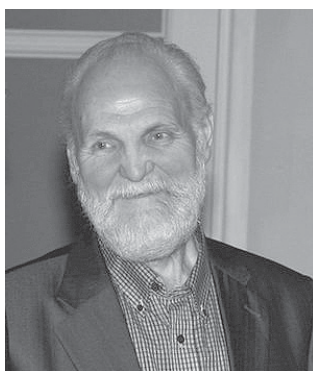
Для того, чтобы Чацкому стать уже совершенным демоном, гением отрицания, бесом в понимании Достоевского, время тогда, пожалуй, еще не пришло. Но и «лишний человек» – фигура в духовном смысле тоже довольно жалкая. А как должен измениться дух героя, чтобы у него появилась возможность приобрести черты христианского совершенства? Тут стоит вспомнить притчу о талантах (от Матфея 25, 14-30). Господь не напрасно раздает людям таланты: кому-то один, а кому-то и много. Талант требует ответственного к себе отношения. Он нуждается в развитии, применении и приумножении. Человек, одаренный умом и прочими талантами, зарывающий их в землю, не предпринимающий усилий для их применения, – грешник пред Богом. Тут не стыдно и побегать в поисках работы, и поклоняться сильному мира сего, лишь бы найти своим талантам хоть какое-то применение. В этом и заключается взрослость, то совершенство, которого никак не может обрести вечный подросток Чацкий.

Но одно совершенство он все-таки приобрел. Во всех своих скитаниях и появлениях «с корабля на бал» Чацкий всегда остается на некоторой дистанции от остального мира, что позволяет миру через него провести своего рода рефлексии, взглянуть на себя его глазами. Может быть, именно этим своим качеством он всегда остается для этого мира интересным и необходимым.

ДОРОГА К ХРАМУ

Владимир КРУПИН, член Союза писателей России (родился 7 сентября 1941 г., Кильмезь, Кировская область) – писатель, публицист и педагог. Лауреат Патриаршей литературной премии. Почётный гражданин Кировской области. Живет в Москве.

ЗИМНИЕ СТУПЕНИ

Рассказ из книги «Время горячей спички»

Вятское село Великорецкое. Именно то село, где шестьсот лет назад явилась чудотворная икона Святителя Николая. В начале лета сюда идет многолюдный крестный ход из Вятки, и вообще все лето здесь полным-полно приезжающих – и молящихся, и просто любопытных. Места удивительной красоты, взгляд с горы, на которой стояла сосна с иконой, улетает в запредельные пространства. Небольшая, похожая на Иордан, река, источник и купальня около нее очень притягательны. В реке купаются, а кто постарее, тот погружается в ледяную купель. Зимой купель перемерзает, но источник все льется и льется. Только нет у него, как летом, очереди – пусто на берегу. Но в церковные праздники все-таки вода льется не только в реку, но и в баночки, и в бутылочки: это старухи после службы приходят за святой водой.

Пусто зимой в селе, заснежено, просторно. Даже и старухи эти, что стоят на службе в церкви и ходят за водой, не местные, а из районного центра, приезжают на автобусе, который ходит два раза в день, а иногда ни разу. Но в праздники ходит.

Накануне Рождества двое мужчин, Аркаша и Василий, делают ступени к источнику. Оба одного года, обоим за пятьдесят, но Василий выглядит гораздо старше: судьба ему выпала нелегкая. Всю жизнь, лет с четырнадцати, на тракторе, в колхозе. Нажил дом, вырастил детей. Дети поехали в город. Жена умерла. Дети уговорили продать дом, чтобы им купить квартиру. Купили. А недавно сын попал в одну историю, ему угрожала или тюрьма, или смерть от дружков. Надо было откупаться. Продали квартиру, сын сейчас живет у родителей жены, а Василий здесь, из милости, у дальних родственников, в бане.

Храм в селе Великорезцкое

Аркаша молод и крепок на вид, в бороде – ни одной сединки. Аркаша – городской человек, приехал сюда по настоянию жены, она певчая в церкви. Руки у Аркаши сноровистые, батюшка постоянно о чем-то просит Аркашу. Аркаша, конечно, руководит Василием.

Василий работает ломом, Аркаша подчищает лопаткой.

– Дожди на Никольскую ударили, экие страсти, – говорит Василий, – всегда Никольские были морозы, а тут дожди. Но уж рождественские свое берут. – У Василия на красных щеках замерзшие слезы. Телогрейку он давно снял, разогрелся, Аркаша в тулупчике.

– Но уж зато сколько «спасибо» завтра от старух услышим, – разгибается Василий.

– Похвала нам в погибель, – рад поучить Аркаша, – нам во спасение надо осуждение и напраслину, а ты спасибо захотел.

– Не захотел, а знаю, что старухи пойдут, благодарить будут. Какая тут погибель?

– Плохо ты знаешь Писание, – укоряет Аркаша. – Вот ты знаешь рождественский тропарь? Нет, не знаешь. А завтра в церкви запоют, и ты будешь стоять и ничего не понимать. Но это-то должен знать: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение». А? Ангельское пение в небесах слышали пастухи. Пастухом был небось? Вот, а ангельского пения не слышал. Так ведь? По нашему недо достоинству. В мир пришел Спаситель – и не узнали! – с пафосом произносит Аркаша. – Места в гостинице не нашлось, в ясли положили Богомладенца – Царя Вселенной!

– Я в хлеву часто ночевал, – простодушно говорит Василий. – Снизу сенная труха, сверху сеном завалюсь, корова надышит, в хлеву тепло. Она жует всю ночь, я и усну. Утром она мордой толкает, будит... – Василий спохватывается, заметив, как насмешливо глядит на него Аркаша, и начинает усердно откалывать куски льда.

Аркаша учит дальше:

– По замыслу Божию, мы равны ангелам.

– Нет, – решительно прерывает Василий, – это уж, может, какая старуха, которая от поста и молитв

высохла, светится, – та равна, а мы – нет. Я, по крайней мере. Ближе к этому не стою. Ты – конечно. Ты понятие имеешь.

– Я тоже далек, – самокритично говорит Аркаша. – Были б у нас сейчас деньги, мы б не ступени делали, а пошли б и выпили.

– Вначале б доделали, – замечает Василий.

– Можно и потом доделать, – мечтает Аркаша, но спохватывается:

– Да, Вася, в Адаме мы погибли, а во Христе воскресли. Так батюшка говорит. Христос – истина, а учение Его – пища вечной истины. Это я в точности запомнил. У меня память сильно сильная. Вот и на заводе – придут из вузов всякие инженеры, а где какой номер подшипника, какая насадка – все ко мне...

Батюшка уже сходил в церковь, все подготовил для вечерней службы, велел послушнику Володе не жалеть дров, вернулся в дом и сидит, готовит проповедь на завтра. Перебирает записи, открывает семинарские тетради. Так много хочется сказать, но из многого надо выбрать самое необходимое. Батюшка берет ручку и мелко пишет, шепча и повторяя фразы: «Мы не соединимся со Христом, пока не пробудим в себе сознание греховности и не поймем, что нашу греховную немощь может исцелить только Врач Небесный». Откладывает ручку и вздыхает. Когда батюшка был молод, принимал сан, то дерзал спасти весь мир. Потом служил, бывал и на бедных, и на богатых приходах и уже надеялся спасти только своих прихожан. А потом думал: «Хотя бы уж семью свою спасти». Теперь батюшка ясно понимает, что даже самому ему и то спастись очень тяжело.

– Ох-хо-хо, – говорит он, встает, крестится на красный угол, на огонек лампадки и подходит к морозному окну.

Последнее на сегодня солнечное сияние розоватит морозные узоры. Тихо в селе. Из труб выходят сине-серые столбики дыма. «Так и молитвы наши, – думает батюшка, – яко дым кадильный». Он возвращается к столу и записывает: «Благодатная жизнь возникает по мере оскудения греха». «Нет, надо проще, – думает батюшка, но тут же возражает себе: – Но куда проще говорил Господь Каину, а тот умножил свои грехи. Праведный Ной разве не призывал покаяться? То же и праведный Лот. И не слушали. И на горы приходили воды, и огненная сера падала на Содом и Гоморру. Проходили воды, смывавшие нечестия, но проходил и страх гнева Божия, опять воцарялся порок, плясали вокруг золотого тельца – опять все сначала. Господи, как же ты терпелив и многомилостив! Строили столп вавилонский, чтобы увековечить себя, свою гордыню. Господь смешением языков посрамил гордыню человеческую, они же стали воздвигать башни в себе. И опять Господь попустил свободу их сердцам, чтобы сердца их сами увидели гибель. Нет, не увидели. Через Моисея дал законы и обличил немощь человеческую – и опять: разве послушали?»

Батюшка снова встает, снова крестится, кладет три поклона и уже не замечает, что говорит вслух:

– Пророки говорили и умолкли, дал время Господь выбрать пути добра и зла, жизни и смерти. Всегда-всегда был готов Господь спасти, но люди сами не хотели спастись. И когда прииде кончина

лета, кончина обветшавших дней, послал Господь Сына Своего Единородного в палестинские пределы.

Мысли батюшки улетают в Вифлеем. За всю жизнь батюшка так и не смог побывать на Святой земле, может, оттого так обостренно и трогательно он старается представить всю ее: и Назарет, и эти ступени, которые вели к источнику Благовещения, и ступени к пещере, в которой, повитый пеленами, лежал Богомладенец и куда вела звезда, и неграмотных пастухов, и образованных волхвов, и ступени на Голгофу. Батюшка всегда плачет, когда представляет Божию Матерь, стоящую у Креста. Сын умирал на Ее глазах. Сын! Господи, только по Его слову сердце Ее не разорвалось – еще много Ей предстояло трудов.

– Дедушка, – влетает в комнату внучка, – а Витька говорит, что игрушки на елке – это слезы, что это ты говорил. Какие же это слезы?

– А, – вспоминает батюшка, – да, говорил. Видишь, Катюша, у нас елочка, а на юге пальма. Пальма же ближе к Вифлеему. Все деревья собрались славить Рождество Христа, а елочка опоздала, ей же далеко. Опоздала и заплакала. У нас холодно, слезки замерзли. Господь ей сказал: «Все твои слезы будут тебе как драгоценности». Вот мы и наряжаем с тех пор елочку.

– А еще Витька сказал, – ябедничает дальше внучка, – что Дед Мороз – это не Дед Мороз, а Санта-Клаус, американский, говорит. Да, дедушка?

– Нет. Санта-Клаус – это святой Николай. Какой же он американский? Он христианский, православный.

Внучка улетает. Батюшка облачается к вечерней службе. Он любит вечерние службы. У печки обязательно дремлет приехавший заранее старичок, которому негде ночевать, но который просыпается точно к елеопомазанию. Любит батюшка исповедовать именно вечером, без торопливости, спокойно, читая корявые строчки незамысловатых грехов: «Невестка обозвала меня, а я не стерпела и тоже обозвала, каюсь...».

Рождественское утро. Кто-то приехал еще до автобуса, успел уже побывать на источнике.

– Ой, Аркадий, – благодарят громко женщины, – это, ведь такая красота, прямо как в санатории ступеньки! А мы шли, переживали – как попадем?

– Думали, как Суворов через Альпы, да? – довольно шутит Аркаша.

И в автобусе народу битком, и в церкви стеной. Василий забивается в самый конец, за печку, видит, что вьюшка на печке хлябает в своем гнезде и около нее поддымлено, закоптилось. Василий вспоминает, что у него в предбаннике есть глина и белила, и решает завтра же починить печку.

Начинается служба. Конечно, Василий не понимает многих слов, не понимает всего пения, но ему так хорошо здесь, так умирительно глядеть на горящие свечи, слушать батюшку, согласный молитвенный хор, видеть, как открываются и закрываются царские врата, как летит оттуда, из алтарного окна, сверкание рождественского солнца, и вдыхать сладкий запах кадильного ладанного дыма. Василию становится жарко, хотя он заранее снял телогрейку и стоит в старом свитере сына. Он чувствует, что нос у него расклеивается, думает: «Где это я простыл?» Достает носовой платок, высмаркивается

Фото Илы Таранова

тихонько и ощущает, что у него мокрые глаза. Он понимает, что это от умиления, от того, что так хорошо ему давно не было, что вот он, всеми брошенный, никому не нужный, нужен и дорог Господу, что Господь его не оставил, что ноги, слава Богу, несут, руки работают, никому не в тягость, голова соображает... Что еще? Может, еще какую работу найдет, чтоб сыну помогать. «Пусть бы все на меня валилось, – думает Василий, – еще же и мать, покойница, говорила: “Кого Бог любит, того наказывает”». И это, материнское, вспомнилось ему именно сейчас, в церкви, значит, жило в нем и ждало минуты для утешения. «Любит меня Бог, – понимает Василий. – Любит. Ведь сколько же раз я мог умереть, погибнуть, замерзнуть, спиться мог запросто, а живу». Василий украдкой вытирает рукавом слезы.

Аркадий стоит впереди всех, размашисто крестится. Но ему не до молитвы, надо готовить емкости для водосвятия. Он выходит на паперть и кричит проходящему соседу:

– А по какому праву службу прогуливаешь?

– Ты ж знаешь, я в церковь не хожу, – отвечает сосед.

– Надо, – сурово назидает Аркаша. – А если в церковь не пошел, ставь бутылку, я за тебя свечку ставлю.

Сосед смеется и бежит дальше.

Аркаша разбивает лед в бочке, начерпывает воды в ведра, несет в церковь. Батюшка заканчивает проповедь:

– ...и каждому, и всем нам дается время на покаяние. Долготерпелив, милостив Господь, не до конца прогневается, говорят святые отцы. Но мы то, грешные, доколе будем полнить чашу греховную, доколе? Ведь уже через край льется...

Батюшка долго молчит. Слышно, как потрескивают свечи. Звонят колокола. В морозном солнечном воздухе звуки их чисты и слышны далеко окрест.

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат премии имени И.А. Гончарова, лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского.

В ОЖИДАНИИ РОЖДЕСТВА

*Звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.
Иосиф Бродский*

Страшный, мучительно долгий год...

Помню, в прошлую новогоднюю ночь, глядя на фейерверки и радостные лица на улице, вдруг подумала: чему люди радуются? Предчувствие, что год будет особенно тяжелым, не обмануло. Еще не разыгралась вся шальная пандемия, как уже посыпались со всех сторон дурные вести...

Первая тяжелая утрата – Кларина Шадько. Провожая ее, я плакала, как безумная, не в силах остановиться – таким сильным был душевный протест. Смотрела на гроб, и слезы лились рекой. Как же так? В этом бездыханном теле осталась частица моей души, мое любящее сердце! И когда услышала, как стукнулся о крышку гроба первый комок земли, вздрогнула, ощутив резкую физическую боль, а комья сыпались и сыпались, и хотелось укрыться от них, как от дьявольских стрел...

Вскоре стало ясно, что наша прекрасная Элеонора Ильинична Денисова на грани жизни и смерти. Она слегла и с каждым днем все больше страдала. Мы открыто говорили с ней о предстоящем уходе. Однажды она попросила меня перебрать бумаги: «Давай пересмотрим все, что есть, и уничтожим лишнее». Перекладывая папки с письмами, рассказами, воспоминаниями, я хваталась за каждый листок и пыталась положить его в свою стопку, «на вечную память», но Элеонора строго останавливала меня: «Нет, это на выброс». Тогда я еще не понимала, почему...

Наши с ней последние разговоры – попытка переосмыслить жизнь.

– По ночам я часто плачу, – призналась Элеонора Ильинична, – но не от того, что жалею себя, нет. Плачу от раскаяния. То одного человека вспомню, кого однажды обидела, то другого, и так горько думать об этом. Но мне после этих слез становится легче на душе...

Выходит, можно кое-что изменить? И многое... Искренним покаянием.

Когда человек на пороге другого мира, он всегда старается переосмыслить пройденный путь, но

покаяться может далеко не каждый. Некоторые жалеют себя и обвиняют в собственных горестях всех вокруг. Элеонора же плакала о собственных грехах.

– И вот что удивительно, – добавила она тогда. – Мне стыдно за те свои действия, которые я считала добрыми и нужными, а теперь открылась обратная сторона поступков.

Слушая эти признания, я искренне радовалась за болящую. На моих глазах происходило великое преобразование.

Когда провожали Элеонору Ильиничну в последний путь, не было чувства катастрофы: все мы, ее друзья, почему-то уверовали, что она отправляется в счастливое путешествие по голубым планетам и за пазушку к Богу. И только жалость к себе давила, как грудная жаба: а как же мы будем жить без нашей обворожительной, мудрой, любящей Нонны?

Много лет она была для меня и мамой, и учителем, и строгим судьей. Ей первой я всегда приносила новый рассказ или повесть и с волнением ждала оценки. Иногда хватало одной ее фразы: «Может быть, введешь еще одного героя?» – я комкала все и радостная бежала писать заново.

Вскоре после ухода Элеоноры Денисовой на меня обрушилось новое непосильное горе: младшая сестренка призналась, что у нее рак легких. К врачу обратилась слишком поздно, думала, что болят позвоночник, уши, илленный несколько лет назад во время гололеда.

– Четвертая стадия? Ну и что! Будем лечиться!

Я верила тому, что говорю, и сестре внушала: болезнь можно победить!

Наверное, какие-то защитные кнопки срабатывают у нас в мозгу в тяжелые моменты жизни, и мы обманываем сами себя. Но душа моя вопила: не можешь спасти тело – спасай родную душу! И я осторожно спросила сестру:

– Пойдем на исповедь и причастие?

Лена исхудала и ослабла. Она задыхалась, с трудом держалась на ногах, но мужественно отстояла и вечерю, и литургию. После исповеди мы обе пла-

кали, обнявшись. Из храма, причастившись Святых тайн, выходили окрыленные, радостные. Сестра сказала:

– Мне не страшно, только внука жалко. Хотела помочь ему встать на ноги.

– Ты обязательно поможешь... – В этот момент я поняла, что исход предreshен, и добавила: – В любом случае поможешь.

Смерть – жестокий, но мудрый учитель. Она научает гораздо больше, чем живой человек. Как только она врывается в наш дом, все переворачивается с ног на голову. Или наоборот?.. Смерть открывает истину?

С детства я поучала сестру на правах старшей. Во взрослом возрасте лезла в ее личную жизнь и критиковала за быт. И только перед гробом сердце прожгла страшная догадка: это она должна была учить меня, как жить безгрешно, никого не осуждая, не заглядывая в будущее и ни на что не претендуя.

Прощаясь с самыми дорогими людьми, мы осознаем близость собственного конца, и душа неожиданно требует другого духовного уровня жизни. Это сравнимо с тем чувством, какое может испытывать человек, сидевший много лет в темнице и вдруг увидевший свет, – вот когда открывается стремление к иной жизни, напитанной божественным содержанием.

Ох, как много времени мы тратим на суету сует! Не потому, что нечего делать, а из чувства собственной значимости, незаменимости, обманывая себя и убеждая: ты служишь людям, делаешь им добро. Но старуха с косою стучится в дверь и надменно смеется: тщеславный глупец, ты нужен только мне и никому больше!

И ты вдруг видишь, как много из того, чему отдал столько сил и времени, – мыльный пузырь, пустая трата времени! Творец задумал тебя совсем с иной целью...

Пишу о пережитом горе почти спокойно, но это не значит, что в душе у меня не было протеста, когда я увидела распластанное на полу тело сестры.

«Нет, нет, нет! Я не согласна! – кричала я Богу. – За что? Почему? Неужели пред Тобой провинилось все человечество?..»

И сейчас боль не ушла, но обратилась в тихую молитву: «Помяни, Господи душу рабы Твоей Елены, прости ей все согрешения вольные и невольные...»

Почти каждый день этого страшного года добавлял в мой поминальник новое имя...

Жуткую точку поставил этот уходящий год: снарядом ковида убита наша добрая, талантливая, легкокрылая Татьяна Эйхман! Этой трагической, непостижимой вестью ранены все ульяновские поэты и журналисты, медики и библиотекари, краеведы и музейщики. Писать об этом невозможно, сердце разрывается от боли...

Но, чем ближе к Рождеству, тем слабее накал богоборца, ратующего за справедливость. Как бы ни были суровы и мучительны дни уходящего года, они принесли духовное обновление. Темень смерти торопит нас и указывает путь: к Свету, к Рождеству! Скорее – в тот день, когда сам Бог воплотился в человека.

Зачем воплотился? Ответ знаком всем: во имя спасения людей. Мы слышим это часто, но не задумываемся над сутью. Во имя спасения происходит абсолютно все вокруг! Во имя спасения творится история – с ее революциями, войнами, катастрофами, гибелью людей.

Спасение отдельного человека не измеряется количеством прожитых лет. Я даже склоняюсь к мысли, что долгожителю труднее спастись, чем молодому. Иногда Бог продляет человеку земное существование в болезни и в муках затем лишь, чтобы он принял хотя бы сотую долю страданий Христа и уверовал во спасение.

Каждый день приближает нас к Рождеству. Кажется, никогда раньше я не ждала этот праздник с жадной, какая пробудилась недавно. С духовной радостью о рождении Спасителя и с готовностью покаяться и смириться, стяжать плоды Духа: любовь, милосердие, кротость, долготерпение.

...Да, это был страшный год. Смерть парила над всеми. Но впереди – Рождество. Праздник, дарующий каждому из нас возможность родиться заново в свете звезды, под пронзительным взглядом Отца. Родиться и почувствовать, что суть человека нераздельна с Божественной сутью.

Икона «Рождество Христово»

Александрина ВИГИЛЯНСКАЯ (Москва), филолог, журналист, сценарист, президент благотворительного фонда святого праведного Алексия Бортсурманского. Автор восьми документальных фильмов, снятых для телеканала «Культура». Автор книги «Видимое невидимое». Обладатель Золотого диплома от X Международного славянского литературного форума «Золотой витязь». При подготовке книги несколько раз приезжала в Ульяновск, работала с документами Государственного архива Ульяновской области. В настоящее время Александрина Вигилянская готовит к изданию книгу документальных материалов о святом праведном Алексии Бортсурманском, который является ее предком в восьмом колене. По книге «Видимое невидимое» снят документальный фильм (режиссер Ирина Васильева). Александрина Вигилянская дочь поэта Олеси Николаевой и протоиерея Владимира Вигилянского. Занимается восстановлением храмов в Курмыше Нижегородской области, в тех местах, где когда-то жили и служили славные предки Вигилянских. Предлагаем вниманию читателей короткие рассказы, странички дневника. Автор напоминает нам о том, что «случайности не случайны и что Небо близко». Книгу с автографом Александрина Вигилянская подарила Ульяновской центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова.

Из книги «Видимое невидимое»

«Мы не о себе, мы о чудесном.

Я каждый раз ставлю точку, а она оказывается запятой...»

Александрина Вигилянская

ДЕРЕВО. НЕБО. ПОЛЕ

Просто небо, просто дерево в поле – мало ли одиноких деревьев, мало ли закатных облаков... Но эти, как и все остальные – единственные.

Поэтому останавливаешь машину незнамо где, на пустой сумеречной дороге, кажется, где-то на границе Псковской и Тверской областей, достаёшь мобильник и – «щёлк», складываешь их – случайное чистое поле, случайное грозное небо, случайное чёрное дерево в случайном морозном декабрьском бесснежье – в свои тайники-закрома-чердаки: у всех же есть этот файл подсмотренных небывалых случайностей, существующих в единственном числе.

Дерево, поле, небо, ледяные прозрачные сумерки, нечаянная радость – они больше не повторятся.

Всегда надо останавливаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В Святогорском Свято-Успенском монастыре – почти никого. Монах старенький в свечной лавке. Бабушка с метлой на дорожке – первый снег же. Бородатый человек в храме, как тень, в сумраке, сидит на скамейке у стены, неподвижный. Я сразу заметила его, бородатого человека, потому что вспоминала эту скамейку с прошлой зимы, когда я точно так же сидела здесь тенью, долго-долго, и было невозможно хорошо. Хорошее всегда вспоминаешь, и, может быть, только за этим и возвращаешься – чтобы опять сесть на ту прошлогоднюю скамейку, ведь знаешь секрет: если сидеть на ней тихо-тихо и долго-долго, то станет бесконечно прекрасно.

В Святогорском монастыре почти никого. Только монах в свечной лавке. И тень бородатого человека. И первый снег. И Пушкин.

Про счастье никогда не расскажешь. А очень хочется.

Святогорский монастырь

БЫВАЕТ ВСЁ

В день рождения моей любимой бабушки, Евгении Фёдоровны Николаевой, вспоминаю невероятную, но вполне правдоподобную семейную историю, благодаря которой знаю: бывает – всё!

Во время войны бабушка, тогда тринадцатилетняя, ехала в эвакуацию с мамой и младшей сестрой Леной, ехала в переполненном вагоне, с ужасными приключениями, потому что кошмар и давка, и еле влезли, а у спящей Лены ночью украли валенки, и их маме пришлось оторвать рукава от своего полушубка, чтобы соорудить ей подобие обуви.

А ещё там был семнадцатилетний лейтенант, который выбегал на полустанках за кипятком и вообще всячески обхаживал своих спутниц, особенно – красавицу-бабушку. К концу путешествия он даже набрался мужества и написал карандашом на клочке газеты: «Вернусь с победой – будешь моей женой!».

Ну, нрав у моей бабушки всегда был суров, а что уж говорить про тринадцать лет, и её ответом могло быть только одно слово: «ДУРАК!!!». Именно так – с тремя восклицательными знаками.

Через много лет бабушка вышла замуж за де-душку – Александра Марковича Николаева, молодого поэта-фронтовика, потерявшего на войне руку. Познакомились в редакции газеты, где она работала: он принёс свои стихи.

Влюбились, поженились, родили двоих детей, жили-поживали...

А как-то раз сидели за столом и вспоминали войну, фронт, эвакуацию и тот жуткий переезд в переполненном поезде. Моя прабабушка, бабушкина мама, особенно возмущалась свинством негодяя, который снял валенки со спящего ребёнка...

Дедушка вдруг побледнел, молча вышел из комнаты и долго рылся в каких-то своих бумагах. Через некоторое время вернулся с клочком газеты, где карандашом было написано:

– Вернусь с победой – будешь моей женой!
– ДУРАК!!!

А мы ещё смеёмся над сериалами – над их неправдоподобными совпадениями... Самый причудливый вымысел кажется банальным и пресным в сравнении с чудесами Промысла, которым ведёт нас Господь.

Поэтому повторяю:

«Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств;

Слава Тебе за благодатные предчувствия;

Слава Тебе за указание тайного голоса;

Слава Тебе за откровение во сне и наяву;

Слава Тебе, разрушающему наши бесполезные замыслы...»

Светлая память рабам Божиим Евгении и Александру.

6 июня, День рождения мамы.

ЧТОБ ЗАСВЕРКАЛО ВСЁ, ЧТО БЛЁКЛО

Мама крепко сжимает мою руку, мы очень то-ропимся и со всех ног несёмся в школу по серому промозглому утру, мама волнуется, а мне так хочется опоздать на этот дурацкий первый урок, чтобы остаться в самой прекрасной в мире серой промоз-глости, чтобы она навсегда застыла вот так – с этим колючим дождём, с этим неласковым небом, чтобы они никогда не кончались, чтобы мы так и бежали в своих мыслях куда-то, чтобы чувствовать тёплую мамину руку, а остальное – неважно...

Мы сидим, маленькие, с братом в Гаграх, на берегу моря, и истошно орём на весь мир, потому что маму съедает синяя даль, мама уплывает в горизонт, в никуда, в вероломную бесконечность, и волны – враги, и море – предатель, и солнце – преступник, и всё пропало. А потом злое море её наконец отпускает – мама подхватывает нас под мышки и несёт в прибрежную кафешку утешаться тархуном и хачапури, и счастье вернулось, и ничего больше в жизни не нужно...

Почему это остаётся? Потому что это ЛЮБОВЬ.

В 15 лет мама написала стихотворение, которое я впервые услышала от бабушки лет в шесть. Мы лежали с ней в обнимку под одеялом, бабушка читала, а я очень сильно любила маму. Это – тоже осталось.

*Поэт Олеся Николаева
с дочерью Александрinou Вигилянкой*

Под облаками мою окна,
и тряпки мокрые в руках,
чтоб засверкало всё, что блёкло,
Я мою окна в облаках.
Как чудно – смыть, отмыть, умыться –
долой все пятна и следы!
И стать лишь света ученицей
И стать помощницей воды!
Какое крошечное дело,
а кажется – уже вот-вот
всё, что пылилось и тускнело,
на солнце весело блеснёт.
Как ветер схож по звуку с альтиом!
И музыка – уже близка, –
как ливень, грянет над асфальтом,
и – отразит он облака!

АРСКОЕ (Симбирск)

У меня пора чудес.

Чудеса – это симбирская снежная осень, я в ней живу уже сто лет, живу с этим утренним волжским морем с девятнадцатого гостиничного этажа, с Вознесенским собором до неба, с близкими дальними временами, с ближними, которых вчера не знала, и с прошлым, которое не прошло.

А ещё я видела рай. Рай этот называется село Арское – это когда выезжаешь из симбирских задворков, сворачиваешь с трассы и исчезаешь, потому что тебя больше нет, есть только чёрная дорога на белых просторах, и далёкие купола, и крыши, и башенки каменных стен, и жёлтые листья в снегу, и птицы. Почти останавливаешься, двигаешься еле-еле – пусть оно длится, пусть не заканчивается, пусть будет.

Когда восстанавливали Богоявленскую церковь, самую древнюю из уцелевших в Симбирске, на стенах сами собой начали проявляться фрески, а искажённые кресты выпрямляться.

Вторую церковь – Ксении Петербуржской – построили совсем недавно, а кажется, она здесь всегда стояла над самым обрывом, а иначе – зачем обрыв, как не для того, чтобы, спустившись с него по ступенькам к деревянной часовне с источником, застыть, задрать голову и смотреть на два снежных храма в обнимку. И чтоб бородатый дворник с метлой остановился и улыбнулся сверху.

А ещё я видела рай. Рай этот называется село Арское – это когда выезжаешь из симбирских задворков, сворачиваешь с трассы и исчезаешь, потому что тебя больше нет, есть только чёрная дорога на белых просторах, и далёкие купола, и крыши, и башенки каменных стен, и жёлтые листья в снегу, и птицы. Почти останавливаешься, двигаешься еле-еле – пусть оно длится, пусть не заканчивается, пусть будет.

Арское. Фото Ильи Таранова

ЛАСТИК

Мир ловил меня – и поймал.

Нет ничего более скользкого, вязкого и мутного, чем обида. Смесь праведного гнева и боли, оскорблённого самолюбия и боли, желчи и боли, недоумения и боли, самомнения и боли... Боль в квадрате, потом в кубе, боль в геометрической прогрессии, боль с разными приправами в виде чего угодно – жалости к себе, негодования, молчаливой гордой отрешённости под названием «я же умнее» и так далее, целый букет, куда ни сунься – мрак сплошной, и главное, в него даже начинает хотеться. Упоительное страдательное наклонение. Не дай Бог!

Беру ластик. Стираю боль. Да тут и стирать-то нечего. Я сама из головы её выдумала.

Всё остальное исчезает мгновенно.

Открываю чёрное окно. Снежинки. Ветер. Дети ругаются: холодрыга. А я дышу. У меня новый год.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Проснулась с мыслью о том, что никогда не надо выяснять отношения, даже молча, даже внутри себя, в одиночку. Не дай Бог угодить в эту мутную воду своей «правоты», претензий, недоумения, высокомерия, гнева, обиды и счётов, уже и не отличишь одно от другого – провалишься с головой, утонешь, я знаю. Чужая душа – не моё это дело, Бог с нею: о ней позаботятся лучше меня, как заботятся обо мне – вот, например, сегодня в тесной церквушке на Малахитовой улице, на Мордовском подворье.

Стояла на литургии, на митрополичьей службе, величественной и прекрасной, и услышала новость, хрестоматийную и затверженную наизусть,

но прозвучавшую как открытие. «Блажени чистии сердцем» – услышала именно сердцем, впервые в жизни. Стояла и думала эту сердечную мысль, очевидность, простую, как дважды два: о том, что единственное, что должно волновать нас, – по большому, по главному счёту – исключительно наше сердце, только наше, и ничьё другое.

Подумала – и владыка, смотря мне в глаза, ответил. Это были слова Иоанна Златоуста, владыка повторил их в проповеди в конце литургии – в личном послании мне, потому что звучало ответом: «Главное наше дело – сторожить своё сердце, сидеть у его дверей, блюсти, охранять как зеницу ока, стоять на страже. Ведь для чего оно уготовано, наше сердце? Для Царствия Божия внутри нас, ни много ни мало!».

Сторожить своё сердце – как очевидно. Моё новое домашнее задание, записала.

СПАСИБО

В эти предновогодние дни всё больше людей вокруг меня делится своими печальми уходящего года, который заканчивается во всеобщем ощущении боли, потери почвы, утраты надежды и радости. А мне хочется вопреки разлившейся черноте продолжать делиться чудесным – событиями, которые прорывают плёнку материального и возвращают к вере, к ощущению вневременного контекста жизни, в котором всё видится совсем по-другому.

В ряду моих происшедших чудес было крещение в праздник Петра и Павла любимой тёти Жени – очень светлого, по-христиански жизнерадостного, сердечного человека, постоянной моей советчицы и

подружки. Так получилось, что она не была крещена: всё откладывала это решение, объясняя тем, что ещё не созрела, что пока не готова. Многие годы я мягко пыталась её к этому приблизить, помочь, убедить, но не хотелось давить, и не получалось... А тут, разыскивая следы предков-священников и чувствуя их незримую помощь, присутствие их – ушедших, неведомых, незнакомых – прямо здесь, рука об руку, рядом, поняла, что неправильно в этом моём порыве собирания Вигилянских упускать человека, который гораздо ближе – в каких-то 20 минутах езды от моего дома. Что нужно взять – и приехать.

Мы сидели за трапезой после службы в папином храме (*храм св. Татианы при МГУ. – Прим. ред.*), Женя смеялась, ей было радостно всех нас увидеть. А потом я сказала ей: «Посмотри, как нам хорошо всем вместе! И как странно быть разделёнными в главном, где нет ни времени, ни пространства». Мы говорили о Жизни Вечной, о тех, кто уже перешагнул, о моей бабе Инне, Жениной маме, обо всех Вигилянских, которые рядом. О смерти, которой нет, и о Благой Вести, откуда мы знаем об этом. И Женя сказала: «Хочу! Я очень хочу! Прямо сейчас, сегодня».

В маленькой комнатке я помогала ей переодеться в крестильную рубашку и думала о том, как всё поменялось местами: когда-то Женя водила меня, маленькую, в музеи и на концерты, мы ездили вместе в Новгород и играли в снежки, она укладывала меня спать, как мама. А теперь вот и я – чуть-чуть её мама, чуть-чуть баба Инна, которая умерла перед моим четырнадцатилетием, тоже в июле – первая смерть близкого человека в моей детской жизни.

Через два дня мне приснился чудесный сон. Большая белая лестница – только потом поняла, что это лестница Татьянинской церкви, на верхней ступеньке сидит баба Инна. Я пытаюсь прорваться

к ней, но какие-то люди меня отвлекают, всё никак не могу подняться, долго-долго. А потом вдруг ветер, и все исчезают, а я уже наверху, сажусь рядом с бабушкой, она меня обнимает, мы сидим с ней в обнимку и не можем расстаться...

Такое спасибо от бабы Инны.

DELETE

Уже много лет думаю о мучительном, но всё же лекарственном свойстве, полученном мною, видимо, в подарок – о чувстве вины, которое меня настигает всегда, как только что-нибудь мутное и невнятное вползает в мои отношения с людьми, причём с разными – с близкими и не очень. Вползает даже тогда, когда по всем законам чувствовать себя виноватой вроде бы должна и не я. Но я всегда виновата. Там не сдержалась, тут разозлилась, впустила в себя раздражение, нетерпение, осуждение, негодование, гнев, холодность, равнодушие... – если бы не вся эта муть, которой я нецеломудренно разрешила в себя войти и дирижировать мною, то никакого разлада бы и не случилось. Пресловутое «чувство собственного достоинства» действует во мне лишь в мгновенной реакции здесь и сейчас, в обрушившейся эмоции несогласия с человеком, потом же «достоинство» исчезает бесследно, всё переворачивается, меняется местами, и остаюсь для себя виноватой всегда именно я – с этим живу, этим мучаюсь и мечтаю всё растворить, забыть об обидах любой ценой, ничего не считать, а просто нажать delete, перезагрузить компьютер, вернуться к числу ноль.

Я очень благодарна этой кнопке. Никогда не нужно бояться просить прощения, даже если... А не важно, что если. Никакого «если» не существует. Существует только чистый мир и белый-пребелый снег, и глубокое вечное небо, и лёгкое дыхание, с которым всё – впереди.

ПИШЕТ АНГЕЛ РОЖДЕСТВЕНКИМ ИНЕЕМ...

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА

1

К нам зима была жестока, мы в чужую землю шли,
иногда звезда с Востока в снежной пряталась пыли.

Мы метель пережидали и смотрели в небеса:
там то пели, то рыдали неземные голоса.
Чей-то голос с лаской женской звал забыться, отдохнуть,
но звездою Вифлеемской нас манил опасный путь.

Ладан, золото и смирну мы везли Младенцу в дар...
– Помогите нам, ангел мирный! – старый молвил Балтазар.

И посланником чудесным среди иных небесных тел
над зубчатым чёрным лесом тихий ангел пролетел.

Тихий ангел держит сферу, сквозь которую видна
наша жизнь, как вход в пещеру, наша смерть, как пелена.

А в пещере, где лучина начинает догорать,
на родившегося Сына молодая смотрит Мать.

Греет ноги ей овечка, заслоняет тень креста,
а в ночи горит, как свечка, Вифлеемская звезда.

2

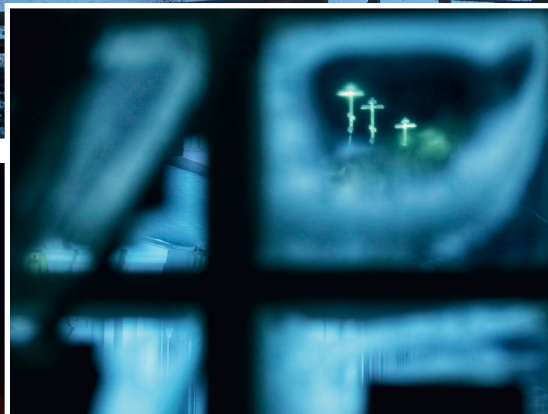
Ищу я из прошлого выход,
я плачу и хлеба не ем...
Уже растревоженный Ирод
отправил войска в Вифлеем.

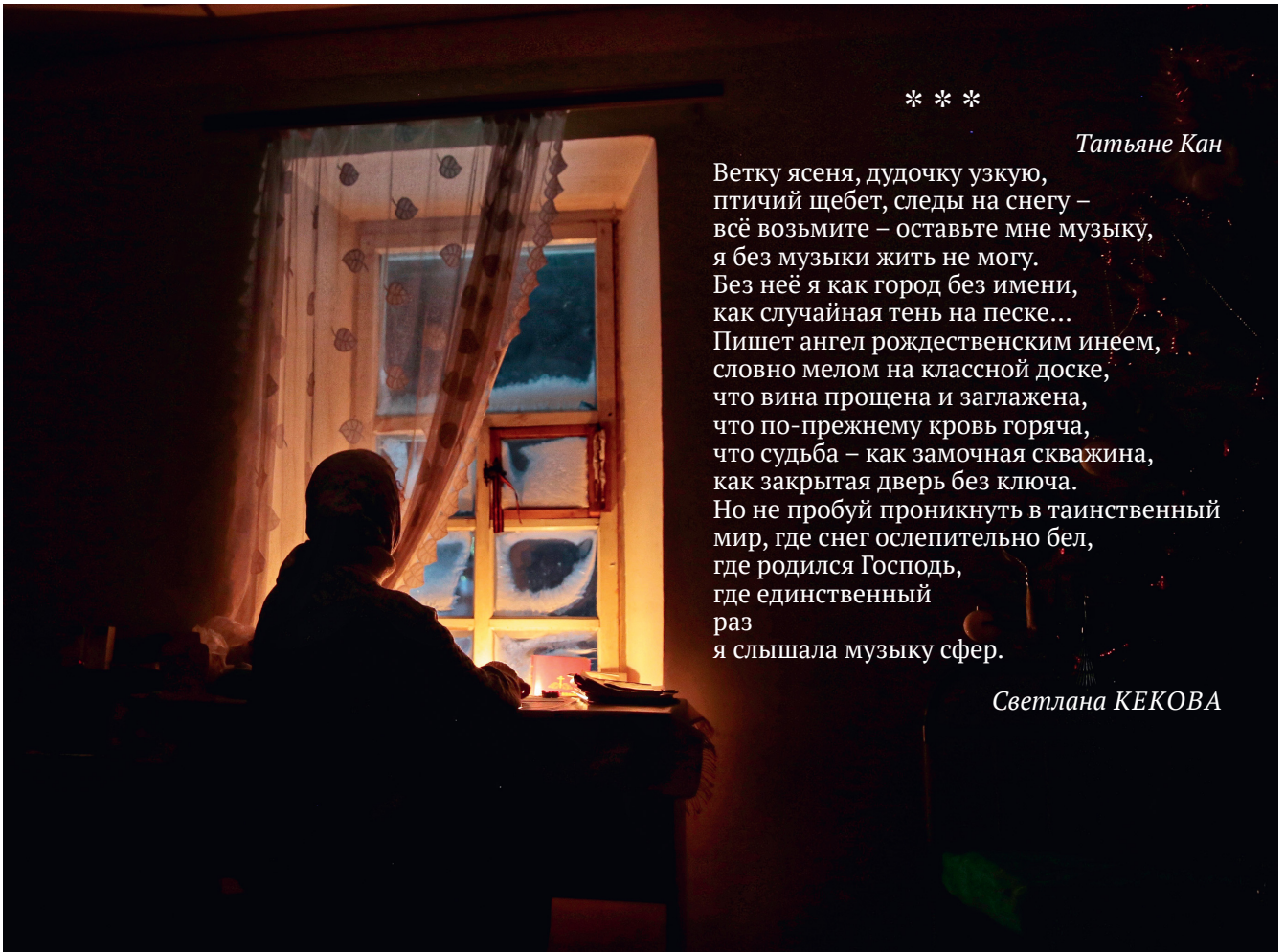
А сколько их, воинов сытых,
там было, я знать не могу,
не знаю я, сколько убитых
младенцев лежало в снегу.

Но слышала я, как рыдала,
как громко рыдала Рахиль,
и лица детей покрывала
холодная снежная пыль.

Мне искру из камня не высечь.
Заблудшая блеет овца.
Восходит четырнадцать тысяч
младенцев к престолу Отца –

и каждый для вечности создан,
и собственной кровью крещён,
и этой-то светлостью звёздной
ночной Вифлеем освещён.

* * *

Татьяне Кан

Ветку ясеня, дудочку узкую,
птичий щебет, следы на снегу –
всё возьмите – оставьте мне музыку,
я без музыки жить не могу.
Без неё я как город без имени,
как случайная тень на песке...
Пишет ангел рождественским инеем,
словно мелом на классной доске,
что вина прощена и заглажена,
что по-прежнему кровь горяча,
что судьба – как замочная скважина,
как закрытая дверь без ключа.
Но не пробуй проникнуть в таинственный
мир, где снег ослепительно бел,
где родился Господь,
где единственный
раз
я слышала музыку сфер.

Светлана КЕКОВА

Фото Татьяны Перец

Гаичка буроголовая

**СРЕДИ
ЗАСНЕЖЕННЫХ
ВЕТВЕЙ**

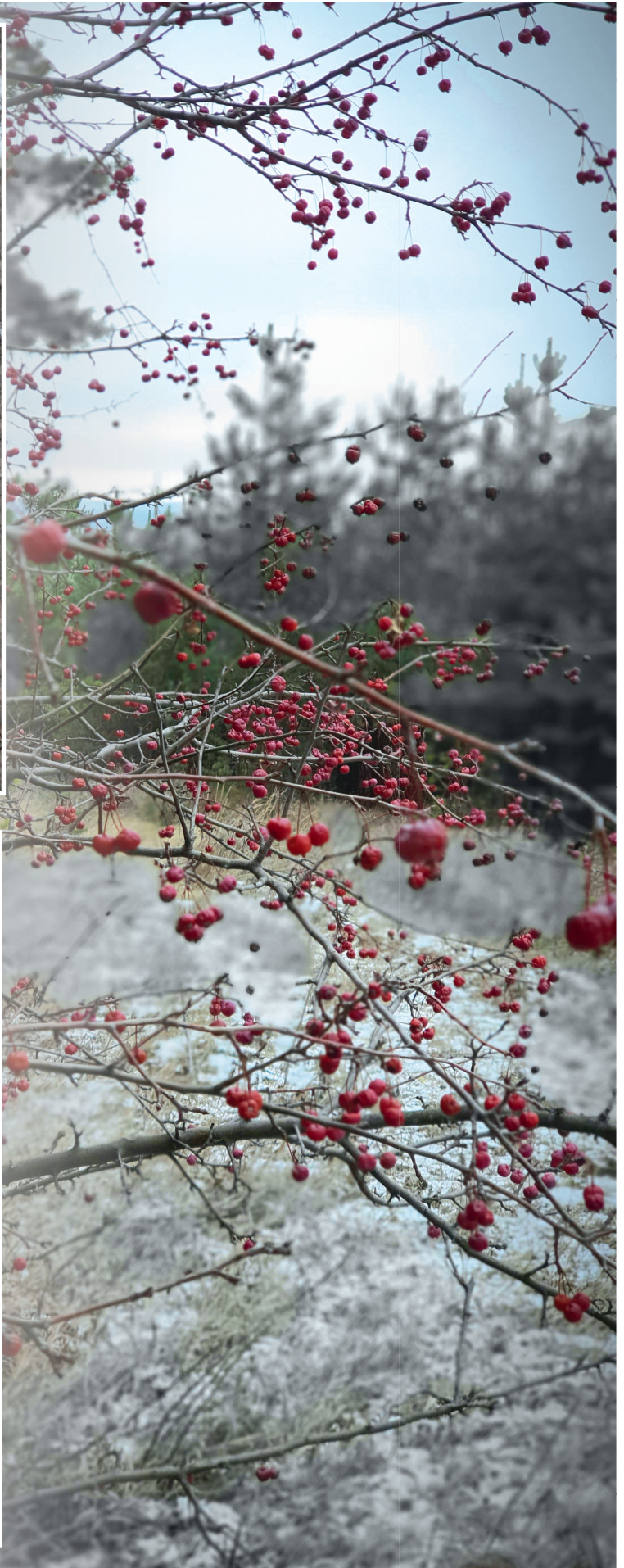
Синица большая

Средний пестрый дятел

Свиристель

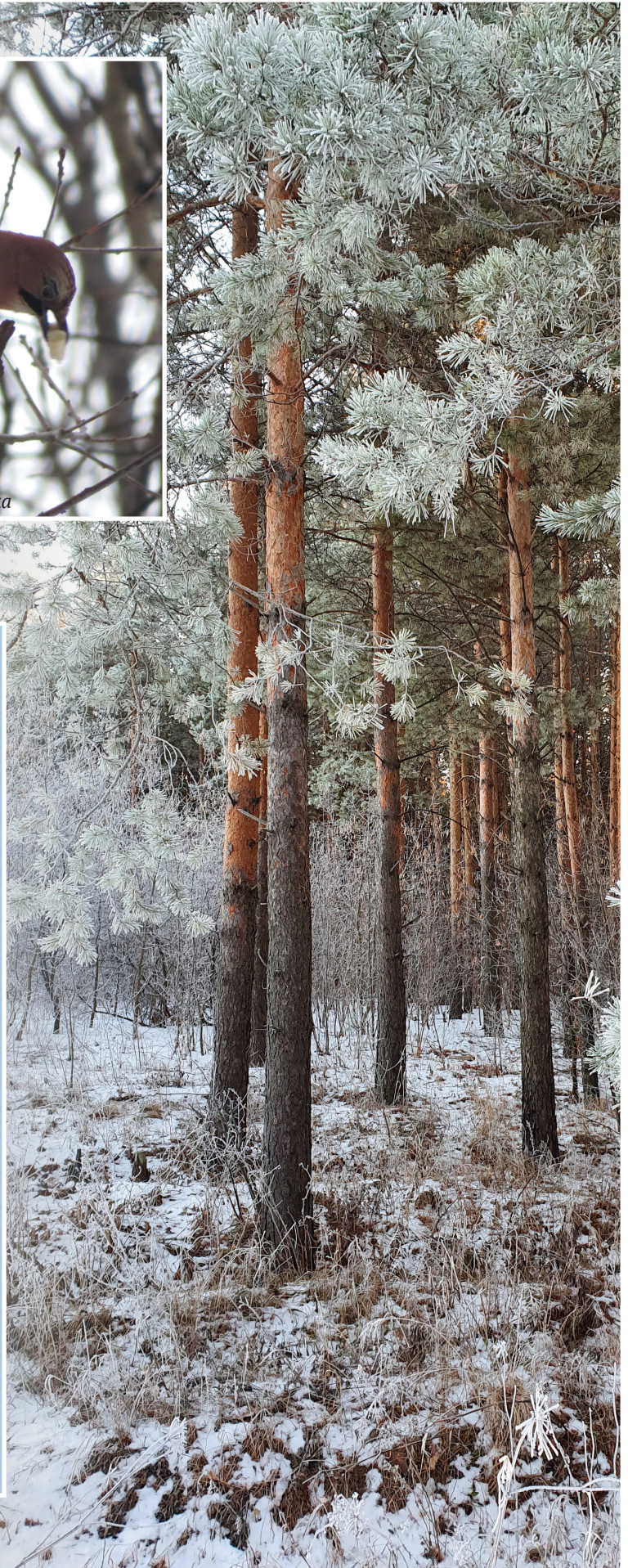

Сойка

Усатая синица

Снегирь

Дрозд-белобровик

Чиж

Чечетка

ВСЁ ЖИВОЕ

А ПТИЦА ПО НЕБУ ЛЕТЕЛА И В БЕСКОНЕЧНОСТИ ЖИЛА...

Александр ЛАЙКОВ

ВОРОБЕЙ

Я когда-нибудь стану растением,
Перейду в шелестенье страниц.
Приходи ко мне в полдень весенний,
С молодым тополком обнимись!

И почувствуй, как бродит по порам
В ритме пульса живительный сок.
Рвутся почки, и слышится шорох,
Нарождённых до времени строк.

В прошлой жизни я был человеком,
Не имевшим доходных рублей.
На моих перепутанных ветках
Поселился смешной воробей.

Все чирикает: зной или дождик.
Даже вьюга ему нипочём!
Может быть, он опальный художник
С городских позабытых трущоб?

Я поэт, не поладивший с веком,
И отнюдь не плебейских кровей.
В прошлой жизни я был человеком.
Почирикаем, брат-воробей?

СНЕГ

Новый город засыпан снегом.
На балконе – пушистый снег!
И плывёт меж землёй и небом
В летаргическом сне проспект.

А луны оловянный глобус
Покраснел и чуть-чуть замёрз.
Заплутался смешной троллейбус
Посреди новогодних звёзд.

От мороза мурлычет кошкой
Снег в сугробах среди аллей.
А с кормушки стучит в окошко,
По-приятельски – воробей.

Пахнет хвоей и апельсином
Уходящий двадцатый век.
...Я ведь тоже, дружище, – зимний
И люблю новогодний снег.

ЧИ-РИК

Среди заснеженных ветвей
Вдруг зачирикал воробей!

Другие не поют в мороз,
А он не прячет клювик-нос:

– Чи-рик – прыг-скок – чирик-чи-рик!
К погоде снежной он привык.

Не улетел на тёплый юг
Со стаей ласковых подруг.

Отважно прыгает у ног:
– Чирик – прыг-скок, – чирик, – прыг-скок...

За крошкой хлеба под трамвай
Стрельнул, – чи-рик, – не унывай!

Романтик, озорник, поэт!
Роднее птиц на свете нет.

И городской его мотив
Дороже благостных молитв!

Он предан Родине и смел.
С утра чирикает – пострел!

Прспект ему и дом, и стол.
– Чи-рик! – божественный глагол.

* * *

Снег скрипит, как лист капустный,
Ветер свеж, бодрит и колет.
Я брожу по лесу грустный,
Где давно никто не ходит.

Здесь один залётный дятел:
«Стук да стук» – несётся пеленг.
Ты кого зовёшь, приятель,
На высокий волжский берег?

Где твою подругу носит,
По стволам каких растений?
Мы под кроной звёзд и сосен
Пополам печаль разделим.

Крошки хлеба вместе с хвоей
И с рябиной кисло-горькой...
Подлетай, поклюй с ладоней!
Я поэт и очень добрый.

Позабудь про шумный город,
Обживай свой волжский берег!
Клюв у дятла – серп и молот,
«Стук да стук» – несётся пеленг.

Марина БИРЮКОВА

* * *

Птица щегол на березе раздетой,
а за березою черное поле.
Как я утешена птахою этой,
как хорошо мне сегодня на воле –

может быть, я уже перестрадала?..
 Небо над зябью, как чистая льдинка,
 птаха меня, наконец, увидала –
 сорвана скорым крылом паутинка,
 листики сбиты. Испуганный щебет –
 здесь, а сама уже в поле пропала...
 Два неожиданных облачка в небе –
 как рукавичек растерянных пара.

* * *

Свежий снег на самом деле
 удивительно пушист,
 на заре крылом задела
 тёмно-рыжий крепкий лист.

Он лежит на синем, белом,
 золотом сухом снегу...
 Мне пора заняться делом,
 я теперь уже смогу

что-то сделать с этим солнцем,
 снегом, деревом, листом,
 с ярким ситцем за оконцем,
 за серебряным кустом...

По сугробу цепь отметин –
 той сороки, верно, след...
 Что хочу я сделать с этим –
 описать? Не знаю. Нет.

Владимир СОРОЧКИН

В ПАРКЕ

Снег. Мороз. Зима, наверно,
 Покуражит впрок.
 С ветки прыгает на ветку
 Парочка сорок.

Парк украшен огоньками
 С ног до головы,
 И стоят снеговиками
 Каменные львы.

И теплеет временами
 Взгляд из-под ресниц
 От фонариков – над нами
 Вьющихся синиц.

Светлана КЕКОВА

* * *

Свет неяркий. Короткое утро.
 Чуть присыпала снежная пудра
 Ветки кленов и плоскости крыш.
 Улетели кукушка и стриж.

А недавно судачили бойко
 Чиж-подросток и девочка-сойка,
 И деревья стояли вдали
 В дождевой светозарной пыли.

Всюду жалобы, стоны и хрипы,
 Лес прекрасный почти облетел,
 Умирают осины и липы,
 Как толпа неприкаянных тел.

Льется листьев сухая лавина.
 Есть ли в этом людская вина?
 И горит на ветру не рябина –
 Неопально горит купина.

* * *

*Михаилу Ильичу и Ирине Ильиничне –
 с любовью*

В окнах города заиндевелого,
 На ладонях его площадей,
 Среди снежного марева белого
 Вижу тени идущих людей.
 Вот берёз обнищавшая рощица
 От мороза дрожит поутру,
 Вот идет человек – и полощется
 Край одежды на резком ветру.
 Снег мелькает, колышется, крутится,
 То взлетает, то падает ниц...
 А его молчаливая спутница
 Кормит хлебом замёрзших синиц.
 Как орех позолоченный греческий,
 Спит луна в одеянии тьмы.
 Что же делать душе человеческой
 Среди холода этой зимы?
 Спать, расставшись со слухом и зрением,
 В ожидании завтрашних мук
 Или молча принять со смирением
 Хлеб надежды из ангельских рук?

Зинаида МИРКИНА

* * *

Два облака, два снежно-белых
 С подсветом розовым крыла –
 А птица по небу летела
 И в бесконечности жила.

Она не ведала границы,
 Она не знала про края.
 Душа ль моя была как птица
 Иль птица как душа моя?

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Татьяна ЭЙХМАН родилась 19 июля 1956 года в селе Поповка Майнского района Ульяновской области. Окончила с золотой медалью Языковскую среднюю школу, а затем медицинский факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. Работала врачом в Карсунской районной больнице. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Инициатор и координатор ежегодного молодежного литературного конкурса «Друзья по вдохновенью». Руководитель районного литературного объединения «Родники». Постоянный ведущий поэтической площадки традиционного Пушкинского праздника в с. Языково. Лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова. Автор книг «Вьюга», «Рыжий вальс», «Gold осень», «Взгляд», «Золотые травы» и др. Умерла 26 ноября 2020 года. Похоронена в Карсуне.

Предлагаем вниманию читателей подборку стихов, которую Татьяна Эйхман сама прислала в редакцию незадолго до ухода. Когда верстался номер, пришла горькая весть. Стихотворение «Каждый миг на земле по-особому светел...», которое, как мы полагаем, является последним из написанных Татьяной, вы можете прочесть на обороте обложки. Последняя строка «Ах, воробышки, скоро приду!» (или в другом варианте «Ах, воробушек, я не приду!») звучит прощально. И, наверное, неслучайно такие привычные и родные птицы – воробушки – «перелетают» со страницы на страницу этого выпуска журнала, чтобы остаться рядом с последним стихотворением Татьяны Эйхман, которое завершает номер.

Светлая память нашему дорогому другу!

Литературная гостиная
с участием Татьяны Эйхман

ВЕТЕР СУДЬБЫ

ПРОЩАНИЕ С БАБЬИМ ЛЕТОМ

Высока синева с позолотой,
Месяц тоненький белым мазком,
Чуть вздохну и открою ворота,
Выйду в сада осенний альбом.

По траве и по листьям полуда...
Холодок от росы не исчез.
Мне крадётся за ворот простуда.
Кто же ночью хозяйничал здесь?

Набросал на траву красных яблоч.
К городьбе сгрудил ветки и сор...
И дрожат сентябринки озябло,
И разрушен на клумбе узор.

Это ветер – осенний бродяжка,
Старый бражник, непрошенный гость.
Расставался он лихо и тяжко
С садом, за ночь продутым насквозь.

А под утро ушёл лето бабье
Провожать, чтоб вернуться с дождём.
«Эй, сосед, ветки в кучу граблями
Соберём и листву подожжём...»

...Под золой угольки остывают.
Но, как лета последний помин,
На ветвях только ярче пылают
Гроздьа алых высоких рябин.

ВИШНЯ ЗИМОЙ

Этот дом давно не топлен,
И заброшен сад.
Под ветрами стонут стропы,
Покосился скат.
В кружеве прозрачном вишне
Зябко у окна,
С жалобой в стекло чуть слышно
Клонится она:
«Не смогли собрать вы летом
Ягоды мои,
Заржавели чёрным цветом,
Горьким в нелюбви...»

Может, выйдет кто из дома,
Соберёт в ведро,
Может, путник незнакомый
Их сорвёт. Давно
Я стою одна, не слышу
Шума из двора,
И куда хозяин вышел?
Где же детвора?
Почему не топят баню,
Сбился счёт суббот,
По ночам морозом тянет,
Ягоды, что лёд...

Может быть, примчатся птицы
Из залётных стай,
Иль мечтам моим не сбыться?
Кто там? Знак подай!»
...То заплачет, то умолкнет,
Стоя у окна,
Но в ответ в оконной щёлке
Только тишина...

НЕ УСТУПИТЬ

То ли совесть болит, то ли сердце?
К этой боли нельзя притерпеться
И поёт, и шипит, и нудит,
И нарочно смеётся, и дразнит,
Рожи корчит и тычет мне: «Разве
Можешь думать, что ждёт впереди!»

Болью выключить разум мой хочет...
Больно дёргает, чтобы платочек
Уронила я с темени в грязь...
Чтобы голову низко склонила
И забыла навеки, что было,
Кто я, где и зачем родилась...

Как же мне защититься от боли?
Как, препятствуя злой её воле,
Сохранить и улыбку, и жизнь?
Вижу: ангел с лицом Панацеи,
В кубке – капли. Рукою своею
Меня гладит и шепчет: «Держись,

Сохрани человежье обличье,
Никого не вини, и – в отличие
От зверей – не рычи, не кусай.
Понимаю, что скобы капкана
С каждым шагом впиваются в рану...
Но затянутся раны – ты знай!»

Говорит и склоняется ближе...
Ал закат. Горизонты я вижу,
Что сливаются в нитку, дрожа.
Обопрусь на занозистый посох.
Рафаэля, Дали или Босха
Краски дарит пылающий шар...

И звучит грандиозная fuga!
Голос самого близкого друга
Мне читает молитвенный текст.
И ахматовским голосом низким,
Книг страницы поведают списки
Тех, кто выстоял в боли! Я – здесь.

НОЧЬ

Вглядись же: окно не завешено,
Над домом – седая луна,
В окне постаревшая женщина,
И желтых календул волна...

Припала к окну – как к распятию,
От рамы – на лбу синяки...
Сквозь дали хочу разобрать я
Слова ускользнувшей строки...

И верю, раздвинется занавес,
Любовью пропитанный стон
Прольётся на лунные заводи,
И явится медленно Он.

Разверзнется пропасть глубокая,
Но там, на последнем краю,
Спасённая нотой высокою
Я вновь на земле устою.

В ЛЕДОХОД

У омута стою. Не вижу дна.
Чуть изумляясь, машет веткой ива:
«Не подходи, ты над водой одна».
Миг. Рухнул снег лавиной торопливой...

Вращение быстрее – и поток
Несёт, и горлышко воронки ближе!
Да. Это не игра и не урок...
Тебя наверно, вовсе, не увижу...

Мне запредельный холод по спине,
И только голос слышится извне:
«Не выходи, не выходи, замри!
Не выходи! Замри в воде! Внутри!»

Но знаю, что прорвётся рыхлый лёд,
И подо льдом во тьме проснутся рыбы...
Я руки к ним тяну. Но ледоход
Меня уносит... А спасти смогли бы?

* * *

*Владимиру Фиошину,
врачу, погибшему в борьбе с пандемией*

Халат висит на стуле, а в кармане
Блестят стеклом забытые очки.
Вот нож упал. Примета не обманет?
Он не вернётся, он ушёл, учти...

Как удержать, когда в неравной схватке
Он бился? Разве нет моей вины
В том, что не сможет сын приехать к папке,
Погибшему средь мира без войны.

Была ль вина отчётливо и ясно
Прописана? В пергаменте каком?
Кто бросил в мировую топку властно
Людей, от страха приглушивших стон?

Промозглый сумрак. Боль не притупилась.
Мертвы стены холодной кирпичи.
Стою у дома. Дождь. И скоро вынос.
И он не слышит, сколько ни кричи.

Хотя? Кричи! Рыдай! Зови на помощь!
Кого же звать? Безлюдие вокруг.
Хоть вывернись теперь наружу кожей,
Не встанет из могилы добрый друг.

Апрель 2020

* * *

Барбарис и калина под снегом –
Удивительно тихи кусты...
И нависло, как занавес, небо,
Присмотрись, фокус действия – ты...

Тишина – это тоже о жизни...
Стайкой птички сейчас налетят,
Поклюют горьких ягод на тризне
В честь заснеженных стершихся дат,

Хлеба им разломи на ладони,
Снег золы с бледных пальцев стяхни,
Помни тех, кого нет уже, помни!
Сбереги незабвенные дни!

Фото В. Ламзина

* * *

Прозрачные, продутые ветрами
Стоят леса на взгорках и холмах,
И солнце уходящими лучами
Пронзает листьев порыжелых прах...

Пройду, шурша вчерашним одеяньем
Берёзок, клёнов, вязов вековых,
И, вознося молитвы покаянья,
Найду ли силы для стезей своих,

Ведущих к жизни, к вере в исцеленье,
К возврату в общность милых мне людей?
Иль упаду на холм в уединенье
В скупых лучах осенних дней...

04.11.2020

ПТИЦА

Вдруг вспорхнула на заре
Резвою мечтою,
Выгнув крылья в серебре
Прямо надо мною.

Легковесно над землёй
Вьётся неустанно –
Счастье – птицей золотой –
Грудка с алой раной.

И горчицей горько жжёт
Где-то за грудиной:
Птица больше не споёт
Чисто и невинно?

...Вечером спадёт жара...
Прилетай же, птица,
Сладкозвучной, как вчера,
Песней поделиться!

ПУТЬ СЛЕДОВАНИЯ

Грущу, припомнив мамино: «Читай!»
И папин возглас: «Будь, не торопись!»
Казалось, заплатила по счетам,
И вновь мне предъявляют счёт на жизнь.

И вновь преграды ставят на пути,
Не понимаю, что к чему теперь,
И думаю: «А хватит сил дойти,
Чтоб выпорхнуть на воздух через дверь?»

Но окружает с криками народ:
«Что делать?» И опять: «Кто виноват?»
Как доказать: одна табличка «Вход».
И вход закрыт, нельзя уже назад...

Как объяснить, вишнёвый сад в дыму,
Как рассказать, что «Курск» нам не поднять...
Они всё знают, только почему
Не устают вопросы задавать.

...Дрожат дома на курьих ножках свай.
Мелькают рельсы. Ты в тоннель взглядишь.
Что там, в конце написано? Читай!
Воскликни остающимся: «Держись!»

ПОСВЯЩЕНИЕ УШЕДШИМ ПОЭТАМ

Давайте

*мы,
друзья,
всем сердцем прижиматься
К любимой –
навсегда! –
отеческой земле,
Пока еще октябрь...*

(А. Чесноков)

*И радостно, с печалью пополам,
Я наслаждаюсь под родимым кровом,
Где царственно и людям, и коровам
Сияет речка, ластясь к берегам.*

(В. Селянкин)

Ветер северный бьёт упруго,
От костров поднимая чад.
Посмотри, улетели к югу
Стаи птиц. Стал прозрачен сад.
В небесах – то ли слёзы птичьих,
То ли нити серых дождей...
Слышу шелест осин девичий
Про ушедших в небо парней,
Про стихов небольшие книги,
Про весёлый и добрый нрав:
«Не срослось... Не сбылось... Могли бы...
Расплескали слова среди трав,

За оврагом, за той рекою,
Где деревня поныне ждёт...»
– Эй, Володя! Эй, Анатолий!
– Не зови, никто не придёт.

...Скоро холод покроет речку,
Тонкий лёд заблестит слюдой,
Лишь родник торопливой речью
До весны бурлит под сосной,
Лишь ворона, мелькая в небе,
Покачнув рябин канделябр,
Прокартавит: «Прочти поэму
В день рожденья, пока октябрь!»

25.10.2020

* * *

Июль устал... Ушёл, весь жар отдав!
Дождём умыты улицы от пыли...
А я ждала тебя, щекой припав
К окну – на нём капли зарябили –

Как брызги счастья в ожиданье дня,
Когда придешь. Через дождинок веер,
Ты, вглядываясь, не узнал меня,
Когда кивнула, сразу не поверил
Тому, что встретились: «А, это ты?»
И для меня померкли вдруг цветы...

* * *

И вот опять по грудь уже в земле,
Бьёт молот и без промаха, и глухо...
Пусть кровоточит рана на крыле,
Но постараюсь выдержать разруху!

Потом, отмыв всю грязь, золу и соль,
Расправив плечи, – дайте только сроки!
Всем горлом хриплым, не забывшим боль,
Прочту незабываемые строки!

* * *

Слышишь голос? Качается тонкая ветка,
Шепчут листья, лягушка в траве замерла...
Наклоняюсь к реке, и спадает беретка.
Ах, моя ль голова это стала бела?
Промелькнули деньки:

под глаза – сеть морщинок,
Спину гнёт незабытых обид череда...
Отдают мне прозрачные капли росинок
Камыши. И поёт свою песню вода...

Разжижается воздух, стираются грани
Между прошлым и будущим, здесь и нигде,
О клинки камышей свои ноги не рая,
Вижу, кто-то идёт по зеркальной воде,
Вижу, кто-то несёт мне спасенье и силы,
Чтоб смогла я подняться с холодной земли...
На забытую заводь, где время застыло,
Благодатные капли дождинок легли.

* * *

Август, яблоки спеют. Спадает крыжовник...
Дождь пройдет. Будет солнце.

Мы встретимся вновь.
Позабудем невзгоды. Тепло улыбнёмся.
Помолчим. И утихнет болящая кровь...

А потом – за работу, и шум многолюдья
Нас закружит опять, и минует печаль...
Ах, сказать не успела, что помниться будет
Миг, когда чей-то голос меня утешал...

Этот голос другой, он надёжный и тихий,
Он из дальнего края, где нет ворожбы...
Август, яблоки зреют. Забудется лихо.
Ты живи без приязни моей и вражды...

Знаешь, вспомнится редко: на ровной поляне
Яблок сорванных ветром забытый разброс...
И тогда за плечом боль тихонько потянет,
Да июль отзовётся мельканием гроз...

* * *

Скоро снега ударятся оземь,
Ну, а пока кружится осень.
Вместе с листвою,
Вместе с дождями
Дни в паутинках тонких застряли.

Кисточкой водит солнце к закату.
Облако скроет солнце когда-то...
В ветках осинки пунцовая россыпь –
Перед уходом красочна осень.

СТАРАЯ ГРУША

Опали листья. Высохли кусты.
И корни затвердели как камень.
Из груш варила бабушка варенье –
Просвечивали дольки золотым...

...Плодов уже не принесёт она,
И под топор пойти уж не боится,
Не веселятся меж ветвями птицы –
Их завлекла далёкая страна...

И замер ствол, предчувствуя беду,
Дед подошёл, промолвил: «Не дрожи ты,
Любовь к земле сегодня пережиток...»
Задумался: «Увижу ли весну?»

Оборотился: дом, окна оклад
В прощальном серебристом озаренье...
Жена седая смотрит с умилением
На старика, на дерево и сад.

* * *

Падение яблок и листьев.
Круженье дымов и дождей.
Когда же не будет мне сниться
День молодости моей?

Падение листьев и яблок.
Круженье дождей и дымов.
И травы колышутся вяло,
И медленней движется кровь...

Но тонко и больно иголкой
Прошьёт где-то в сердце опять,
И в травах нескошенных колких
Вновь прошлое буду искать...

Падение яблока в травы,
Круженье дождинок и дым,
Ах, милый Есенин, Вы правы!
Не быть уже вновь молодым...

16.09.2020

ВСТРЕЧА У ПЕРЕПРАВЫ

«А через Стикс подбросишь?
За сколько? За обол?»
Трубят за рощей лоси,
И дождь струной пошёл...

Неспешно скрип уключин
Раздался над рекой...
Нас свёл с тобою случай,
Вдруг ты: «Пойду с тобой!»

Но узкая лодчонка
Не вместит нас двоих...
«Смешная ты девчонка,
Пока напишешь стих,

Вернусь я за тобою!» –
Поправил капюшон
С лоснящимся подбоем
Горбатенький Харон.

2019

ДОРОГА К ВЕСНЕ

Снег в борозде распластан крупной солью,
А небеса просторны, розоваты.
И хочется согреть своей любовью
Всех, перед кем была я виновата...

Простим друг друга! Скоро расставаться
С зимой, с ее морозными ночами...
На том конце оранжевого круга
Восход звенит весенними ключами.

Взмахни мне напоследок! Стихнут звуки!
Качнутся облака в вечернем небе.
Уже плывут прозрачные разлуки
И обращают то, что с нами, в небыль...

Мы часть природы, только часть смешная...
Мы – люди, что твердим слова о долге,
Ты сбереги себя, на самом крае.
Шторм пролетит, и встретимся у Волги.

Шевелятся в укрытых ульях пчёлы,
Грачи шумят на оголенных ветках...
Дождёмся ли с тобой мы дней весёлых?
Прими стихи мои и луч приветный!

СОЛНЦЕ ПАМЯТИ

Татьяна Эйхман (1956 – 2020)

Николай МАРЯНИН

РЕКВИЕМ ПО ТАТЬЯНЕ

На земле не чувствуя опоры,
с родиной прощаясь на лету,
обняла карсунские просторы –
и, как птица, взмыла в высоту...
По созвездьям цвета изумруда
медленно прошла, едва дыша,
к чистому источнику, откуда
вдохновенье черпала душа.
Здесь царит поэзия-бунтарка,
и всегда имеет высший толк
магия Языковского парка,
Пушкинского праздника восторг...
Под луною это всё не ново:
строки льются, только позови,
и звучит божественное Слово,
как поэма веры и любви.
Где-то тает горький плач гармонии,
с вечностью чуть слышно говоря:
сверху вся Россия на ладони
в белом покрывале ноября...
И горит светило во Вселенной,
траурно свою склоняя ось:
это солнце памяти нетленной
в каждом сердце любящем зажглось.

30 ноября 2020 г.

Песня «Солнце памяти».
Стихи Н. Марянина,
музыка С. Лямина

Олеся КОЗИНА

ЧЕЛОВЕКУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Татьяне Эйхман

Она добра, она светла, она смеётся.
Она всю жизнь бежит от зла. Туда, где солнце.
Она не меряет на вес души порывы.
Она не сделает надрез на дне счастливым.
Она из редкой и отзывчивой породы.
Она отдаст напиток набранную воду.
Она из тех, чей дух не будет среди судей.
Она из тех, чья помощь вечна. Там, где люди.

25.01.2018

Анатолий ШУТЫЙ

* * *

В поднебесье увижу звезду,
Что была незаметной доньше.
Хоть ноябрь, а земля уже стынет...
«Ах, воробышки, скоро приду...»
За судьбу – за земную грядку –
Нынче видится – как же иначе?..
Воздух сладок и чист, и прозрачен...
Наконец-то в тяжелом году.
В серебристом гуляя саду,
Вспоминаю дерев многозвучье
Нашей жизни короткой... певучей.
«Ах, воробышки, скоро приду...»

Мария ШАКУН

* * *

У воробушков жизнь недолга
Даже в сытые, тёплые годы,
Пусть природа мудра и строга...
Только жалости нет у природы.
Для чего всё вперёд и вперёд
Мы летим, как воробушки эти,
Словно веря, что, кроме забот
Каждодневных, есть счастье на свете?

Юрий ШЕРСТНЁВ

* * *

Ноябрь – воробьиная осень,
предзимья грядущего сон,
предчувствие снежносуровых,
бездонно холодных времён,
с застывшею в небе печалью
о том, что умрет с ноябрём,
о том, что давно потеряли,
о том, что вот-вот обретём.
Вот-вот растуманятся дали,
и вслед за рассветным лучом
позёмка дрожащей вуалью
накроет поля за селом.
Вот-вот заискрятся в зените,
покинув промёрзшую глушь,
неслышно взлетая в Обитель,..
воробышки робкие душ.

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Татьяне Эйхман

Не надо, Таня, это ветер...
 Он в ноябре наводит грусть...
 Не верь назойливой примете,
 Читай нам строки наизусть!
 Про шелест леса, рябь речную,
 Про свой Карсунский щедрый край.
 Себя, весёлую, живую
 Всем по частице нам раздай!
 Давай семье наварим супа,
 Давай горячий чай нальем.
 И растолчем сомненья в ступе.
 Преодолеем всё. Живём!
 Никто не сломит эту силу,
 В кольце сплетённых дружбой рук.
 Ты наш вожатый, заводила.
 И мы все рядом и вокруг.
 Всё знала... Но надежда птицей
 Таилась в сердце до конца.
 Твой свет нам падает на лица –
 Подруги. Женщины. Творца.

Раиса КАШКИРОВА

* * *

Татьяне Эйхман

Распахнула небо крыльями –
 и ушла.
 Были смелыми и сильными
 два крыла...
 Тяжелы земные горести...
 не снести.
 Не стереть из этой повести
 ком в горсти...
 Я сдержу в груди рыдания,
 в горле ком –
 лжив без мук и расставания
 жизни том.
 Стань же ясной зареницею
 иль звездой!
 Разбуди стихами, птицею
 звонче пой!
 На ладонь мою воробушка
 подсади –
 вся болезнь твоя-хворобушка
 позади...

Александр ФИЛАТОВ

* * *

*«Ах, воробушки, скоро приду...»
 Татьяна Эйхман*

Птицы малые, как вы летаете,
 От земли оттолкнувшись едва?
 Вся душа истомилась в усталости –
 Ах, воробушки, где же весна?!
 Нету в людях порой солидарности –
 Видно, год этот очень плохой,
 Только вы все равно не слукавите:

Ах, воробушки, где же покой?
 Не в чем нам перед Господом каяться,
 Коль живем, не жалея себя,
 Знаю, беды, увы, возвращаются...
 Ах, воробушки, что за судьба?
 Сколько ж мне гоношиться да маяться?
 Как давно я простора хочу!
 На земле всё оставив для радости,
 Ах, воробушки, скоро... Лечу!
 Чтоб в далекой небесной обители
 От житейских сует высоко
 Зазвучало светло и волнительно –
 «Ах, воробушки, с вами легко...»

Лидия СТЕПАНОВА

* * *

Памяти Татьяны Эйхман

Вот еще одна скорбная весть...
 Ты была, и уже ты не здесь...
 Нет, не верится мне, что ушла,
 За собой в небеса унесла
 Красоту своей светлой души.
 Как слагала стихи ты в тиши!
 От твоих мудрых, праведных слов
 Шли тепло, доброта и любовь.

Как в последнюю осень свою,
 Когда чуяла, что на краю
 Ты стоишь пред уходом Туда,
 Все равно пребывала в трудах.
 Как щемяще в последних стихах
 Боль прощания слышится. Ах!
 Невозможно читать их без слез.
 Грусть твоя долетала до звезд.

У больничного стоя окна,
 Вспоминала всю жизнь, и волна
 Наплывала из прошлых времен.
 Все ушло, словно призрачный сон.
 Годы все пронесли чередой,
 И ложились строка за строкой.

В этих строках ты дань отдала
 Той земле, что тебя родила,
 Принесла свой последний поклон
 Стороне, где церковью перезвон,
 Где рябиновый рдеющий куст
 Наводил этой осенью грусть.
 Всем ты людям сказала: Прости!
 Всех простила пред тем, как уйти.

Золотые слова из стихов
 Разлетятся средь звездных миров,
 На земле будут души нам греть,
 Будут каждой строкою звенеть.
 Свою жизнь прожила ты не зря,
 Улетев под конец ноября.

СЛОВА ЛЮБВИ, СЛОВА ПРОЩАНЬЯ...

Марина ГАНИЧЕВА (Москва), руководитель
Центра Федора Ушакова,

Сергей Котыкало, сопредседатель Союза
писателей России

РЕДКОЙ ЩЕДРОСТИ И ОТЗЫВЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕК

Все реже встречаться приходится, все чаще прощаемся... Вот и вчера, – страшно не только сказать вслух, но и подумать, – в Карсуне простились с замечательным человеком, поэтом и врачом Татьяной Эйхман. Еще летом она писала нам:

Август, яблоки спеют. Спадает крыжовник ...

Дождь пройдет. Будет солнце. Мы встретимся
вновь.

Позабудем невзгоды. Тепло улыбнёмся.

Помолчим. И утихнет болящая кровь...

А потом за работу, и шум многолюдья

Нас закружит опять, и минует печаль...

Ах, сказать не успела, что помнится будет

Миг, когда чей-то голос меня утешал...

Тогда уже мы знали о её тяжелом недуге, но верили, надеялись. Она и сама верила и надеялась, – Татьяна Александровна была крепкой закваски. Как-то она рассказывала, как в 90-е годы прошлого века выписывала старикам лекарства, покупала на свои деньги и разносила по больным...

Редкой щедрости и отзывчивости была Татьяна Эйхман, искренней влюбленности в Россию, в Карсунский край, в русскую поэзию, в Николая Языкова, в творчество Аркадия Пластова и учащихся знаменитой Пластовской школы...

До всего ей было дело. На каждую публикацию близких по духу людей, на каждое доброе дело Таня спешила откликнуться любовью, а в минуты роковые – приободрить, поддержать... С каким вдохновением и знанием водила она нас вместе с ушаковцами по тропинкам Языковской усадьбы, с какой неподражаемой сердечностью читала у старого дуба программное стихотворение Николая Языкова «К не нашим»...

Татьяна Александровна немало потрудилась на Карсунской земле, заботясь о развитии культурной, просветительской жизни. А как она умела любить людей, – то не каждый может сравниться... Последний раз мы обменялись поздравлениями на Михаила Архангела... И вот, недели не прошло, как прилетела горькая весть о безвременной кончине Татьяны Александровны Эйхман. И всё. Мы – замерли. Мы потеряли доброго и любимого нами человека.

Мы молим Милосердного Господа, дабы Он простил новопреставленной рабе Божией Татиане всякое согрешение вольное и невольное, водворил её во обители небесные, идеже праведные упокоиваются, и сотворил Татьяне Александровне вечную память!

Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского
отделения Союза писателей России

«ХОЧУ НАЙТИ ОТВЕТ...»

Хочу найти ответ на древние вопросы:

Зачем живу и как?

Откуда тьма времён?

Зачем плывут в морях усталые матросы?

Нужны ли площадям

Полотница знамён?..

Читаю стихи Татьяны Эйхман... Это – одно из ранних, из сборника «Вьюга». Она ушла, стихи – остались. И она осталась в них. А нам с вами теперь – внимательно вчитываться и с каждой строчкой открывать и узнавать заново нашу дорогую Татьяну...

Отличительная черта поэзии Татьяны Эйхман – активность присутствия, участия в каждом земном мгновении. Стихи её всегда отличались высокой гражданственной позицией, высокой степенью восприятия боли мира как личной. Есть строчки о профессии врача, строчки, порой горькие, наполненные болью за чужую боль, за чужие жизни.

Мы привыкли видеть Татьяну Эйхман жизнерадостной, активной, всех организующей. Да, такой она была. Когда выходила к микрофону, её голос звенел, поднимался до высоких нот жизнеутверждающей силы... Но в стихах есть и другая Эйхман: раздумчивая, озабоченная, сомневающаяся... Если не сказать – трагическая, одинокая. Причём написаны такие строки в разные годы.

Ей хотелось уберечь, оградить людей от бездушия и чёрствости. У неё много посвящений ушедшим поэтам. Гражданственность, человечность, милосердие – вот, пожалуй, главные качества её как поэта и человека.

Она жила среди русской природы и очень чувствовала родство с ней. И природа сама отзывалась на её настроение, в ней она искала созвучия своей беспокойной душе.

Как всякий мужественный человек знала о своей болезни, все понимала. Она боролась, укрепляла свой дух. Чем? Как? Возможно, тем, что видела дальше и раньше нас, вела давний диалог с неизбежностью, неотвратимостью. Находила утешение в молитвах, в общении, в вере. Поддерживала других и в этом находила успокоение и поддержку для себя самой.

...Как странно писать о ней в прошедшем времени... Будто рухнула стена, за которой можно было укрыться, согреться, найти добрый совет. Только сейчас понимаешь, что для многих из нас она была защитой, опорой, поддерживала добрым словом. А в радости какой она была!.. Звонкой, неудержимой. И в горе, в болезни, всё понимая и осознавая, до последнего смогла держаться твёрдо, достойно...

Светлая память замечательному, доброму человеку!

Александр ТИМАКОВ

Я ПОМНЮ ЕЕ СТУДЕНТКОЙ

С Татьяной Эйхман меня познакомили в 1976 году, в студенческой агитбригаде медицинского факультета Мордовского государственного университета. По возвращении из колхоза зачисленных на первый курс студентов привели в лекционный зал медфака, где стояли пианино, барабаны, бас-колонка. Барабанщик и трубач попросили меня что-нибудь сыграть. Я сыграл. Тогда они сказали, что их участие в Дне первокурсника будет крайним и чтобы я набирал группу, ибо после все мероприятия будут на нас. Среди всех была девушка, перешедшая на третий курс. Она вела всю программу. Это была Таня Гоношилина... Барабанщик и трубач оказались родными братьями по фамилии Эйхман. Федя барабанил, а Саша играл на трубе. Он впоследствии и стал мужем Татьяны. Мы учились и много выступали: новогодние вечера, День Победы, День Гиппократы (он же день посвящения в студенты), и ни один вечер не обходился без участия нашей ведущей. Татьяна была душой агитбригады. Сплошной задор, источник позитива и радости. Помимо прочего, она была еще и активистка, в деканате медфака вела общественную работу, жила жизнью Совета общежития, заботами студентов младших курсов, помогала даже агитбригадовцам сдать зачеты, если кто-то набирал много «хвостов». Так прошло три года. Таня окончила учебу и распределилась в район, куда – Бог ведает...

Учеба не была легкой, было много зачетов, экзаменов, сессии были трудными... Я был истинный городской студент и никогда не жил в общежитии, бытовые заботы очень-то меня не касались.

Был одет, накормлен, обласкан домашними. Но, правда, стипендию получал всегда, с первого курса по четвертый включительно, ибо считал это делом чести. А после четвертого курса мои студенческие сбережения пригодились мне на свадьбу и переезд в Куйбышев для учебы на военфаке... Потом была служба в Советской армии. В Ульяновске, и уже в конце службы, году в 2006-м, Елена Викторовна Кувшинникова в БЗЛМ знакомит меня с поэтом Татьяной Эйхман. Трудно сказать, узнала ли она меня сразу или распознала после, но признаюсь, я не сразу сложил пазл (поэтесса из Карсуна и Таня Гоношилина равно Татьяна Эйхман). Видимо, моих околосвященных тогдашних проблем случилось великое множество, что сразу не смог дать должную оценку нашему «второму знакомству за жизнь». Спасибо, тебе, Таня, за то, что во второй раз в моей жизни появился старый студенческий друг. Не могу говорить о тебе в прошедшем. Всегда помню и люблю...

Студентка медицинского факультета

Светлана МАТЛИНА

ТАНИН ПЕРСТЕНЬ

(Из книги прозы «Поэты»)

Сначала была тоска. А в голове – Танино лицо. Потом звонки. Страшная весть. Ночь я просидела на кухне, чтоб не мешать спать другим. «О-о-о», – выла вьюга. «А-а-а», – хрипел ветер. Кем-то спущенный сверху и забытый трос бился об окно.

Горе отнимает разум –
Тане говорю.
Говорю ей, сероглазой,
В пустоту смотрю.

Или это я с собою
Разговор веду
Темною порой ночную
И у Бога на виду?

Он умолк, твой голос певчий,
Навсегда умолк.
Козырную крыть мне нечем
У конца дорог.

Чтоб не маялась в пустыни,
Не ломил висок,
Где мы встретимся отныне,
Подскажи, дружок!

Иль среди них, среди превозмогших,
Боль свою и страх?
Иль на мшаником поросших
Памяти тропах?

Божия раба Татьяна,
На прощание пою
Колыбельную, как мама:
Баю-баю, спи в раю.

Наутро замела мелкая поэмка. Хоронить Таню поехали Саша Дашко, Илья Таранов на своей машине. Отдельно – Лена Кувшинникова, Ольга Шейпак. Это хорошо. Это Божеское дело. Я бы тоже поехала. Собственно, никто не звал, если хожу шатаюсь. Зато я могу испечь поминальные пироги. Беру муку и все что надо, замешиваю тесто.

Тише, деточка, не плачь,
Ну не золоченый,
Купим розовый калач...

«Я иду, а за мною по следу смерть...», «Золотая трава...»

Это из Таниных поздних стихов вертятся в голове строчки. Раскатываю тесто, слезы капаят на него с лица. Пироги удалась как никогда. Молодые поэты, участники вечера, посвященного дню рождения Александра Блока, состоявшегося в библиотеке имени Н.Н. Благова, смели их ураганом. Вернулся Саша Дашко, рассказал им, как проводили Татьяну в последний путь...

Помню, как она впервые переступила порог писательской организации. Тогда мы еще имели свое помещение, свое финансирование и были независимы, как и полагается самостоятельной общественной организации. Таня Эйхман принесла мне

свои стихи как поэту, чье мнение уважала, а не просто как руководителю местного отделения Союза писателей России в то время. Это уже был поступок решительного, серьезного человека. Стихи были по – преимуществу не про цветочки-листочки и оттенки своих любовных чувств, чем грешат многие начинающие литераторы. Они были о пережитом на работе, в жизни, в горячке врачебных буден с болью или радостью за каждого пациента. Первое, что бросалось в глаза, – равнодушие к людской судьбе, сопереживание, что ныне не часто встретишь. Конечно, это помимо дара слова. Что и отличает поэта от массы пишущих. Я не ошиблась, сказав, что ей надо заниматься стихами обязательно, что все у нее получится. Татьяна Эйхман состоялась как поэт, на протяжении всей недолгой жизни воплотилась в своем самобытном творчестве.

Тогда она разволновалась, ответила, что ожидала негативной критики и пожелания осуществлять себя в общественной и профессиональной деятельности... Ушла, а впечатление об этой встрече осталось у нас обоих. Позже не раз называла она меня своей крестной мамой в поэзии. Стихи же у нее лились, начинали жить отдельной жизнью от автора, были на слуху в песнях и балладах. Особенно хорошо получались диалоги, это очень сложная вещь. И не каждый поэт таким искусством владел. Духовный рост шел из книги в книгу. Я начала осознавать, как и другие, что Эйхман – личность не только во врачебном профессиональном смысле. В ее стихах становилось все больше от того, что переживалось. В наше время, когда появился термин «профессиональная жестокость» и стал как бы нормой, у нее все яснее обозначались высокие человеческие критерии, – результат борьбы за оказавшегося в беде человека. Не для позы и дешевой популярности она горевала в стихах, когда не удавалось спасти больного, и снова боролась за сохранение чьей-то жизни, не опуская рук, подавая надежду, ободрение и помощь. За это ее и любили.

Таня появлялась среди нас как огонек жизни. Вокруг нее сразу все приходило в движение. И неразрешимых проблем, как для некоторых чиновников, у нее не существовало. Она буквально продлила жизненные годы прекрасного поэта Толи Чеснокова – и физически, леча его после травм и ожогов, и духовно. Рассказывала: «У меня прием больных, принимаю всех, кто пришел, не считаясь со временем. Чесноков сидит в очереди, поджидая, входит за последним. Пою чаем, угощаю печеньем. Толя читает новые стихи, а я могла бы тоже, но устала, работа есть работа...»

Когда неизлечимо заболела моя мама, я отошла от дел писательской организации, чтобы ухаживать за ней. И сидела, что называется, без копейки. Заведующий управлением культуры в Карсуне В. Хорев и Т. Эйхман, приехав на какое-то мероприятие, говоря шаблонным языком, оказали мне финансовую помощь, ни о чем меня не спрашивая. Сложилось, как родные люди в трудный час, и Таня заставила взять деньги, не слушая мои протесты. Такое не забывается. Это в то время была действительно помощь, безвозмездная, братская.

Я тоже помогала многим чем могла в бесплатном составлении, редактировании и выходе в свет

сборников. И видела ответную доброту от людей.

В эти горестные дни и ночи я постоянно вижу перед собой Танины глаза, улыбку, легкую походку. Вижу ее то ведущей мероприятия в Языково на Пушкинском дне, то на организованных по ее инициативе Карсунским управлением культуры Чесноковских чтениях, то на Лопатинских встречах, устраиваемых димитровградской поэтессой Александрой Беловой, то на Благовском фестивале «Жар-слово», проводимом неутомимым Анатолием Ефимовым, тоже, увы, недавно ушедшим от нас в мир иной.

И в Карсуне Таня всегда встречала нас, писателей, со всей душой, радостно. Как и другие карсунцы, как В. Хорев, Л. Солдаткина, В. Фролов, работники библиотеки. Вот почему при слове Карсун у меня светлеет сердце... На Лопатинских чтениях, проходящих на природе, собиравших уйму народа, мы пили в честь Поэзии и Дружбы привезенное Таней шампанское, читали стихи. Я выиграла за поэтическую импровизацию огромный арбуз, его мы отдали на немедленное съеденье поэтическому молодняку. Было здорово!

Когда в Карсун приехали именитые московские гости, Таня вывела меня под ручку на красную ковровую дорожку, которой устлали путь для гостей, со словами: «Первая – вы!» И, с гордостью, – гостям: «Это она написала про нас: «Карсун – золотое сеченье!» Щедрость ее души была неиссякаема.

Спустя некоторое время после гибели А. Чеснокова Таня сказала мне, даря выпущенную с помощью администрации Толину книгу: «Пока жива, буду вести эти чтения с привлечением школьников, моих «родниковцев» (она руководила литобъединением при местной газете), писателей и поэтов из разных районов и городов, а там уж как получится».

При последней нашей встрече Таня сняла с руки перстень и молча надела мне на палец. Зачастую жесты красноречивее фраз. Прощалась? Теперь этот перстень в виде двух веточек с камушками, памятный, я вытащила из шкатулки и не расстаюсь с ним. Он так же ярко играет гранями, как Танина душа и ее творчество, прославляющее родной край.

Ее баллада про калину – великолепная! Нельзя слушать без отклика и слез. А как ценны ее воспоминания-размышления и в прозе, и в стихах о художнике Аркадии Пластове! Эта книга останется знаковой для Прислонихинских мест.

Когда в Карсуне вспыхнула эпидемия ковида, я написала Тане, что очень переживаю за карсунцев, молюсь за них и просила ее побережь себя, учитывая ее слабое здоровье. Стало страшно за нее. Вспомнилось, как в Языково она уткнулась в мое плечо лицом со словами: «Сколько же я пережила с этой ужасной операцией, как намучилась!»

И голосок – детский, жалобный, и волосы на головушке еще не отросли, и стала выглядеть как под-

росток. Но праздничный фестиваль потом вела как прежняя Татьяна Эйхман – умело, энергично, хорошо поставленным задорным голосом, проявляя для всех свою любовь и заботу.

В ответ на мое послание Таня по-солдатски чётко отрапортовала, что температура в норме, а насчет остального – будет вести себя так, как её учили, в соответствии с клятвой Гиппократата. Зная её, другого ответа и нечего было ожидать. И не сомневаюсь, – бормотала я сама себе, – сунется с головой в самое пекло! Хотя по болезни и как пенсионер имела право сидеть дома. Но как врач... и когда медиков нехватка...

Она, как и все, находилась в это время под током невыносимого напряжения душевных и физических сил. Как все, приняла бой с вирусом. Сознательно сделала свой выбор, понимая, чем ей это грозит. Скорее всего, дело было только в отпущенном ей времени.

Считаю, что Татьяна Эйхман совершила гражданский подвиг и исполнила свой врачебный долг. Смотрю в раздумье на перстень, глазу камушки – вижу её светлое лицо, слышу её напевные светлые стихи. И всё ясней и выше пламень ее души.

Я люблю Карсун. Всех моих дорогих друзей-карсунцев. При последнем посещении взяла в парке горсть Карсунской земли, она теперь меня согревает.

Замечательный наш поэт и краевед Николай Марянин заметил, что образовался Карсунский треугольник из поэтов Толи Чеснокова, Володи Селянкина и Васи Коробкова, которые друг за другом покинули эту землю. В самом деле – Толя Чесноков – из Теньковки, Володя Селянкин – из Карсуна, Вася Коробков – из Языкова. Ныне к ним добавилась Таня Эйхман.

Они всегда были рядом, эти поэты. Толя Чесноков, певец души и природы, своей малой родины. Он был мне как родной брат. Тончайший лирик. Перед гибелью побывал у меня, читал свою блистательную поэму-завещание про октябрь, месяц, в котором родился. Как бы подводя итоги своей жизни. Дала ему денег добраться до Теньковки и на прощанье вырвалось у меня предчувствие, что ли? Сказала: поберегись, над тобой воронье кружит. Свое последнее стихотворение он написал про ворона...

В ту далёкую уже весну мы с ним не доехали до его Теньковки, где он мечтал основать ДОМ ПОЭТОВ наподобие Волошинского в Киммерии. Какой-то добрый самаритянин, односельчанин оставил после себя ему дом с огородом – так рассказывал Толя. И Толя всех приглашал приезжать к нему писать и любоваться чудесной природой. Но мы не доехали. Зато попали к Володе Селянкину в гости. Он посадил нас, как патриархов, под раскидистой яблоней в своем саду, раскинул скатерть-самобранку... С охотой Володя делился своими познаниями и наблюдениями за растениями, перечислял их полезные свойства. О чем впоследствии написана им очень интересная книга, на основе которой центральное телевидение сделало передачу.

...Володя сбежал ко мне из гематологии, истосковавшись по общению и нормальной еде. Спрашиваю: будешь есть? Я как раз пекла блинчи-

ки – «Буду!» А потом читал новые стихи, изумительные! А какие сердечные слова находил, представляя меня на праздничном концерте в Карсунском клубе!

Вася Коробков. Кстати, еще неоцененный по достоинству поэт и прозаик. Он поддерживал меня в 1993 году, когда я, с крошечной дочкой Онькой на руках, перебивалась кое-как без работы, без изданий книг. Ну, 90-е же, объяснить не надо. Василий торговал тогда по подъездам домов у нас на окраине колготками, мёдом в баночках, стуженкой. Зная, что у меня маленький ребёнок, приносил мне всё это бесплатно. В последние свои годы писал отличные стихи, писал венки сонетов. А ещё он создал хорошую автобиографическую прозу... Почуввав неладное (у него обнаружился диабет, он был на инсулине и, видимо, не успел вколоть его себе когда возвращался с очередного выступления с программой «Литературная филармония»), так вот, почувствовав неладное, он сумел свернуть с шоссе, поставить машину в стороне, чтобы не пострадали люди. И умер. Потрясенный поэт Виктор Малахов позвонил мне в два ночи: «Мы только что расстались! И вдруг сообщили, что Вася умер!»

Вот такие они, мои дорогие друзья-карсунцы. Все эти поэты прошли трудный путь становления, все сумели дать миру свое слово.

Я смотрю на Танин перстень. Отсвет камушек играет над ним, сужаясь до трепетного язычка пламени. Мысленно провожу от сверкающих веточек линию вверх, к язычку пламени – от Толи Чеснокова до Володи Селянкина, потом – вниз, к Васе Коробкову. В центре этого поэтического треугольника я поместила звездочку Тани Эйхман. Его проекция в небе.

А в основании Карсунского Созвездия поэтов, как и полагается, – лавровые ветви Таниного перстня, подобными венчали своих гениев древние греки.

Теперь они – вместе.

Теперь они – Созвездие.

Я назвала его по первым слогам их имен: АН- ВЛ – ВА – ТА – АНВЛВАТА. Красиво и загадочно. Танина звездочка в середине. Оно сверкает над Карсуном. Танин перстень тоже сверкает мне гранями памяти.

Ковид, как чума, как холера, отступится, забрав, увы, нужное количество жертв. Никто из нас не застрахован. А жизнь будет продолжаться! И Карсунское Созвездие поэтов будет сверкать в небе над всходящей творческой порослью.

Ольга КОТЕЛЬНИКОВА, гл. редактор газеты «Карсунский вестник».

УВАЖЕНИЕ И ЛЮБОВЬ ЗЕМЛЯКОВ

За окном тихо падают снежинки, в легком сумраке потихоньку начинают светиться фонари. Сейчас бы она шла из больницы домой после очередного срочного вызова и осмотра больного и пересылала бы мне по телефону фотографии, радуясь хорошей погоде. А ближе к ночи прислала бы новое стихотворение.

Только этого уже больше не будет. НИКОГДА!

Как страшно: всегда оптимистичной, улыбающейся несмотря ни на что, всегда готовой прийти на помощь, бесконечно заботящейся обо всех Татьяны Эйхман больше нет рядом. К чувству скорби прибавляется и чувство вины – скольким людям за свою жизнь врача она сумела помочь, вытащила из-за грани, а мы ей помочь не смогли.

Сколько лет мы были знакомы? Наверное, лет 15–18. Нет, я, конечно, знала, что в Карсунской районной больнице есть такой врач – Эйхман Татьяна Александровна, но вот близкими по духу, по общему делу мы стали, когда я пришла на работу в редакцию районной газеты. Мы часто печатали на страницах районки её стихи, иногда я не могла удержаться от огромного желания предоставить ей целую «Литературную страницу». И предоставляли! Спасибо ей за доверие – она всегда присылала мне на прочтение свои новые творения прежде, чем с ними знакомились читатели.

Каждое её стихотворение было результатом огромного труда души, мысли, чувств. Создавая поэмы о земляках, о героях войны и простых сельских медиках, она всегда прежде тщательно изучала исторический материал, воспоминания живых свидетелей событий. Её любимым детищем, которому было отдано 15 лет жизни, стал межрегиональный молодежный творческий конкурс «Друзья по вдохновению». Начинался он как районный, но очень скоро перерос свои рамки, потому что работы на него стали присылать авторы со всех концов России и даже из-за рубежа. Она радовалась каждой работе, обязательно отвечала детям или их руководителям, ненавязчиво подправляла, советовала. И делала всё это по ночам, отрывая своё время от необходимого отдыха. А к подведению итогов конкурса обязательно готовила для каждого автора почётную грамоту и сборник произведений всех участников. Как же ребята были ей благодарны за эти книжечки! МАСТЕР, УЧИТЕЛЬ, ХРАНИТЕЛЬ ЮНЫХ ПОЭТИЧЕКИХ ДУШ – это о ней, о Татьяне Александровне Эйхман.

Просто невозможно себе представить без Татьяны Эйхман и Пушкинские праздники в Языковском парке – без её звонкого голоса, светящихся радостью глаз, раскинутых рук и стихотворных строчек, летящих над аллеями парка. Даже после тяжелейшей операции семь лет назад, ещё не оправившись до конца от болезни, она не смогла пропустить и этот праздник, и конкурс «Друзья по вдохновению». Приехала, вся светилась от счастья, от радости общения с любимым парком, друзьями, юными дарованиями. Она безмерно любила родное Языково и языковцев, переживала за все их проблемы и, если могла, старалась помочь.

Много лет Татьяна Эйхман руководила литературным объединением «Родники» при районной газете «Карсунский вестник». Бережно пестовала юные таланты, подбирала стихи для литературной страницы в газете. Буквально месяц назад вместе готовили страницы памяти А. Чеснокова и В. Селянкина, радовались, что получилось неплохо, что есть благодарные отзывы от читателей. Она всегда была на связи с такими же литобъединениями в Сурском, Димитровграде, Инзе, Базарном Сызгане, Вешкайме, члены которых с радостью отзывались на её приглашения на наш Пушкинский праздник.

Она не умела никому отказывать. Надо было принять тридцать больных при норме восемь – она принимала. Уставала до невозможности, но всегда чувствовала себя ответственной за помощь людям и не могла поступить иначе. Просили прийти и выступить перед детьми в школе, в библиотеке (и не только в Карсуне, а и в других районах) – шла, ехала, выступала, дарила книги, журналы, приглашала к участию в конкурсе. И очень радовалась, если видела заинтересованность юных слушателей.

А ещё она была мамой троих замечательных детей и бабушкой троих чудесных внуков, для которых писались отдельные стихи и сказки.

Без её ярких выступлений не обходился ни один районный праздник, будь то День Победы или День Карсуна, открытие пленэра «Земля Пластова» или работа лагеря «Доброхот» в Языково.

Всю жизнь со времени окончания Саранского государственного университета и до последних дней она проработала врачом Карсунской районной больницы. Её здесь очень уважали, её оценкой и мнением дорожили. Уважение земляков к этому светлому человеку проявилось и в том, что Татьяна Эйхман была удостоена высокого звания почетного гражданина Карсунского района Ульяновской области. Невозможно поверить, что Татьяны Александровны больше нет рядом с нами. Наверное, будет в Карсуне улица её имени. Очень хотелось бы надеяться, что и творческий конкурс назовут её именем и продолжат её дело. А может быть, и в программу литературного краеведения в школах Ульяновской области войдут её произведения!

Она заслужила!

Наиля АРИСКИНА, директор Карсунской межпоселенческой центральной библиотеки им. Н.М. Языкова.

ДРУГ И СОРАТНИК

Татьяна Александровна Эйхман. Нет, наверное, в нашем районе человека, кому не было бы знакомо это имя. Врач, поэт, общественница, многодетная мать, хороший друг, отзывчивый товарищ... – не знаем, в каком, по значимости, порядке следует перечислить.

Т.А. Эйхман на протяжении многих лет была нашим другом и соратником, сотрудничала с управлением культуры, Карсунской центральной

Татьяна Эйхман (крайняя справа) в Карсунской библиотеке им. Н.М. Языкова

библиотекой имени Н.М. Языкова, Центральной детской библиотекой им. В.С. Орлова, сельскими библиотеками, районным домом культуры, Карсунской ДШИ им. А.А. Пластова, Карсунским художественно-краеведческим музеем. Была желанным гостем в школах и детских садах. Большинство массовых мероприятий в районе не обходились без её участия. Кроме того, с 2018 года Татьяна Александровна была главным редактором художественно-публицистического альманаха «Гостиный двор», издаваемого Центральной библиотекой им. Н.М. Языкова. С её приходом журнал стал более востребован читателями, приобрел новых друзей-литераторов. Татьяна Эйхман своим творчеством призывала ценить каждую отпущенную нам минуту жизни, дорожить своими семьями, родными и друзьями:

Нам же выпало счастье – побыть на земле/
Поработать, детей народить, / Видеть утро в росе и
картошку в золе, / Петь и плакать, а значит – Жить!

...Ее стихи о воинской славе наших земляков звучали на митингах-реквиемах. Их нельзя было слушать без слёз. Это её стихи зовут любить нашу Родину – Россию, так как любила её она. Это её стихи заставляют биться женское сердце в волнующем ритме любви. Это её стихи призывают нас по-новому взглянуть на жизнь, на себя, на окружающий мир и найти во всем этом ростки добра, тепла и света!

Людмила АБРАМУШКИНА, Карсун, врач.

БЫЛА НАДЕЖДА НА ЧУДО

Весть об уходе Татьяны Эйхман поразила всех, кто её знал. Знали, что болеет, проходит курсы химиотерапии, борется за жизнь. Потом узнаём, что диагностирован ковид и ее госпитализируют в реанимационное отделение МСЧ УАЗ... Но всё-таки надеялись, что выкарабкается, надеялись на чудо. Я мысленно говорила ей: «Татьяна, держись!» Молилась за неё, но чуда не произошло... Пришла страшная весть... Захожу на её страничку в What's app. Последний раз она была здесь в воскресенье, 22 ноября, в 12 часов 49 минут. Стала перечитывать нашу переписку. В эти последние месяцы мы сблизились. Вели разговоры на медицинские темы. Делились наболевшим. Татьяна предчувствовала свой уход, много думала об этом. И всё-таки надежда на чудо была...

В одном стихотворении Татьяны есть такие строки: «Мелькают рельсы. Ты в тоннель взглядишь. / Что там в конце написано? Читай! / Воскликни остающимся: «Держись!»

Прочитала. Ответные строчки родились сразу. Вот они:

Татьяна, Танечка, Танюша!
Не надо больше про тоннель...
Я знаю, будем снова слушать
Твой голос в тишине аллея.
Я верю, верю: будет чудо,
Наступит снова перелом.
Молиться Господу я буду.
Кто верит, тот уже спасён.
И жизнь твоя ещё продлится:
Весною будут соловьи,

Зима пургою будет злиться,
А осень принесёт дары.
Не думай о плохом, родная,
Твои друзья всегда с тобой.
Науку жизни постигая,
Ведём за жизнь незримый бой.
Я верю – всё преодолеешь.
Ты – сильная и ты сумеешь...

Но... случилось непоправимое. Но я знаю, что душа Татьяны ещё с нами, а её «Песня, звенящая в звёздах» будет звучать вечно.

Людмила ДЫРНОЧКИНА, РЦ «Восхождение»

С уходом Татьяны Александровны мы все осиротели... И взрослые, и дети. Кто в нас будет вселять творческое вдохновение на поэтических вечерах, с упоением и любовью рассказывать о Пластове, привлекать к участию в замечательном конкурсе «Друзья по вдохновению», заряжать оптимизмом и верой в будущее. Ушёл многогранный талант, неиссякаемой энергии и большой души человек! И всю свою жизнь она отдавала людям и поэзии! Невосполнимая потеря для всей области, для всех нас. И если есть такая возможность, можно... нет, нужно! назвать в честь Татьяны Эйхман улицу в Карсуне, её именем назвать литературный конкурс «Друзья по вдохновению». А мы в нашем реабилитационном центре для несовершеннолетних будем проводить вечера памяти нашего замечательного друга, поэта Татьяны Эйхман.

Татьяна Эйхман выступает перед юными слушателями в реабилитационном центре «Восхождение»

Анастасия БУБНОВА, редактор, поэт.

Благодаря Татьяне Александровне Эйхман понимаешь, что, помимо бытовой жизни, есть душа; помимо коллег и знакомых – единомышленники; помимо себя в поэзии – поэзия в себе и в других. И умение (даже талант) быть благодарным, и светлая и деятельная вера в других, и бескорыстная помощь совсем юным в стихах. Всё это было в Татьяне Эйхман. И остаётся сейчас, потому что есть наша память и её творчество. И остаётся (уповаю на это) в нас – в тех, кому посчастливилось знать Татьяну Александровну... Знать, читать и вдохновляться ею!

Людмила СЕРЗИНА, член Российского союза профессиональных литераторов.

«ПУСТЬ ЖЕ ВДОХНОВЕНЬЕМ НУЖНЫЙ ТРУД ТВОЙ ДЫШИТ...»

К юбилею Л.К. Токарчук

*Самая самоотверженная.
Красою земною отмечена.
Горем в тоску не повержена,
Любовью названа женщина.*

*Н. Абадовская,
из посвящения Л.К. Токарчук*

Познакомиться с таким человеком, как Любовь Константиновна Токарчук, – подарок судьбы. Красивая, обаятельная, милая, мудрая, но вместе с тем очень сильная и самоотверженная женщина.

То, что она как мать сделала для своих детей, Лены и Андрея, далеко не каждой матери под силу, даже имеющей здоровых детей.

Л. Токарчук

По всем житейским законам ей уготовано было быть несчастной и плакать день и ночь: её дети с детства были поражены тяжелейшим и неизлечимым недугом – прогрессирующей мышечной дистрофией – и прикованы к инвалидной коляске (дочь – с девяти лет, сын – с двенадцати).

Но вопреки злему року она не унывала и детям своим не давала унывать, всё делая для того, чтобы помочь и поддержать своих детей не только физически, но и морально.

Кто-то из древних сказал, что дети от родителей должны получить, во-первых, КОРНИ, во-вторых – КРЫЛЬЯ.

Родители, конечно, не могут определить взрослую жизнь детей, но способны дать своему ребёнку силу и направление РАЗВИТИЯ.

Свой главный вектор ДВИЖЕНИЯ и мощнейший ДУХОВНЫЙ импульс, который станет потом постоянно питать и вести его, человек получает, должен получить именно в детстве.

Именно правильное решение этих вопросов в детстве, по моему убеждению, способно создать личность самодостаточную и полезную для окружающих. Это будет обязательно творческий человек.

Для меня этот факт непререкаем и очевиден на примере семьи Любви Токарчук и её детей – Лены и Андрея.

«Факт инвалидности, – замечает она в своей «Безграничности стремлений», – перевернул не только жизнь (детей – Прим. авт.), но и родительское понимание задач в этой ситуации».

«Да, – решила Любовь Константиновна, – мы не

имеем здоровья и сил, зато мы можем видеть и слышать, можем читать и писать, рисовать и мечтать, и еще – много, много, много думать. Этого у нас никто не отнимал».

Грустить и скучать ребятам было просто некогда, они всегда были заняты интересными для них делами, а мама чем могла старалась им помочь.

Для своих детей она была не только помощником, но и другом и советчиком. Она, как и дочь, серьёзно увлеклась философией, психологией. Интересуется историей, культурой и религиями различных стран.

Она всё время стремится к основательным и глубоким знаниям, старается всегда и во всем проникнуть в суть вещей. И когда ей показалось, что знаний недостаточно, поступила в аспирантуру, чтобы глубже изучать философию и проблему социализации и адаптации инвалидов в обществе.

Она как мать не только поддерживала жизнь детей, удовлетворяя житейские потребности. Прежде всего её интересовали вопросы «соотнесения с миром других людей, о поиске и занятии своего места в жизни», и поэтому она всячески помогала дочери и сыну на этом пути.

И она никогда не подходила к проблемам детей с позиции жалости, а каждый серьёзный разговор служил толчком к пониманию чего-то нужного и важного в этой жизни.

Вот как она ответила на вопрос дочери, страдавшей от недостатка общения со сверстниками («Сказка об Аленушке из моей жизни»).

– Мама, как ты думаешь, у меня могут быть друзья?

– Конечно, доченька. Только это будут не просто друзья, а друзья по интересам. Ты вырастешь, будешь заниматься каким-то делом, что-то будешь знать по своей профессии, и к тебе придут люди, которые тоже будут заниматься таким же делом. Вы будете делиться своими знаниями, помогать друг другу, и вам будет вместе интересно.

– А когда же это будет? Ну, не знаю, наверное, когда у тебя будет какое-то нужное людям дело, какие-то знания, умения...

– А что мне делать? Я ничего не могу. Я же не взрослая.

Мама в ответ посмотрела на неё строго:

– Ну и что? Ну, вот сейчас, например, что ты умеешь делать?

– Не знаю.

Елена Токарчук. Выпуск из Литинститута. 1997

– И я не знаю. Читать можешь? А писать? Рисовать? Лепить из пластилина? Вышивать, вязать? Зашивать дырки на носках? Помогать старшим, в конце концов. Нельзя же жить, ничего не делая! Ты посмотри – у нас у каждого в семье есть дела: отец выполняет работу, которая требует физической силы, бабушка с вами занимается, стирает, гладит, моет посуду, я готовлю, убираюсь, делаю ремонт, шью, и все мы друг другу помогаем и еще работаем на даче. А кроме того, у нас с папой у каждого своя работа: у меня на заводе, а у него – военная служба. А ты какую работу хочешь выполнять?

Леночка задумалась... и с тех пор она больше никогда и ни у кого не спрашивала, чем ей заняться и что ей делать. Она рисовала, училась вязать, вышивать, делала выписки из интересных книг, заучивала понравившиеся стихотворения, она рассказывала о том, что прочитала, родным и знакомым, читала сказки брату...

Из приведенного отрывка видна материнская и человеческая мудрость. Это не просто ответы на вопросы. Это воспитание жизненной позиции, воспитание личности. А разве может быть иначе? Воспитать личность может только личность. Заметить и развить талант может только талантливый человек.

Вот как неординарно ответила она, например, на просьбу сына купить компьютер, покупку которого в то время семья не могла себе позволить: «Сделай сам!». А на вопрос сына: «Из чего?» она ответила: «Да хоть из бумаги и картона». А потом помогала сыну в покупке моторчиков и деталей. И он сделал компьютер с движущейся лентой меняющихся рисунков, который, как и настоящий компьютер, можно было включить и выключить...

Когда в семье появился настоящий компьютер, который Андрей пытался изучить самостоятельно, она приглашала людей, которые помогали восстановить работу вышедшего из строя компьютера (Водкина В.Ю., Деева Б.Г.), чтобы у сына не пропал интерес к нему. И Андрей стал асом в этом деле: делал мультфильмы, сочинял при помощи компьютера музыку сначала для себя, потом по просьбе друзей – для них, часто источником вдохновения

для него служили стихи его сестры Лены, например, «Очарованная солнцем», «Танец со звездой», «Без тебя»... Он создаёт великолепные клипы, где очень удачно подобраны видеосюжеты и музыка.

Благодаря усилиям мамы Леночка окончила Литературный институт имени А.М. Горького в Москве, а Андрюша – Ульяновский государственный технический университет, кстати, с красным дипломом. И сегодня он состоявшаяся, самостоятельная личность, создал семью, в которой вместе с женой они растят двух очаровательных сыновей-двойняшек, а бабушка, любящая внуков безмерно, принимает посильное участие в их воспитании.

Хочется отметить, что двери дома Любви Токарчук всегда были гостеприимно распахнуты для друзей Лены и Андрея. По субботам в их квартире было всегда шумно.

К Андрею приходили одноклассники, друзья по дому, двору, дети знакомых. Они говорили о компьютерах, слушали диски, смотрели кассеты, которые по просьбе сына приобретала мама.

К Лене приходили друзья, разделявшие ее литературные интересы: начинающие и состоявшиеся поэты, музыканты, художники, да и просто люди, любящие искусство и прекрасное. Для каждого из своих гостей Лена находила слова поддержки, искренне радовалась успехам друзей и знакомых.

Любовь Константиновна очень рано разглядела талант своей дочери и была для нее и другом, и советчиком, и главным помощником.

С Леной они были неразлучны – вместе ездили в Москву в Литературный институт на сессии, на различные конкурсы и выставки картин. Они вместе бывали на выступлениях в библиотеках и школах, вместе работали над изданием книг Лены. И сейчас, когда Лены нет среди нас, она продолжает дело своей дочери – работает над изданием ее книг, пишет статьи о ней и ее творчестве.

Много лет при городской библиотеке №4 МБУК ЦБС дважды в месяц проводились встречи в литературно-музыкальной гостиной памяти поэтессы и художницы Елены Токарчук по двум направлениям: «Открой меня» (о жизни и творчестве Елены Токарчук по биографии); «В кругу собратьев по перу» (о творчестве друзей Е. Токарчук).

Дом радости. Л.К. Токарчук (в центре) с мамой и детьми. Фото Льва Захарьина. 1997 год

Затем появилось ещё два новых направления: «Обращение к классике» (о творчестве классиков в поэзии и музыке); и «Открывая мир Елены Токарчук» (о тематической основе поэзии и живописи Е. Токарчук).

Любовь Константиновна Токарчук была неизменной ведущей этих встреч. Она рассказывала о жизненном пути и творчестве дочери и показывала историю её жизни, используя картины и рисунки, стихи и прозу, дневники и переписку, аудиозаписи Елены, видеосюжеты телепередач и домашних видеосъёмки. Она готовила красочные и ёмкие по содержанию фотопрезентации к каждому своему выступлению, приглашала на встречи людей, так или иначе соприкасавшихся с творчеством её дочери. Отрадно, что поэты, музыканты, барды города охотно откликались на эти приглашения, среди гостей не раз бывали заслуженный художник России Б.Н. Склярчук, поэт Е.В. Кувшинникова, прозаик О.Г. Шейпак и многие другие.

Знакомясь с творчеством друзей Елены, слушатели понимали, какое значение имели эти люди в её жизни. Как они вдохновляли, давали энергию для собственного её вдохновения, как поднимали они Лену над житейскими бедами и невзгодами, даря ей радость созидания.

Настолько интересен был этот проект, что даже случайно заглянувшие на презентацию читатели приходили вновь и вновь. Сложился постоянный круг слушателей, некоторые из них никогда не были знакомы с Еленой Токарчук, но полюбили её, заинтересовались ее творчеством.

И ещё эти встречи показали, что Любовь Константиновна – талантливый и литературноодарённый человек. Любовь Токарчук – член Российского союза профессиональных литераторов, автор автобиографической прозы.

Её рассказы читаются легко и свободно, оставляя ощущение света, добра и радости. Она пишет так тонко, прозрачно, что у читателя возникает редкое чувство стопроцентной сопричастности ко всему происходящему.

Её сюжеты – это исповедь автора перед читателем и одновременно документально точное описание происходящего, здесь нет отстранённого и холодного расстояния между ними. Всё, о чем она пишет и рассказывает, узнаваемо и знакомо.

В рассказе «До полного блеска» – не просто повествование автора о переживаниях ребёнка, это само его восприятие, когда он в один миг постиг радость и счастье, горе и страдание, рождённые «устремлениями, с какими мы идём навстречу поступку, и страданиями, с которыми воспринимаем последствия».

Прочитав рассказ, я поймала себя на мысли: в каждом человеке, а особенно в ребёнке, таится вечно неудовлетворённая потребность в любви к

нему родных и близких. Любви не за что-то, а просто потому, что ты есть такой, какой есть; любви-радости, любви, всё понимающей и всё прощающей, а иначе нет большего горя и большей несправедливости.

А ещё – поразительно умеет автор передать готовность к чуду. Может быть, потому, что она сама не потеряла этой способности и заряжает этим своего читателя, убеждая его в том, что невозможное становится возможным, стоит только этого сильно захотеть.

В рассказах автор делится своими философскими размышлениями о жизни. И о чём бы она ни писала: о дочери, о друзьях-литераторах, о пережитом, – всё вызывает живейший интерес у читателя. Рассказы Л.К. Токарчук светлы и добры, они будят самые лучшие чувства в читателе, заставляют о многом задуматься, учат стойкости и вере в то, что всё содеянное с любовью обязательно даст хорошие всходы.

Любовь Константиновна Токарчук – красивый человек с ясным мудрым взглядом, с доброй улыбкой. При встрече с ней невольно вспоминаешь слова Метерлинка: «Так любить – значит не отличать больше красоту, которая превращается в любовь, от любви, которая превращается в красоту... Так любить – значит существовать перед Богом... Не нужно больше ни смерти, ни несчастья, ни слёз для того, чтобы душа явилась: достаточно улыбки!»

Закончить же мне хочется словами известного ульяновского поэта Виктора Малахова, посвящёнными Любви Константиновне:

Так Вашу душу полюбил
Всевышний наш Творец,
Что он её не поместил
В сияющий дворец.

Он перед Вами не открыл
Сокровища земли,
Он Вас сильнее полюбил,
Чем мы судить могли.

От взоров Ваших зло и мрак
Не скрыл его покров.
...И только тот, кто любит так,
Бывает так суров!

Он силу Вашей знал души,
Готовя с детских лет
К тому, чтоб подвиг совершить
И боль преодолеть.

О, как бывает тяжела
Такая благодать!
И женщина изнемогла,
Но торжествует мать!

Константин СМОРОДИН, Саранск. Член Союза писателей России, гл. редактор журнала «Странник».

РАДОСТНЫЙ ХУДОЖНИК

К 150-летию со дня рождения
Федота Сычкова

Все, кто смотрел картины художника Федота Сычкова, особенно в оригинале – на выставках, в музеях, отмечали в его работах некую повышенную концентрацию радости, иногда яркой, открытой, иногда легкой, брезжущей улыбками, сиянием глаз, оттенками цветов с его полотен. Даже, казалось бы, простые сюжеты – переход через ручей; молодка, идущая за водой; торговля на сельской ярмарке; половодье, затопившее деревню, всё, всё – и пейзажи, и бытовые сцены, и портреты у художника пропитаны внутренним светом, несущим радость. Хотите поднять себе настроение – сходите в музейные залы с картинами Сычкова, и, если вы чуткий человек, способный воспринимать прекрасное, хорошее настроение вам обеспечено.

Откуда же взялся этот удивительный, радостный свет в картинах художника?

Родился Федот в семье бурлака на берегу реки Мокши в русском селе Кочелаево. Тяга к рисованию проявилась рано, в шесть лет. Бабушка в церковный праздник привела мальчика в храм, и там ему очень понравилась роспись – лики Господа, святых, и особенно ангелы среди облаков. Придя домой, Федот взял уголь из печки и начал рисовать... херувимчиков. Изрисовал печку, все двери и стены в избе. «Отец сидел обыкновенно у окошечка и смеялся, – вспоминал художник, – а мать за то,

Ф. Сычков. Автопортрет

что пачкал дверь и стены, собиралась побить прутиком. Бабушка защищала, не давала меня в обиду и говорила: «Пусть рисует, ты посмотри, ведь это ангелочки, похожи...»

Шли семидесятые годы XIX века. По настоянию бабушки Федот в восемь лет поступил в школу, которую только-только отстроили в их селе. Мальчик оказался смыслёным, быстро выучился грамоте, но особенно любил рисовать. Это заметил учитель П.Е. Дюмаев, который сам был склонен к искусству, писал акварели. Он дал ученику журналы с репродукциями известных художников и предложил скопировать их. У Федота получилось. Дюмаев понял, что перед ним талантливый отрок, и попытался помочь ему: отправил копию картины «придворного» живописца Зичи самому столичному художнику с ходатайством, чтобы тот помог мальчику учиться в Художественной школе. Зичи, увы, отказал.

К тому времени умер отец Федота и семья, и так не богатая, стала погружаться в нищету. Приходилось и побираться. «Мать после смерти отца кормила нас нищенством. Нас у нее было трое. Измученная, больная, она не в силах нас была кормить одна, с досадой посылала и нас просить милостыню, и я тоже до 15 лет нищенствовал. Образование кроме начального училища, не мог иметь от бедности. Вот после 15-летнего моего возраста я 5 лет батрачил, ходил за 300 верст пешком на заработки...» – вспоминал художник. Повзрослев, Федот с сестрой ходили в Саратовскую губернию – на полевые и уборочные работы. Не всегда были урожайные годы, и не всегда случались достаточные заработки. Именно в такой, неурожайный год прибилась мальчик к артели богомаза в г. Сердобске Саратовской губернии. Взяли его подмастерьем на кабальных условиях – три года работать только за еду и «науку». И он добросовестно работал. Хозяин, убедившись, что юноша способен выполнять заказы не хуже его самого, начал этим пользоваться. Из воспоминаний Сычкова: «Прожил я у него два года, исполнял его заказы, использовал он меня во всём, а сам почти не работал, больше пьянствовал, и с этой привычкой дошел до крайности, пропивал свое имущество, издевался над женой и мной. Жить стало невозможно. Однажды хозяина не было дома, его жена спросила меня: «Не хочешь ли пойти домой?» А я только об этом и мечтал, но боялся угрозы хозяина. Я сказал, что он пригрозил мне судом. Она успокоила меня: «Ничего тебе не будет, Федот, сейчас же уходи, пока его нет дома», дала мне на дорогу 10 медных пятак и ломоть хлеба. И я ушел в рваном пиджаке. Была ранняя весна, таял снег, везде лужи, трудно идти. Промокший, иззябший, я шел дней шесть, кое-где меня согревали и подвозили сердобольные попутчики. Наконец я дошел до дома. Увидела меня мать, сама беднячка, но и ей я показался жалким. Заплакала она, но я в утешение ей сказал: «Не тужи и не плачь, я теперь мастер, живописец, научился писать иконы, буду зарабатывать, и нужды у нас не будет». После возвращения, буквально на следующий день, Федот тяжело заболел, уже думал, что умрет, но через месяц поправился. «Наука» не прошла даром, действительно появились у Федота заказы, сначала местное духовенство предложило подряд на иконы для церкви, а затем уже и народ, увидев его рабо-

ты, начал заказывать для себя иконы. Семья больше не бедствовала.

Однажды их сельский батюшка предложил Федоту нарисовать его портрет с фотографии. Вышло хорошо. Увидел это пристав и тоже захотел себе портрет. Потом исправник... Так очередь дошла до богатого помещика, генерала И.А. Арапова. «Неожиданно для меня в один из осенних дней подъехали к нашей избушке барские санки с хорошей лошадей. Человек, который приехал, письмоводитель нашего пристава, вбежал в избу и по-военному крикнул: «Как тебя там, немедленно, сию минуту одевайся, поедem к генералу Арапову. Он через полчаса ждет тебя... <...> Один из генералов встал, это был Арапов И.А., подошел ко мне, взял меня и повернул налево, указав на портрет исправника моей работы, стоявший на стуле. Сказал: «Узнаешь? Кто это написал?» Я ответил, что написал я, и генерал сказал: «Молодец! Хорошо нарисовал, хоть и самоучка. А хочешь учиться, чтобы еще лучше рисовать?» – «Очень хотел бы, Ваше превосходительство». – «Ну я для тебя постараюсь узнать, если смогут тебя принять в художественную школу, то устрою. Согласен?..»

Генерал тоже заказал портрет и по выполнении оказался им весьма доволен. Федота даже назвали «наш Рафаэль». После этого был заказ на очень сложную, многофигурную, большую картину «Закладка станции Арапово». На картине было изображено около 200 человек, в том числе и сам художник. Эту работу Сычкова генерал Арапов отвез в Петербург и показал в школе «Общество поощрения художников» директору Сабанееву. И Сычкову было предложено в этой школе учиться. На тот момент ему исполнилось 22 года. А в 25 лет Федот поступил в Академию художеств. Художник вспоминал: «Учился в Академии у разных профессоров, но главное влияние на меня имел И.Е. Репин. Я не был его прямым учеником, но он часто видел мои работы у себя на квартире, куда приносил ему показывать, и давал указания. В отдельной мастерской на конкурсе учился я и у Н. Кузнецова, впоследствии и у П.О. Ковальского, где для меня была большая польза. Выпускной работой моей была картина на тему «Вести с войны».

И началась у Федота Сычкова новая жизнь. Обосновался он в тот период своей жизни в Петербурге, наезжая в родное Кочелаево, часто бывал за границей – в Берлине, Риме, Флоренции, Милане, Вене, Париже и т.д., участвовал во многих выставках, как отечественных, так и зарубежных. Его картины получали награды, покупались музеями и частными лицами, известно, что его работы были в коллекции императорского дома Романовых. Выпускались открытки с репродукциями картин Сычкова, и они пользовались большим спросом.

Сычков не желал и не мог порвать со своим основным направлением в творчестве – изображением деревенской жизни, которую хорошо знал и любил. Именно деревня, близкая к природе, питала его душу. Все написанные им картины: «Христославы», «С гор», «Трудный переход», «В день водосвятия», «Деревенская свадьба», «Лето», «Молодая», «Приятель» и многие другие – накрепко связывали его с тем родным бытием, которое он впитал в детстве. Он любил деревенский мир и воспевал его. Как пи-

сал советский исследователь творчества художника: «Не замечая революционного движения в России, далекий от широкой общественной жизни и борьбы рабочего класса, не видя социальных расслоений в деревне, Сычков встает на путь празднично-народного показа русской деревни, не отражающей тех классовых противоречий, которые так заметно тогда обнажились. Это особенно отразилось в его картинах на сюжеты русских свадеб, ярмарок и разных гулянок» (М. Сокольников). Наверное, в некоторых картинах Федота Сычкова того периода и была излишняя «парадность» деревенской жизни. Но посмотрите, например, на его работу «Христовлавы».

Ф. Сычков. Христовлавы

Что мы там видим? Бедность. Убогая обстановка избы, где даже теленок находится в горнице. Но всмотритесь: какие лица у обычных деревенских детей? Милые, светлые, застенчивые. У каждого ребенка проглядывает свой характер, и в то же время все они – торжественные, соответствующие моменту: Христа славят. Какие тут «классовые противоречия»? Тут глубокая любовь и понимание деревенского бытия.

Принял ли революцию к тому времени маститый художник, академик живописи Федот Васильевич Сычков? Думаю, принял. Он, безусловно, хотел лучшей доли своему народу. И, понимая, что переберись они с супругой за границу (а такие размышления и возможности были), их там ожидает сытая и комфортная жизнь, решил остаться в России. Не повлиало даже то, что мастерскую художника в Петербурге разграбили, вынесли всё ценное, включая, конечно, картины. Но сохранит ли художник свой душевный мир, свой творческий потенциал без родной почвы? Полагаю, и об этом тоже размышлял Сычков. Он, вероятно, понял, что не может расстаться со своей большой и малой родиной. Для него родина и творчество оказались важнее комфортной жизни. В итоге Федот Васильевич со своей замечательной супругой Лидией Васильевной из революционного Петербурга-Петрограда окончательно перебрались на жительство в Кочелаево.

По приезде в Пензенскую губернию Федот Сычков попытался включиться в революционные реалии. В Наровчатке, ближайшем уездном центре, художник немало потрудился к празднованию первой

годовщины революции, писал портреты Ленина и других вождей революции, плакаты, оформлял театральные сцены. Одним словом, основательно и бесплатно поработал на благо советской власти. Как отмечали очевидцы, городок благодаря талантливому художнику преобразился. Но в начале тридцатых годов вдруг выяснилось, что для некоторых односельчан и властей он является «чуждым элементом», чуть ли не врагом. Существует некое «Прошение» Сычкова Федота Васильевича, обращенное к властям. Очень яркий и многое приоткрывающий документ того времени. Приведем отрывок: «Живя в деревне теперь, где происходит строительство социализма, где происходит строгая и справедливая чистка врагов социализма, я как художник ничего общего с деятельностью сельсовета не имею по коллективизации. Остался до настоящего момента в деревне, местная власть сельсовета не обошла без внимания и меня. Им кажется, что я среди бедноты деревни – зажиточный: имею покосившуюся избу, ей 40 лет, почти гнилая, и ателье, где я работаю. Всё это служит у нас в деревне отличием от моих соседей и проч. Это похоже на имущество, которое, недолго думая, обложили на первый раз в 400 руб. Я был в сельсовете, объяснялся с ними... просил написать копию протокола, за что обложили. Сказали: «Нет, не напишем, ты – буржуй», – буквально так и ответили. Я должен уплатить налог в 24 часа, а в случае неуплаты мое всё имущество будет продано. Что же это, разве так надо, чтобы этим поступком сельсовета остановить мою деятельность как художника? А ведь у меня всё, что есть, это для моей работы. И это хотят немедленно уничтожить... Сравнивая меня чуть ли не с кулаком, выселяют меня из дому и отбирают всё. За что же это такая напасть? Разве я виноват в том, что живу как большая редкость в деревне и пишу, воспеваю в своих произведениях того же мужичка, и за это они мне теперь преподаносят то, что я им не нужен?.. Они меня не хотят понять. Они во мне видят ремесленника, который, по их понятиям, зарабатывает деньги, а им от моей деятельности нет никакой пользы. И вот в результате – вышеописанный неприятный случай, беспощадный поступок со мной. Не нахожу я лично это справедливым, решил поэтому обратиться за помощью к высшей власти в надежде, что там поймут меня и оградят как необыкновенную личность, попавшую в водоворот современной перестройки».

По стилю «Прошения» видно, в каких расстроенных чувствах пребывает художник, в каком недоумении, растерянности. Что тут скажешь? Банальное, но незабываемое: нет пророков в своем Отечестве? Вероятно, так. И еще: мелкая человеческая зависть, всё разъедающая, всё заслоняющая, застывшая глаза. Вместо гордости выдающимся человеком, земляком – раздавить, унижить, уничтожить. И если бы не заступничество «из центра», вполне вероятно, деятельность художника, воспевавшего в первую очередь свою деревню, а в ее лице и весь деревенский мир, прекратилась бы.

Участвовал художник в выставках Ассоциации художеств в павильоне Поволжья ВСХВ, написав для этого две больших панно-картины «Праздник урожая» и «Вручение Государственного акта на вечное, бесплатное пользование землей». Названия картин

говорят сами за себя. Участвовал в выставке «Индустрия социализма» и др.

И всё-таки видели в Сычкове советские идеологизированные искусствоведы чуждость: «На сычковских деревенских красавицах лежит налёт старой деревни. Прекрасно чувствуя народную красоту, передавая веселый оптимистический характер молодежи, Сычков не показывает со всей необходимой глубиной тех новых, воспитанных коммунистической партией качеств, которые давно уже преобразили и самый облик советской деревни и ее людей. При должной идейной направленности художник даже на примере жизни одного села смог бы почувствовать и увидеть то новое и типическое, что определяет нашу новую, советскую действительность в деревне. В частности, он тогда сумел бы расширить свою галерею детей и молодежи образами пионеров и комсомольцев, показать их в общественной работе и труде». (М. Сокольников). А ведь это написано уже после смерти художника, во время оттепели, в 1962 году.

Да, пионеров и комсомольцев Сычков не рисовал, хотя... есть у художника полотно «Пионерский хор», где позади строя детей виднеется бюст Ленина. Надо признаться, картина чересчур плакатная, неудачная. Даже если и видел ее М. Сокольников, она вряд ли ему понравилась. Как говорится – без вдохновения. Чуждо. «Чужд». А вот другие явления изменений в деревенской жизни, которые запечатлел Сычков, его явно «вдохновляли». Например, чего только стоит картина «Учительница-мордовка». Красивая женщина в праздничном национальном наряде, с серьезным умным лицом сидит посреди цветущего сада. Или веселые «Мордовки-трактористки», где просматриваются характеры героинь, говорящие, что непросто обуздать «железного коня». И не надо трактор изображать, чтобы понять это. Или многофигурная, как и «Хор», картина «Встреча героя (Возвращение с фронта)», сдержанно-светлая, в которой видны и радость встречи, и печаль о тех, кто не вернулся. Вот они, свидетельства времени, свидетельства изменений миропорядка. Художник продолжал любить то, что любил всегда, сам себя называл поэтом деревни и, вероятно, не всё принимал из случившихся перемен. В своем «Прошении» художник говорит: «Теперь мне 60 лет. За всю свою жизнь я так много пережил всяких унижений и горя, были и светлые дни, когда имел успех, но при всём том всё-таки мне в жизни приходилось переживать неприятности до 90%». И еще, в прилагавшейся к «Прошению» автобиографии: «Мои успехи развивались во всех отношениях. На выставках мои картины нравились, покупались, как частными лицами, так приобретались и музеями. Словом, я был счастлив, и казалось, лучшего в жизни ничего не хотел. И вот явилась Революция...» Проговорился: «был счастлив» и «лучшего в жизни ничего не хотел».

Надо признать, что в сталинские времена понимали значение культуры для страны и поддерживали ее лучших представителей. Ф.В. Сычкова тоже власти заметили и создали приемлемые условия для уже престарелого, но всё еще способного к творческой работе мастера. Конечно, ему помогла

и поддержка друзей-художников, оставшихся в Петербурге-Ленинграде, в частности И.И. Бродского. Как пишет современный искусствовед М. Сурина: «Заслуги художника нашли признание советского государства. Он был удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР и Мордовской АССР, награжден орденом «Знак Почета». Незадолго до смерти, в 1955 году, ему было присвоено высокое звание народного художника Мордовской АССР». Персональные выставки Ф.В. Сычкова (в 1952 году выставка прошла еще при жизни) имели большой успех.

Удивительно, что совсем неподалеку, примерно в 250 верстах от Кочелаева, в Симбирской губернии (ныне Ульяновская область) родился и жил на малой родине замечательный художник Аркадий Пластов. Пластов тоже был выходцем из крестьянского сословия, но получил образование не в Петербурге, а в Москве. Манеры письма художников принадлежали к несколько разным школам, и судьба Пластова-художника была более счастливой, чем у Сычкова. Хотя и Пластову досталось в 30-е годы за неверное понимание линии партии – несколько месяцев провёл в застенках НКВД. Оба художника участвовали в одних и тех же выставках. В сохранившемся письме Сычкова есть отзыв о картинах Пластова, где дается высокая оценка его работам, хотя присутствует и критика. Думаю, рано или поздно кто-то из искусствоведов напишет сравнительную работу о жизни и творчестве художников-соседей, питавшихся из схожих источников вдохновения.

Ф. Сычков. Калужские крестьянки

Но попытаемся проникнуть в суть столь радостного впечатления от работ Федота Васильевича Сычкова. Он прожил долгую и очень трудную жизнь: родился в 1870 году, умер в 1958 году. Вспомним, как выбивался он из буквальной нищеты в детстве и юности, как тяжело доставалась ему «наука» иконописца. Вспомним, как трудно жилось пожилому художнику в 20-х – начале 30-х годов. Не удержусь еще от одной цитаты из его автобиографии: «Первый год революции так оставил меня ни при чем, пропали все мои картины, весь труд и всё. Приехал к себе в деревню и после отчаяния, лишившись всего, я ничего другого не придумал, как засеять свой надел земли, и сам лично с женой обрабатывал ее и этим существовал. Так других заработков не имел, а картины писать не мог, да и не до картин тогда было...» А впереди, как результат тяжелой жизни и переживаний, большие проблемы со здоровьем – астма, резко ухудшившееся зрение и пр. Но большинству знавших его людей художник запомнился таким: «Плотный, стройный, несмотря на свой преклонный возраст, он продолжал всем восхищаться. Его чистота, непосредственность, восторженность и необыкновенная лучащаяся из него радость делали его похожим на большого ребенка – таким его все и воспринимали, таким он и остался в моей памяти на всю жизнь» (Н. Петровичева).

Так откуда же эта удивительная, открытая радость в нем самом и в его картинах? Складывается впечатление, что сам Господь таким образом – этим внутренним светом, радостью – компенсировал тяготы его непростой трудовой жизни. Так

Ф. Сычков. Снежный ком

бывает. Я знаю не один пример. Сычков как будто заслужил этот сквозящий в его картинах поэтический нежный свет. Эту радость, это особое сочетание красок, это ответное свечение любви. В любом талантливом произведении заложена внутренняя энергия. Именно она в произведении мастера приоткрывает что-то запредельное, зовущее и восхищающее чуткому и внимательному зрителю, слушателю, читателю. Картины Ф.В. Сычкова лучатся энергией радости и передают ее нам.

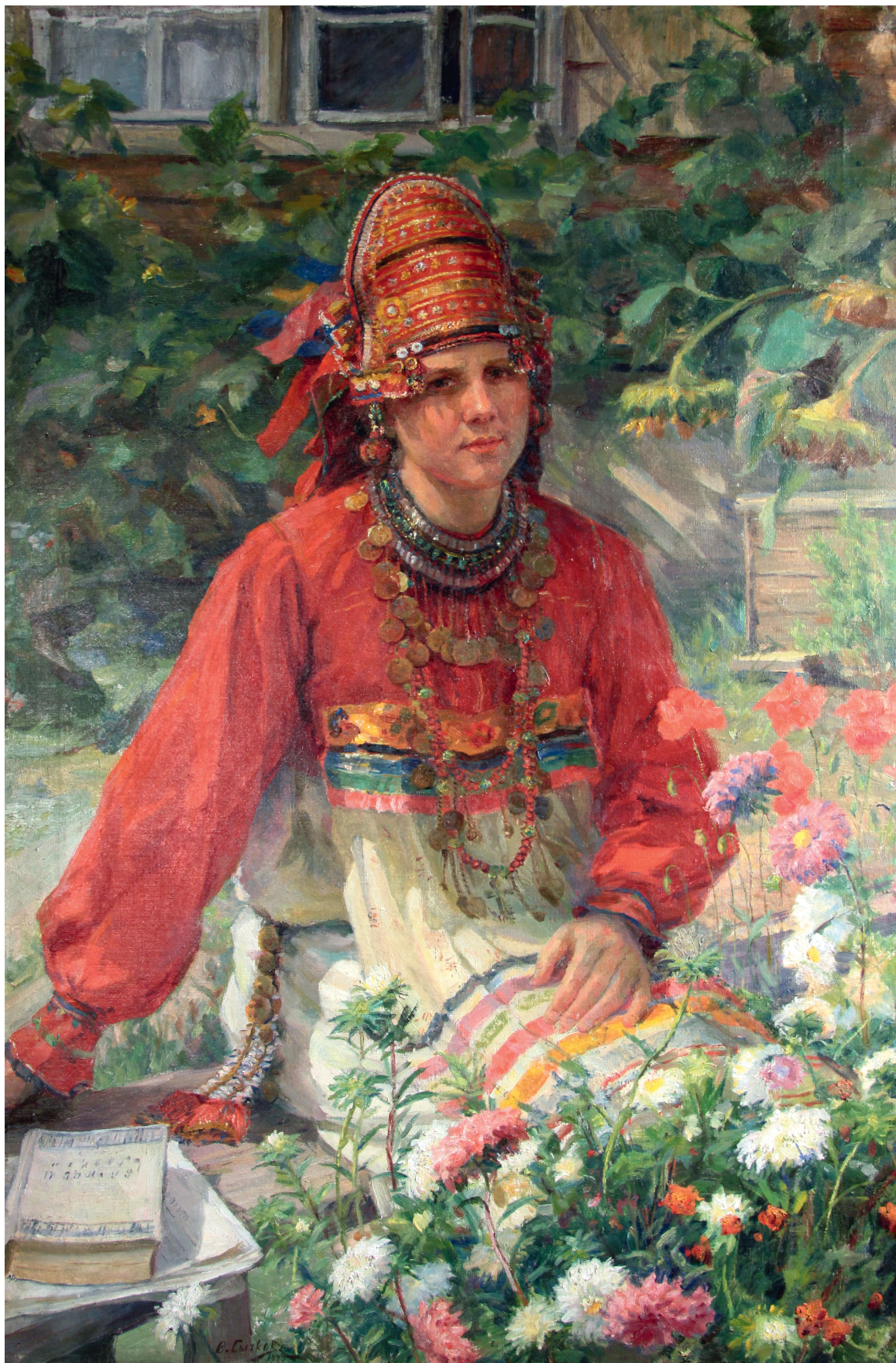
Как будто угольные ангелочки со стен родной печки и отчего дома сопровождали художника всю жизнь.

Ф. Сычков. Тройка

ОТВЕТНОЕ СВЕЧЕНИЕ ЛЮБВИ

Картины Федота Сычкова

Ф. Сычков. Учительница-мордовка. 1937

Ф. Сычков. Праздничный день. Подруги. Зима, 1941

Ф. Сычков. С гор. 1910

Ф. Сычков. Девушка в синем платке

Ф. Сычков. Русские девочки

Ф. Сычков. Катание с гор. 1937

Ф. Сычков. После катания. 1923

Ф. Сычков. У околицы

МНОГОГРАННОСТЬ ТАЛАНТА

Картины Бориса Склярука

Б. Склярук. Музей

Б. Склярук. Вечерняя ул. Гончарова

Б. Склярук. Золото осени

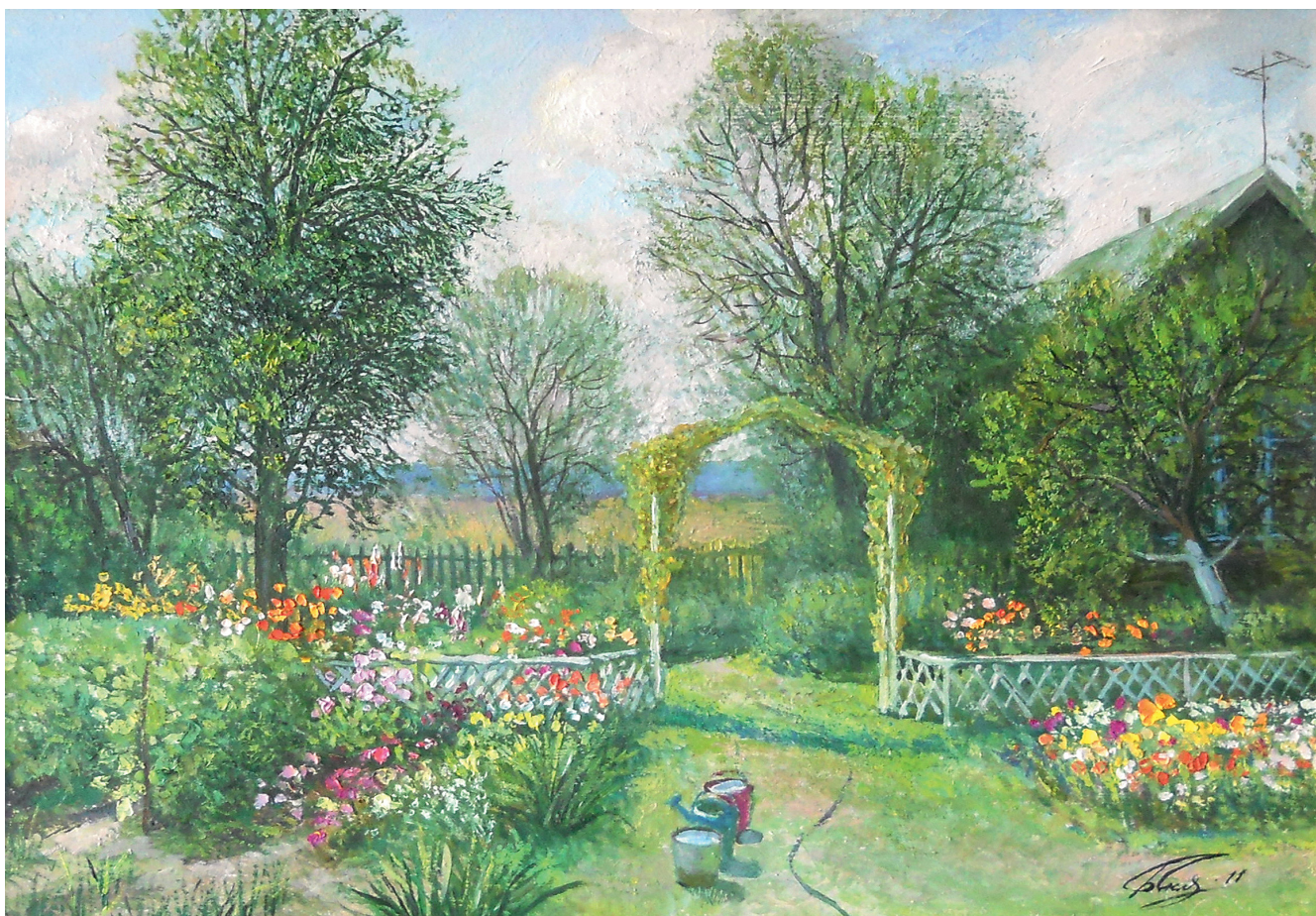
Б. Склярук. Регата в Ульяновске. 2004. к. м. 50x70

Б. Склярук. Фрегат Паллада. Нагасаки. 2014. х., м. 60,5х90,5

Б. Склярук. Байкал. Ночной шторм

Б. Склярук. Сад Земсковых

Б. Склярук. Каспровый Верх. 1089 г. б., акв. 48x62

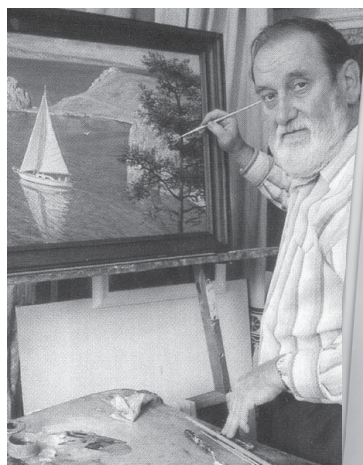
Ирина МОРОЗОВА, член Союза журналистов России.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В сентябре этого года увидела свет книга-альбом заслуженного художника России Бориса Николаевича Склярука.

Он один из старейших и самых уважаемых мастеров в сфере изобразительного искусства в Ульяновске. Его творческая биография насчитывает 52 года!

Издание подводит итог яркой, насыщенной творческой жизни художника, раскрывает многогранность его таланта.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СКЛЯРУК
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Первый раздел представляет живопись, в которой он исповедует реализм и импрессионизм. У Склярука свой, узнаваемый почерк. Влюблённый в природу, он скрупулёзен в передаче натуры в пейзажах, любая деталь для него важна и самоценна. Восхищают колористическое богатство палитры живописца, увлечённость в передаче сотен и сотен оттенков.

Со многих его полотен веют вольные ветра, несутся по волнам белые парусники, переливаются синими, голубыми, зелёными цветами речные, озёрные и морские воды. Заядлый турист и яхтсмен в прошлом, он всегда брал с собой в путешествия кисти и краски. Одна из серий таких работ была рождена под парусами на Байкале и Ангаре.

Не менее солиден раздел, посвящённый графике. В ней диапазон художественных интересов и изобразительных техник мастера необыкновенно широк. Он иллюстрировал русскую, советскую и мировую литературную классику. Особенно впечатляют ксилографы со сценами из шекспировского «Короля Лира».

Б.Склярук. Король Лир. Иллюстр.1977. Ксл.15x13

Не только художественную, но и историческую ценность имеют графические листы серии пейзажей с архитектурными достопримечательностями нашего города. Мастер оказался, в частности, художественным летописцем, запечатлевшим строительство Ленинского мемориала в серии, созданной в конце 60-х – начале 70-х годов XX века.

Экслибрисы, вошедшие в третий раздел, являются Склярука-миниатюриста. Книжные знаки долгое время были его страстным увлечением. Каждый экслибрис у этого художника – не только изящно и часто с юмором выполненный образ, но и маленькая занятная история. Одна из них, в частности, связана с Иннокентием Смоктуновским. Знак, созданный для него Борисом Николаевичем, очень понравился замечательному актёру, который впоследствии передал его вместе с другими своими документами в Бахрушинский музей.

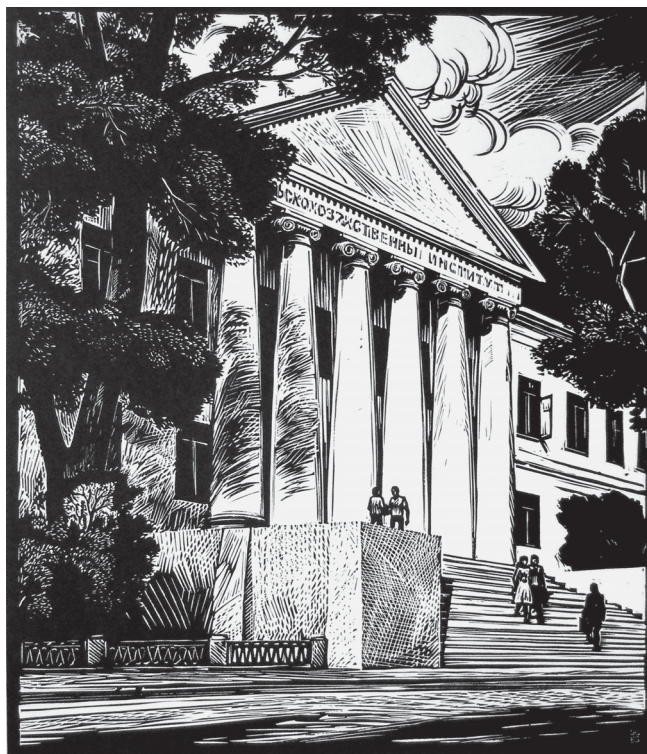
Издание интересно не только иллюстрациями. Там есть что почитать. Думаю, что многие откроют для себя на страницах книги Склярука как мемуариста. Здесь помещены отрывки

из его воспоминаний. Художник рассказывает о своих предках, с благодарностью вспоминает своего первого учителя в художественном творчестве Ивана Николаевича Франго, в подробностях и с душевным трепетом описывает свою встречу с великим русским живописцем Аркадием Александровичем Пластовым в Прислонихе.

Книга-альбом издана «Корпорацией технологий продвижения» на средства гранта из бюджета Ульяновской области.

Несколько слов о художнике. Борис Николаевич Склярук родился в 1937 году в Приморском крае. Окончил Одесское театральное художественно-техническое училище, затем – Московский полиграфический институт, факультет «Художественно-техническое оформление печатной продукции». В Ульяновск приехал в 1964 году.

Членом Союза художников стал во времена СССР, в 1971 году. Его графические и живописные произведения экспонировались на бесчисленном множестве выставок – от региональных до всеюжных и всероссийских. Работы Бориса Николаевича находятся в музеях Ульяновска, в Министерстве культуры России, в интернациональном музее экслибрисов в бельгийском городе Сент-Никлаасе, в частных коллекциях любителей искусства России, США, Алжира, Польши, Германии, других стран. В 2003 году он был награждён Серебряной медалью Российской Академии художеств.

Б. Склярук. Сельхозинститут

Б. Склярук.
Над Волгой. Строительство Ленинского мемориала

Много душевных сил Борис Николаевич отдал подготовке молодых художников в Ульяновском государственном университете. Был сначала доцентом, а затем профессором кафедры художественного проектирования и живописи, рисунка и скульптуры. Его ученики становились участниками региональных и межрегиональных университетских выставок.

Всю свою творческую жизнь мастер увлечённо занимался общественной работой: входил в правление Ульяновской организации Союза

художников РФ, возглавлял её региональное отделение с 1989 по 1991 годы. Был бессменным председателем жюри областного конкурса-выставки детского рисунка «Мир, в котором мы живём». 13 лет руководил международными пленэрами для юных художников в Карсуне, за что был удостоен звания «Почетный житель Карсуна», а также три года – международными пленэрами для профессиональных художников на родине Пластова, в Прислонихе. До сих пор Бориса Николаевича приглашают в качестве эксперта в жюри фестиваля театров Ульяновской области «Лицедей».

По сей день художник продолжает оставаться в строю. Каждый день он бывает в своей мастерской, и на его мольберте – новые работы...

Валентина ЛАТАНОВА (1938 – 2005), педагог, литератор, член Российского Союза профессиональных литераторов.

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ

Продолжение.
Начало см. «Симбирскъ» №7, 8 – 2020

Глава. 8 Непримиримые

*Беззлобие иметь голубиное
Прот. Аввакум*

В тёмной сырой келье Кандалакшского монастыря сидел на цепи старец, бывший протопоп Казанского собора Иоанн Неронов. Он недавно проснулся и теперь содрогался от холода, пытаясь согреть свою душу молитвой.

Вдруг низенькое окошечко в двери отворилось, и чья-то рука просунула глиняную миску с остывшей толокняной похлёбкой. На этот раз посудина была тяжелее обычного. Старец на ощупь отделил металлический поддон и нашёл в нём тонкий кошелек с монетами и маленький свиток в приплюснутой трубочку.

«Господи, Владычице Богородице, как же прочту свиток сей, во мраке сидя? Помогите, Господи, мне грешному. Тебе ведь всё возможно». Как будто в ответ на его сердечный вопль оконце снова приоткрылось, и голос за ним тихо и торопливо произнёс: «Свиток верни!»

Старец с трудом дотянулся до оконца (цепь коротка), и свиток исчез. Слабым отсветом мелькнул огонёк церковной свечи. Пришедший снова шепнул:

– Здесь словеса малые: «Аще и умру – не предам благоверия».

– Сожги посланице. Не накликай беду на себя, добрый христианин, – прошептал голос растроганного старца.

Огонёк вспыхнул ярче, подержался минуту и постепенно замер. За дверью всё стихло. Старец сидел в своём углу на соломе, плечи его сотрясались от беззвучного плача. «Не оставила меня в беде матушка Феодосьюшка, не забыла. И сюда милостивую руку свою протянула ко мне грешному».

Между тем события вокруг кельи в эту ночь развивались стремительно. Вновь раздался шум подле двери, она отворилась, и в полной темноте вошли двое. Нашупали старца. Он испугался, встrepенулся:

– Господи, аль час смертный мой пришёл? На Тебя, Господи, надеюсь, помози не дрогнуть ми.

– Т-с-с, – раздалось в ответ, и чья-то рука прикрыла ему рот.

Послышалась возня с цепью, и Неронов почувствовал, что узы пали. На него накинута какой-то чапан и вывели из кельи. Море шумело. Приблизился шторм. На берегу их ждал маленький баркас.

Скоро они уже оттолкнулись от берега. Гребцы подняли самодельный парус, сшитый из двух рожек.

– Что вы делаете, перед бурей парус ладите? Ай не видите, что надвигается! – крикнул старец. Никто не ответил. Его не слышали. Ветер подхватил судёнышко и понёс по волнам. Старец, вцепившись руками в борт, обдаваемый холодными брызгами, уже не думал, куда его везут. То, что это его спасители, он понял, когда ещё на берегу у него спросили Феодосьюшкины деньги для оплаты владельцу баркаса. А сейчас все его мысли были заполнены страхом перед стихией. Все находившиеся в судне тоже не раз мысленно прощались с жизнью. Но вот мощный порыв усилившегося ветра приподнял их баркас на высоченный гребень морской волны, с силой понёс к берегу и сбросил оттуда на каменистый берег залива. К счастью, берег здесь был пологий. «Мореплаватели» вылетели на каменистую землю достаточно далеко, так что набежавшая волна уже не смогла их стащить в море. Первое, что они увидели, когда пришли в себя, – это полуразрушенный баркас, застрявший в расщелине скалы прямо у воды.

С большим трудом добрались они до жилья, что у Кемского устья. А спустя какое-то время Неронов был уже в Соловецком монастыре, под защитой каменных стен, выстроенных из огромных валунов, и мощного гарнизона, состоящего из нескольких сотен стрельцов, пушкарей, монахов и мирян.

Неронов не потерял решимости идти в Москву. А пока что сидел вместе со старцем, летописцем богатейшей монастырской библиотеки.

– Мы недоумеваем, зачем исправлять сие духовное богатство, – указал старец на фолианты книг на полках, – по ним жили наши деды и прадеды. Зачем портить их латинской ересью, и кто вершит сие? Никон, который здесь прошлые лета в Анзерском скиту подвизался? Все познали его гордыню непомерную, своеобразие и властолюбие. В обиде большой мы на него. Здесь, на Кий-острове, Крестной монастырь вздумал построить. У царя-батюшки грамоту и пожертвования испросил и хочет от нас часть наших монастырских угодий отторгнуть. Не доверяем мы ему! Надобно царю-батюшке Алексею Михайловичу челобитную доставить и разорительное дело для православной церкви остановить. Порешили мы Всемонастырский собор созвать.

– Я проберусь в Первопрестольную, – горячо заверил Неронов. – На площади к народу право-

славному воззову и самому государю всю неправду никонианскую поведаю. Благослови меня на путь и дело сие.

Старец благословил, потом молвил:

– Поедешь в Москву с караваном купеческим: скоро, как зима ляжет и путь санный станет, двинется он в дорогу...

Провожали Неронова большой толпой монастырской братии:

– Ты скажи в Москве, что мы за царя-батюшку. Мы только супротив нововведений Никона, – кричали с острова отплывающему на баркасе защитнику веры.

О появлении Иоанна Неронова в Москве тотчас же стало известно Никону, и он поспешил направить соглядатаев по следу своего недруга, дабы изловить ссыльного беглеца и обезвредить.

Однажды ночью к воротам Новоиерусалимского Воскресенского монастыря, что на реке Истре в Подмоскovie, подъехала карета. Подбежавшие с факелами охранники о чём-то тихо переговорили с приезжим, лица которого сквозь оконце не было видно; затем один из стражников махнул рукой, и ворота спешно отворились. Пара лошадей легко внесла карету на территорию обители. По тому, как быстро всё произошло, было ясно, что приезжего здесь ожидали.

Как только ворота закрылись, с высокого развесистого дерева неподалёку «скатился» человек, пробежал по лесу до привязанного коня, отвёл его к дороге и поскакал. А утром в Тайном приказе на стол Ртищева лёг донос: «Дело и слово государево» на Ордина-Нащокина Афанасия Лаврентьевича за связь с Никоном, опальным патриархом. Ртищев воспринял сие сдержанно, а в поместье Хованского, его осведомителя, прибывшего в тот же день, выслушивают внимательно и с удовлетворением, и «делу» даёт ход...

Ничего пока не подозревающий Ордин-Нащокин сидит в кабинете Никона. Да, да, это именно он так «тайно», как ему казалось, прибыл к опальному.

– С чем пришёл? Почему на встречу напросился? Тебе опасно. Ведомо – в опале я. Постарались враги мои нас с государем разлучить.

– За утешением я к тебе, отче, и советом государственным!

– Государственным?! Отстранён я ноне от дел. Никто уж не спрашивает! – Никон вскочил и заметался. «Словно зверь в клетке, – подумал Нащокин. – Но сколь велик ростом, каков богатырь ещё!»

– Всё забыл государь! И как я Великий Новгород для него отстоял от мятежников, как при том побиваем был камнями и кольями; как семью его царскую спас в лето 1654, когда в Первопрестольной чума всех морила, а я вовремя вывез их...

– Нет, светлейший, не забыл государь тебя. Это завистники заговоры творят, – возразил Ордин-Нащокин, любивший справедливость. – Царь-батюшка временами гневается, а в другой рядь переживает разрыв ваш.

– Не забыл, молвишь? Тогда почему не выдал мне на суд своего любимца, этого интригана Хитрово, когда тот принародно, во время встречи грузинского царевича, слугу моего, патриаршего боярина, избил? Кто бы раньше на такое решиться посмел?

– Но он же потом повинился, не признал он сразу боярина того, – заступился Ордин за Хитрово.

– Что мне эти повинны, он принародно унизил меня, патриарха всея Руси!

– Отказался я от участия в переговорах со шведами, челобитную о том подал, – перевёл на другое разговор Ордин-Нащокин.

– Как! Кого назначил царь? Ну, зря. Теперь замиряются со шведами. Не могу простить им ни православных монастырей русских, ни земель балтийских, что отторгнуты ими во время Смуты!

– Как тяжко мне, отче!

– Знаю и про сына твоего ведаю. Слава Богу, «глаза и уши» ещё есть у меня в Первопрестольной.

– Как жить-то мне далее? Не смогу я без служения Отечеству.

– Смирись пока. Виденье было мне. Вернусь ещё я в Москву патриархом. Путь к служению будет открыт тебе. Помогу. Не знатного мы рода с тобою, Афанасий Лаврентьевич, вот и не любят нас придворные вельможи родовитые... А теперь ступай. Не след тебе, Афанасий, долее оставаться у меня. – Никон благословил Ордина.

– Да не в карете поедешь своей. Провожатого дам. Окольной дорогой выведет. Чаю, много глаз за тобою следило!

– Да нет, я аккуратно...

– Делай что говорю! Карету потом тебе вернут, – прервал его Никон, усмехнувшись.

Эта предосторожность патриарха фактически спасла Ордина-Нащокина, когда через несколько дней он был вызван в Тайный приказ на дознание и отделался впоследствии лишь ссылкой в родной город Псков – воеводой.

После ухода Нащокина патриарх вызвал своего преданного боярина Зюзина.

– А что Иоанн Неронов, враг мой, все разгуливает по Москве и имя моё хулит?

– Да, истинно так. Бахвалится, мол, давно де предрекал святейшему: «Время будет, и сам с Москвы поскочишь», вот он и поскочил.

– А вы, верные слуги мои, оградить меня от неправды его не можете! На, возьми это, – Никон швырнул на стол тугой кошелёк, – посули, кому сам знаешь, а чтоб враг сей был изловлен без промедления.

– По следам идём. Да покровители у него высокие: царский духовник Стефан Вонифатьев, боярыня Морозова.

– Схватите Морозову! – рассердился Никон.

– Как же можно, ведь она царице Марии Ильиничне Милославской роднёй приходится! И сестра государя Ирина боярыню поддерживает. Да и сама Морозова «пятая боярыня» в придворном штате...

Через несколько дней боярин Зюзин прислал к Никону дьяка Афанасия из Чудова монастыря с докладом:

– Едва к вам пробрался, по дороге стража царская расставлена, не пускают и лиц церковных.

– Обложили, аки медведя в берлоге!

– Боярыня Морозова тайно привезла переодетого Нейронова к нам, в Чудов, и упрятала.

– Одни искушения на каждом шагу! А как хорошо мне было в последний приезд на Кий-остров в Крестовой обители. Хоть в заботах был по устрой-

ству монастыря, но покой душевный имел средь природы дикой. И Бог там со мной был. А здесь, среди забот государственных, утратил я мир внутренний, – Никон утих и задумался.

Оставшись один, Никон потребовал перо и бумагу и стал писать челобитные ко Вселенским патриархам в чужеземные страны.

Спустя несколько дней в своих кремлёвских палатах царь и его наследник, старший сын Алексей Алексеевич, слушали доклад Артамона Матвеева.

– Государь, задержан тайный гонец опального патриарха некто Марисов, выдаёт себя за племянника правобережного казака, мол, подо Львовом попал в плен к Бутурлину, а сейчас на родину возвращается. А при нём письмо Никона. Вот извольте вскрыть. Мы не посмели...

Тишайший переглянулся с сыном, торопливо вскрыл, замер, читая. Лицо его побагровело, брови потянулись вверх.

– А-а, каков Иуда! Как смеет Никон, сей мужик, крестьянин – лапотник, коего я, великий государь, сделал патриархом и поднял по доброму нраву своему из грязи, чернить меня перед всем миром православным! Что пишет сей ябедник патриархам Вселенским! – «Всюду злобство, вражда и ложь». Каков ябедник! Не разгадал я сию лису хитрую! – обратился со слезами Алексей Михайлович к сыну за утешением.

Алексей-сын дал знак Матвееву, чтоб удалился. Матвеев исполнил, но счёл благоразумным кликнуть к Тишайшему царицу и сестру Ирину Михайловну.

И ввремя!

Распорядительная Ирина ещё в сенцах услышала гневные слова брата: «Схватить Никона, в цепи в ссылку на Бело-море». Войдя, возразила с порога:

– Как же так, братец? Без собору Вселенского – в ссылку патриарха?! Дондеже он патриарх, хоть и опальный, не трожь его. А то сраму больше тебе будет.

Тишайший замер, вздохнул и переключился на вошедших:

– Так-то, светы мои, друг бывший мой собенный, что творит?! Марьюшка, иди ко мне, подружие. Томный я совсем. Веди в опочивальню, отдохнуть хочу, А ты, Алексеюшко, ступай к Матвееву, пусть дознается, отчего и кто послов с письмами от Никона выпускает. Ведь распорядился я его самого без особого моего указа из монастыря не выпускать!

И удалившись с царицей Марьюшкой в свои покои, продолжал искать ответ на вопрос, когда и как такой горестный поворот в его отношениях с Никонем случился.

– Сперва-то как хорошо всё было, – начала царица.

– Да, в бытность свою архимандритом Новоспасского монастыря был ходатаем предо мной за всех обиженных и страждущих. Помнишь, каким благодным приезжал он к нам по пятницам, во дворец душеспасительных спешил несчастным людишкам отнести щедрое пособие наше царское. Тогда по всей Москве слава о нём добрая шла. А ныне?! Сколь дерзок стал он! Когда отец мой духовный Вонифатьев Стефан перед кончиной просил за старца Неронова и я передал Никону просьбу сию,

то в ответ прилюдно услышал грубость: «Изволь, государь, помолчать, ещё не было разрешительных молитв». Какого это мне терпеть?! Уже подданные мои указывают мне, что я царь лишь по названию. С челобитной протопоп Неронов обратился ко мне: «Доколе терпишь такого Божию врагу? Смугил всю Русскую землю и твою царскую честь попрад и уже твоей власти не слышно в Москве, а от Никона всем страх, и его посланники пуще царских всем страшны». Сомнению подвергается моё соответствие царскому сану! Не потерплю! Я – Великий государь, сам буду обвинять Никона на Вселенском патриаршем соборе.

И стал «готовить» этот собор, пригласив в Москву Александрийского патриарха Паисия и Антиохийского патриарха Макария. Важным гостям указом царя везде в пути из Астрахани по Волге была обеспечена достойная встреча. Указом воеводам предписывалось «во всём быти опасну и бережну» с патриархами. И воеводы старались.

И вот уже в Синбирске Ивашка Игнатъев вместе с Андрюшкой Архиповым и Сенькой Андреевым (тагаевскими казаками и мастерами каретного и рыдванного дела) выполнили важную работу для следовавших в Москву Вселенских патриархов.

«Зарубежные патриархи почувствовали себя уверено и принялись ещё по дороге в Москву наводить порядок в делах церковных. Именно на этой волне они разоблачили протопопа Синбирского Свято-Троицкого собора Никифора Антонова, «не желавшего служить по новым правилам», своей властью они его расстригли и посадили в тюрьму, потом доставили его на собор, где Никифор был осуждён, сослан в Пустозерск, там и умер в конце шестидесятых годов».

Прошло несколько лет. Однажды к волжскому берегу близ Ярославля причалил струг. Его встречали толпы народа. Чтобы избавиться от них, царский дьяк приказал перевести судно на другой берег реки. На струге был изнемогающий страдалец – старец Никон, возвращённый царём Фёдором из ссылки. Он уже ничего не мог говорить, а только давал всем окружающим руку. Те поспешно прикладывались и уступали место другим.

Никон умирал. От некогда грозного темпераментного патриарха осталось то, что должно остаться от человека в самом конце жизненного пути: горькое сознание неизбежности и своего бессилия перед ней. Чувствуя приближение конца, он приобщился запасных даров.

Игумен Толгского монастыря вместе с братиею вышли к нему навстречу. С ними был сосланный на покаяние злейший враг Никона, бывший архимандрит Сергей, когда-то во время суда на соборе державший его под стражей и осыпавший «поруказаниями».

В час приплыва патриарха приснился Сергию сон: сам Никон ему явился, говоря: «Брате Сергию, восстании, сотворим прощение!»

Видя умирающего, Сергей со слезами пал к его ногам и испросил себе прощения...

Ударили в колокол к вечерне. Никон был готов к кончине. Озираясь, будто кто пришёл к нему, сам он оправил себе волосы, и бороду, и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь. Духовник прочёл отход-

ные молитвы. Никон же, распростёршись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнув, отошёл с миром.

Может быть, три года последнего, сурового заточения в Кирилловом монастыре, отгородили Никона высокими стенами от всего мирского и смирили его? И он снова вернул своей душе мир и тишину и встретил конец своего жизненного пути достойно.

Глава 9

Чужестранцы в Москве

Сокровищницу московских царей мы видели своими глазами.

М. Стадницкий, поляк, 1606 г.

В Оружейную палату царь явился неожиданно. Хитрово ничем не выказал своего удивления. Много лет он являлся приближённым царя, а в последние годы, оставаясь оружейником, вместе с тем, был дворецким и заведовал всеми приходами и расходами царского двора, всеми дворецкими зданиями, волостями и людьми. Высокое положение занимал Хитрово, что, конечно, не избавляло его от зависти родовитых вельмож, которые помнили, что своим возвышением и приближением к царскому двору любимец царя был обязан дядьке Морозову, у которого мать Богдана Матвеевича Хитрово была нянькою.

Дворецкий Хитрово хорошо изучил внутренние мотивы царских поступков, в том числе и внезапно вспыхивающей и скоропроходящей гневливости Тишайшего.

По тому, как государь быстро прошёл мимо изделий мастеров Московского Кремля (от Хитрово не ускользнула болезненная гримаса на лице царя, когда он на мгновение задержался у золотой чаши, украшенной драгоценными камнями, преподнесённой ему Никоном в лето 1653, когда их отношения ничто ещё не омрачало) и последовал в залы с дарами чужеземных послов. Богдан Матвеевич понял, что может заинтересовать Тишайшего, и послал одного из мастеров к Симеону Полоцкому с поручением. Государь между тем остановился у выставленных подарков из Англии.

– Это подношение англичан Ивану Грозному в лето 1553, когда с ними были установлены дипломатические и торговые отношения.

– Да и мы с ними богато торговали, покуда они государя своего Карлуса, короля, не убили до смерти. Зело разгневался я тогда и указал, а Земской собор приговорил выслать всех английских купцов из страны нашей, а новое их большое посольство велел принять только после восшествия на престол Карлуса II, Стюарта.

– Да, Великий Государь, вот и здесь богатые дары Вашей милости.

Царь кивнул и подошёл к дарам польским.

– Сие из Речи Посполитой от послов в лето 1668.

– Это, коли послы предлагали нам или сыну нашему, наследнику Алексею... Царство ему Небесное! – голос Тишайшего дрогнул. – Стать королём Польши. А сей орёл серебряный вельми лепший. Ишь, крылья как распростёр! По нраву нам пришёлся, достоин титулу нашего, со скипетром и державой в когтях. То от короля Польши Яна Собесского подношение в лето...

– 1671-е, – подсказал Хитрово.

Тишайший уже стоял у подарков шведских.

– Глобус небесный серебряный и много чего другого посол их Густав Бьелка привёз тогда, только не рады мы были их дарам, постеснялись сие нас с моря Балтийского и исконных земель наших не вернули...

Вошёл Симеон Полоцкий, поклонился царю, встав поодаль.

– Великий Государь, – начал Хитрово, – ты повелел мне собрать, что пишут и говорят в землях заморских о тебе и царстве нашем. Я волю твою исполнил.

Тишайший оживился. «Угадал!» – подумал о себе Богдан Матвеевич. Он знал, как раним Алексей Михайлович во всём, что касалось его чести царской и соответствия его высочайшему предназначению. Обычно это свойство людей нерешительных.

– Велишь читать, Государь?

– Повремени. Ты, Симеон, ступай. Мы сами с Богданом Матвеевичем... Устал я что-то, – Тишайший заволновался.

Хитрово дал знак, и слуги придвинули богато выделанное кресло.

– Подите все. Оставьте нас одних... Читай, да изволь, друг мой, сам сесть.

Хитрово начал читать:

– «Перед Кремлём находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующихся. Вблизи помоста женщины торгуют холстом, а иные стоят, держа... кольца, чаще всего с бирюзой и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлей они предлагают покупателям ещё кое-что иное. Торговцы шёлком, сукном, золотых дел мастера, шорники, сапожники, портные, скорняки, шапошники и другие – все имеют свои особые улицы, где они и продают свои товары. Тут же невдалеке от Кремля находится Иконный рынок. Называют они торговлю иконами не куплею и продажею, а «меною на деньги», притом долго не торгуются...»

– Постой, боярин. Ты что-то здесь намёк на блудниц прочёл. Не может, не подобает сие царству нашему. Ведомо тебе, как мы, Государь, о непорочности в нравах подданных наших печёмся. Всё это иноземцы напраслину возводят, али сами тайно соблазн чинят. Кто написал сие? И в какое лето? Велю дознание устроить.

– То пишет Адам Олеарий, математик и путешественник, в лето 1634.

– Вот видишь, не в моё царствие происходило сие. Читай далее токмо о нашем.

– Виноват, государь. Вот сказка грека Павла Алеппского, архидьякона из Антиохии, лето 1668: «...Торговля московитов деспотичная, от них не требуется издержек, не взимается с них ни податей, ни каких-либо поборов. Говорят они мало, как франки. Один еврей родом из Салоник, состоявший переводчиком по греческому и турецкому языкам при врачах царя...»

– Был такой, – вставил царь.

– «Говорил нам, – продолжал читать Хитрово, – что евреи превосходят все народы хитростью и изворотливостью, но что москвиты и их превосходят и

берут над ними верх в ловкости и хитрости».

Царь усмехнулся, согласно кивая головой.

– То в придворных своих зрю, днесь и доньине. И в старые времена мыслю, токмо быша... Ну, дале что?

– Дипломат из Швеции Ганс Морис Айрман, лето 1669. «Касательно самих москвитов: по своей фигуре это большей частью крупные полные люди с рослым телом и широкими плечами. Лица у них также крупные... имеют сильную растительность, которую отпускают с юности и видят в этом особую авторитетность... А если немногим упомянуть жен и женщин москвитов, то таковые с лица столь прекрасны, что превосходят многие нации. И самих их редко посчастливится увидеть, ибо они столь бережно содержатся в Москве и не могут показываться так публично, как у нас... Кроме того, они не удовлетворяются естественной красотой и каждый день красятся; и эта привычка обратилась у них в добродетель и обязанность. Они стройны телом и высоки, поэтому их длинные, доходящие до пола одежды сидят на них очень красиво. Они, по своему обычаю, сверх меры богато украшают себя жемчугом и драгоценностями, свои волосы, будучи девицами, заплетают в косу и ещё украшают жемчугом и золотом так, что это выглядит чудесно, а на конец свисающей косы нашивают они кисть из золотых или шёлковых нитей или переплетённую жемчугом, золотом и серебром, что очень красиво; на ногах носят кожаные сапожки разных расцветок. Московитская женщина умеет особенным образом презентовать себя серьёзным и приятным поведением. Когда наступает время, что они должны показываться (гостям) и их с почётом встречают, такова их учтивость; они являются с очень серьёзным лицом, но не недовольным или кислым, а соединённым с приветливостью; и никогда не увидишь такую даму хохочущей, а ещё менее с теми жеманными и смехотворными ужимками, какими женщины нашей страны (Швеции или Германии) стараются проявить свою светкость и приятность...»

– Да. Жены и сестры наши красивы лицом, целомудренны и непорочны. Честной человек истину глаголет. Откуда сей дипломат, запоматовав я?

– Из Швеции. Ещё читать, Государь?

– Давай ещё толику.

– Дипломат из Вены, лето 1675, некто Адольф Лизек... Ну, здесь сызнава про красоту русских, как мужчин, так и женщин... потом вот: «Их жизнь протекает следующим образом: утром они стоят на базарах примерно до полудня, потом отправляются в таверны есть и пить; после этого времени уже невозможно привлечь их к какому-либо делу. Простой народ, подобно как в других странах, склонен к порокам. Скифски жесток, в делах торговых хитёр и оборотист, презирает всё иностранное, а всё своё считает превосходным... к крепким напиткам так пристрастен, что пропивает обувь, одежду, верхнее и даже исподнее платье... Но справедливость требует сказать, что гостеприимство есть общая добродетель русских... Если к ним пожалует гость, то ласковый приём состоит в следующем: прежде всего поздороваться с гостем, а после женщина подносит стакан водки, гость должен выпить, поцеловаться с хозяйками, а часто и одарить их».

– Зело много про пьянство моих подданных пишут, а своего не видят, – обиделся царь, – сами нашу пагубу завезли. Ещё великий князь Василий III повелел иноземную слободу в Москве высоким забором и строгостью оградить, чтобы их безмерное питье на Московию не распространялось. А выстроена эта стрелецкая слобода была для иноземных солдат: поляков, литовцев и немцев и названа «Налейкой», от слова «налей», потому что иноземцы более москвитов занимались выпивками.

– Согласен, Государь. Об этом писал ещё поляк Самуил Маскевич в лето 1610. Здесь его слова о Руси той поры. «Пьянство запрещено, кабаков нет во всей России; негде купить ни вина, ни пива; и даже дома, исключая бояр, никто не смеет приготовить для себя хмельного, за этим наблюдают лазутчики и старосты. Пьяных тотчас отводят в «бражную тюрьму», нарочно для них устроенную. Замеченного в пьянстве вторично снова сажают в тюрьму надолго, потом водят по улицам и нещадно секут кнутом. За третью же вину опять в тюрьму, и таким образом «парят» виновника раз до десяти, чтобы, наконец, пьянство ему омерзело...»

Тишайший развеселился:

– Так и надо! Так вот их! Ну что ещё? Читай немного, притомился я.

– «В течение двух дней великая столица Руси... обратилась в грязь и пепел, и не осталось ничего, кроме Кремля с предкремлёвской частью, занятых королевскими людьми...»

– Это ты что ль о Смутном времени? Кто о поляках пишет-то? Когда?

– Конрад Буссов, Ландскнехт (Германия). Лето 1613. Читать?

– Да.

– «Воинские люди только и делали, что искали добычу в протяжении четырнадцати дней. Брали только бархат, шёлк, парчу, золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг. В церквах они снимали со святых (икон) позолоченные серебряные ризы, ожерелья и... пелены, пышно украшенные драгоценными камнями и жемчугом. От этого начался столь чудовищный разгул и блуд и столь богопротивное житие...»

– Ну, довольно. Досадили вельми много поляки нам... О нас, Великом Государе, есть что?

– Много хорошего пишут.

– Ну, это ладно. Возьми завтра с собой в мои палаты. Почитаешь... Устал. Кликни слуг, пойду...

А в это время в боярской вотчине Луки, под Нижним, его супруга Регина спешила с коня, бросила поводья слуге, приказала:

– Пригляди получше, сам знаешь, каков конь!

– Слушаюсь, боярыня.

Подтянутая, энергичная и стройная, она, не смотря на свои года уже давно ушедшей молодости, легко вбежала по ступеням парадной лестницы.

Управляющий доложил, что приезжал нарочный с сообщением, что Лука Евсеич третьего числа «выезжает из Синбирска сюда, домой».

Регина взмахом руки отпустила Митрича, а сама уже высчитывала дни до приезда супруга. Она решила ещё успеть съездить в Москву, похлопотать

за своего родственника Владислава, который из-за неумного бахвальства снова в историю попал. В «кружале» он заявил во хмелю, что нечто знает и поляки скоро снова в Москве будут. Война с поляками шла давно, делу дали ход. И Регина должна была искать заступничества. В первую очередь она опасалась за участь своей семьи.

Боярыня приказала поутру готовить лошадей, а сама стала выбирать для себя платья, озаботившись, что же сейчас в столице носят. Вошла горничная и радостно сообщила: «Снег-то какой повалил!»

В окно было видно, как крупными хлопьями с порывами ветра летел снег.

Регина обрадовалась раннему снегу. Ей не терпелось обновить шубу. Она примерила перед зеркалом просторную соболью шубу, покрытую светлой узорчатой, с золотом тафтой. Под головной платок, убрус, усыпанный речным жемчугом, тщательно упрятала (по обычаю замужних женщин) свои светлые волосы. Голубизна глаз, чёткая линия бровей, тонкий прямой нос, слегка подрумяненные щёки производили приятное впечатление.

Примерив перед зеркалом привычное горделиво-отстранённое выражение лица, Регина осталась довольна своим видом. Настроение поднялось, она села в карету и быстро погрузилась в размышления о предстоящей встрече с Москвой, с родными и близкими.

И только изрядно отъехав, спохватилась и благословила на дорожку, перекрестившись.

Регина была православной в тех рамках, которых, по её мнению, требовали условия жизни в чужой для неё стране. Судьба её сложилась так, что, потеряв родителей, она последние два года юности жила у своей бабушки в Москве, в литовской семье: предки прибыли сюда ещё в XIV веке вместе с большим караваном, сопровождавшим дочь литовского князя Витовта Софию на брачное торжество с русским великим князем Василием.

Бабушка Регины, приглядев для внучки богатого русского жениха, предусмотрительно перевела её из унаследованной католической веры в православную.

Много воды утекло с тех пор. Давно уже нет на свете бабушки, Регина вместе с супругом Лукой вырастила дочь, которая теперь живёт с мужем «чужеземцем», как говорят в Московии, в имении, доставшемся ей по наследству, близ литовского местечка Таркай. Регина страдает, что из-за бесконечных войн России с Речью Посполитой нет возможности часто видеться с дочерью.

В оконце кареты смотреть скучно: сплошные леса да просеки. И женщина погружается в воспоминания. Воображение переносит её в юность, на корабль отца – парусное купеческое судно с высокими бортами...

Отец, Свен Фриденберг, немец шведского происхождения, богатый купец, принятый в Ганзу, осел в городе Любек. От брака с рижанкой родилась дочь Регина. Не дождавшись рождения сына, Свен начал обучать дочь всему, что умел сам: верховой езде, стрельбе и фехтованию, ходить под парусами и вообще корабельному делу, для чего брал иногда Регину с собой в плаванье. Мать, как могла, противилась мужскому воспитанию дочери и настояла, чтобы

девочка обучалась ещё в школе при женском католическом монастыре. Кроме богословских предметов там обучали ещё языкам, чтению, счёту, письму и рукоделию. Регине школа не нравилась – детей там наказывали, но по настоянию честолюбивого отца она училась хорошо.

Сейчас, сидя в карете по пути в Москву, она вспоминает свою последнюю поездку с отцом.

Школа позади, и плавание на корабле – поощрение со стороны родителей за успешное окончание учебы. Низко над волнами летают чайки. Дочь с отцом стоят на мостике, крепко держась за поручни, и брызги волн время от времени касаются рук. Отец что-то кричит Регине, но слова уносятся вслед за чайками, а он любит дочь, улыбается сдержанно, одними глазами, в которых отражается неяркая голубизна северного неба. На отце – богатый купеческий костюм. Девушка тоже в мужском платье, которое ловко облегает её фигуру.

– Я научу тебя торговому делу. Ты сможешь! У тебя мой, твёрдый, характер, – кричит он ей, стараясь побороть шум волн и ветра, и для убедительности поднимает руку со сжатыми в кулак пальцами.

– Не слышу-у-у, – кричит она в ответ, придерживая рукой разлетающиеся на ветру светлые длинные волосы. Отец делает знак рукой, приглашая в каюту, где они живут вчетвером: отец, Регина, штурман и медик. Остальная команда – в трюме. В каюте спокойнее, хотя и здесь из-за качки приходится цепляться за привинченную мебель. На дубовом столе отец разворачивает карту, несколько мгновений рассматривает её, потом ставит указательный палец в некую точку и произносит:

– Это Neugarden. Ноугород, – тщательно выговаривает новое русское слово. – Это пока наша цель, за ним – Московия.

– О, я хочу посмотреть эту дикую страну, увидеть, наконец, свою бабушку. Как она живёт там у них? Там, говорят, сплошной лес.

– Ну, во-первых, твоя бабушка живёт в их столице, а это совсем другое дело, а во-вторых, Новгород – тоже большой город.

– Знаю, знаю. Учили в католической школе. «Это один из городов нашей Ганзы. В нём большой укрепленный город наших купцов, важнейший и старейший центр Ганзы», – отчеканивает Регина давно заученный урок.

– Похвально, – улыбнулся Свен дочери. – Хотя Ганза сейчас уже не та, теснят нас англичане да голландцы... Но волнует меня другое – опасная дорога. Смотри сюда. Сначала мы идём через Неву, Ладожское озеро, потом к устью реки Волхов, потом перегружаем товары на мелкие суда и достигаем Новгорода до ледостава. В Новгороде дожидаемся морозов и затем санным путём отправляемся в Москву к бабушке. Вот этот путь опасен болотами, разбойниками.

– Сани! Я читала воспоминания венецианского посла Амброджо Контарини об этом, там написано, что сани, употребляемые зимой, представляют собой подобие домика, которые везёт одна лошадь. Люди усаживаются в сани, укрывшись одеялами, и покрывают огромнейшие расстояния, взяв внутрь домика съестные припасы и всё необходимое.

– Ну, я вижу, ученье на пользу тебе пошло.

– Да, отец, заметь, что всё это я выучила по-латыни.

В Ладожском озере их потрепала настоящая буря, но всё же устья реки Волхов достигли благополучно, товары перегрузили, а затем – снова в путь. И вот их взору предстал «господин Великий Новгород»...

В Новгороде они задержались на три недели. Все календарные сроки прошли, а зима в тот год всё не наступала. Люди торговые устали ждать настоящих морозов. И не только торговые. Так уж устроен человек, что внутренние природные часы будят в нём очередное нетерпеливое ожидание перемены времени года. И купцы московские, и другой люд из российских мест (а были здесь и те, кто направлялся с товаром к языческим племенам Югры и Печоры), приехавшие на торги, уже управились со своими делами, продали чужестранцам свои меха горностаев, лисиц, соболей, белок и даже рысей; пеньку и лес, загрузились иноземным фламандским полотном, гобеленами, льняными полотнами, норвежской сельдью, а также всевозможными кружевами, зеркалами и прочими заморскими диковинками; уже поспорили крепко с ганзейцами, по сговору между собой державшими высокие цены на товары; и уже успели во Кружечных дворах выпить мировую, а зима всё ещё оттягивала свой приход.

Регина скучала, а отец, как и все деловые люди, нервничал. Он по-мужски пытался скрасить чрезмерно долгое пребывание в чужом городе. Ходил регулярно в городские местные бани, служившие одновременно своеобразными клубами, где можно было, например, поиграть в шахматы, пригубить «напитки». Свен сводил дочь на ферму по разведению лебедей, показал Немецкий двор с кирхой, которая одновременно служила хранилищем сокровищ Ганзы и потому была под неусыпным бдением двухсменного караула. Регина побывала с отцом в конторе, многие часы провела с ним на складах, посетила две-три семьи, знакомые отцу. Более девушке в этом торговом городе делать было нечего. Правда, осталось ещё одно вечно любопытное для всего женского рода времяпрепровождение: осматривать и выбирать себе наряды в многочисленных ярких, зазывно кричащих торговых рядах. Но отец сие не позволял. Не из-за скупости (он для любимой дочери ничего не жалел), а из опасения, потому как не перевелись (и даже процветали) в те времена пираты. Чаше, конечно, на море, но и на суше они частенько появлялись в крупных портовых городах, потому что Ганза заключала с ними тайные сделки: за мзду они избавляли её на морских путях от многих конкурентов. Поэтому торговые центры были пристанищем многочисленного тёмного люда. А Регина была более чем привлекательна. Можно сказать – красавица...

Но всё на земле когда-то кончается.

Закончилось и томительное ожидание отъезда. Регина с ликованием уселась в «санный домик». Отец рассмешил: явился к саням, надев купленные недавно очки. Слуги укутали отъезжающих одеялами и мехами, и купеческий караван пустился в дальнюю дорогу.

О том, как выглядела эта дорога, рассказывал в своих записках француз де ля Фотье, назвавший Московию краем света. Территория Московского государства начиналась «возле Смоленска», она

предстала как великая и обширная страна, «дикая, пустынная и болотистая, покрытая зарослями кустарника и лесами, пересечённая болотами, кои переезжают по гатям».

Когда в очередной раз с трудом наши путники пробрались на твёрдую землю по гатям, ежеминутно рискуя тем, что возок съедет со скользкого настила в непромёрзшее насквозь, заросшее и прогибающееся болото, Свен не выдержал и спросил возницу, когда же закончится это мучение, настороженно взглянув при этом на побледневшую дочь.

– Ты, барин, про гати что ль? Дах их от одного Смоленску до Москвы шестьсот будет!

Больше Свен вопросов не задавал.

Спустя ещё два дня пути с вопросом через толмача обратилась к кучеру Регина.

– А что, скоро ли встретим на нашем пути какую-нибудь корчму или гостинный двор, где бы можно было немного отдохнуть от этой ужасной тряски, привести себя в порядок и хотя бы испить горячей воды?

– Нет, фрэйляйн, здесь можно проехать двадцать или тридцать миль, не увидев ни одного города или деревни, – ответил за возницу молодой купец, который вот уже второй день ехал верхами на своём коне, преимущественно подле возка Регины (девушка явно приглянулась ему). – А если где и встретим постоялый двор в деревне, то не советуем вам туда заглядывать.

Тут молодого человека окликнул, вероятно, его отец, и он поскакал на зов, слегка хлестнув своего коня, так и не объяснив, что он имел в виду.

«Даже в середине XVIII века путешественник, проехавший дальше Митава (ныне Еглавы), столицы Курляндии, не мог более нигде найти приюта, кроме как на «убогих постоялых дворах», содержащихся евреями, где «приходилось укладываться спать вперемежку с коровами, свиньями, курами, утками, коих источаемые запахи ещё усиливали всегда чересчур раскалённая печка».

Надо полагать, что в предыдущем веке положение было не лучше, а могло быть и хуже, потому что страна была разорена бесконечными войнами (начиная со Смутного времени) с Польско-Литовским государством и со Швецией. На Руси действовало большое количество разбойничьих польско-литовских отрядов, «которые были организованными преступными сообществами XVII века».

С одним из таких отрядов имели несчастье встретиться наши путешественники...

Установившаяся хорошая погода подняла всем настроение. В голубом небе весело сияло солнце, искрился снег, ели, укрытые охапками пушистого снега, выглядели совершенно сказочными. Девушка теперь смотрела на дорогу в оконце и радовалась всему: пробежавшему через дорогу испуганному зайцу, и прыгавшим по верхушкам елей белкам, и красавцеам лосям, встреченным на пути. И отец успокоился и уже успел подумать, что не зря он взял дочь в это путешествие.

Однажды к вечеру купеческий караван расположился близ леса, с подветренной стороны, на привал. Опытные купцы, из тех, что постарше, приказали слугам расположить повозки по кругу, словно ратники в поле. Развели костры. Регина не подошла

к ним (ухаживания молодого купца показались ей назойливыми). Напившись горячего кофе, она сидела в санном домике и долго смотрела на звёздное небо, пока не задремала. Ей приснилось её любимая домашняя кошка «Миц-миц». Вдруг её любимица превратилась в страшного большого кота с неприятными жёлто-огненными глазами, он издал боевой вопль, и девушка проснулась. Вокруг стреляли и кричали. Рядом послышалась польская речь, кто-то грубо распахнул кибитку, сунул факел, увидел девушку и с радостным воплем потащил её наружу. Отец Регины несколько раз выстрелил не целясь: времени не было. Не попал, а его сразила пуля. Похититель тащил девушку на круп своей лошади, но тут молодой купец, поклонник Регины, с отчаянным криком бросился со своего коня на насильника, они упали, сцепившись. Девушка, опомнившись, решительно, в несколько прыжков достигла своего возка, вскочила в кибитку, кучер, не сплеховав, хлестнул лошадей, и они понесли возок во тьму, подальше от нападавших. Им вслед стреляли, но Бог уберёт. Возок подрагивал на ухабах, отец стонал, Регина плакала, кричала кучеру: «Стой! Стой!.. Помогите!» Он её не слышал, а если и слышал – чужую речь не понял, всё равно бы не остановился. Главное сейчас было – умчаться от погони.

Девушка скоро поняла, что помощи ждать бесполезно. Подручными средствами перевязала отца, чтобы остановить кровь. (Учили в католической школе.) Приказывала себе: «Не плакать!» Отец настаивал её мужественно переносить испытания.

Скоро окольными путями въехали в лес. Поляки далее преследовать не решились. А кучер, выждав в укрытии, вывез своих путников в глушь, похоже, он знал, куда направлялся. Здесь на реке Леже, что в тридцати верстах от Вологды, по народной молве, обитали отшельники, искавшие уединения для праведной жизни в Боге. Попавшим в беду повезло. Они действительно вышли на одинокую землянку известного в округе старца, о котором говорили, что он княжеского происхождения.

Около землянки уже при свете взошедшей луны виден был врытый в землю большой деревянный крест, а рядом – недостроенная часовенка.

Кучер подошёл к келье, перекрестился и прокричал: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» И услышал ответ:

– Аминь! – что означало разрешение войти.

Дверь раскрылась, из неё пахнуло застоявшимся теплом.

– Здорово, бабушка. Примешь нас? Мы трое, да ещё с бедой!

– Давайте с Богом!

Старец, высокий и худой, ещё сильный, помог внести раненого и уложить на лавку, указал Регине, куда сесть и стал раздувать в печке огонь, потом поставил котелок с водой на огонь, что-то сказал девушке, кивнув на отца. Она поняла: вода греется для раненого. Потом старец несколько раз говорил что-то Регине, она не понимала, пока он не обратился к ней по-латыни.

Монах-пустынник был учёным. Регина кратко, как могла, рассказала ему об отце, о себе и ещё о том, что они едут в Москву, к бабушке. (О караване и разбойниках-поляках старец знал уже от кучера.)

После того, как отцу была оказана необходимая помощь и дали выпить из глиняной кружки какого-то снадобья, он забылся, тяжело дыша. Отец Иоанн, так называл старца кучер, протянул девушке кружку горячего чая с душистой травой и немного мёда диких пчёл на деревянной ложке. Потом указал Регине на лавку, где она должна спать. Кучер вышел к лошадям, а старец продолжал сидеть у печурки, подкладывал дрова, свет от него отбрасывал тень на стену, и это впечатление было последним, после которого девушка заснула.

Утром в землянке появился ещё один монах. Он сообщил, что Вологду разорили поляки, пятьдесят девять монахов они сожгли в трапезной монастыря, а всего убили более двухсот и сожгли архив Прилуцкого монастыря.

– Значит, на Немецкий двор в Вологду нам раненого не доставить. Ведь ему операция нужна. Остаётся одно – везти в Великий Новгород. Там сейчас шведы во главе с Делгарди командуют. Но порядок у них есть, и лекари хорошие сыщутся.

– Делгарди! Делгарди! Это знакомый отца. Он поможет! Отвезите нас пожалуйста в Neugarden Нов-го-род! – восторженно сказала и, как могла, объяснилась по-латыни девушка.

– Дорога длинна, но иного выхода нет. Вези скорее в Великий! А то не успеем, – кивнул старец.

– Почему я должен? Морока мне с чужестранцами. Согрешешь, Господу, – упёрся кучер.

Регина каким-то внутренним чутьём поняла всё и молча протянула кучеру кошелек с талерами.

Старец строго сказал кучеру:

– Половину денег верни. Пригодятся девице, вряд ли отец её выживет. Тот послушался.

Скоро они были уже в пути. Их провожал молодой монах, окольными путями, дабы не встретиться вновь с разбойниками...

В Новгороде отец Регины скончался на операционном столе, не оставив дочери никаких распоряжений... К счастью, вернулся Делгарди из своего похода вместе со своим русским другом Михаилом Скопиным Шуйским на освобождение Москвы от поляков. Скопин внезапно скончался (по некоторым предположениям был отравлен). Делгарди тяжело переживал эту потерю. Регине он сообщил, что возвращаться в Ригу сейчас нельзя из-за войны шведов с Польшей, что все купеческие корабли, оставленные в устье Волхова, разграблены и захвачены неприятелем.

– Почему в такое время в путь решились? – спросил по-шведски. (Регина знала язык от отца.)

– Мы ехали к бабушке в Московию за оформлением наследства. Она вызвала, в Литве у неё поместье осталось.

Делгарди понимающе кивнул. Распорядился, чтобы Регине выдали из ганзейского хранилища часть ценностей, оставленных там её отцом (при этом поручился за девушку). И отправил Регину с купеческим караваном в Москву под присмотром католического пастора, тайно направлявшегося туда же.

Мы не будем подробно останавливаться на бурном времени Смуты в Русском государстве, о нём знают у нас уже со школьных учебников... Как ни масштабны бывают подобные события для жизни

страны, но и личная драма каждого отдельного человека, втянутого в их водоворот, всегда вырастает в его сознании до мировых трагедий.

Примерно так чувствовала себя тогда юная Регина в Москве, в Иноземной слободе, в опустевшем доме бабушки, которую она потеряла, едва успев её узнать. Одна в чужой стране, в полуразрушенном городе, среди недоброжелательных дальних родственников, у которых был повод отвергнуть девушку из-за недоставшего наследства (бабушка успела всё подписать своей родной внучке Регине). Горе Регины усиливалось ещё недавней смертью отца; гибелью матери и потерей двух малолетних братьев-близнецов, двух Янов-Иванов, родившихся незадолго до указанных событий. (Последнюю печальную весть привезли литовцы, прибывшие вместе с королевичем польским Владиславом, по приглашению сего юноши на престол изменниками боярами, после пленения Шуйского.)

Совершенно опустошённая душой, сидела девушка перед гробом бабушки, когда с улицы донёлся шум и гам и даже смех проходившей мимо толпы завоевателей.

«Как же могут там сейчас смеяться, когда такое горе – бабушка умерла? – мучительно соображала вслух плачущая Регина. – Одна теперь, совсем одна в чужой стране...»

По улице Москвы медленно ехал верхом на добром коне всадник. Он не мог ехать быстрее, потому что путь впереди ему преграждали катафалк и небольшая группа сопровождающих людей. Когда всадник поравнялся в намерении обогнать процессию, то невольно окликнул девушку, склонившуюся над зелёной крышкой домовины:

– Фрэйляйн, – воскликнул он по-немецки, ещё не веря в реальность встречи. Девушка подняла голову, – Регина, это Вы, Вы живы? Слава Богу!

Она узнала его сразу и обрадовалась, ещё не представляя как его величать. Мысль, что молодой рыцарь погиб, спасая её от насильника, долго не давала ей покоя. Сейчас она только могла дружески кивнуть ему. Он же задержал коня, пропустил всю процессию вперёд, дождавшись конца всей нехитрой в тех условиях церемонии, проследил, в какой дом вернётся девушка...

Далее в воспоминаниях Регины калейдоскопом замелькали события тех давних лет: восстание жителей Москвы против поляков и изменников бояр; пожары в Москве и один князь Пожарский, во главе отряда сражающийся на фоне обгорелых стен Кремля, в котором засели поляки. Внезапное ранение Пожарского, о котором многие подумали: смертельное... В Москве – стихия народного гнева и... огня.

Три дня горела Москва. Регина в отчаянии металась по двору своего дома среди многочисленных горящих построек, не зная, куда бежать, где спастись. Москва тех лет – в основном деревянная, улицы – сплошное пламя. На земле – обгоревшие трупы. Вдруг ко двору примчался, как чудо, из огня всадник, на поводке – запасная лошадь. Регина, ни о чём не спрашивая, ловко вскочила на коня, и они вдвоем, безо всякой охраны, с одним его оружием на поясе, вырвались из Москвы, бросив всё. Несколько суток утомительных скачек, схоронов в

лесной глуши от бродячих отрядов и, наконец, измученные, голодные и усталые, добрались до поместья Луки под Нижним Новгородом, куда уже начали стекаться ручьи народного ополчения. Здесь, в поместье, Регина узнала, что Лука Евсеич Головин вовсе не купец, а сын боярина, который вместе с отцом из Польского приказа ездил по делам в Амстердам. Лука знал немецкую речь и на первых порах объяснялся с Региной по-немецки.

Лука захотел видеть Регину хозяйкой в своём барском доме. Препятствие – отец Луки. Далее – тайное пошпешное венчание в домово́й церкви. У Регины – горячка от всего пережитого. Медленное выздоровление. Пробуждение к новой защищённой жизни. Неизменно рядом её добрый сильный «русский рыцарь» – Лука. В ответ на такое обращение к нему: «Ну, какой я рыцарь, у нас, русских, не рыцари, а витязи».

И когда в тихой усадьбе для Регины, кажется, мир вновь приобрёл равновесие, к ней явился вдруг Лука в воинских доспехах и заявил:

– Не хотел тебя ранее тревожить, но я должен к князю Пожарскому отбыть, в ополчение. На Москву идём, поляков изгонять. Патриарх Гермоген благословил ополчаться за Родину!

– Нет! – вскидывается Регина. – Как одна останусь?! Боюсь тебя потерять...

– Не страшись! Вернись! Лучше благослови!

Регина растерялась. Лука досадливо махнул рукой. «Не умеет, не знает ещё! Ну ладно!» – подумал про себя, а вслух молвил:

– Поцелуй меня! – потом быстро вышел.

В сенях своего терема сказал старой няньке своей:

– Береги её, как меня берегла, Марфуша.

– Не сомневайся. Сберегу до приезда твоего. Дай-ко я тебя благословлю на дела ратные, Лутонышко. Храни тебя Бог!..

Лука действительно вернулся с поля ратного, но на телеге и тяжело раненный.

Теперь уже Регина у постели мужа бдела ночами. И отец Луки, видя, как она самоотверженно борется за жизнь сына, примирился с «латинянкой». А Лука, когда сознание возвращалось к нему, возбуждённо повторял на родном языке:

– Мы победили! Победили их! Господь помог!.. Троицкая Лавра... Пресвятая Дева Мария, Богородица защитили землю Русскую, престол православия...

Регина поняла, что говорит её витязь о Родине, Боге, Деве Марии. А ещё он называл святого Сергия Радонежского... Троицкую Лавру...

На этом воспоминания Регины прервались.

Она добралась после долгого пути в Москву до своих хором, рано легла спать. Утром ей предстоял визит к самому первому советнику царя Матвееву Артамону Сергеевичу.

Боярин Артамон Сергеевич принял Регину в своих каменных палатах очень радушно. Спросил про здоровье супруга (своего давнего доброго знакомого). И пригласил её в залу, стены которой были увешаны картинами, богатыми гобеленами. Как истинный коллекционер, Матвеев гордился своим детищем, тем более что его собеседницей была в общем-то западная дама, знавшая толк в искусстве

и побывавшая во многих заграничных музеях. Регина привезла ему в подарок портрет, на котором был изображён один из амстердамских бюргеров; кисти ученика Рембранта.

Подарком хозяин тронут. Он усаживает гостью в богатое, обитое парчой кресло и говорит, говорит о парсунах и картинах пристрастно, как и все люди о своих увлечениях. Регина с полуулыбкой вежливо слушает Матвеева, мысли её заняты сейчас судьбой родственника Владислава, которая во многом зависит от этого влиятельного вельможи; размышляет одновременно об успешном взлёте Артамона, сына дьяка. Маленькому Артамоше суждено было стать товарищем детских игр, а позднее и ученья будущего царя Алексея Михайловича и навсегда остаться его близким другом и советником...

В эти минуты своих размышлений Регина, конечно, не предвидит будущие превратности судьбы царедворца Матвеева, что все эти картины, все имущество отойдут за опалу его в казну, когда после смерти царя Алексея он будет отправлен в ссылку на север, в Пустозёрск. Там судьба сведёт его с Аввакумом (и в своих церковных спорах и здесь Матвеев останется враждебен старообрядчеству)... Судьба, кажется, вновь взмахнёт опальному вельможе своим светлым крылом, но... на краткое время. В 1682 году он будет возвращён в Москву, но в том же году безжалостно убит в Кремле взбунтовавшимися стрельцами. Мятежники буквально вырвут его из царских рук (он держал за руку юного, десятилетнего Петра I) и на глазах отрока поднимут его на колья...

Вот уж поистине правы были древнегреческие философы, когда оставляли людям назидательный совет: не радоваться слишком в жизни сей в радости и не печалиться слишком в печали... Жизнь переменчива.

Но превратности судьбы – впереди. А пока Артамон Сергеевич – блестящий политический деятель, успешный в делах своих и победах над врагами-завистниками; один из самых образованных людей XVII века, обладатель богатейшей коллекции и обширной библиотеки на нескольких языках; организатор театра при царском дворе. Он держит свой собственный дом на западный манер и доволен своей чужестранкой-супругой. И не за горами ещё большее возвышение его, когда овдовевший царь женится на воспитаннице Матвеева – Наталье Нарышкиной, будущей матери Петра I. И не его ли влиянию (через Наталью) обязана Россия личности Петра, царя-реформатора?..

После осмотра коллекции в зал вошла хозяйка дома и пригласила Регину на чашечку кофе.

– Благодарствую, – извинилась гостья, – но я сегодня имею ещё намерение заехать в Овощной ряд.

– Что за надобность вам лично, сударыня, туда ехать? Или нельзя слуг послать? – удивилась хозяйка.

– Я полагаю, за гравюрами боярыня поедет. Ведь у нас в Москве в Овощном ряду и гравюрами торгуют, – поспешно объяснил супруге Матвеев и, обращаясь уже к Регине, назидательно промолвил:

– А вы отнеситесь к покупке внимательно. Не подделка ли? Не удивлюсь, если вам там станут предлагать знаменитого у нас ещё с прошлого сто-

летия «самого Дюрера». Цену огромную заломят, а налицо окажется список. Вельми много в заморских странах подделок с его именем. И то ведомо, что Дюрер обращался в сенат в 1505 году с просьбой о запрете на изготовление этих подделок. А с австрийским курфюрстом, сударыня, произошёл совершенно курьёзный случай: он приобрёл для своей огромной коллекции несколько десятков картин «Дюрера», которые оказались чистыми подделками.

– Ну, полно, полно, – прервала мужа супруга, – ведь спешит гостья.

Регина тянула со своей просьбой за родственника до последнего момента. И только уже встав, чтобы откланяться, смущаясь, сбивчиво и быстро изложила её.

Матвеев не удивился. Он сразу догадался, что внезапный визит Регины был неслучаен, и охотно откликнулся:

– Не извольте беспокоиться, сударыня, хлопоту за вашего непутёвого родственничка, думаю, что на нём дела и слова государства нет; просто бейник, пустомеля. Уладим дело к пользе вашей. Кланяйтесь от меня почтенному супругу.

Регина покинула гостеприимный дом с радостным чувством душевной лёгкости и всю дорогу до Овощного ряда она вновь и вновь взволнованно перебирала в уме весь свой разговор с влиятельным вельможей.

Просмотрев в Овощном ряду несколько «фряжеских листов», она не взяла ни одну из гравюр. Мешало предупреждение Матвеева. Свой выбор она остановила на миниатюре художника кремлёвских мастерских, потому что детали сюжета напомнили гравюру Дюрера «Три беседующих крестьянина», которую она видела в частной коллекции в Европе. Торговец навяливал картину:

– Бери, боярыня, сам Василий Корень к сей картине руку приложил!

«Может, и привирает, – раздумывала Регина, – ведь имя этого российского художника известно в Москве. Знает продавец одно это имя, вот и твердит».

Но гравюру всё же купила и велела кучеру везти её домой. К неудовольствию боярыни холоп плохо знал московские дороги.

Надо сказать, что Москва в смысле градодельной застройки представляла большие контрасты. Отдельные богатые усадьбы, где царствовало полное загородное приволье с лугами, прудами, садами и ключами, сменялись густо скученными простыми избами, покрытыми тёсом или соломой. Иногда и целые улицы состояли из одних плетней и заборов, за которыми были едва видные крыши теремов и хором. Много улиц было неправильных, со множеством переулков, закоулков и тупиков. И над всем этим сложным разнообразием возвышался и горел Кремль, и это было символично: Кремль – как светлый ясный престол среди запутанных, кривых, а иногда и тёмных обиталищ человеческих жизней.

Вот по этим переулкам-закоулкам спотыкался сейчас кучер Регины в поисках выхода на прямую дорогу. На улочках было жидкое месиво. Карету то и дело задерживали на переходах пешеходы. Подобрав полы длинной одежды, они долго целились, куда ещё можно поставить безопасно занесённую

над грязью ногу. Некоторые возницы, сами понукаемые важными господами, не обременяли себя заботами о прохожих. Вот и сейчас Регина видела из оконца кареты, как некий кучер чуть не сбил с ног московскую барышню. Она в последний момент успела с писком отскочить, постояла немного на обочине, встряхнувшись, как взъерошенная куриная молодка, потом, как ни в чём ни бывало, чинно продолжила свой путь по деревянному тротуару. Задрав свой курносый носик, торчащий среди нарумяненных щёчек, она поплыла павой, привлекая внимание прохожих ещё и богатой девичьей косой с вплетённой красной лентой.

Регина засмотрелась на девушку и вдруг остро почувствовала, как она соскучилась по своей дочери, обитающей в далёких от неё краях, и дала себе слово: «Нет, довольно! Вернётся Лука – пусть непременно отправляет меня к дочери! Так и скажу ему!»

Глава 10. Далёкий путь домой

*Русский человек любит вспоминать,
но не любит жить, т.е. он не живёт настоящим...
только прошлым или будущим.*
Д.С. Лихачёв

Возвращение из Синбирска домой всё откладывалось. Наступил декабрь, а с ним установился хороший санный путь, и боярин объявил Федору, что пора собираться в дорогу.

– Поедем с доброй охраной. Воевода приставляет к нам свой отряд стрельцов для сопровождения арестованного татя и подельника его татарина Идриса в Москву, в Казанский приказ для дознания. И нам надёжнее дорога будет.

– Пошто в Москву? Сама Казань-то ближе.

– Оно так. Да только пособники найдутся. Воевода сказывал: целый клубок заговора, за ниточку ухватились, распутать надлежит, – вздохнул боярин.

На следующий день отправились в путь. Чем дальше отъезжали от Синбирска, тем меньше мыслей оставалось у Луки Евсеича, связанных с крепостью: всем своим существом он устремлялся вперёд к дому, к родным и близким.

«Русский человек любит вспоминать». И сейчас боярин не изменил своему любимому занятию. Сон про Силантия, дядюшку своего, вспомнил. Словно видит он его в местах прекрасных, но со спины и совсем нагого. Сам во сне знает, что нет уже дядюшки в живых. Только не радостная это встреча. Поворачивает к нему голову Силантий и вопрошает сурово:

– Почему клятву о Федоре не держишь? Где он? Отрок где, спрашиваю?! Эх, ты, лучше бы ты не родился на свет!

Проснулся Лука и даже во тьме ночной почувствовал, как кровь залила краской стыда его лицо.

В тот же день приказал боярин закладывать повозку и отправился в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, что на реке Истре, под Москвой. Туда, к самому Никону, игуменья Василиса хлопотами Ордина-Нащокина Ивана определить успела.

Подъехал боярин ближе к монастырю – глазам своим не верит. Вывеска на столбе гласит: «Сия река

«Иордан» зовётся». А далее – новая: «Гора Фавор». А к востоку от неё ещё и «Елеонская гора». Дивится Лука Евсеич: на этой горе самого царя Алексея Михайловича видит и не одного, а вместе с патриархом. «Ведь по Москве паки слухи ползут о скором разрыве государя с Никоном. Ан нет, выходит ниточка ещё тянется».

Народ всё к Воскресенской церкви прибывает. Царь и патриарх спускаются с холма, тоже к ней направляются. Людишки расступаются, шапки ломают, в пояс кланяются. Через холопа узнал боярин, что будет освящение нового храма. Для того и государь прибыл.

«Большим людям лучше доколь на глаза не показываться, – решает для себя Лука. – Найду сперва Ивана, а через того и Федьку».

Чернеца, мимо шедшего велел окликнуть, спросить.

– Ивана-богомаза, изографа?! Как же, ведаю. В Капернауме он.

– Как в Капернауме? Ты что?! – вмешался Лука Евсеич.

– Да тут всё, как в Иерусалимской земле поименовано. Вон по той дороге прямо – Зиновьева пустынь. Там тебе как раз и Капернаум будет.

– А и то верно, запомятовал я о чудесах здешних.

Монастырь только ещё строился, и Иван с Фёдором обитали недалеко от пустыни в ветхой избёнке бабки Агриппины.

Приезду боярина не удивились: праздник ведь освящения – обычное дело. Да и знал Федор, что Лука Евсеич его непременно рано или поздно съездит.

Вспомнив ту встречу с Федором, боярин невольно усмехнулся:

– Ты что же, неключимый, от меня сбежать удумал? – с ходу обрушился боярин на Федора. – Аль хлеб-соль моя тебе не по нраву пришлась? – шумел, корил хлопца.

– Ты меня к делу не приставил, боярин, не призык я хлеб дарма есть, – промолвил Федор.

– Ну, снаряжайся, со мной пойдёшь.

В ответ Федор и Иван заговорили разом, возбуждённо перебивая друг друга:

– Не могу, боярин. Никак. Приписаны к монастырским землям крепостными.

– Верно ли то ведаешь, Федор? – удивился Лука Евсеич.

– Да Иван сам у ключаря свиток видел, записаны мы в нём.

– Пойдём, не мешкая, – заторопил Федора, – к лекарю!

– Да где найдёшь-то? Мыслью, он подле Никона сейчас! – с досадой выкрикнул Федор.

– Ну, същем кого-нибудь! – не слушая, боярин быстро направился к двери, по пути зацепив ногой пустое ведро. Оно покатило, загремело. Бабка, как и изба её обветшавшая, при внезапном появлении боярина совершенно растерялась, а от шума вздрогнула и издала какой-то писк. Лука оглянулся и бросил ей несколько каких-то монет, пробормотав при этом имя «раба Божия Силантия».

Обнаруженный во дворе местной церквушки дьячок за богатый посул для монастырской каз-

ны ловко уладил дело. Приняв вклад, он развернул свиток. Лука Евсеич заглянул через плечо и увидел, что рядом с именем «Фёдор» было добавлено «Силантьев». «Эк хватил шельма, имя дядьки моего благородного – да в список крепостных», – про себя возмутился он, но вслух не произнёс ничего. Не хотел срамить род свой перед простолюдином. Рука дьячка потянулась к чернильнице с гусиным пером: минута – и фамилия Федора была вычеркнута из списка.

– Ну, всё, едем! – обратился боярин к Федору.

– Не поеду с тобой без Ивана, – показал свой норов тот, – да и не холоп я тебе вовсе, сам знаешь.

В другой раз боярин бы и не стерпел от наглеца, но сейчас сдержал себя. «Главное мне тебя вернуть, – подумал Лука, памятуя о клятве за Федора. – А там посмотрим, кто холоп, кто не холоп».

В Санаксар возвращались втроём...

Боярин тряхнул головой, как бы отгоняя воспоминания, и выглянул в оконце своей колымаги, посмотрел назад в сторону Федора, ехавшего следом. Тот, словно почувствовав что-то, тоже высунулся из кибитки своих саней, чуть вскинул голову, вопрошая:

– Чего надобно, боярин?

В ответ Лука махнул рукой и скрылся в оконце, пробормотав:

– Эх, кабы не я, пахать бы тебе на игумена, как говорится в присказке.

Между тем снаружи быстро стемнело, внезапно пролетели крупные хлопья мокрого снега, ветер усилился, всё сформировалось в поток метели. Путники сбились с дороги, лошади встали. Мокрый снег залеплял глаза. Высланные вперёд верховые, по счастью, скоро и случайно наткнулись на строения. Это оказалось село. Вернулись за караваном. В сплошной белой пелене отыскивали его по производимому шуму. Люди окликались друг друга. С трудом пробившись до села. Их встречал уже деревенский сторож. Колотушкой он подавал сигнал. Близ дороги, как и полагалось, был постоялый двор.

– А что, дед, как село называется? Чаю, сбились мы с пути, с почтового тракта московского, – обратился Федор к сторожу.

– Село Собакино. А вотченники здесь Соковнины, древнего боярского рода, – неожиданно крепким молодым голосом ответил «дед». – Да хозяева намедни пожаловали! – поторопился он закончить речь, поочерёдно пряча то одну, то другую щёку от ветра в ворот тулупа.

Боярин внимательнее присмотрелся к сторожу и увидел, что он молод, а налипший на брови и бороду снег делал его Дедом Морозом.

– Соковнины, молвишь? А кто из них?

– Да дети их: Алексей и сестрица ихняя, боярыня Феодосия Прокофьевна Соковнина, по мужу покойному своему – Морозова, – поправил себя добрый молодец и поторопился:

– Таке прикажите проводить вас в барский дом?

– Подожди, а сестра Феодосии княгиня Евдокия Урусова – здесь ли?

– Нет, той нет.

– Веди, веди! Знакомы мы через княгиню. Не откажут дать прибежище. Федор, распорядись здесь на постоялом дворе лошадьми и людьми нашими.

Гостей встречали в барском доме по достоинству. Правда, сама боярыня Морозова не вышла сразу, как доложили, а выслала к гостям брата Алексея. Он приказал разместить в покоях и сделать всё должное для боярина Луки Евсеича (имя и отчество подсказала сестра, Алексей был лично не знаком с гостем). Боярина через час пригласили к ужину.

Федор, проводив Луку, бегом догнал свой караван уже у постоялого двора. Ворота были распахнуты. И лошади, запряжённые в сани, одна за другой исчезали в полутёмном крытом большом дворе. При тусклом свете фонаря со слюдяными оконцами распрягали лошадей и заводили в одну из трёх больших конюшен, из высоких дверей которых валил наружу пар. Конюшни были тёплые.

Хозяин суетился сам и подгонял двоих своих работников:

– Борзо, борзо бегайте. Да дверь-то у конюшни быстрее прикрой. Что стоишь-то, как остолоп? Что? Ай не умецаются все? А вы плотнее, плотнее. А то ведь у меня ещё только одна «колода» осталась, там в стороне, у пригороды из жердей. Та конюшня летняя, чуть пригороженная холодная, хоть и с крышей. Ну, вы тогда в неё ведите. Что же делать, коли вас ещё целый отряд верхами.

Прибывшие торопливо, но заботливо устраивали лошадей, каждый для своей старался. Наконец, всё устроилось, Федор поспешил в тёплый просторный дом, но задержался у дверей в подклеть, отряхивая с плеч и шапки снег.

Тут со двора донеслись жалобные ребячьи голоса.

– Тятенька, скоро ты? Мы тут совсем озябли!

– Да что же вы до сих пор в кибитке сидите, а не в дому? Быстро сюда!

Дети почти кубарем выкатились из возка и, согнувшись, спрятав руки за пазуху, вбежали в дом, на первый этаж – в подклеть. Дом был большой, в шесть окон по фасаду, сложенный из круглых брёвен, со множеством клетей и подклетей, где располагались комнаты для поезжан, прислуги, кухня, подсобки.

Внутри дома наверх вела лестница – там находились комнаты хозяев.

Внизу, в комнате получше, с постелями на лавках, разместили поезжан поважнее: стрелецкого голову, казачьих десятников, купцов и приказчиков. В другой, пустой – всех прочих, здесь спали все на полу, им постелили войлок, дали подушки. Детей взвали в горницу наверх, положили на полатах вместе с хозяйской ребятнёй. Спать в селе по разумному народному обычаю ложились рано. Вставали тоже рано.

А в барском доме долго горел свет. Отдохнувший после дороги Лука Евсеич спустился в залу и сел в кресло у изразцовой печи. Вошёл Алексей Соковнин, и с ним прислуга. Зажгли добавочные свечи в старинных подсвечниках и накрыли стол к ужину.

У стены, за колоннами, показались две фигуры: девка Груня и с ней невысокий шустрый старик. Они явно намеревались пройти незамеченными к дверям в светёлку Морозовой. Но Алексей строго окликнул дворовую девку:

– Это кого ты без доклада ведёшь в палаты мои?!

Дородная Груня, растерявшись, остановилась, старик тенью исчез за ней.

– Кого ведёшь с чёрного хода, спрашиваю?! – властно повторил Соковнин.

Дверь светёлки отворилась, на миг показалась Морозова и, не предъявляя себя гостю, так же властно, как и брат, отчеканила:

– Оставь их, Алексей, ко мне это, я велела! – с этими словами быстро впустила старика, а Груня прогромычала своими слоновыми ногами по лестнице.

Старик скоро появился вновь, пятясь задом из дверей, торопливо договаривал. Он был уже сед и глуховат, старался говорить тихо, но получалось громко, так что его тайны слышали все.

– Так ты, матушка, крест сей кедровый передай в Москве, кому следует, чтоб только до Соловецкого дошёл. Да чтоб там монахов-то известили, что не простой это крест, а в рукояти с тайником, где посланице Аввакумово им упрятано. Старец Епифаний, что вместе с протопопом нашим в остроге страждет, те тайники делать сподобился. Да ты уж, Феодосия Прокофьевна, расстарайся, чтоб дошло Аввакумово слово; ведь ты, любезная, духовная дочь его... Прости меня ради Христа, коли што.

С этими словами старик поклонился боярыне, потом молча – двум сидящим у печи и неторопливо стал спускаться по лестнице. Феодосия же успела ему ещё крикнуть:

– Не сомневайся, коли что, есть у нас ещё защита в верхах, в палатах царских! – и широко и торжественно перекрестила его во след двуперстым крестом, как если бы она это делала принародно на площади.

Лука Евсеич, глядя на это, вздохнул, но промолчал.

Наконец, Морозова вышла в зал к столу, чинно по-старинному поклонилась гостю. После ужина разговор не клеился, воцарилось неловкое молчание. Лука Евсеич, поднаторевший в молодости на посольской службе, нашёлся и тут.

– А что, любезные хозяева, не угодно ли сейчас послушать странника? Со мной в обоз до Нижнего напросился. Прелюбопытен и мудр. Сим летом ко Гробу Господню сподобился.

Позвали паломника Игнатия.

– Скажи, Игнатий, тяжко тебе на сердце было славный град Иерусалим покидать? – возвысил голос боярин.

– Да, сие тяжко. Старцы – братия провожали меня в путь... там у врат Овчих сел я на моего коня, взглянул ещё раз на Гефсиманию, на гору Елеонскую – слёзы брызнули из моих глаз, и из глубины души воскликнул я: «Да созиждутся стены Иерусалимские! Чаю: будущность светла для Иерусалима, на все распри невзирая!» – твёрдо закончил Игнатий.

– О какой пре молвишь? – живо спросил Лука.

– Повидал я у Гроба Господня много народа всякого, и каждый хочет там первым быти. А того не мыслят, что первый перед Богом – это тот, кто смиренен.

– Поведай нам, что видел...

Паломник охотно начал своё повествование:

– Вечером на Голгофе мы хотели к причаще-

нию читать правило, но у франков началась лития... и они шли с крестом... Мы захотели подождать, пока они пройдут, и наши православные, русские и греки стояли на Голгофе, чтобы посмотреть на их обряды...

В это время, прервав рассказчика, появился Федор, поклонившись, он обратился к барину по неотложному делу. Все повернулись к вошедшему, а Лука Евсеич с досадой отмахнулся от слуги рукой.

Федор не понял, только ли молчать велят или вовсе уйти; остался стоять у порога, переминаясь с ноги на ногу; потом и сам стал прислушиваться к рассказу.

А Игнатий продолжал:

– наших на Голгофе было очень мало, греков – не более человек пятидесяти, франков же – более пятисот. Они пришли на наше место, где стоял Крест Христов. Наши монахи сняли лампы, которые им могли мешать, и очистили места. Франки за нашим престолом поставили свой крест и стали говорить, чтобы мы сняли и пелену с престола. Греки им отвечали: «Этого сделать невозможно, ибо она никогда не снимается...» Пришёл франкийский архиепископ и безобразно сдёрнул с престола пелену... Там стояли рядом два консула: русский и греческий. Греки тотчас зашумели и... принесли много дров, и пошла на Голгофе драка и война...

Игнатий перекрестился: «Прости, Господи, грешников» – и продолжил:

– Греки били дровами, франки – свечами, потом и они принесли дров... Русский консул своих спасает. Мы, человек двадцать, попали в Воскресенскую церковь и от страха не знали, куда деваться, не то в алтарь, не то под престол. Шум, крики, вопли восходят до небес, наипаче на Голгофе: все христиане бьют тревогу: наши, также армяне и франки, и копты... Пришёл митрополит и начал увещевать, чтобы оставили драку, но ему сказали: «Ты, Владыко, ступай в своё место, а мы здесь за веру помрём, ибо нас мало, а еретиков много». Такого страха я не видел от рода моего, – молвил паломник, заканчивая рассказ.

– Как же так, – произнёс Лука, – ведь все христиане, а такое творить попускают пребеззаконным грешникам, аки волкам, и все от них великую нужду терпят?

– Всем христианам, всем верующим трезвель умом надобно! – живо откликнулся своим наболевшим Игнатий, – един Бог для всех, он не знает перегородок людских, кои они сами промеж себя установили. Терпимыми надо быть к обычаям, обрядам, к вере друг друга! Через раздоры и войны религиозные нет пути в Царствие Небесное! – Игнатий встал. – На том я стоял и стоять буду.

Феодосия, вся вспыхнув, готова была вступить за старолубцев.

– Ты что хотел, Федор? – нарочито громко обратился боярин к своему подчинённому. (А про себя при этом подумал: «Хватит! Довольно! О старове-рах наслышан!»)

– Да молва идёт, беда приближается. Мордва вокруг восстала, да и татары новокрещёные с ней. Не хотя в вере христианской жить. А мордва за язычество своё стоит.

– Откуда вести?!

– Да нет причин для беспокойства, – вмешался Соковнин. – Давно они уже по отдалённым местам волнуются. А наши в вотчине верные, да и мы с ними по-человечески.

– Откуда молва-то? – переспросил боярин Федора.

– Да старик-старолобец, который объявился тут (Фёдор взглянул на Морозову) сказывал, пробираясь сюда, чуть ушёл от них со своим Словом Христовым.

– Ну, смотри, а то бы стрельцов поднять, дозоры выставить.

– Да метель сильна, в такую не сунутся. Люди наши промёрзли в пути. Жаль берёт.

– Ну ладно, – неохотно согласился боярин, и всё же добавил: – Ты вот что, Федор, Юрка... ну обоих детей сюда давай и сам здесь чтоб под рукою был. Чаю, место в людской найдётся? – вопросительно взглянул Лука на Алексея. – Для слуги моего верного и двух детей, кои с нами.

– Да, да... скажи там, что я велел, – обратился Соковнин к Федору.

А на постоялом дворе, хотя время было позднее, дети не спали. Всё им было интересно здесь. Особенно любопытствовал Юрок.

Он свесился с краю палатей и наблюдал за маленькой хозяйской дочкой, лет шести. Она ещё с вечера со своей бабушкой Васёной сидела за книгой, та учила её церковной грамоте. Книга была большая, с медными потускневшими застёжками. Бабушка открыла и прочла на корочке надпись: «Сия книга принадлежит священнику о. Иоанну. На добрую память Василисе Дмитриевой».

– Бабынька Васёна, а кто ета отец Иоанн?

– Ты не знаешь. Давно было. Мы с дедом твоим в Саввино-Сторожевском монастыре, близ Звенигорода на богомолье были. Там священник был из нашенских, да уж старенький... Вот и отказал мне книгу священную.

– Ну, придвинь мне книжечку-то. Читать будем.

– Внушенька, это не «книжечка», а «Книга», её и называть и брать в руки с почтением надлежит. Запомни это!

– Хорошо, бабуленька. Давай читать...

Под звуки их голосов нараспев Юрок задремал, а когда проснулся, свету в избе не было. Смотрит: девчонка малая с полатей слезает, к образам пробирается и при свете лампадки читать пытается, отдельные буквицы называет. Но свету мало. Девочка опускается на колени и долго шепчет под образами известные ей молитвы и поклоны кладёт.

Проснувшаяся мать понудила её вновь взлезть на полаты. Внизу, в подклети, застучали в дверь, это пришёл Федор, через некоторое время поднялся наверх.

Юрок хотел было спрятаться с головой в свою шубейку, но не успел.

– Не спишь? Хорошо. Подымай Миколку, к боярину идём, – шёпотом поторопил отец.

– Наружу? Эко вьюга там? Аль утихла? Нет, воеет, – прислонился мальчик к трубе.

– Ухо-то отлепи! Сказано – одеваться, не озябнешь! – подгонял Миколка младшего брата.

– Сердит как! – проворчал Юрок.

Отец их уже не слушал, спустился вниз, разбу-

дил стрелецкого голову, передал слова боярина: «Не спать. Смотреть за всем в оба...» У порога глянул на детей, тепло ли оделись. В душе порадовался: на обоих были новые шубы. Миколке он справил сам, а для Юрка передал деньги боярин. И Федор, поколебавшись, молча принял. Открыв дверь, Федор решительно шагнул в метель. Шли гуськом, след в след по глубокому снегу. Федор ориентировался по аллее высоких тополей к барскому дому. Наконец, добрались; в тёплой людской дети на этот раз скоро уснули. Забылся сном и их отец. Сам привыкший нести свою службу справно, он не предполагал, что подвыпивший хозяйской браги стрелецкий командир не смог побороть себя до конца, не встал, чтобы выполнить распоряжение боярина, снова заснул, не выставив охрану...

Не спал беспокойный Лука Евсеич. Выла вьюга, выли собаки, а когда они перешли по всему селу на яростный лай, боярин не выдержал, взял зажжённую свечку и вышел из своей горницы в сени верхнего этажа. Увидел Алексея Соковнина. Он тоже стоял со свечой и прислушивался к шуму извне. Гул усилился, в стороне постоялого двора раздались крики, потом выстрелы.

– Что там? – спросил Лука, кивнув на окна. – Позволь послать за стрельцами.

– Нет, нельзя. Начнут убивать без разбору. А я своим верю. А то беда большая будет.

– И что за народ? Чего не живётся спокойно, – вздохнул Лука.

– За своё держится. А народ интересный, добрый. Возьмите хотя бы их пословицы: муж говорит, а жена думает; с соседом обходишь рублём, а с женой – лаской; собаку учи дубиной, а дитя – любовью. Нет уж, останемся здесь. Стены вотчины крепки. Если свои не выдадут, то и пришлые много худого не сделают.

Беспокойный шум постепенно затих. Некоторое время Лука с Алексеем походили друг за другом из комнаты в комнату. Окна были плотно завешены. Потом сон взял своё.

А утром выяснилось, что мятежники выломали двери бани, где содержались на постоялом дворе тати: Идрис и немец Август.

Вместе с татями ушли часть стрельцов-староверов и кое-кто из дворни. Казачья конница пустилась в погоню за беглецами. А Лука Евсеич внял благоразумному совету Соковнина – остаться ещё его гостем, пока уляжется волнение в округе.

Дни, проведённые в поместье Соковниных, запомнились Луке надолго. Здесь как бы остановился бег отпущенного ему жизненного времени. Через день после указанных событий, потолковав о них предостаточно, боярин вместе с Алексеем Прокофьевичем отправились в домовую деревянную Свято-Троицкую церковь – уединиться здесь в молитве и возблагодарить Бога, что не пострадали от мятежников. Феодосия Прокофьевна Морозова в состоянии крайнего волнения поспешно уехала в Москву.

А по вечерам, сидя у изразцовой печи, гость и хозяин вели неторопливые беседы. Соковнин рассказывал о своей родословной. Боярин слушал из вежливости, но знай он дальнейшую судьбу Алексея Прокофьевича, наверняка бы проявил внимания больше.

Жизнь Алексею Соковнину предстояло закончить на плахе. Окольный Алексей Прокофьевич, как участник заговора против Петра Первого, будет казнён (четвертованием) вместе со своими подельниками: стольником Федором Пушкиным и стрелецким полковником Цыклером. И произойдёт это 5 марта 1697 года. А родной брат Алексея – Пётр Соковнин – будет сослан в своё поместье в Синбирской губернии.

«При царе Иване Грозном село было пожаловано Собакину, дяде третьей его супруги Марфы Васильевны Собакиной, который построил здесь церковь во имя Иоанна Предтечи. В честь Собакина наше село и получило своё название, – слышит сквозь непростительную дремоту боярин голос Алексея. – Впоследствии село перешло к нашему роду, Соковниных, родственников Собакиных. Наш род древний, дворянский. Происходит, по показанию старинных родословных, от барона Иоганна фон Искюля, выехавшего из Ливонии на службу к Ивану Грозному. Прошу Вас, Лука Евсеич, пройдёмте со мной, я покажу вам портрет предка рода нашего – барона Искюля».

Надменный рыцарь, глянувший с парсуны, боярину по нраву не пришёлся...

Наконец настал день, когда боярин со своим караваном отправился в путь и долго ругал своего кучера, «истинную бестолочь», коий ещё при выезде из Синбирска заплутался в лесах, свернул не на ту просеку. Вот и занесло их метелью в сии дальние края, и теперь приходится делать большой крюк, дабы выехать на дорогу московскую.

Добирались домой долго, но уже без приключений.

Глава 11 «Медный бунт»

*Чтоб ещё чего меж людей
о деньгах не учинилось...
Царь Алексей Михайлович*

Благополучно перезимовав в своём поместье и радостно встретив весну (она всегда пробуждала в душе боярина новые надежды и силы, особенно, если заставала его не в шумной Москве, а на природе), Лука летом решил навестить в Москве своего друга Богдана Хитрово. В спутники себе взял, как всегда, Федора. С ним он чувствовал себя спокойнее.

День был ясный, солнечный и тихий. Сначала ничего не предвещало беды. Полюбовались строящимся с восточной части Воробьёвых гор монастырём. Настроение было хорошее, но чем ближе к Красной площади, тем становилось тревожнее. Со всех сторон стекались сюда возбуждённые толпы народа. Боярин оставил свою колымагу у Воскресенских ворот, под присмотром кучера, а далее вместе с Федором отправился пешком: ни вперёд, ни назад проехать было уже невозможно. Они остановились у часовни, пропуская мимо бегущую толпу простолоудинов.

– Ай пожар в Москве? – забыв о своём чине, крикнул Лука пробегавшим.

– Пожар! Ноне попалим бояр-изменников! – злобно выкрикнули из толпы. – Всколыбалася чернь на бояр!

– Стоять всем на изменников! – тут же прозвучало рядом.

– Бить бояр думных и приказных! – подхватили клич сзади.

На колокольне какой-то из церквей ударили в набат. Федор и Лука, теснимые толпой, оказались у входа в часовню. Федор, не мешкая, втащил боярина в дверь, силой вырвав его из рук нападавших. Бунт ещё не достиг своей кульминации, когда народ готов перешагнуть грань дозволенного и даже посягнуть на святыни. У порога часовни чернь остановилась и тут же переключилась на новые жертвы: на дьяка Афанасия Башмакова и дворянина Савву Ларионова. Из окна часовни Федор видел, как один из мятежников вскарабкался на Лобное место и оттуда выкрикивал в толпу слова «воровского подмётного письма». Много их в последнее время появилось на Сретенке, Лубянке и иных местах Москвы. Ларионов с Башмаковым схватили один из воровских листов и попытались скрыться с ним в Кремле.

Из толпы закричали:

– Держи бояр, держи! Оне письмо к изменникам несут! А государя на Москве нет!

– Да, батюшки-царя нет, ему и всему миру надо рассказать про воровство боярское и фальшивомонетчика Милославского.

– Долой медную монету!!!

– Топеря-де пора, не робей, робяты! Тяни их с лошадей!

– Бей их! Бей! Письмо, письмо изымай! – кричал пропойца сиплым голосом.

Башмаков выкинул в толпу смятый лист письма. Чуть живы от побоев, думные скрылись за воротами Кремля. А толпа избрала иную цель:

– Айда, братцы в Коломенское к царю! Побьём там изменников!

– Выборный полк Агейки Шепелева уж с утра там.

Толпа двинулась к царю, по пути прихватив сына «изменника» Василия Шорина.

– Пушай за отца ответ держит!

Наконец все схлынули с площади.

– Боярин! – спохватился Федор, в полумраке он не сразу, оторвавшись от оконного света, увидел фигуру Луки, павшего на колени перед иконой Иверской Божьей Матери, писанной на Афоне священником Романовым.

– Пошли, боярин, пошли! – торопил его Федор, – пока они не опомнились или новые не понахлынули.

– Да куда идти? Что-то совсем занедужил я, с сердцем худо, – растерянно молвил Лука.

– К Хитрово, к Богдану Матвеичу, под защиту стен Кремля.

– К Богдану! К нему идём! Возвращаться опасно. Там, я мыслю, бояр уж всех подряд изводят... Ох! – Лука остановился, хватаясь за сердце.

– Ничего! Дойдём! Крепись, боярин, – промолвил Федор, опасливо глядя сбоку на Луку.

В Оружейную палату вошли вдвоём. Федор подерживал ослабшего хозяина.

– В такой страшный день привёл Господь увидеться, – уже со слезами выкрикнул Лука Евсеич.

– Да уж, друг любезный, не в урочный час по Москве-то гуляешь.

Они обнялись.

– Да вот про измену чернь толкует, снова бояр

бьют. И меня убили бы, коли б не он, слуга мой верный, – боярин кивнул в сторону Федора.

– Какая измена, – тихо произнёс Хитрово, наклонившись, как оружейники помогают улечься Луке на лавку, тут же в мастерской, вельми ослаб боярин.

– Обнищали простолюдины из-за долгих войн, а тут ещё вынужденная денежная реформа «медная»...

– Да и супротив иноземцев здешних слово говорят, – вставил Федор.

– На иноземцев что кивать, за высоким забором от всего мира не отгородиться. Ведь ранее в Европе ничего не знали про нас. Считали Московию краем света. Говорили: «Там только непроходимые леса да татары».

Лука Евсеич при последних словах Хитрово испуганно покосился на сидевших здесь же, в мастерских, оружейников, художников и иконописцев, среди которых были русские, армяне, греки, евреи и татары.

Богдан Хитрово уловил его взгляд, успокоил:

– Да не волнуйся, Лука, я ведь и сам по одной линии татарского рода. Предок наш Едуган в XIV веке из Орды выехал к князю рязанскому Олегу на службу. У него и крещение принял и московскому князю ещё послужил. И дядья мои по отцу, Василий и Дементий, на государственной службе погибли... А по материнской линии родственники наши от дворян Ртищевых...

В это время на пороге появился гонец:

– Я от государя Алексея Михайловича... из Коломенского. Ой, что творится там! Велено всё оружие, кое изготовлено в мастерских, со стрелецкими полками Артамона Матвеева и Семёна Полетаева прислать. А Ромодановский наряжен за иноземцами в Немецкую слободу.

– Как государь? – живо спросил Хитрово.

– Жив наш царь-батюшка. Чернь была челом ему с большим невежеством. Здешний посадский человек Лучка Жидкой вручил Алексей Михалычу эту челобитную, а потом смел требовать, чтоб государь наш тут же прочёл пред всем миром грамоту и бояр-изменников выдал. Ужас! Даже пуговицы на платье царя крутили, ответ требовали.

Богдан Матвеевич Хитрово сам пошёл распорядиться на склады оружейные. Вернувшись, с тревогой молвил Луке Евсеичу:

– Значит, не судьба как следует встретиться. В другой раз. А ныне мой совет: быстрее в коляску – и подале от Москвы.

– Да уж и под Москвой новых мятежников видел, тьма их в Коломенское движется с воплями и бесчинствами многими, – откликнулся гонец.

Распрощались быстро. Экипаж, по счастью, уцелел. Лука с Федором сели, и кучер погнал лошадей. Сначала всё шло хорошо. Но неожиданно из-за ближнего лесочка выдвинулась длинная вереница мужиков с воплями:

– Держи изменников! Чать Ртищев окольный бежит!

Удостоверившись, что это другой боярин, не московский, и поверив Федору, что он никакого отношения к фальшивым медным деньгам не имеет, бунтовщики Луку не тронули, но и не отпустили, а набившись внутрь и облепив со всех сторон колы-

магу, погнали впереди толпы на Коломенское.

Перед царским дворцом в селе уже собралось несколько тысяч мятежников. Требовали выдачи изменников. Самых ближних бояр царь приказал спрятать на женской половине дворца. Среди них был и Ртищев.

Царские защитники выстроились стенкой перед дворцом, но силы были явно не в их пользу. За спинами охранников возвышались на конях царские уговорщики. Их уже не слушали, толпа напирала, позади неё, потеряв терпение и дав выход годами накопленному недовольству и обидам на богатея, чернь самовольно начала суд и расправу над захваченными боярами. Мелькали секиры и косы, рубили головы. Из кареты выволокли случайного иноземца в заморском костюме, в шляпе с пером и большим белым кружевным воротником. Близко стоящий детина замахнулся на чужестранца дубиной – слуга, весь в латах и при пистолете, выстрелил, спасая хозяина.

Вместе с визгом раненого раздался вопль:

– Бей неметчину! – это кричал мужик, вскарабкавшийся на боярскую колымагу и размахивающий кнутом. Всё смешалось диким кричащим клубком вокруг бедных иноземцев и попавших под руку бояр. Лука Евсеич сидел ни жив ни мёртв в углу кареты, окружённой со всех сторон толпой. С ужасом ждал он момента, когда кто-либо сунет голову внутрь укрытия и извлечёт его на растерзание черни. Федор прятал его как мог. Чтобы отвлечь внимание, сам влез на крышу и сел, свесив ноги над дверцей. Со своего возвышения Федор увидел, как через задние ворота царского дворца вошли стрелецкие полки, верные царю. («Тишайший» дал приказ: «Сечь и рубить без милости!») И вот, когда огромная девятитысячная, мятежная толпа ещё на окраинах продолжала свою кровавую расправу, её изголовье начали крушить конные стрельцы. И делали это «без милости». Кровь полилась рекой. Мятежная гидра, осознав сие, ахнула и схлынула назад, давя и сокрушая под ногами своих же. Решительный Фёдор и здесь проявил сноровку, едва приметив сбоку образовавшийся временный пустынный коридорчик, прыгнул на круп лошади (в ту пору на колымагах облучков для кучера) и успел развернуть возок влево от толпы. Тем и спаслись!

Когда на следующий день прибыли в Санаксар, в боярскую вотчину, там уже застали роту стрельцов под командованием офицера.

Стрелецкий офицер сидел в горнице Луки, небрежно развалившись в кресле. Боярин кивнул на гостя.

– Вот, господин офицер прибыл со стрельцами для охраны и поимки сбежавших бунтовщиков. Сейчас стрельцы в монастырской трапезной. А ты после поможешь господину офицеру расставить их в дозор по тайным местам окрест, ибо он с их мест не знает.

– А стрельцы разве пойдут против народа... против смутьянов? – поправился Федор. – Полагаю, пособниками будут, как в лето 1648.

– Ошибаешься, братец, – медленно проговорил офицер, оценивающе разглядывая Федора (каков холоп: в разговор господ встревает!). – Так было в Московское восстание прежде. А сейчас всё на-

оборот. Изрядно давно прикормил стрельцов царь-батюшка. Мудро наперёд позаботился, аки львы кинулись они наемни в Коломенском на собак-бунтовщиков. На месте было порублено с тысячу да сколь ещё потоплено.

– То зрелище страшное мы видели, словно в аду побывали, – тихо молвил Федор.

Офицер встал, боярин тоже поднялся.

– Вы уж и вокруг вотчины моей охрану поставьте. Неровен час нахлынут бунтовщики. Господи спаси! Неспokoйно кругом.

Это «неспокойно» продолжалось ещё около года, пока наконец не была изъята медь из платёжного обращения.

Глава 12

Семья Федора

*На сердце человеку не приходило,
и ухо человеческое не слышало, что
готововал Бог любящим его.
Апостол Павел*

Мария снова ждала Федора, ждала с нетерпением. Она стояла у оконца своей избы, задумавшись, и машинально следила, как капли дождя стекают вниз, оставляя за собой кривые дорожки... Ждала, как прошлой зимой из Синбирска. Но состояние души её было иное, радостное. И вся сама она была другая, в предчувствии своего нового дитя, общего их с Федором ребёнка.

По возвращении тогда мужа из Синбирска вся её жизнь вдруг дивно изменилась, наполнилась давно ожидаемым ею женским счастьем.

Во-первых, Федор явился на порог дома не с одним только долгожданным ею Юрком, а ещё с другим отроком. И сразу заявил срывающимся голосом:

– Прими, Маша, сына моего, сиротой рос без матери, погибла она.

И прежде чем Мария смогла опомниться, на шее у неё повис с возгласом «Мама роденькая!» Юрок. Она покрывала поцелуями голову и лицо сыночка, всё ещё не веря, что он вернулся, даже голова закружилась от радости невыносимой.

– Это я, твоя «целая охапка счастья», как ты молвить любишь...

Но внутреннее чутьё помогло ей преодолеть себя, разомкнуть руки собственного сыночка и протянуть чужому, которому она должна стать матерью:

– Ну, подойди, хлопчик, давай поцелуемся, познакомимся. Как звать тебя?

– Миколкой зовусь.

Мария вопросительно взглянула на мужа.

– Да, Николай, – быстро подтвердил Федор.

– Да чё вы? Миколка это, брат мой старший, – вмешался Юрок.

– Проходи, Миколка, в дом. Пусть он тебе станет родным... Господи благослови, – перекрестилась Мария на иконы, потом повернулась к подростку, ожидая, чтобы и он сказал нужные в этот момент охранные слова молитвы...

Но Юрок уже тянул новоявленного брата в свой угол, чтобы показать свои мальчишьи сокровища в ящичке. При этом волосы у него были растрёпаны, ворот расстегнут от объятий матери, да и пуговиц

на новом синбирском кафтанчике снова не хватало. Миколка же напротив, был подтянут, застёгнут на все пуговицы и слегка смущён встречей с матерью Юрка. И в то же время, не поворачивая слишком головы, он быстро охватил глазами всю нехитрую обстановку крестьянской избы: большую часть просторной комнаты занимала русская печь, между ней и стеной справа – лавка-постель Юрка, напротив печки под потолком – полати, с них свешивались вязанки лука, чеснока, пучки трав. Под полатами кухонный стол и отгороженный угол-клеть – там в холоде содержался новорождённый телёнок и ягнята. Слева от двери, в углу, большой сундук, у окна стол – мастерская хозяйина. Далее лавка с прялкой. Из-за приоткрытой двери в спальню виднелся угол хозяйской кровати. Пол устлан чистыми домоткаными половиками, в углу – иконы в обрамлении вышитых полотенец с кружевами. На стене лубок «Про кота казанского»...

Фёдор слегка подтолкнул заробевшего сына в спину, шепнул:

– Я же тебе сказывал, добра она, а ты робел, – и повернулся к жене.

Мария стояла, замерев в ожидании. Супруг сам шагнул навстречу, крепко прижал к груди; она обвила руки вокруг его шеи и услышала над ухом шёпот: «Машенька!» – вместо обычного сухого «Мария». Почувствовав перемену в отношениях, она ещё крепче прижалась к любимому. На глазах у неё выступили слёзы. Как долго ждала она этой минуты! Засыхает душа женская без ласковых мужских слов.

Настала счастливая полоса в её жизни, и Машенька расцвела. Легко и радостно она хлопотала по дому, по-доброму управлялась со своими хлопцами. Миколку старалась не обделять вниманием, сама сиротой выросла, знала, каково это. Он неловко отстранялся от «матери» в такие моменты тепла, но в душе у него что-то оттаивало.

Машенька теперь чаще обычного пела и прямо сыпала поговорками. А Федор с изумлением открывал в ней это новое:

– Где ты всё это столь лет хранила от меня? Почему я не знал?

«Мне ведомо почему», – думала про себя Мария и только улыбалась в ответ.

Вот на пороге появляется Юрок и кричит:

– Тятенька Федор идёт! – из-за его головы возникает голова Миколки, и оба исчезают.

Машенька заглядывает в небольшое настенное зеркальце (подарок, вошедшее в моду заморское чудо из Венеции, привёз Федор из Синбирска), торпливо прицепляет нить жемчужных бус (речной жемчуг «добыли» мальчишки) и торопится к двери. Смотрит тревожно на хмурое лицо Фёдора:

– Случилось что?

– Боярин велит в дорогу дальнюю готовым быти.

– В края какие?

– В сибирские, в Тобольск...

Боярин объявил Федору: «На сей раз поедешь без меня, и не самозван, а по слову Богдана Хитрово, он меня просил младшему дьяку Сибирского приказа Третьяку Башмаку во товарищи тебя приставить.

– А я чаю, ему целый отряд для охраны от При-

каза приставят. Помысли-тко, боярин, у меня скоро Мария дитём разрешиться должна. Как же я в такое безвременье оставлю её?

– Ну не ноне ехать. Пока суть да дело, у тебя в семье, даст Бог, всё и устроится. Стрельцы-то с Третьяком пойдут, но в тайге собственный человек нужен. При случае и пропитание добыть, и от врагов дьяка уберечь. Сам знаешь, уже второй год иноземцы в Сибири немирные. Восстают. Хитрово просил тебя отправить, потому что по нраву ты ему пришёлся.

– Что он так печалится о дьяке том?

– Да человек почтенный Третьяк сей, начитан, образован, в переписке со многими вельможами состоит. Честен и службу свою исполняет прекрасно. Уж не один десяток лет в Сибирском приказе состоит, с самого его образования, в лето 1637, когда Приказ сей из Казанского выделился. Служит не в пример другим. Иные чины из Москвы норовят всей Сибирью управлять, а их штатные московские целовальники, хоть и целуют крест, за честное имя своё ручаются, на деле же ясак собирая мягкой рухлядью, не малую толику утаивают себе, государеву казну грабят, а воеводы в крепостях: Тобольске, Тарске, Сургуте, Томске, Нерчинске, Енисейске и других местах – бесчинствуют. Вот и бунтуют местные племена. Для досмотру за порядком и посылает государь дьяков Сибирского Приказа.

– А что за забота Богдану Матвеичу в деле сем? – снова спросил Федор.

– Ну, можа пользу для Оружейной палаты сыскать хошет. В Сибири железное и ювелирное ремесло с древних времён известно. А сколь на юге ея украшений, драгоценностей всяческих по курганам упрятано.

– Надолго отправляешь, боярин. На дорогу одну туда да обратно, дай Бог, годом управиться, где по воде, где волоками...

– Не во все крепости с ними иди. Доберётесь до Тобольска – там разыщи Владислава, брата троюродного супруги моей. Недавно сослан туда, – понизив голос, молвил Лука Евсеич. – Спасибо Матвееву, от виселицы спас. Да и ссылку от здешних, московских, в тайне держит, а то бы опала всему роду нашему... После Тобольска можешь возвращаться, ежели дьяк согласие даст и дела государевы не задержат, – назидательно молвил боярин. – А я с тобой своих людишек за мягкой рухлядью для меня пошлю. Велю приготовить чего для обмена. Молва идёт, у тунгусов задарма менять можно. Только смотри, чтоб кровавый след за этим не тянулся, а то к горю-злосчастью этот мех будет...

– А когда ехать?

– В конце мая, как раз ко вскрытию рек успеете, ледоход поздний там. А сейчас ступай. Да Юрка за каким-либо делом пришли. Поглядеть хочу, давно не видел... Да, вот письмо тебе.

– Ладно, – буркнул Федор и вышел.

Федор не вытерпел, распечатал письмо по дороге. Сразу глянул в конец: «...Остаюсь, Божьей милостью жив, чего и вам желаю. Иван».

Успокоившись, решил прочесть дома вместе с семьёй и зашагал быстрее.

Иван сообщил, что рана, наконец, зажила, что он делает списки с икон для женского Спасского мо-

настыря, пострадавшего после очередного пожара, что в этом же монастыре подвизается бабушка Миколки Серафима, она кланяется внуку и надеется, что он приедет погостить. Ещё Иван писал, что тоскует по ним, хочет вернуться. И просит напомнить Санаксарскому игумену Феодосию о нём («Может, отзовёт меня из мест сих»), что часто спускается к волжским пристаням и смотрит на купеческие струги, плывущие на родную его, Ивана, сторонушку...

– Ты уж похлопочи перед игуменом за Ивана, – обратилась Машенька к Федору. На том и порешили.

Ближе к середине ноября у Маши родилась дочь. При крещении нарекли её Анастасией в честь календарной святой. Федор ходил счастливый, обрадованный рождением дочери. Он был в таком возрасте, когда мужчина уже способен по-настоящему оценить своё отцовство.

– Ну что, с дочерью тебя, Фёдор, – поздравил его Лука. – Как Мария, всё ли слава Богу?

– Да, слава Богу.

– Кого крёстным отцом возьмёшь?

– Уже взял. Ивана, брата моего названного.

– Дак он в Синбирске. Из дальних краёв какой догляд за дитём? А то бы я мог на крестины сгодиться, – молвил боярин, помедлив.

Федор в ответ промолчал, а про себя подумал: «Ты уж и так одного окрестил. Хватит с нас». Но мысль эта мелькнула уже не враждебно. Известно, что время лечит все обиды и потери.

– Молчишь? Тогда какой подарок от меня Марии с дочерью? Проси, чего хочешь? – с лёгкой усмешкой произнёс боярин.

Он стоял на крыльце своего большого барского дома, по своему обыкновению подбоченясь.

– Вольную, боярин, дай всей семье. Ты обещал, Лука Евсеич. Али запомятовал? – твёрдо произнёс Федор.

Лука крикнул, вздохнул и промолвил:

– Я от своего боярского слова не отказываюсь. Но условие прежнее: вы отдадите мне на воспитание сына моего, Юрка. Давно учить его пора.

С этими словами боярин скрылся за дверью... Федор постоял минуту, осмысливая сказанное, и зашагал домой...

Скоро от боярыни Регины пришли плохие вести. В ходе изменившейся обстановки на фронте имение дочери под Таркаем было сожжено, дочь пропала без вести, её муж-литовец погиб в армии Речи Посполитой. Всё это случилось до того, как Регина добралась до тех краёв. Увидев пепелище, она и сама не знает как выжила. Спасибо полковой воевода Хованский помог, отправил её с обозом раненых в Россию, и вот она, наконец, в Москве.

Известие о гибели дочери поразило Луку Евсеича, он слёг.

Хлопоты Карла Ивановича не помогали. Федор съездил в Москву за Региной. И настал момент, когда все были позваны к боярину, включая священника и душеприказчика. Лука Евсеич огласил вольную Марии и всей семье, добавив при этом:

– Я ведь, Федор, эти бумаги приготовил ещё летом, как только мы вернулись из Коломенского, чудом избежав бунтовщиков. В благодарность за спасение моё. Только случая ждал вручить. Да, ведомо, теперь откладывать уж некуда.

Чиновник, в своих служебных книгах исполнив надлежащие формальности, протянул бумаги Луке, Лука же передал их Федору.

– Кланяйтесь, дети, боярину, в ноги кланяйтесь, – всхлипнула растроганно Мария. – Спаси тебя Бог, Лука Евсеич.

– Прости меня, Мария, и ты, Федор, прости ради Христа.

– Бог простит, а мы прощаем! – в разнбой от-ветили Мария с мужем.

В продолжение всего действия Федор не кланялся в ноги и сына своего удержал. Так они и стояли рядом, Фёдор и Миколка, потому что считали себя вольными по закону. Но слова «Спаси тебя Господи, Лука Евсеич» Федор всё же вымолвил, вкладывая в них мысль о душе боярина в мире ином.

Все выжидательно замолчали. Регина стояла в стороне, низко опустив голову, иногда вытирая набежавшие слёзы белым кружевным платочком.

Федор сделал знак своим, чтобы тихонько выходили, потому что боярину стало хуже. Но Лука Евсеич окликнул их тихим голосом и медленно произнёс:

– Фёдор, дядя мой Силантий... тебе наследство... завещал. Всё его владение тебе переходит, – боярин кивнул чиновнику, и тот протянул бумаги – завещание Фёдору.

При этом известии Маша и Федор едва удержались, чтобы от радости не кинуться друг другу в объятия. Они поклонились боярину и тихо вышли. Только удалившись от дома, они дали волю своим чувствам.

Оставшись наедине с Региной, Лука обратился к ней:

– Регинушка, супруга моя верная и любезная, грешен я перед тобою, каюсь: Юрок – мой сын от Марии, а не Владислава, родственника твоего. Лжец я и грешник гнусный. Прости меня, Регинушка, если можешь, – боярин тихо заплакал.

– Не мучайся, Лука Евсеич. Я давно всё поняла сама и простила тебя, душа твоя голубиная. Я прощаю.

Лука Евсеич разрыдался... Регина решительно вышла, обратилась к священнику:

– Батюшка, соборуйте супруга моего для жизни, о здравии прошу...

– Всё выполню, матушка.

И священник вошёл к боярину.

Случилось чудо. Лука Евсеич тогда не умер. Скоро он несколько окреп и объявил, что уходит в монастырь, что слово перед Богом дал тогда, если останется жив. Только пока тайный постриг примет, монах будет в миру: есть еще дела, которые уладить надлежит.

Регина с согласия мужа уехала жить в их московский дом, взяв с собой Юрка и письмо боярина к Богдану Матвеевичу Хитрову с просьбой пристроить отрока на учёбу по его, Богдана, усмотрению.

А семья Федора переехала в барский дом Силантия. Палаты названного отца Федора не были столь богатыми, как у боярина, но они были дороги ему, потому что напоминали ему юность и ещё потому что у него, Федора, и его семьи, ставшей свободной, была теперь своя земля, которая делала эту свободу реальной. А то какая же свобода у человека нищего?

Глава 13

Через Каменный пояс – в Сибирь!

Звезда шла перед ними

Мф. 2, 9

Дела их идут вслед за ними.

Откр. 12

Прошло несколько недель, как Федор покинул дом. С дьяком Третьяком добрались они до Соликамска, снаряжали обоз. Брли с собой несколько пудов ржаной муки, толокна и сухарей с крупой. Хлеба в Сибири было мало. Землепашество только ещё начиналось. Прихватили масла и соли. О пищалях, карабинах, порохе и свинце позаботились. Война в Сибири шла. Наконец, все было готово, и по раннему, но уже крепкому санному пути отправились в дорогу через Каму вверх по Вишере. Остались далеко позади ямские дворы, а скоро и сам Каменный пояс скалистые горы с частоколом хвойных лесов на верхушках их и в низинах.

И вот взору предстало бескрайнее море западносибирской тайги, край густых, непроходимых лесов, растянувшихся на десятки и сотни километров. Тайга здесь тёмно-хвойная. Не разгулявшиеся ещё как следует метели не успели укрыть лапник пушистыми шапками, поэтому тайга выглядела сумрачной. И даже Федора, с детства сроднившегося с лесом, поражало безмолвие в здешних лесах.

– Эко, как всё замёрзло, прямо гробовая тишина, – удивился вслух Федор, обращаясь к Семёну Третьяку.

– Истинно так. Много вёрст привёл меня Господь исколесить по дорогам сибирским. Здесь в глуши даже летом не мочно слышать пения птиц, только под ногами ветки хрустят, – ответил тот.

– Ну, как это? По берегам рек летом и чайки, и утки кричат, охотники, кои за камнем побывали, сказки свои сказывали.

– То по берегам рек.

– Непокоен русский человек, всё его дали дальние манят, пути неоткрытые. Сколь народу, мыслю, на этих путях сгнуло, – задумчиво молвил Федор.

– Землепроходцев много было и есть разных: одни за пушниной в дали дальние пробиваются, другие для государства Русского стараются; одни и пользы принести не успели, как сгнули, других и имена уж забылись. А ты интерес к ним имеешь али просто так, к слову, молвишь? – Третьяк впервые с интересом посмотрен на Федора.

– Да любознание какое-то у меня имеется, особенно к странам дальним и путешествиям. Ещё в детстве читал...

– Грамоте обучен?! Вельми похвально. Кто учителем был?

– Матушка Василиса, игуменья в монастыре, научила и книжицу мне давала про Лукоморье. Будто есть такая страна где-то. То ли быть, то ли небыль?

– Лукоморье? – оживился Третьяк. – Быль! Это расхожее поименование портового города на берегу северной сибирской реки Таз. Она в студёное море впадает. Богатства там великие, добираться туда через тайгу по суше трудно и опасно. Только издали по морю. Вот и обросло то место легендами: то ли сон, то ли явь. А на самом деле там город купеческий старинный, Мангазейи зовётся. Мне ещё приходилось слышать от старожиллов краёв сибирских, что

в конце прошлого века новгородские переселенцы, от Ивана Грозного бежавшие, на судах Студёное море прошли, из него до устья реки Анадыря добрались и в тёплый океан попали – оказалось, там две огромные суши проливом разделены. Новгородское одно судно тот пролив переплыло, к Большой земле за океаном причалило, что Америкой зовётся, и первое русское поселение там основало...

В это время прогремел выстрел. Федор с Третьяком переглянулись.

– Кто стрелял?

– Это с берега! С берега стреляют! – раздались голоса.

Выглянуть сразу не удалось, от испуга лошади шарахнулись в сторону, путников отбросило внутрь возка.

Следом раздались выстрелы и в конце обоза. У животных и людей, успевших выскочить из возков, началась паника. Люди металась на льду. С берега летели тучами стрелы. Число нападавших прибывало.

Две лошади с санями вырвались из круговерти на середину реки, направились к скалистому противоположному берегу. Лёд вдруг провалился под одной, и лошадь быстро исчезла в глубине, потянув за собой возок. Никто не успел выскочить. Другой повозке повезло больше. Она оказалась уже ближе к берегу. И хотя лёд и тут треснул, но, очевидно, внизу была отмель, лошадь ушла в воду по брюхо, голова торчала над поверхностью, и часть возка, и теперь уцелевшие мужики карабкались из воды на него. Остальным удалось миновать опасное место и достичь берега. С противоположной стороны выстрелы прекратились. «Нет им смысла стрелять, не достанут нас, – подумал Федор, – да и мало ружей у них, а стрел не жалеют».

На пологий берег, мимо которого проходил санный путь, продолжали прибывать толпы восставших в меховых одеждах и с колчанами, набитыми стрелами. Казаки отстреливались, прикрывая отход своих со льда. На берегу под хвойными деревьями спешно выпрягали лошадей и прятали их тут же в ущелье, спасали из саней провизию. Казаки залегли здесь с ружьями, приготовились отражать возможную атаку.

– Не стрелять! – приказал казачий пятидесятник. – Бесплезно! Ждать ближнего подхода!

– Да они не сунутся сюда. Дно реки, глубина у скал им известна. Большой массой провалятся. Малой кучей идти – опасаются, – заметил Федор Семену. – Мыслью, вперёд по реке не пробиться нам. Непременно там засаду учинят. Пока не стемнело совсем, вверх гор пройду, укрытие надёжное для всей обороны и для раненых поискать.

– Казака с собой возьми. Один не ходи. Что там впереди – неведомо, – предостерёг его Третьяк, наблюдая, как тот прилаживает к ногам короткие и широкие сибирские лыжи.

– Сейчас в урочище по грудь в снегу провалиться можно, – молвил Федор, заметив взгляд товарища.

– И запаслив же ты, братец. Откуда лыжи?

– У убитого ханта взял, – нехотя буркнул Федор, – и лук и колчан со стрелами тоже.

– Откуда ведаешь, что это хант был?

– Да он перед смертью бил себя в грудь и кричал: «Хант! Хант!» И на тайгу вокруг показывал, что-то ещё лопотал по-своему. Думаю, про землю свою молвил...

– Ты его?

– Нет, он уже был ранен зело, – нахмурился Федор. Ему не хотелось об этом говорить, потому что в душе он был мирный человек. И зверя, и птицу на охоте не бил больше, чем это нужно было для пропитания. – Пошёл я...

– С Богом!

Федор вернулся довольно скоро. Видно, что торопился, весь заиндевелый от собственного дыхания.

– Выше по ущелью, в чащобе, на взгорке острожек заброшенный есть, с башенками, порушен, но восстановить можно. Мыслью, может сам Ермак со товарищи здесь зимовье ставил своё, – улыбнулся Федор.

Снялись с привала быстро. Третьяк загодя приказал всем готовым быть. Двинулись вверх медленно и трудно с ранеными, поклажей, лошадьми. Заслон казаков в ущелье оставили до времени.

Часа через два добрались. В уцелевшей башенке сложили и подвесили припасы (от лесного зверья), в просторной землянке разместили раненых. Здесь же, сделав углубление в земляном полу, Федор развёл малый костёр, ему известным способом сложив дрова так, чтобы жара было больше, а огня мало. Таяли снег – раненые просили пить. Чуть забрезжил рассвет – начали обустройства. Топоры были с собой – заделывали дыры, чинили стены, укрепляли башенки. Рядом с башней установили свою единственную чугунную пушку, повернув её в сторону реки. В башнях заняли места дозорные и стрельцы. Казаки – на стенах. С берега сняли своё прикрытие – казаков. Слишком мало их там было. Всех собрали под укрытие стен острожка. О приближающихся иноземцах были заранее предупреждены дозорщиками. Атака была отбита. Нападавшие испугались пушки. И ушли. Больше атак не было.

Потянулись длинные зимние вечера. Днём опытный Третьяк занимал людишек делами. Он знал, что ничто так не изматывает людей, как вынужденное безделье. Во-первых, ладили лыжи для зимней охоты, восстанавливали часовенку, порушенную кем-то из иноземцев. Повесили в ней привезённые с собой иконы; ближе к весне ладили лодки и принялись доделывать начатый кем-то и брошенный корпус струга. Небольшие артели охотников и рыболовов занимались промыслом, шили паруса и меховую одежду.

Поначалу ещё пели по вечерам песни. Федор до них большой охотник был. Но чем дольше зимовали, тем больше тосковали по дому, семье. А песни бередили душу. Начали искать утешенья в другом...

Однажды Третьяк увязался на охоту с Федором: хоть и не был охотником, но поразмяться решил. А когда через сутки вернулись из тайги, то застали казаков и мужиков безобразно пьяными. Оказывается, как ни прятал от алчных глаз дьяк бочонки винные, прихваченные на случай обморожения или хвори какой, пьяницы их отыскали и наполовину опустошили. Возмущению и гневу Третьяка преде-

ла не было. В ярости он ухватил стрельца Антона Климова за бороду.

– Ты что, сквалыжник, ровно безвестный гулящий человек татевное, краденое вино пьёшь? Ты же самый разумный из них, а в то же скотство впал?! – трепал дьяк Антона, пока не вмешался Федор и не отнял.

– Пошто ты, дьяк, душу мою потряс? И без того тяжко ей! Ну, выпил толику, мне мало-мало легче стало, – заплакал пьяными слезами стрелец. – Пошто меня лаешь?

– И когда сия пьянь на Руси кончится? – молвил Федор, сглаживая неловкость от несдержанности Третьяка.

– Во всём мире пьют. Венецианские купцы когда-то сие зелье в Московию ввезли. А в Англии считается дурным тоном не выпить во время пиршества. Культура нужна.

– Какая?! Где им взять её? – Федор кивнул на спящих.

– Заповеди библейские, Евангелие давно даны. В них всё нужное человеку есть. Вся культура за века, как в солнечном фокусе, собрана. Только не преступай – и от любой пагубы спасёшься! – твёрдо ответил дьяк.

Когда Третьяк немного успокоился, Федор, чтобы отвлечь его от грустных и гневных размышлений, перевёл разговор на другое:

– А что, выходит, Дежнев открыл пролив из Студёного моря в Тёплое, о котором кто-то из людей в тех краях далёких знал и в прежние времена?

– Это так. По русским архивным документам много и ранее казаки-землепроходцы и люди иного звания плавали чрез пролив тот и берега американского достигали. И в казацких сказках на Аляске, помимо алеутов и краснокожих индейцев, упоминаются бородатые светлокожие люди. Эти белокожие «американцы» молились по-христиански и русских людей называли братьями. А заслуга Дежнева велика. Он для всей Руси пролив тот открыл и земли новые под руку государеву подвёл. Был он у нас в Москве, в Сибирском приказе после похода своего в атаманы пожалован.

– Значит, там, на краю света, куды мы идём, не только тайга бесконечная, но и земли богатые обетованные, и океан-море? – протянул молодой казак, который давно уже прислушивался к их разговору, и совершенно трезвые глаза его загорелись любознанием и интересом к сказочным тайнам неведомой земли.

На исходе зимы тоска по дому начала одолевать и Федора. Днём он за делами забывался, а ночами стал спать плохо. Всё перебирал в голове о своей семье, листал книгу памяти. Вот они обустроиваются в доме Силантия. Какое счастье! Свой дом, семья, своя земля и... независимость от барской воли. Здесь, в старом доме, жива ещё душа Силантия, и сами стены помогают Федору выдать из себя последние капли прежней, полухолопской жизни. Постепенно приходит осознание освобождения. Весело стучат топоры, поют пилы, расшаркивается на досках рубанок. Федор с сыновьями строит свой новый дом...

Вот очередной тёплый вечер в кругу семьи. После ужина они, мужики, чинят сбрую для лошадей в ожидании весны, няня (она же и кухарка) укладыва-

ет спать Настеньку; Мария с Ганной, девушкой-беженкой из Белоруссии, нашедшей приют в их семье, – за рукоделием. Федор предлагает им спеть песню. И все поют его любимую: «Вы развеетесь, русые кудри, над моею буйной головой...»

Потом печалится Ганна песнями о своём любимом, с которым разлучена. Все слушают, а позднее и сами поют песни её родной земли...

И, наконец, прощание его, Федора, с семьёй.

– Возьми меня с собой, отец, – в который раз просит Миколка.

– Нет, сын, ты остаёшься за старшего, вместо меня в доме...

Настенька, его маленькая доченька, сидит на руках у матери в голубеньком платьице в белый горошек с кружевной оборочкой. На головке белая косынка, завязанная на макушке шапочкой (Машенькино рукоделие). Дочь тянется к нему. А он, Федор, уже на коне. Маша отдаёт дочку на руки Миколке, а сама бежит, бежит за мужем вдогонку. Он осаживает коня, наклоняется с седла и прилюдно крепко её целует.

– Береги детей. Я вернусь!

Пришпоривает коня и скачет, уже не оглядываясь.

...Зимовью в тайге с его борьбой за выживание, с цингой, голодом, холодом, унынием, хищным лесным зверьём и набегами местных племён подошёл конец. Спущен на воду струг и лады, кочи.

С верховий реки Туры добирались вдоль скалистых, по-таёжному тёмных обрывистых берегов до Тюмени, потом до устья Туры, на Тобол. Дорога водная была трудная, заняла не один месяц.

На высоком берегу Иртыша предстал пред ними город-крепость Тобольск.

Сам архиепископ Сибирский и Тобольский Симеон и воевода Максим Годунов с почтением встречали дьяка Сибирского приказа Семёна Третьяка Башмака. Дьяка и Федора разместили в воеводских палатах. Отдохнув с дороги, они отправились в старый деревянный храм, ровесник Кремля. Возблагодарили Бога за благополучное окончание пути. Затем дьяк удалился вместе с воеводой для обсуждения тревожного положения дел в связи с восстанием и тех мер, кои следует предпринять Тобольску, столице Сибири, для усмирения мятежных. Положение усугублялось тем, что возглавлял восстание Давлет Кирей, внук известного со времён Ермака хана Кучума: Давлет вознамерился восстановить власть.

При подходе к Тобольску наши путники заметили за собой слежку тунгусов с плотно подступающих к воде крутых лесистых берегов. Иногда дозорщики стояли на возвышенных площадках открыто, с оружием в руках.

– Мыслию, за собой силу чувствуют, – молвил Федор, кивнув в их сторону.

Третьяк лишь мельком взглянул на натянутые против его каравана луки и скомандовал своим:

– Не стрелять! Государь повелел мир учинить с племенами иноземными. Сибирский хан многих из них силой против нас ведёт!

Так и проплыли в молчаливом напряжении, держа оружие наготове. И как хорошо, что в эту тишину не внедрился чей-нибудь гортанный или сла-

вянский, певучий возглас. И не прервал молчания.

Иногда и небольшой горсти щепы, вброшенной в тлеющие угли, достаточно, чтобы надолго загорелось пламя взаимной вражды...

По просьбе Федора дьяк Третьяк вызвал чиновника из Приказной избы и распорядился:

– Здешнего ссыльного польского шляхтича Владислава разыскать и передать в руки ему (он кивнул на Федора) до вечера. Вреда сему поляку не чинить. Исполняй немедленно!

Не прошло и часу, как Федор с Владиславом уже сидели в кружечной – в государевом кабаке, поименованном ещё простолюдинами «кружалом», за беседой. Держался шляхтич по своему обыкновению заносчиво. Хотя по всему видно было, что рад Федору и его гостинцам, а больше всего – деньгам от Регины.

– Ты, господин хороший, одежку справь себе теперь. Негоже так ходить, – молвил Федор хмелеющему Владиславу.

– Я смотрю на тебя и в толк никак не возьму. В тебе что-то изменилось. Ты стал другим: холоп, а господином держишься.

– Согласен, не холоп я и никогда не был им по закону. А что господином, молвишь, тебе кажусь, так Силантьеву мне и моей семье пришло. И боярин вольную всем нам дал.

– Да что ты?! Всё-таки отдал тебе Лука всё завещанное отцом твоим названным! – шляхтич хлопнул кулаком по столу. – Долго же он мучался: отдавать – не отдавать. Всё-таки поместье, хоть и малое, но родовое. Он ведь загодя на тебя его оформил, а всё тянул. Да, видно, греха всё же побоялся. Ведь божились дядьке своему.

– Не злоумышлен вовсе боярин Лука, таков уж он по природе своей колеблющейся. Зело долго с грехом иной раз борется, дабы себя самого победить. Но божье всё же верх в нём берёт гораздо чаще. А что наследство от Силантия не вельми богато, так мне много и не надобно. Сам Силантий в том пример. Не в том истина, чтобы богатеть безмерно. Не ведаю, что уж ты, Владислав, высмотрел во мне. Я, каков был внутри души своя, таков и остался. Разве что, как вольную дал боярин семье моей, так радостнее жить стало, – улыбнулся Федор.

– Вот давай и выпьем за это! – пододвинул Владислав ему кружку. – Давай!

– Нет, не охоч я до этого! Твёрдо слово моё, и не уговаривай, – прервал Федор неприятную светливость шляхтича.

А тот стал далее просить, чтобы замолвил он за него перед дьяком, чтоб в ссылке облегчение было. Федор слушал рассеянно, согласно кивая (наперёд знал, каковы просьбы будут), а сам всё силился вспомнить, кого же напоминает ему черноволосый детина, сидящий напротив за столиком спиной к нему. Всего один раз обернулся он на голос Федора – рассмотреть нельзя было.

– Да ладно, пустое, – промолвил Федор.

– Что пустое? Что пустое? – встрепенулся Владислав. – Попросишь за меня – тайну тебе выдам, кто истинный отец сына Марии твоей. Много казны за это спросишь с него.

– Ты Марию мою и Юрка не трожь словом худым. Все тайны от неё самой знаю. И хулу возводить

на семью мою никому не позволю, – Федор встал.

– Ну, виноват, виноват. Не гневайся. Помоги мне, прошу, худо мне здесь, – заволновался шляхтич, голос у него задрожал. – Ладно, Крижанич Юрий помогает.

– Полно плакать. Не юли предо мною. Сказал: помогу! На-ко ещё от меня, не пропивай, на одежду даю! Эко во что облачиться, – Федор дал ему горсть монет. Глаза стражника, появившегося у столика, жадно блеснули. «Отберёт», – подумал Федор и пригрозил тому:

– Смотри, за воровство своё сам вместе с ним ровно последний тать сядешь. Розыск показал, что на него навет облыжный.

– Смекнул? Слыхал, чё те дьяк молвил? Вреда не чинить!

– Слыхал, не извольте беспокоиться.

– Мы ещё увидимся, Владислав. Письмецо для Регины-боярыни приготовь.

На улице было уже темно. Федору захотелось оглядеться окрест с крутого берега Иртыша. Он знал, что на противоположном берегу во времена Ермака была когда-то столица хана Кучума – Искер. Но света фонарей с башен и стен кремля было недостаточно. Федор не заметил, как следом за ним от «кружала» скользнули две тени. Он стоял на высоком берегу, смотрел вниз, вдаль, но всё на расстоянии нескольких метров утопало во тьме. Внизу шумел Иртыш.

Федор возвращался вдоль кремлёвской стены, когда из-за тёмного её выступа на него сзади набросился человек. Детина был здоровый, но он ловко выкрутился из его цепких лап.

– Пусти, нет большой казны у меня, что проку тебе, – Федор подумал, что это вор.

– От меня не уйдёшь, шайтан. И здесь выследил. Теперь конец тебе.

– Идрис! – выкрикнул Федор. В памяти молнией обозначился Синбирск, поджог арсенала, немецкая и его сообщник Идрис, сбежавшие из-под караула по дороге в Московский Казанский приказ. – Так вот где ты объявился!

– А я и не пропадал. Свои выручили. В чести я теперь у нашего сибирского хана Давлета.

– Значит, в соглядатаях тут. Каков твой умысел злой?! Не бывать тому! – Федор бросился на врага, но ловкий татарин успел выбросить вперёд руки и сомкнуть их на шее Федора, перед глазами у него поплыли красные круги. «Одолел враже», – мелькнула последняя мысль у теряющего сознание Фёдора. И это бы наверняка случилось (силён был батыр!), если бы оба в ярости не забыли, что топчутся у края огромного обрыва, за кремлёвской стеной. Ещё мгновение – и они свалились с крутизны вниз. Идрису повезло меньше: падая, он дважды ударился головой о камни и затих, распластавшись на земле. Федор на краткое время пришёл в себя, когда почувствовал, что кто-то плеснул ему в лицо водой. Открыл глаза и... увидел склонившееся к нему лицо немца, синбирского татя. Но в голове снова зашумело, и сознание провалилось в небытие. Федор уже не чувствовал, как его тянет за собой в укрытие немец (в кусты под скалой), и не слышал, что воздух уже гудит улюлюканьем и визгом подступающих к городу сибирских ордынцев и Давлет Кирей кричит

своим воинам: «Пусть древняя столица моего деда, хана Кучума, – Искер вдохновляет вас, батыры, против неверных. Я верну великое ханство Кучуму!»

Испуганный немец Август усердно прячет ослабшего Федора и прячется сам. Дикая вольница пугает его больше, чем русский воин.

Глава 14

Русь мятежная

*Возвращайтесь, мятежные дети,
и Я исцелю вашу непокорность.
Иер. 3, 22*

Мария долго оплакивала без вести пропавшего в Сибири Федора. Позади остались многолетние хлопоты, в надежде что-либо узнать о его судьбе. Побывали они с Лукой Евсеичем и в Московском Сибирском приказе, и в Чудовом монастыре, где сначала добровольно принял постриг (после сорокалетней службы в приказе) Семён Третьяк Башмак, получивший монашеское имя Савватия-старца.

Все усилия оказались напрасными: от Федора вестей не было. И Машенька положила на волю Божию, не потеряв надежды, что муж её жив и, возможно, находится в плену.

Однажды, когда сыновья были в поле, а Мария с Настенькой и нянькой собирали поздние яблоки в саду (Ганна после того, как было заключено с Польшей Андрусовское перемирие, уехала к себе на родину, в Белоруссию – там нашёл её старший брат), из-за ограды их окликнул монах.

– Хозяюшка, письмо вам прислано с нарочным, отец Феодосий велел сказать.

Не помня себя Маша побежала в монастырь. Спустя некоторое время она уже сидела на траве у стены обители и горько плакала. Письмо оказалось не от Федора. К ней подошёл игумен Феодосий и тихо положил руку ей на голову:

– О чём печалишься, раба Божия?

– Письмо... думала от мужа... не от него...

– Так и не было вестей? Добрый христианин муж твой. Пойдём вместе помолимся.

В церкви ощущалась торжественная окрылённость. Шло причастие. Через некоторое время игумен вошёл в алтарь, опустился на колени перед святым престолом и погрузился в глубокую тишину внутри себя.

Мария, забыв о собственной молитве, с изумлением смотрела на батюшку: великое Преображение шло сейчас из-под купола храма через игумена Феодосия – это невозможно было передать словами. Она только почувствовала в себе непререкаемый запрет: «Сие нельзя никому поведати».

Отец Феодосий встал, подошёл к ней, благословил и тихо молвил:

– Жив твой Федор. Сердцем чую. Держи его верой и молитвой своей! Даст Бог – ещё встретитесь. А вестию, – он указал на скомканное письмо в руке Марии, – не отвергай. Во всём промысел Божий.

Нет, как можно. Это же от Ивана, брата названного, из Синбирска!

– Сейчас там мятежный Стенька Разин, бушует пламя и страсти лютые. Умири, утиши их, Господи! – игумен перекрестился и удалился.

Дома Мария позвала сыновей – читать письмо. Листов было несколько, написанных на разной бу-

маге и в разное время. Разложили по порядку.

Письмо первое.

«Свет мой сестрица Мария, чада твои любезныя!

Пишу сие посланьице и зело страшусь. Вор Стенька Разин на двустах стругах приступил к Синбирску, да ещё по берегу Волги, молвят, пришло до двух тысяч конницы.

Вот скоро месяц нашего Синбирского сидения в осаде. Мы в Кремле вместе с окольным воеводою Иваном Милославским. С нами головы стрелецкие, солдаты и иных чинов людишки. Есть и чужеземцы. Два рейтарских полка: немцы, поляки, шведы... И другие.

А вор Стенька Разин синбирский острог наемни взял. Измену там вои наши учинили. Ночью для виду только пыжами постреляли, а потом сами в рога ворота отперли. И почали вместе с разинцами своих же бывших товарищей рубить, кои с изменой не согласны были. И не только их, но детей и жёнок.

Мы покуда в Кремле держимся. Колодцев нет, а запас воды убывает. Дают уж по-малому. Пить хочется. Четыре раза Разин шёл на приступ кремля, но напрасно.

Устояли вои храбрые. Обаче че Стенька тот удумал, приказал насыпать вал из землицы вровень стены Кремля. И бросают в нас с того вала поленья с полымем и пучки соломы огненные. Но дондеже Бог от больших пожаров уберёт...»

Далее письмо обрывалось, потом сбоку была приписка:

«Пишу снова. Бегал головёшки горящие разинские растаскивать. На валу – ужас. Убиенных тьма с обеих сторон»...

Остальное было смазано сажей, кроме последних слов: «...литесь за мя грешного. Иван».

Другой исписанный лист долго думали, куда относится. Потом по дате в конце поняли: к первому начальному.

«А пишу вдругорядь. Вчерась что приключилось, даже страх молвить. Был у нас крестный ход вдоль стен кремлёвских. Во главе шли протопоп наш и воевода. Несли крест, украшенный жемчугом и камнями драгоценными, что граду Синбирску сам царь подарил. А дале, молвить боюсь, пуля, пущенная Разиным, попала в крест и след глубокий в нём оставила. От ужаса сего мы светопрествления ждём скорого. Теперь не быть живу вору сему. Господь покарает его.

А монастырь Успенский порушен разинцами. Всё разорили и утварь растащили безумные. Сентябрь, лета 1670. Иван».

Письмо второе.

«Возлюбленная сестрица Марьюшка! Не сподобил Господь меня первое письмецо отправить. Не случилось оказии.

Пишу вам, светы мои, из глубины зла человеческого. Но поначалу о другом.

В ночь с третьего на четвертое октября кончилось наше сидение.

Синбирск освобождён. Первого числа прибыл князь Борятинский с полками с Казани. Страшен был бой с Разиным за рекой Свягой, что в двух верстах от Синбирска. Тут вора стала настигать кара Божия. Стенька ранен был, чуть не пленён, да бежал

в острог. А ночью третьего снова на город с двух сторон напал. Сила несметная у него, сказывают, тысяч двадцать, да кажин день новые с разных мест прибывают, разного роду-племени: русские, мордва, татары, черемисы, чуваша. Аки ад сеча была. Ночь, а светло от огня и пожаров страшных. Разин стрелял в нас, в Кремль из пушек с вала земляного. Больше всего боялся я за иконы древнего письма, что в Свято-Троицком храме государем подарены, кабы не погорели. Но Бог сохранил, и мы устояли хоть и из последних сил. А уж страху насмотрелся кругом – кровь рекой и вопли человечьи.

Воевода князь Борятинский воинску хитрость употребил. Послал Чубарева с полком за Свиягу. Пошумели там зело. Вор думал, новые полки царские пришли, испугался, сел с казаками в струги и поплыл вниз по Волге. А остатным здесь смутьянам: астраханцам, саратовцам и белоярцам – наказ дал стоять у града Синбирска по-прежнему. Борятинский встал с конницей в поле, возле стен крепости, а Милославский с другой стороны пошли на острог. Он запыхал огнём беспощадным. Адским огнём погорели мятежные, кои вырвались, убежали. Не приведи Бог на этой земле Синбирской ещё такое видеть. Молитесь за нас. Иван».

И последние письмо, отчаянное...

«Письмецо сие пишу в великой печали. Вои вершат здесь многое кровопролитие и многих губляют. Истинное ноне здесь светопреставление. В плен, молвят, попало под Синбирском шестьсот бунтовщиков. Весь берег Волги уставлен виселицами, а по реке на судах пущены плавучие, для устрашения. Иные четвертованы али на колья посажены, где до трёх дён мучаются. Кругом валяются усечённые человечьи головы, кровь по земле, аки вода после ливня. Ноги людей и лошадей скользят. Скорбит душа моя, всё сие невыносимо. Страшитесь, христиане, дабы такого ни с той, ни с другой стороны боле не повторять!..

Бегу куда глаза глядят. Хошу пока с обозом, койи вслед за полками князя Борятинского по за сечной черте в сторону Карсуна идёт. Ваш Иван».

Ниже – приписка.

«Но и здесь за полками карательными след кровавый тянется. Что ропщешь, душа моя? Говорят, Господь не даёт человеку крест не по силам. Пошто мой-то так тяжек мне оказался? И что ждёт меня впереди?

А должен я к месту сему притчу вспомнить, что отец Макарий (из Успенского монастыря) любил повторять.

«Не бойтесь завтрашнего дня. Довольно для каждого дня своей заботы (Мф. 6, 34)... Завтрашний день сам о себе позаботится. Помните, что сила даётся не на завтрашний, а на сегодняшний крест. Один человек, глубоко удручённый, поведал другому свои заботы и спросил: «Почему мне так ужасно тяжело?» – «Потому, – ответил тот, что ты вместе с настоящей ношей захватил и будущую и несёшь эту будущую ношу своей силой, не Божьей. Своя сила гнетёт беспомощностью, а Божия сила поднимает всемогуществом».

Так вот, светы мои, сам себя и утешил. Буду уповать на волю Божию. Октябрь, 1670. Иван».

И ещё строк несколько внизу, коряво приписанных.

«Свернул с Карсуна на Промзино, к горе святой Никольской. Лежу на паперти храма монастырского. Кто-нибудь, заберите меня, ради Христа. Дома умереть хочу. Иван».

Всех домочадцев письмо повергло в уныние. Ночью братья долго не спали. Если бы Марьюшка не была занята хлопотами вокруг дочери, она бы слышала разговор сыновей:

– В поле управились уже, – голос Юрка.

– За неделю-две обернёмся, лошадей и харчей в дорогу, – это уже добавляет Миколка.

Когда наутро позже обычного Мария проснулась, в доме почувствовала какую-то необычную тишину. Она окликнула детей – в ответ молчание. Кинулась в конюшню – двух жеребцов на месте не было.

– В поле, что ль, на зорьке? – подумала женщина. – Нет, там уже делать нечего. Ноябрь у ворот.

Кликнула Яна, который делами по хозяйству управлял.

– Сыновей не видел? Куда верхом подались?

– Проснулся от топота копыт раным-рано. Думал – почудилось.

Мария снова поспешила во двор, вышла за ворота, на дорогу смотрела, прислушиваясь. Тихо. Задрогла, вернулась домой и тут в горнице увидела записку на столе: «Мы поехали за Иваном. Не сердись, что без спросу. Ведомо мне, что не благословила бы, но... дядька Иван пропадёт без нас. Юрок».

А рядом приписка: «Ты, матушка, не кручинься. За Юрком догляжу. За самоуправство не гневайся. Поразмысли – что бы отец молвил, коли бы мы дядьку Ивана в беде бросили. Миколка».

Марьюшка так и села. Заплакала от досады: и мужа нет, и сыновья сбежали! Потом приоделась и отправилась в боярский дом.

После того, как Лука Евсеич принял постриг «монах в миру», Регина жила в Москве, изредка навещалась в Санаксар. Присматривать за мастерской кружевниц просила Марию как вольнонаёмную. Та согласилась, потому что любила кружевное рукоделие и была в нём истинной Марьей-искусницей. Да и отблагодарить хотела чем-либо Регину, потому что та опекала в Москве Юрка, который зимой учился там в школе при Заиконоспасском монастыре, где готовили чиновников для московских приказов. А ещё по воскресениям занимался в иконописных мастерских в Оружейной палате. У Юрка были способности к художеству. Лето проводил у матери в поместье.

Мария подходила к боярским хоромам, ничего не замечая вокруг, вдруг почувствовала пристальный взгляд на себе, обернулась: Лука!

– Чего очи-то наплаканы? Ай обидел кто без Фёдора? Случилось чего?

– Случилось. Дети из дому сбежали!

– Сбежали? Как? Куда?!

– В Промзино-Городище. Иван там, весть подал. Болящий он. «Пропаду», – пишет. Вот и ринулись на выручку, глупые, кругом война! И сами сгинут, и Ивана не спасут! Что делать-то мне? Подскажи!

– Как Иван туда попал? Каким ветром его на Суру занесло?

– Сперва в Синбирской осаде сидел. Потом от кровавых ужасов к святой Никольской горе устремился, грехи людские там перед чудотворной иконой замаливать.

– Верхами ушли?

– Да, двух жеребцов нет.

– Погоню пошлю следом. Далеко не уйдут, верну... А всё этот ваш сквальжник Миколка. Чаю, подбил Юрка на такое. Сам бы он не додумался.

– Мыслью супротив слов твоих. Юрок с измальства к Ивану прилип. Не бросит его в беде, – Марьюшка снова вытерла набежавшие слёзы.

– Полно, не кручинься, горяша. Ты-то как? Хоть бы заглянула. Совсем один я. Захворал что-то. Мочи нет. А рядом ни жены, ни детей. Посидели бы тихо с миром, поговорили. Что молчишь-то? Чать, не совсем чужие. Сын у нас с тобой растёт. Я ему уж и место в приказе Посольском сготовил. Сначала в мелких чинах походит, а там и в люди выйдет.

– Боярин, – прервала его Мария, – Лука Евсеич, Христом Богом молю, пошли скорее погоню за сбежавшими. Пропадут ведь. По лесам мятежники скрываются. На лошадей и то позарятся.

Боярин крикнул управляющего и распорядился готовить лошадей и охрану. Сам ненадолго скрылся в своём доме. Вернулся, показал Марии конверт:

– Тут записка Юрку, всё ж опекун я ему, с согласия Фёдора.

– То ведомо мне.

Спустя малое время несколько всадников покинули поместье. Они направлялись в погоню.

А в это время Миколка с Юрком уже миновали Саранск. Двигались в пределах Мордовской земли. Они держали направление в Присурье. На этой земле в августе 1552 года по велению Ивана Грозного были основаны сторожевые города Промзино-Городище на реке Суре и город Алатырь в устье одноименной реки.

Чем ближе были наши беглецы к цели, тем явственнее слышны были пушечные выстрелы и вместо отдельных беженцев встречали их уже толпами. Днём Миколка с Юрком старались продвигаться краем леса. Но скоро поняли, что сбились с пути. Быстрый и ловкий Юрок вышел на дорогу, присоединился к беженцам, чтобы узнать дорогу. Здесь в потоке народа были и русские, и татары, и мордва. Все спасались бегством из схваченного огнём Алатыря.

– Что в крепости горит и огонь бежит куда глаза глядят? – спросил Юрок подростка, с виду своего ровесника.

– Ай ты не нашенский, с Луны свалился! Не знаешь, что Стенька Разин, когда ещё под Синбирском стоял, в наши края своего воровского атамана Осипова Максима послал. Он всех людишек баламутил, себя царевичем Алексеем объявил, потом наш город захватил, разорил и зажёл.

– А страху, страху-то натерпелись и нагляделись – вступила в разговор его сестрёнка. – Наш воевода Акинф Бутурлин...

– Да воевода наш вместе с женой и детьми и со дворянами в церкви заперлись. Осипов, вор, ту церковь поджёг. Так заживо все и сгорели.

– Мамаия молвит: креста на верхах тех нет. Вот страхи, вот страхи-то, – уставившись в одну точку.

Как будто видит всё это заново.

В это время Миколка вышел из леса и встал рядом с Юрком.

– А вы куда? Неужто в Алатырь?

– Нет, нам в Промзино-Городище, – радостно объяснил Юрок.

– Вон там к бору сверните, держитесь его и выйдете на тракт. Он из Синбирску через Промзино на Москву идёт.

Из гущи беженцев детей окликнул женский голос, они побежали.

Юрок с Миколкой вскочили на лошадей и помчались в указанном направлении на Промзино. Едва они достигли бора и проехали несколько времени вдоль опушки, как услышали призывное ржание чужой лошади из лесной гущи. Раздался свист, и впереди в дерево воткнулась стрела. Не дожидаясь худшего, братья пришпорили лошадей. Долго скакали. Начало смеркаться. Впереди свинцовым блеском обозначилась гладь озера.

– Здесь заночуем, – по-хозяйски распорядился Миколка.

– Тут место открытое, боязно, – удивился Юрок.

– Ничего, в кустах в овражке лошадей привяжем. А сами рядом. А что открытое – хорошо: ворогов и волков увидим сразу. Да и в лесу комарьё.

Вечер был тихий. На озеро пал туман. Но вдруг рыбица взыграла, тут и там раздавались всплески, мелькали рыбки тушки над водой, и всё это сопровождалось долгим лягушечьим распевом. Братья без особого труда наловили рыбы: красного карася, леща, жериха, щуку и двух сазанов. Под прикрытием бережка развели костерок, сварили вкусную уху. И ещё запекли несколько рыбиц над костром, чтобы взять с собой в дорогу. Ночью спали по очереди. На рассвете выехали, скоро добрались до тракта: он лежал через село Ждамирово. От встречного крестьянина узнали, что село принадлежит князьям Урусовым, что оно в семнадцати верстах от Алатыря.

– А на Промзино прямо по этому тракту, ещё более двадцати вёрст, – объяснил мужик.

Наши герои сначала ехали медленно. Дивились красоте здешних мест. Особенно восхищался речистый Юрок:

– Гляди, Миколка, бор сосновый что богатырь стоит! Место лучшее!

– Видали мы и в Синбирске места чудные, – вымолвил наконец молчаливый Николай и добавил: – А пошли галопом.

Они обгоняли беженцев, повозки торговцев, перевозивших товары. Наконец, достигли и пристани на Суре. Здесь толпы народа, сложенные штабелями мешки с зерном, с готовой мукой, смолотой на богатейших барышских мельницах. Здесь же ждали своей очереди грузчики с кирпичами и ящиками со свечами.

Юрок и Миколка пробирались мимо людей: стоящих, сидящих, лежащих на своих мешках, котомках, охраняющих корзины или свои деревянные чемоданы; хныкающих детскими голосами, орущих пьяными глотками, кричащих, что-то доказывающих друг другу.

Из этого многоголосья вдруг вырвался звук шарманки, и зычный голос слепого певца запел балладу:

– А и было, братцы, это
 Во суровом году, во суровом году,
 В лето давнее.
 До похода ещё Ивана Грозного
 Во татарский стольный град,
 Во Казань город...
 Налетели татарове кубанские
 На красавицу Суру
 И на Промзино-Городище...
 Гора Белая ярко светится,
 А во славе там
 Святой старец стоит
 Со мечом в руке...

Заслушался Юрок певца: о явлении на Белой горе Николы Чудотворца и как от мест сих в страхе бежали вороги...

Миколка окликнул брата – дальше идти, Ивана искать. Взяли они снова под уздцы коней и в потоке людском пошли к горе, что Никольской зовётся.

– Куды вы с конями на святую гору, – с насмешкой спросил один из зевак-подмастерий в белом фартуке, стоящий у дороги.

– Нам в Николинскую мужскую пустынь, – отозвался Миколка.

– Ну, тогда за этим забором в переулок.

Рисунок Льва НЕЦВЕТАЕВА

Подшли к монастырскому храму белокаменно-му. Несколько монахов возились у бочек с побелкой, тут же на траве лежало с десяток сосновых брёвен, аккуратно сложенных штабелями. Сбоку церкви один из чернецов, стоя на лестнице, подновлял писанную на стене икону, защищённую сверху луковкой – карнизом, увенчанным крестиком. Два других монаха внизу готовили ему краски. Рядом на скамье Иван, согбенный, в монастырском одеянии, он опирался головой на изогнутую палку, которую держал у лица. В нём чувствовались немощь и одновременно отрешённость от мира сего. Погружённый в свою думу, он не обратил внимания на подошедших. Его окликнул Юрок именем, привычным с детства:

– Иван... дядя Иван! – поправил сам себя юноша.

Иван вздрогнул и обернулся на знакомый голос, не веря сам себе.

– Дядя Иван, не признал, что ль? Это я, Юрок, сын Федора, и Миколка, брат, со мной.

– Ах ты радость-то какая! Услыхал Никола святитель молитву мою. Сотворил Чудо!

– Мы за тобой приехали.

– Приехали за мной?! – Слёзы выступили из его глаз, дрожащими руками он ощупывал голову склонившегося к нему Юрка. – Экий ты большой стал, миленькое дитятко! А это сын Федин, что в Синбирске отыскался? А я помыслил уж, что никому не нужен стал...

Сборы задержались. Игумен разрешил взять старую телегу для Ивана. Целый день братья её чинили. Вечер провели в трапезной монастыря, а поутру отправились в путь, благословившись у местного чтимого старца.

В то время многие из уцелевших разинцев скрывались по лесам, иногда сбивались в небольшие отряды и разбойничали на дорогах. В один из дней осторожного пути вооружённые чем попало оборванцы неожиданно высочили на лесную дорогу из засады, но лошадей схватить под уздцы не успели. Миколка опомнился, хлестнув каурых, и они понеслись, уходя от погони. Неизвестно, чем бы всё кончилось для наших героев, если бы из-за кустов не захлопали выстрелы в нападавших. Это остановило плохо вооружённых разбойников, да ещё истеричный крик их атамана:

– Айда, робяты, на Астрахань пробиваться будем, она ещё наша, разинская. А которые ноне на нас стоят, тем мы ещё покажем, где раки зимуют, а пока потерпим, горюны!

– Потерпим!!! – откликнулось несколько голосов...

Какова же была радость Миколки и Юрка (Иван лежал в телеге ни жив ни мёртв от нового испытания), когда их спасителями оказались посланные вдогонку Лукой Евсеичем стрельцы из охраны.

– Юрок, – окликнул младшего из братьев крепкий молодой стрелец по прозвищу Дитина, – тебе вернуться велено.

– Кем?

– Боярин приказал.

– Он мне давно уж не указ, вольные мы.

– Да матушка твоя извелась от слёз. А мне боярин грозился, коли тебя ему не верну, то голову мне с плеч долой. Где же деться мне теперь? Вот тут письмецо тебе.

Юрок стал читать, а Миколка в это время озабоченно о чём-то договаривался со стрельцами.

– Лука назад меня требует. В Москву мне надобно. Должность там он мне при Посольском приказе сыскал, да и Богдан Матвеевич спрашивал, я у него в Оружейной с изографами в учениках. Мать укоряет. Сразу оба сына убегли, на кого оставили? – растерянно доложил Миколке Юрок.

– Ты, брат, возвращайся со стрельцами домой, а я с Иваном – в Синбирск. Не довезём его до Санаксара, плох он. Дорога к дому опасна. Они с трудом пробилась, а мы с тобой – чудом, мыслю, по молитвам дядьки. В Синбирске бабку Серафиму передаю, окрепнет Иван, вернёмся с ним.

Некоторое время проехали все вместе, потом расстались на развилке дорог. Шёл конец ноября 1670 года.

Окончание в следующем номере.

ДОРОГИ
ПАМЯТИ ВОЕННОЙ

Любовь ПАПЕТА, прозаик, журналист, дизайнер.

Родилась 7 июля 1957 года в г. Симферополе (Крым).

С 1977 года живет в Ульяновске. С 2006 года – член Союза журналистов России. Работала в газетах «Град Симбирск», «Мозаика», «Аргументы и факты». Рассказы публиковались в журналах «Карамзинский сад», «Литературный Ульяновск», «Симбирск».

Работает в издательском отделе областной библиотеки для детей и юношества им. С.Т. Аксакова.

ИВАН СТЕПАНОВИЧ

Страницы родословной

Из цикла «Светлые рассказы»

Наши дни

Файл никак не хотел открываться. Наталья Михайловна нетерпеливо постукивала ноготком указательного пальца по мышке... Похоже, она перестаралась с фотографиями. Компьютер завис.

– Надо пересмотреть всё в фотошопе. Видимо, какую-то фотографию импортировала в «Корел», не подогнав по размеру, – подумала она, перезагружая ноутбук.

Ещё работая в газете, Наталья хорошо освоила почти все дизайнерские программы. Она самостоятельно могла сверстать книгу, газету, журнал, сделать дизайн обложки. Тихо рассмеявшись, она вспомнила, как поначалу не любили с ней работать штатные верстальщицы. Какая-то журналистка будет указывать им, профессионалам, как разместить иллюстрации на полосе или как обработать фотографии... Со временем поняв, что верстать полосы с её материалами легко и быстро, девочки стали соперничать за возможность поработать с Натальей Михайловной.

Действительно, журналистка приходила с уже готовым планом размещения материалов на странице. Заголовки, подзаголовки, выноски, врезки – всё было подготовлено и выделено. Оставалось только поместить текст и поставить всё на заранее определённые автором места. На вёрстку полосы уходило не более 15-20 минут.

Но сейчас Наталья Михайловна занималась не газетной полосой. Она пыталась реализовать давно задуманную идею – составить родословную своей семьи. И вот теперь файл не хотел открываться...

Пока компьютер раздумывал, она разложила перед собой несколько фотографий. Пожилая женщина сидит, сложив крупные натруженные руки на коленях. На голове женщины пёстрый платок, повязанный под подбородком. Кофта в мелкий рисунок, клетчатая юбка. Это прабабушка Настя – мать Наташиного деда Степана, отца матери. Бабушка Настя умерла в возрасте 102 лет. Фотография 60-х годов прошлого века.

А вот Иван – старший брат мамы. Красивое умное лицо. Светлый, слегка кудрявый чуб падает на высокий лоб. Иван пропал без вести весной 1942 года под Смоленском.

Мама и бабушка Наташи много лет пытались найти брата и сына. В 60-е годы многие, кто надеялся на чудо, посылали письма писателю и общественному деятелю Сергею Сергеевичу Смирнову. Он и его помощники – «комитет по делам справедливости» (так называли их в народе) – занимались поисками пропавших без вести. Многих удалось найти, но след Ивана затерялся...

Ранняя весна 1942 года. Где-то под Смоленском

Снаряды ложились всё ближе. Бойцы старались зарыться в землю как можно глубже, но копать её маленькой саперной лопаткой, да ещё лёжа было очень непросто.

Иван почувствовал, что кто-то хлопнул его по спине. Приподняв голову, увидел сослуживца Матвея – весёлого кудрявого парня, любимца всей роты. Лицо его было таким бледным, что серые точки прилипшей земли казались угольно-черными. Он прошептал белыми губами:

– А что если быстро перебежать в ближайшую воронку? Говорят, что снаряд не попадает два раза в одно место...

Оглядевшись, Иван увидел, что несколько человек так и делают – ползком и перебежками передвигаются навстречу разрывам. Сжав руку Матвея, он тряхнул головой и отчаянно прохрипел: вперёд!

Они скатились на дно ещё дымящейся воронки, а следующий снаряд разорвался именно там, где они были пару минут назад...

Можно было немного перевести дух. Матвей дрожащими руками пытался открутить пробочку фляжки. Пальцы не слушались. Он протянул флягу Ивану – открой. Из ёмкости пахло спиртом. Уже пришедший в себя Матвей сказал:

– Докторша новенькая отблагодарила.

Иван не стал спрашивать, за что такая благодарность. Все в роте знали, что девушки и женщины – связистки и санитарки, а также поварихи и прач-

ки – любили Матвея за песни, прибаутки, а также за его деревенскую безотказность. Принести воды, нарубить дровишек, затопить дымящую печь – пожалуйста! Да ещё и прижать какую быстроглазую к этой самой тёплой печке, да прошептать ей на ушко:

– Наденька, ты сегодня пахнешь ромашками...

Разве женское сердце не дрогнет после этого?

Горло обожгло, дыхание перехватило. Иван осторожно потянул воздух носом. Тепло прокатилось от горла по всему телу. Напряжение немного отпустило. Завинтив крышечку фляжки, он протянул её напарнику, кивнул: спасибо.

Снаряды рвались уже далеко позади них. Скоро должны были пойти в атаку танки. Затяжные бои под Смоленском в январе-феврале 1942 года остановили стремительное продвижение вражеских армий к Москве. Правда, далось это Красной армии тяжкой ценой – погибших и раненых более 29 тысяч...

Зато удалось вклинить между двумя вражескими армиями на 250-300 км и нарушить между ними взаимодействие. Это дало некоторую передышку советским войскам и к весенней распутице позволило подтянуть резервы – материальные и людские.

Неожиданно стало тихо. Матвей и Иван даже не сразу поняли, что артиллерия прекратила обстрел. Но вдруг задрожала земля. Бойцы, лежавшие в воронке, почувствовали это всем телом. А потом, всё нарастая, покатился рокот танковых моторов.

Приподняв голову над краем воронки, Иван увидел, что из соседнего углубления в землю машет руками кто-то из бойцов. Прислушавшись, он сквозь грохот услышал: командир ранен.

Перед самой войной Иван закончил медицинский рабфак в Астрахани. Правда, он готовился стать зубным врачом, но курсы оказания первой медпомощи им тоже преподавали.

Перехватив поудобнее винтовки, Иван и Матвей, где ползком, а где перекатываясь по грязному весеннему снегу, добрались до соседней воронки. Там было четверо: раненый майор и трое совсем молодых бойцов, видимо, из нового пополнения.

Склонившись над командиром, Иван увидел, что осколок торчит чуть пониже погона на правой стороне груди. Кровью пропиталась шинель вокруг осколка.

Иван достал из сумки индивидуальный пакет, зубами разорвал вощёную бумагу. Матвей в это время снял с командира португую и расстегнул шинель. Но подобраться к ране было нельзя – торчал сколок. Немного поколебавшись, Иван одним резким движением выдернул железяку и плотно прижал к ране пакет из марли и ваты прямо поверх гимнастёрки. Тот сразу же пропитался кровью. Командир дёрнулся, но глаза не открыл.

Немного выждав, Иван достал еще один пакет и заменил им тот, который уже набух кровью. Через некоторое время решили снять гимнастёрку и сделать нормальную перевязку. Кровотечение уменьшилось. Перевязывать было трудно. Пришлось приподнимать командира и пропускать бинт за спиной.

Молодые бойцы, прижавшись друг к другу как воробьи, смотрели на Ивана остекленевшими глазами. Похоже, пацаны ещё не нюхали крови.

– Вода есть? – Иван, не оборачиваясь, спросил у молодых.

Один из них торопливо отстегнул фляжку в новом, но уже заляпанном грязью чехле, протянул Ивану. Тот попытался напоить командира, но губы его были плотно сжаты. Тогда он плеснул немного воды в лицо раненого. Майор заморгал, застонал, но глаз не открыл.

Убедившись, что майор задышал ровнее, а кровь уже не проступает через толстый слой ваты и бинтов, сержант откинулся на край воронки.

Земля дрожала всё сильнее – танки приближались. Единственный выход был – притаиться на дне воронки и надеяться, что танк проедет рядом. Но ведь за танками всегда рядами шла немецкая пехота...

Наши дни

Мелодичный звук вернул Наталью Михайловну к действительности. Файл открылся. Она стала просматривать фотографии: так и есть – две надо уменьшить и импортировать снова.

Она делала эту работу почти механически – руки сами знали, где двинуть мышку, а где нажать на клавишу...

А мысли снова вернулись к Ивану. Лет пятнадцать назад мать Натальи получила заказное письмо. Это был официальный пакет со множеством печатей. Из посольства Канады пришло сообщение, что разыскиваются наследники Жана-Стефана Леруа (урождённого Лазаревича Ивана Степановича). В оставленном им завещании было указано, что его сестра Лазаревич Мария Степановна, проживавшая до 1941 года в небольшом городе С., является единственной наследницей.

Далее следовала небольшая биографическая справка самого наследователя, из которой становилось понятно, что это и есть тот самый Иван, который пропал без вести в 1942 году. Бабушка Натальи Вера Васильевна до самой своей кончины верила, что старший сын жив... Материнское сердце не обманывало её.

При этих воспоминаниях рука журналистки дрогнула – сколько сил ушло у её мамы на получение этого наследства. Сказать, что она стремилась завладеть деньгами, так нет! Ей была прежде всего дорога память о брате. И о деньгах Мария Степановна думала в последнюю очередь.

Оформление всех необходимых документов заняло почти два года. Но зато Наталья с сестрой добились, чтобы из Канады прислали семейный архив Ивана Степановича. Он был небольшим – несколько альбомов с уже послевоенными фотографиями, диски и флешки с современными видеозаписями, переписка, в основном, делового характера.

Хорошо, что Наталья знала французский язык: это помогло отделить те документы, которые имели отношение к их семье.

А деньги мама разделила между дочками. Вот эта небольшая сумма и стала основой для строительства их с мужем домика. Портрет Ивана Степановича занял почетное место в семейной галерее их нового дома.

Ранняя весна 1942 года.

Где-то под Смоленском

Иван оглядел всех обитателей воронки. Командир – не в счет. Трое молодых и Матвей. Не густо. Спросил:

– Сколько у кого боеприпасов? – расстелил на земле запасную чистую портянку из вещмешка, командовал: – Выкладывай!

Бойцы, почувствовав, что есть кто-то взявший на себя роль командира, зашевелились. Стали отстегивать от пояса гранаты, доставать из подсумков боезапас к винтовкам.

На пятерых оказалось двенадцать гранат, семьдесят два патрона к винтовкам, ППД-40 (пистолет-пулемёт) майора с двумя дисками. Пистолет ТТ командира в кобуре решили не трогать.

Один из молодых бойцов был крепкий плечистый парень. Иван велел ему взять дополнительную гранату. Еще одну лишнюю подвинул к себе, остальным досталось по две штуки.

– Гранаты бросать: одну – в проехавший танк, лучше в гусеницы, другую – навстречу пехоте, потом стрелять из винтовки.

Автомат командира Иван взял себе, отдав половину своих зарядов к винтовке в общий «котел».

Первую гранату в медленно проехавший справа танк бросил плечистый парень. Попал удачно – разорвало гусеницу. Прокатившись ещё немного вперед, махина закрутилась на месте на исправной гусенице. Молодые бойцы стали стрелять по приближающейся пехоте, а Иван бросил гранату в танк слева. Угодил в башню, граната скатилась и разорвалась уже на земле, не причинив танку вреда. Зато над их воронкой просвистело несколько осколков.

– Гранаты беречь! – крикнул Иван и стал высматривать цель в приближающейся неровной цепочке бегущих фашистов. Из других окопчиков и воронок тоже слышалась одиночная стрельба, иногда в сторону фашистов падали и разрывались гранаты.

Бой длился до вечера. Когда стемнело, фашисты откатились назад. Наступление не удалось.

Бойцы, собираясь в небольшие группы, выискивали глазами офицеров, с надеждой смотрели на них. Несли и вели раненых. Командиры и сержанты – всего восемь человек – отошли в сторонку, закурили из одной коробки, предложенной кем-то, сдвинули головы и тихо что-то обсуждали. Затем разошлись каждый к своему подразделению.

Товарищи Ивана, к счастью все живые, уложили майора под берёзкой. Майор дважды приходил в сознание, жадно пил, но был очень слаб от потери крови.

Надо было искать основные части. Сговорились двигаться вдоль леса. Если до темноты не найдут, все ночуют, где сумеют устроиться. Группа Ивана так и держалась вместе. По очереди несли командира, соорудив из двух осинок и двух плащ-палаток простые носилки. Из-за тяжелой ноши они отстали от основной группы. Когда совсем стемнело, решили сделать привал до утра.

Ночевали в подлеске, в глубокой воронке. Воды в ней не было. Накидали веток и лапника, уложили майора. Матвей дал каждому хлебнуть по глотку из своей заветной фляжки – молодые бойцы долго откашливались. Затем с двух сторон от раненого улеглись сами. Иван остался на карауле.

На следующий день ранним утром их группа из восьми человек (к ним прибились ещё трое) вышла к небольшой деревеньке, которая боком прижималась к опушке леса. Понаблюдав около часа за тем, что происходит там, решили, что немцев здесь нет.

И действительно, война пока обошла затерянное в глубине леса селение. Из крайней избы, повязывая платок, выбежала женщина. За ней, прихрамывая, спешил подросток. У калитки остался стоять пожилой мужчина.

Бойцы занесли раненого майора во двор, уложили под навес, где были сложены дрова. Женщина, тихо причитая, опустилась на колени и стала осматривать рану. Потом повернулась к Ивану, сразу угадав в нем главного:

– Бредил?

– Да, к утру стал что-то бормотать.

Она поднялась, отряхнула юбку от щепок, повернулась к сыну:

– Пашка, ступай к Панютиным, зови Варвару Лексеевну. Да с сумкой! – это уже вслед заковылявшему мальчишке.

Обернувшись к бойцам, сказала:

– Несите в баню, с вечера натоплено, ещё не остыло. Фершалка там и посмотрит, – показала рукой на конец огорода.

Наши дни

Со двора раздался стук топорика. Журналистка прислушалась: это её верный спутник наводит порядок в их любимом садике. За лето удалось расчистить ещё пару квадратных метров от камней. Супруги мечтали осенью посадить здесь яблоню и грушу. А пока Павел Васильевич соорудил штaketник вокруг будущего садика.

Ей очень захотелось накинуть на плечи старенькую курточку, нацепить беретик и выйти на свежий ветерок... Август в этом году был на удивление прохладным. Но тут Наталья вспомнила, что недавно вымыла волосы, а выходить на улицу в такой ветреный день с мокрой головой, по крайней мере, безрассудно.

Она снова взялась за свою любимую красную мышку, подвела курсор к очередному документу из семейного архива (все важные документы были отсканированы), открыла его и стала читать.

В отдельной папке хранились письма, полученные мамой и бабушкой Натальи от Смирнова и его помощников. Вот письмо от жительницы небольшой деревеньки под Смоленском. После долгой переписки с Сергеем Сергеевичем Смирновым, после надежд и отчаяния бабушка Наталья Михайловны получила адрес этой женщины, написала ей, и вот ответ.

Это был короткий рассказ о том, что несколько бойцов, выходящих из окружения в начале весны 1942 года, оставили в их селе раненого командира. Его впоследствии удалось переправить в партизанский отряд. Из всех автор письма запомнила высокого молодого бойца, который взял на себя командование маленькой группой. Остальные называли его Иваном Степановичем. Об их дальнейшей судьбе женщина ничего не знала.

Отрывок из письма:

«Добрый день или вечер, дорогая Вера Васильевна!

На ваш вопрос про сыночка Ивана не могу точно сказать, он ли был у нас тогда. Ни фамилий солдатиков не спросили мы, ни номера части не узнали.

...Помню, посадила я их после бани в избе за стол, налила каждому щей, хлебца по ломтю отрезала, молока по кружке. Все дружно достали свои солдатские ложки, а Иван Степанович засмутился так да и говорит мне тихо: «Не дадите ли мне, хозяйш-ка, ложку? Я свою, видать, потерял». И показывает дыру от пули в вещмешке.

Я своему Пашке кивнула: дай. А он и принёс дедову серебряную ложку. Ложку ту гость наш за голенище засунул после ужина, видать, чтоб не терялась больше... Я постеснялась отобрать. А утром и не вспомнила про это...

Доброго вам здоровья, дорогая Вера Васильевна. Кланяюсь вашей семье, верьте, что жив ваш Иван, коли не было на него похоронки.

Екатерина Максимовна.
Сентябрь, 1963 год».

Ранняя весна 1942 года.

Где-то под Смоленском

На рассвете Иван растолкал своих спутников. Пора было уходить. Вчера, осмотрев раненого, фельдшерца посоветовала оставить его на её попечение. Здесь есть две коровы, куры. После большой кровопотери командиру требовалось усиленное питание. Иван согласился с благодарностью. Им надо догонять своих.

Собрались быстро. Хозяйка дома, на сеновале которого они заночевали, налила им по кружке парного молока, дала по буханке испечённого ею ночью хлеба, по узелочку с картошкой, сваренной в мундире, и по паре луковиц. Они поклонились добрым людям. Путь их лежал на запад...

В бой они вступили практически сразу, выйдя из лесочка. От наступающей немецкой пехоты отбивалась небольшая группа бойцов, окопавшаяся в полуразрушенном коровнике. Сельцо дворов на двенадцать горело. Иван скомандовал бойцам рассредоточиться и поддержать огнём. Сам ползком – от плотного огня противника голову нельзя было поднять – отправился искать командира. Тот, стиснув трофейный автомат, выискивал цель в приближавшейся шеренге фашистов. Иван подполз к нему, перекинув выстрелы, назвал себя. Сказал, что с ним несколько бойцов, но боеприпасы на исходе.

Капитан, не поворачивая головы, кивнул и выстрелил:

– Есть! Попал в офицера!

Перекатившись на спину, он протянул грязную руку Ивану:

– Давай, браток, помогай. Гранаты и патроны есть, людей мало осталось. – И ткнул пальцем в сваленные в углу ящики с огневим запасом.

Обрадовавшись, Иван хотел вскочить и бежать к ящикам, но получил от капитана удар под колени – пули просвистели у Ивана над головой. Огонь фашистов был очень плотным.

Отстреливались они до вечера, а когда стемнело, услышали лязг танковых гусениц – подошли немецкие танки. И сразу же по коровнику ударили из танкового орудия...

Наши дни

В этом году лето закончилось очень быстро. Август допевал последние ноты своей арии. Наталья тропилась доделать родословную к середине сентября. Они с мужем собирались к родственникам на пару недель. Хотелось сделать сюрприз. Хотя вся семья была в курсе того, чем увлечена Наталья Михайловна в настоящее время.

Она постоянно расспрашивала то папу, то маму о том или ином родственнике или о датах их рождения. Так что неожиданностью это не будет.

На полотне шириной полтора метра и высотой в метр было изображено красивое раскидистое дерево. От корней располагались портреты и даты жизни патриархов двух семей, которые дали начало этому роду.

Наталья Михайловна надеялась, что начатую ею работу продолжит кто-нибудь из внуков – сестры или её. Главное, что истоки сохранились, теперь только добавлять новых персонажей.

Всё, что касалось семьи, родственников, близких для Натальи Михайловны, было очень дорого. С раннего детства в ней были заложены уважение к старшим, нежное и трогательное отношение к младшим. Дедушек и бабушек и со стороны мамы, и со стороны папы они с сестрой всегда называли на «вы». В их семье не существовало ругани и грубостей. Наталья считала, что ей повезло с мужем – в его семье дети воспитывались примерно на таких же жизненных ценностях.

Она знала, что ещё во время службы её мужа в рядах Вооружённых сил, он был единственным офицером в части, который обходился без мата. И она очень гордилась этим.

И вот сейчас, работая над родословной своей семьи, она мысленно любовно перебирала в памяти те или иные эпизоды из жизни персонажей своего «полотна».

Ещё когда Наталья Михайловна задумала собрать воедино сведения о своих предках, о современниках и о недавно родившихся потомках, она не представляла, что это будет так интересно. Оказалось, что за каждым персонажем летописи целый мир эмоций, событий, даже драм и трагедий. И в её сознании это была уже не просто родословная семьи более чем за полтора века – с 1860 года до сегодняшнего дня, – а настоящая семейная сага...

Судьба дяди Ивана стала ещё одной страницей этой саги.

Она снова взялась за свою любимую красную мышку, подвела курсор к очередной фотографии из семейного архива, открыла её и задумалась.

С тех пор как она получила посылку с архивом дяди, не было минуты, чтобы не думала о судьбе этого человека. Почему он оказался так далеко от дома, от близких? Мама Натальи всегда говорила о старшем брате с таким уважением и восхищением, что даже подумать об измене Родине было бы кощунством.

Зазвонил телефон. Наталья Михайловна с трудом выбралась из пелены воспоминаний. Когда она что-то писала или работала над документами, ей трудно было возвращаться к действительности – требовалось некоторое усилие, чтобы снова понять, где она находится. Вот и сейчас прозвучало три или

четыре звонка, прежде чем она протянула руку и взяла мобильник.

– Слушаю.

Звонила сестра. Соскучилась.

Поговорив с сестрой и убедившись, что у неё всё хорошо, все здоровы, Наталья отправилась на кухню, включила чайник. Выглянула в окно – Павел Васильевич, оживлённо жестикулируя, разговаривал с высоким худым мужчиной. У того был странно измождённый вид. Она вспомнила, что на днях видела этого мужчину на соседнем участке, похоже, он стал новым владельцем заросшего сорняками и одичавшим вишенником «поместья».

Этот участок давно раздражал её мужа – ему приходилось вырубать молодую вишнёвую поросль, которая упорно прорастала с их стороны у забора между участками. Да и сорняки, поднявшись за лето выше символического заборчика, беззаботно раскидывали свои семена в любую сторону, куда подует ветер. А согласно местной розе ветров и сложившемуся ландшафту, ветры дули чаще всего на ухоженный участок Павла Васильевича...

И вот теперь двое соседей обсуждают тему сорняков, как подумала, улыбаясь, журналистка.

Ранняя весна 1942 года.

Где-то под Смоленском

Очнулся Иван от холода и боли. Над головой колочье светили яркие звёзды. Полной луны видно не было, но её света хватало, чтобы осмотреться. Когда он попытался повернуться, невольно застонал – руку и весь левый бок пронзила боль.

Сдерживая стон, он прислушался к своим ощущениям. Раны не почувствовал. Боль похожа на ту, которая бывает от ушибов. Он вспомнил, как однажды неловко упал с гимнастического снаряда, сдавая нормы БГТО. Потом несколько дней болело так же.

Иван всё-таки ощущал себя: сначала голова (шапка была на месте, похоже, это уберегло голову от удара), ноги сгибались, только левое бедро и бок сильно болели, правая рука в порядке. Он сел, продолжая ощупывать себя. Нет, не ранен, только контужен. Похоже, взрывом его отбросило на кучу битого кирпича – рухнувшую стену коровника – и от этого сильные ушибы.

Становилось светлее – это луна поднималась всё выше. Иван увидел Матвея. Тот тоже шевелился и постанывал. Дальше двое лежали без движения. Подползая к Матвею, Иван прихватил автомат командира, который так и не выпустил из рук.

Его приятель держался за лицо, сквозь пальцы проступала кровь. Иван силой оторвал руки Матвея. Тот застонал сильнее, из рассеченной брови хлынула кровь. Рана была пустяковая, но кровь надо остановить. Достав из внутреннего кармана шинели свой индивидуальный пакет, Иван приложил его к ране. Он осторожно уложил друга навзничь. Помочь больше он пока ничем не мог.

Потом Иван осмотрел тех двоих – оба уже застыли. За кучей разбитых кирпичей он нашел капитана. Он смотрел на всходящую луну удивлёнными голубыми глазами. Иван закрыл офицеру глаза.

– Даже не узнал, как его имя, – подумал он. – Надо бы собрать у погибших документы...

И тут послышались сначала лай собак, а потом

окрик на немецком языке и короткая очередь. Это фашисты зачищали место боя. Иван бросился было к тому месту, где оставил Матвея, но было поздно – в спину ему уткнулся автомат.

Утром около тридцати пленных заперли в большом доме без крыши, видимо, бывшем сельском клубе. Документы у них у всех отобрали, оружие тоже.

Иван обошёл всех по очереди. Тем, кто был ранен, попытался оказать хоть какую-то помощь. Перевязывал разорванными нижними рубашками или сохранившимися у некоторых индпакетами. К счастью, тяжёлых не было... Хотя к какому такому счастью – фашисты всех тяжелораненых расстреляли на месте. Офицеров среди пленных тоже не было...

Примерно в полдень принесли два ведра с варёной картошкой и свёклой, два ведра воды с привязанной к одному кружкой. Бросили на порог четыре буханки хлеба. Измученные больше жаждой, чем голодом люди, сначала бросились к воде и чуть не опрокинули ведра. Тот плечистый парень, который был в окопчике с раненым командиром, оттеснил самых нетерпеливых и хрипло крикнул:

– Зашибу! Отошли все на три шага назад! Буду выдавать по очереди.

Люди зашумели, но послушались. Все понимали военную дисциплину. Это только непривычная и трагическая ситуация – плен – на некоторое время выбила их из равновесия. А когда нашёлся командир, всё стало на место.

Каждому досталось полкружки ледяной колодезной воды – как жизненную силу влили они её в себя.

Потом уже спокойно поделили картошку, свёклу и хлеб. Ножа, чтоб порезать, не нашлось. Зато у кого-то оказался кусок сапожной дратвы. Разложили хлеб на чьей-то запасной чистой рубашке и, натянув дратву двумя руками, порезали буханки на ровные куски. Крошки достались хозяину рубахи.

Первая ночь в плену прошла тревожно. Где-то на востоке гремело. Похоже, они остались глубоко в тылу врага, свои отступили на десятки километров. Почти никто не спал, только раненые стонали и тревожно вскрикивали, просыпаясь.

Утром их начали вызывать на допрос. В распахнутой двери появились два немецких солдата. Один лениво придерживал рвущуюся с ошейника овчарку. Рядом появился маленький лысый человечек. В одной руке у него была скомканная шляпа, в другой – листок. Он фальцетом стал называть фамилии. Пленные, услышав свою, вздрагивали.

Вызывали в алфавитном порядке. Первых четырёх увели. Все притихли в тревожном ожидании. Но они вернулись довольно быстро. Потом забрали ещё четверых и ещё двоих.

Побывавшие первыми на допросе, рассказали, что у них записали подробные данные: фамилия, имя, звание, сведения о родственниках, сверялись с отобранными документами. Спрашивали: коммунист или комсомолец? И тут же предлагали перейти на сторону фашистов. Обещали паёк, обмундирование, а после победы – участок земли.

Из второй группы вернулись не все. Двое, видимо согласились с заманчивым предложением...

К вечеру из двадцати восьми «обитателей сельского клуба» осталось двадцать шесть.

Иван снова обошёл всех раненых. У некоторых раны загноились. У двоих, похоже, начиналась лихорадка. Он ничем не мог облегчить их страдания. Даже воды по-прежнему давали всего ведро в сутки. И кормили один раз картошкой и свёклой.

Следующий день выдался ветреным, а к вечеру пошёл дождь со снегом. Все промокли и замёрзли. Над одним из углов ещё оставался кусок крыши. Пленные сгрудились в этом углу, пытаюсь защититься от ледяных струй. Оказалось, что в этой массе теплее, чем поодиночке. Люди, прижавшись друг к другу, почувствовали себя чуточку увереннее – их много, с ними не так-то просто совладать... Кто-то задремал, согревшись, кто-то стонал или скрипел зубами в забытьи.

До рассвета их не тревожили. А с первыми петухами снова начались допросы и предложения перейти на сторону фашистов.

Иван Степанович отказался и во второй день плена. Он был комсомольцем, он был советским человеком. Он уже успел повидать, на что способны фашисты. Его, как и остальных несогласившихся, пока отпустили. Но в этот день принесли только свёклу. Хлеба не дали совсем.

Иван снова обошёл всех товарищей по несчастью – проверил раны, сделал перевязки тем, у кого ещё оставались относительно чистые куски рубах. У Матвея загноилась его вроде бы пустяковая рана над бровью. Вокруг глаза растёкся зловещий синяк, который уже опускался на щёку.

Иван вдруг вспомнил о ложке, которую, сам того не желая, прихватил у гостеприимной хозяйки в лесной деревушке. Ложка, похоже, была из серебра. О свойствах этого металла им рассказывал один из преподавателей на рабфаке. Он говорил, что вода становится «живой», если подержать в ней кусочек серебра. Такой водой можно полоскать рот после удаления зуба, можно промывать царапины и ссадины. Иван пошарил за голенищем, ложка была на месте. Надо приложить её к ране Матвея. И как это не пришло ему в голову раньше?!

За дверью слышались шаги и повизгивание собаки. Фашисты заходили к пленным только со своими четвероногими помощниками. Видимо, для них русский солдат страшен даже безоружный.

Держа в руках какой-то листок, переводчик выкрикнул фамилию Ивана и добавил: на выход.

Иван встал с колен, обтёр руки о шинель, поглубже надвинул шапку, шагнул за порог.

Наши дни

Щёлкнул чайник, Наталья обернулась на звук, а когда снова посмотрела в окно, увидела, что её муж пытается удержать падающего соседа. Он аккуратно посадил его на траву и обернулся к окну, надеясь увидеть там жену. Она с удивлением смотрела на эту сцену.

Павел Васильевич помахал ей рукой: иди сюда. Наталья схватила аптечку, которая всегда была под руками, накинула курточку с капюшоном и заторопилась в сад. Первое, что пришло ей на ум, так это сердечный приступ у соседа.

Мужчина сидел, прислонённый Павлом к ство-

лу дерева. Лицо его было очень бледным, но он был в сознании. Женщина поднесла к его носу пузырёк с нашатырём. Тот слабо дёрнулся и отвёл её руку.

– Всё нормально, это просто слабость. Я сейчас пойду к себе, прилягу.

Наталья слушала пульс мужчины. На вид ему было около семидесяти лет. Очень худой. На руке, которую она держала, видны синие жилки.

– Вы когда ели? – вдруг спросила она.

Лицо соседа даже слегка порозовело. Он смущённо опустил глаза:

– Кажется, вы правы, у меня голодный обморок. Деньги закончились. Пенсия еще только через неделю. Сын обещал приехать третьего дня, привезти продукты...

Супруги переглянулись. Не сговариваясь, они осторожно приподняли мужчину и повели его в дом. Наталья быстро согрела вермишелевый супчик, который сварила утром, налила его в небольшую тарелку – сразу много еды нельзя!

Сосед сначала протестующее махнул рукой, но потом вкусный запах сделал своё дело. Надо сказать, что ел он очень аккуратно и неторопливо, от кусочка хлеба отказался – не надо.

Павел Васильевич уже заваривал чай по своему фирменному рецепту – с листьями земляники. Сосед благодарно принял большую чашку с ароматным напитком. Сначала понюхал, а потом сделал несколько маленьких глотков. На его лице выступила испарина, лицо порозовело.

Потрясённые супруги смотрели на своего нового соседа. Как в наше время с человеком может случиться голодный обморок?! Они ждали объяснений, но увидели, что у мужчины закрываются глаза. Павел Васильевич едва успел взять из его рук чашку с недопитым чаем.

Они уложили гостя в кухне на диванчик. Наталья принесла плед и подушечку. Мужчина дышал ровно. Хозяева успокоились и решили, что рассказ незнакомца им предстоит выслушать лишь после его пробуждения.

Обедали они в зале, стараясь не разбудить гостя. Но тот спал очень крепко и спокойно.

Ранняя весна 1942 года.

Где-то под Смоленском

В избе, куда втолкнули Ивана, было тепло, пахло борщом и самогоном. За столом сидели несколько полупьяных офицеров. Один из них, подойдя, ткнул Ивана в грудь указательным пальцем и сказал, коверкая русские слова:

– Ты есть врач! – затем захохотал, обернувшись к сидящим за столом и указав этим же пальцем на одного из офицеров: – Гауптман болит зуб. Ты лечить! – И снова палец уткнулся в Ивана.

У гауптмана было перекошено лицо – похоже, флюс. Он страдальчески морщился и держался за щёку. Остальные громко хохотали.

Переводчик, стоявший за спиной бойца, хлопнул его по спине:

– Ты ж стоматолог, давай вон инструмент. Вылечишь – получишь еду. А нет, так... – Он сделал пальцами жест, как будто целится в Ивана из пистолета.

Иван посмотрел на свои руки, на которых была не только обычная грязь, но и следы крови и гноя – ведь он только что делал перевязки своим товарищам.

Офицер понял его. Он махнул рукой в сторону сеней. Там был умывальник. Иван с наслаждением несколько раз намылил руки, смывая все слои грязи, накопившиеся за несколько дней. Затем, осмелившись, даже умылся, отфыркиваясь и разбрызгивая воду.

Переводчик терпеливо ждал. Видимо он понимал значение чистоты для предстоящей операции.

Когда они вернулись в избу, то увидели больного, привязанного ремнями к венскому стулу с высокой спинкой, невесть откуда взявшемуся в этой избе. Тот сидел, выпучив глаза и уже послушно открыв рот. От него сильно пахло самогоном.

Скинув на пол шинель, Иван надел поданный ему белый халат, посмотрел на инструменты, разложенные на табуретке. К его удивлению, тут был прекрасный набор стоматолога – такого он не видел даже в лучшей больнице города, когда проходил практику.

Иван жестом попросил света, и вдруг прямо в лицо больного ударил мощный луч ручного фонарика. Он едва успел подставить ладони, на которые переводчик прямо из бутылки плеснул спирт.

– Всё предусмотрели, – подумал Иван.

Через несколько минут он держал в щипцах нижний зуб капитана, почти разрушенный кариесом. Даже удивительно, что его удалось извлечь целиком, не оставив осколков. Пациент сначала орал, а потом почти сомлел. Иван затампонировал рану ватой, пропитанной спиртом. Сказал переводчику, чтобы не давали больному есть до утра.

Он вышел в сени, снова вымыть руки. Фашисты возбуждённо обсуждали операцию. Видимо, им доставило удовольствие наблюдать за страданиями сослуживца.

Переводчик завёл пленного в избу. Всё тот же офицер широким жестом обвёл стол, за которым они сидели, как бы предлагая Ивану выбрать себе награду. Тут дымилась миска с борщом, розовело крупно нарезанное сало с тёмной прослойкой, горой лежали ломти хлеба... Посреди стола стояла четверть самогона, в ней ещё оставалось больше половины. У Ивана дух захватило от всего этого изобилия, но перед глазами возникло зловещее зелёное пятно на лице Матвея, и он протянул руку к бутылке, другой рукой указал на сумку с перевязочным материалом.

Офицер удивлённо что-то спросил у переводчика, тот лишь пожал плечами. Тогда Иван по-немецки сказал:

– Я вылечил вашего товарища, дайте мне возможность полечить моих.

Если бы в избе разорвалась граната, так этому удивились бы меньше, чем словам пленного и его знанию немецкого языка. Когда удивление схлынуло, Ивана, сжимающего в руках заветную четверть и надевшего санитарную сумку просто на шею, выпроводили из избы. Локтями он прижимал к бокам две буханки хлеба. Их уже в сенях ему туда сунул переводчик.

Наши дни

Много раз, перечитывая дневник своего дяди, журналистка пыталась поставить себя на место тех людей, которым мы, все, ныне живущие, обязаны мирным небом, возможностью растить детей, любить и быть любимыми... У них не было сведений о том, как идут дела на фронте, не было известий от близких, они не знали, что будет завтра с ними. Им было холодно, голодно, страшно и больно. И в этих условиях они верили в силу своей страны, надеялись на её помощь, любили её...

С некоторых пор стали доступны документы, раскрывающие отношение к тем, кто побывал в плену или был угнан на работы в Германию. Таких людей тщательно проверяли. Многие из них подвергались репрессиям, вплоть до отправки в лагерь. Наталье Михайловне приходилось читать исповеди бывших военнопленных. На её взгляд, некоторые откровенно лгали, когда говорили, что не было другого выхода, кроме как сдать в плен. Но большинство попали в руки врагов в бессознательном состоянии.

Анализируя дневник своего дяди Ивана Степановича, Наталья старалась понять, почему он не бросился на охранника, почему не попытался бежать. Ведь, судя по коротким записям, в том сельском клубе их охраняли не очень строго. А сам Иван не был даже ранен. И через некоторое время поняла: он нужен был другим. Он единственный мог облегчить страдания своих товарищей. Конечно, не всех ему удалось спасти, но предать тех, кто смотрел на него с надеждой, он не смог.

Наталья помассировала веки легкими прикосновениями – глаза болели. Да, придётся согласиться с мужем, что в её возрасте надо поменьше сидеть перед монитором компьютера. Или хотя бы делать перерывы, давая отдых и глазам, и мыслям.

Из окна кухни она посмотрела в сад. Павел Васильевич уже вывел на свежий воздух их неожиданного гостя. Они сидели в беседке, пили чай.

Надев куртку с капюшоном, Наталья присоединилась к мужчинам.

– Знакомься, Наташа, – это Пётр Семёнович, наш сосед.

– Наталья Михайловна, моя жена, – представил их друг другу Павел Васильевич.

Сосед привстал, поклонился, приложив руку к груди:

– Благодарю вас, сударыня. Ваш вермишелевый бальзам вернул меня к жизни.

Мужчина был смущён, но чувство юмора не изменило ему.

Наталья взяла из рук мужа чашку с чаем, села в своё любимое кресло-качалку. Её природное и, конечно же, журналистское любопытство стучало в левый висок, но она сдерживала себя. Нельзя было вот так в лоб задать незнакомому человеку нетактичный и жесткий вопрос:

– А как это получилось, что вы оказались здесь без денег, без запасов, без поддержки?..

Она почувствовала, что с её приходом появилось напряжение. Сосед, видимо, решил, что необходимо объясниться. Но Павел Васильевич, про-

должая тот разговор, что был до прихода Натальи, спросил:

– Так вы, Пётр Семёнович, бывали и во Франции?

И повернувшись к жене:

– Наш сосед – боцман дальнего плавания. Говорит, что побывал во всех больших портах мира.

Ранняя весна 1942 года.

Где-то под Смоленском

К Ивану, сидевшему на обломках какой-то мебели (всё-таки не на сырой земле), подсел Матвей. Даже сквозь толстые и пропитанные сыростью шинели чувствовалось, что парня бьёт озноб. Иван уже привычным жестом приложил к его свободной от бинтов щеке тыльную сторону руки. Жар. Он дышал тяжело, с хрипами. Губы вытянулись в тонкую линию – видно было, что Матвей сдерживает стон. Отняв руку Ивана от своего лица, сказал:

– Сам всё понял? Мне отсюда не выбраться. А ты зря отказался, может, выжил бы. А там к своим бы перебежал или ещё как...

Иван обнял друга за содрогающиеся плечи. Все его усилия оказались напрасными...

Наши дни

Лишь через несколько дней Наталья смогла вернуться к документам дяди Ивана.

Из дневника Ивана Степановича

«...Нас осталось всего семнадцать. Кто-то умер, как Матвей, кого-то увели неизвестно куда, кого-то расстреляли... Почти месяц провели мы в том сельском клубе. Удивительно, но бойцы не озлобились, не превратились в зверей в этих нечеловеческих условиях. Наоборот, старались поддерживать друг друга.

Скорее всего, тон, на который настроил нас высокий плечистый парень с того дня, когда взялся распределять продукты, дал пленённым бойцам возможность вспомнить, что они советские люди. Парня звали Фёдор. Мы стали называть его: товарищ командир.

Раздобытая бутылка самогона помогла облегчить страдания некоторых моих товарищей. Промыв их раны самогоном и сменив повязки на чистые, я, возможно, предотвратил заражение крови.

Матвея спасти не удалось. Видимо, нарыв прорвался внутрь. Он скончался на моих руках.

Хлеб разделили поровну на всех.

Хуже, чем с едой, было с одежкой. Все нижние рубахи уже порваны на бинты. Оставались насквозь пропитанные сыростью шинельки, галифе и гимнастёрки. Помыться-постирать негде. Иногда удавалось разжечь небольшой костерок, если кто-то из охранников, сжалившись, кидал в приоткрытую дверь пачку вонючих немецких папиросок и коробок спичек, а вдгонку ещё и несколько поленьев.

Когда умирал кто-то из товарищей, по молчаливому согласию всех с него снимали шинель. Всё-таки это было дополнительное тепло. Ночи очень холодные...».

Наши дни

Эти строки вдруг всколыхнули в памяти журналистки какие-то смутные ассоциации. Где-то она уже это читала – о шинели, снятой с умершего товарища...

– Срочно чаю! – Наталья всегда в трудные минуты прибегала к этому средству. Нет, она не была любительницей чаепития, предпочитая кофе по утрам, кисель или компот на обед и ужин, но процесс приготовления чая помогал ей разложить в собственной голове мысли по папочкам – так она это называла.

И действительно, включив чайник, сполоснув для чего-то чистую чашку и выбирая коробочку, из которой сегодня взять заварку, она вдруг вспомнила строки из стихотворения замечательного поэта-фронтовика Юрия Грунина. Несколько лет назад она принимала участие в подготовке к печати сборника его стихотворений.

ШИНЕЛЬ

Собачья жизнь. Собачий холод.
Конвой неистовствует: – Шнель!
Ты ветром весь продул, измолот.
Не согревает и шинель.

А ночью кто-нибудь от стужи
Покинет молча белый свет.
И холод тела обнаружив,
Шинель его возьмёт сосед.

Поэтому мы спим по парам –
ты друга обогреть сумей!
А коли что – не кто попало,
а друг твою возьмёт шинель.

Возьмёт – и на свою натянет.
Пусть неуклюже – ничего!
И тем теплом тебя помянет
тепло дыханья твоего.

В твоей армейской, в той суконной
Пусть будет он душой сильней –
И нет ему других законней,
Чем эта русская шинель.

Да, действительно, война повторяла свои сюжеты многократно и повсеместно: и в ужасе, и в подвигах, и в страданиях, и в радостях от малых и больших побед.

Из дневника Ивана Степановича

(на обратной стороне папиросной пачки расплывающимися буквами было написано всего несколько строчек):

«Сегодня второй раз вызывал к себе гауптман Липпс, благодарил. Был трезв. Обещал отправить на службу в госпиталь и погонны ефрейтора. Убеждал, что знание языка и медицины помогут мне сделать карьеру. Я снова отказался. Но прямо попросил самого и бинты. Он махнул рукой – бери».

У неё больше не было сил читать дальше дневник дяди Ивана. Наталья Михайловна бережно

убрала все бумаги на место, выключила ноутбук. Уже вечер. Пора готовить ужин.

С самого утра зарядил мелкий нудный дождик. Почти осенний, хотя был ещё только конец августа. Наталья не находила себе места. Павел Васильевич рано утром уехал в город навестить соседа, которого ему удалось устроить в госпиталь на обследование и лечение. И вот время приближалось к пяти часам, а супруга всё ещё не было. И телефон его был вне зоны...

Наверное, она зря волнуется. Дорога до города хорошая, Павел Васильевич – водитель опытный и не лихач. Вот только видимость на этой самой дороге почти нулевая...

Когда муж уехал, Наталья предвкушала, как хорошо ей поработается в тишине. Как только затих шум автомобиля, она включила компьютер, раскрыла папку с дневниками дяди Ивана. Она решила разложить все листочки по порядку и попытаться составить полную картину короткой «дядиной войны» и его пленения.

Действительно, Наталье Михайловне удалось систематизировать не только документы, но и создать в своём представлении образ человека, которого она никогда не знала лично, но о котором была наслышана с детства. И надо сказать, что человек этот ей очень нравился, она восхищалась им. И конечно, ни на минуту не допускала мысли о его предательстве.

Тогда что же случилось там, в концлагере, а может быть, и позже, уже после войны, такого, что не позволило Ивану Степановичу вернуться домой?..

Звук подъехавшего автомобиля Наталья не услышала, а скорее почувствовала сквозь шелест дождя более громкий шелест шин. Павел Васильевич вошёл на веранду, одной рукой отряхивая кепку от капель, а в другой держа букет белых хризантем. Он сам любил цветы и никогда не упускал случая порадовать ими жену.

Согревая руки о чашку с чаем, поданную ему супругой, Павел Васильевич рассказал о самочувствии их нового соседа. Через пару недель его обещали выписать.

– У тебя будет возможность расспросить его о жизни и путешествиях. Знаешь, – сказал Павел Васильевич жене, – наш сосед очень интересный человек. Он согласился рассказать тебе всё. Он даже не возражает, если ты о нём напишешь.

Наталья Михайловна слушала невнимательно. Муж приехал, она успокоилась, и её тянуло снова взять в руки тот листочек из дневника дяди, который она читала несколько минут назад.

Хорошо зная свою жену, Павел Васильевич, допив чай, сказал, что устал и, пожалуй, отправится спать. Наталья была благодарна ему и за то, что он сам убрал со стола и вымыл чашки.

Она снова сидела за своим рабочим столом и снова, надев белые перчатки, осторожно доставала из папки документ за документом...

Из дневника Ивана Степановича:

«Октябрь. На рассвете затолкали в товарный вагон. Везли несколько суток с длинными стоянками. Иногда вывели на таких стоянках по пять-шесть человек. Мы потеряли счёт времени. На станции нас

выгрузили и колонной погнали, чуть ли не бегом, к видневшемуся вдалеке высокому забору.

Это был концлагерь.

Середина ноября. Порядки в лагере строгие. Утром и вечером – переключки. За любую провинность – карцер или даже расстрел – зависит от настроения охранников. По моим наблюдениям, в лагере не более тысячи заключённых. В нашем бараке – около ста человек, а всего барачков – десять. Два из них – женские. Ещё один был особенный, с пристройками и, похоже, отдельной кухней.

Конец ноября. Тот особенный барачок оказался лазаретом. Однажды на утренней переключке мне приказали выйти из строя. В числе ещё двадцати таких же заключённых, под конвоем меня отправили к этому барачку. На крыльце стоял высокий худой немец в очень длинном белом халате. На его горбатым носу поблёскивали крошечные очки с круглыми стёклами. В руках он держал листок, вероятно, с нашими фамилиями.

Он заговорил с нами на чистом русском языке, старательно выговаривая слова:

– Меня зовут доктор Ройсс. Вы все знакомы с медициной. Вы будете помогать мне искать правильное лечение для храбрых германских солдат.

Наши дни

Это был последний листок дневника дяди Ивана. О его дальнейшей судьбе Наталья Михайловна узнала из тетрадей, которые про себя назвала «Мемуары Ивана Степановича».

Как следовало из надписи на первой тетради (всего их три), начата она была в 1949 году в небольшом городке Черчилл в Канаде. Эти не очень толстые тетради исписаны всё тем же красивым мелким почерком. Но теперь Иван Степанович писал не сухие заметки о происшедших событиях, а вспоминал и размышлял об этих событиях и о том, к каким последствиям они привели...

В концлагере, где он оказался, доктор Ройсс и его помощники отработывали на пленных способы лечения тяжёлых ран и послеоперационных осложнений. Немецкие врачи проходили здесь трёхмесячную практику, а потом их отправляли на фронт – руководить госпиталями и применять полученный опыт уже для исцеления фашистских солдат.

Несколько десятков пленных, среди которых поляки, чехи, даже евреи, имевшие медицинское образование, были привлечены в качестве санитаров и младших врачей.

Иван Степанович, как он узнал позднее, был направлен в этот лагерь по рекомендации исцелённого им немецкого капитана. Остальные его товарищи, с которыми он был пленён под Смоленском, скорее всего, попали в обычные концлагеря, где были крематории и в которых люди гибли тысячами...

Наши дни

В руках у Натальи Михайловны ложка. Небольшая серебряная ложка с необычным черенком – немного расширяющимся к середине. Эта ложку она нашла в тех вещах, которые прислали с документами дяди Ивана из Канады. Он сберёг её в трудные годы плена, а потом хранил как самую дорогую реликвию, как последнюю память о Родине...

И теперь эта ложка стала для журналистки неким индикатором. Читая мемуары своего дяди, она брала её в руки всякий раз, когда трудно было справиться с эмоциями, когда боль сжимала горло, когда слёзы готовы были хлынуть из глаз. Ложка своей прохладой успокаивала её, серебро придавало сил...

Закончив читать последнюю, третью тетрадь Ивана Степановича, Наталья дала себе слово, что напишет правду о дяде, чтобы никто не сомневался: это был честный человек, стечением обстоятельств заброшенный на чужбину...

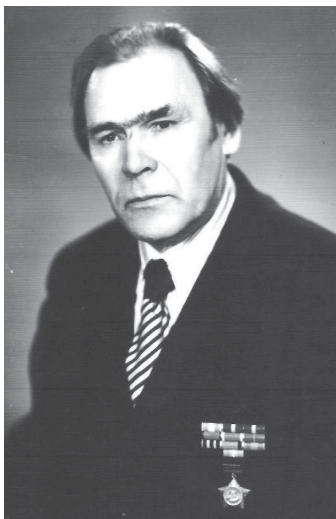
Продолжение следует.

Софья УЗБЕКОВА, зав. филиалом Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова «Усадьба Д.В. Давыдова», заслуженный учитель РФ.

ЛЕТОПИСЕЦ ПАРТИЗАНСКИХ РЕЙДОВ

Анатолий Иванович Инчин – партизан Великой Отечественной войны, писатель, журналист, член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Он родился в 1916 году в селе Камышлинка Оренбургской области, предками были уральские казаки. Но значительная часть его жизни связана с Радищевской землей, с Поволжским краем, где чтят память партизана войны 1812 года Дениса Васильевича Давыдова.

Анатолий Инчин после окончания Куйбышевского учительского института по распределению приехал в село Радищево Ульяновской области, где до армии преподавал физику и математику, был завучем в средней школе и одновременно директором вечерней школы. По воспоминаниям А.И. Инчина, тогда, еще до войны, при школе сложился отличный струнный оркестр, на районных смотрах присуждались призовые места и награды. Так, в 1938 году учительскому коллективу выдали в награду гитару. По тем временам это была неслыханная щедрость. Тогда 22-летний учитель Инчин взял в руки гитару, начал сочинять свои стихи и песни. Женился на Елизавете Васильевне Волковой, уроженке села Верхняя Маза. Здесь он увлекся сочинениями Д.В. Давыдова.

В 1939 был призван в Красную армию, начал службу в тяжёлом артиллерийском полку. В начале войны стал командиром взвода топографической разведки. Лейтенант Инчин в составе 3-й ударной армии участвовал в боях под Вязьмой и Смоленском, выходил из окружения, раненым попал в плен. Бежал с группой других советских пленных, но все были схвачены и подверглись жестокому пыткам. Добиваясь признаний, фашисты изу-

довали спину лейтенанта Инчина калёным железом. В назидание другим всех беглецов расстреляли в овражке недалеко от проволочного заграждения лагеря. Но Анатолий, рассчитав, упал чуть раньше выстрелов. Когда стемнело, выбрался из-под груды тел и ползком добрался до ближайшей деревни. Местные жители, рискуя жизнью, спрятали и выходили его. Чтобы далее не подвергать жителей деревни опасности, ушел в лес, где встретил группу таких же, как он, попавших в окружение красноармейцев. Организовали партизанский отряд в хинельских лесах.

В декабре 1941 года в хинельские леса Сумщины пришёл Путивльский отряд во главе с С.А. Ковпаком. 12

декабря в 35-м квартале Хинельского лесничества украинские и хинельские отряды приняли присягу, был создан объединённый штаб партизанских отрядов. Два крупных отряда под командованием С.А. Ковпака и М.И. Наумова впоследствии стали самостоятельными соединениями, которые подчинялись штабу. У каждого соединения были свои, получаемые с «большой земли» задания. К осени 1942 года к партизанскому отряду под командованием Наумова присоединился и созданный Анатолием Инчиным партизанский отряд. А.И. Инчин стал начальником разведки отряда, а затем начальником штаба. Когда же М.И. Наумов стал командиром со-

единения, двадцатишестилетний Инчин стал вместо него командиром 1-го Хинельского партизанского отряда. В составе соединения 1-й Хинельский кавалерийский отряд под командованием Анатолия Инчина прошел по 14 областям Украины, Белоруссии, а также по территории Польши. В «личном счете» командира А.И. Инчина», хранящемся в архивах штаба партизанского движения Украины, есть такие данные: «113 солдат, офицеров, чинов немецких военно-административных органов, шпионов, бургомистров, провокаторов, полицейских. 19 диверсий, 36 автома-

*«Ночь, благодатная спасительная,
приди, укрой, выручи. Мы ждем
тебя, синекрылую, благосклонную
спутницу степных всадников.*

*Мы проскользнём тенями, обманем
врагов, уйдем в обход им и будем
мчаться и мчаться, пока не
вспыхнет первый луч солнца.*

*И тогда снова – бой и снова пытки
считанного по минутам дня.*

*И мысли: «Как выстоять? Хватит
ли патронов? Обойдется ли хотя
бы день без зрелищ замученных и
убитых людей в родных селениях,
без боя, без потерь?»*

шин, 2 железнодорожных эшелона, 2 танка, 1 самолёт, 4 вновь созданных партизанских отряда, 15 диверсионных групп». В документах есть примечание: «Число уничтоженных врагов и техники в групповых боях и диверсиях в счет не входит».

В эти годы, по словам Михаила Наумова, Анатолий Инчин и решил стать «летописцем партизанской войны». Он вёл дневник и хранил его, как бы трудно ни приходилось. После самых тяжёлых боёв смотрел, здесь ли, не потерялся ли он. В этой заветной тетради есть такая запись: *«Ночь, благодатная спасительная, приди, укрой, выручи. Мы ждем тебя, синекрылую, благосклонную спутницу степных всадников. Мы проскользнём тенями, обманем врагов, уйдем в обход им и будем мчаться и мчаться, пока не вспыхнет первый луч солнца. И тогда снова – бой и снова пытки считанного по минутам дня. И мысли: «Как выстоять? Хватит ли патронов? Обойдется ли хотя бы день без зрелищ замученных и убитых людей в родных селениях, без боя, без потерь?»*

Партизаны совершали многочисленные налёты на гитлеровские гарнизоны, взрывали железнодорожные составы, уничтожали предателей, живую силу противника, выводили из строя технику, рвали связь, вели большую разведывательную работу. Положение партизан усложнялось ещё и тем, что к ним в глубь лесов бежали местные жители, и им надо было помогать: они остались без крова и куска хлеба. Вспыхнула эпидемия тифа. Умиряли дети. Партизаны по-братски делились с местным населением всем, что имели. А сами отчаянно голодали.

В сёлах, окружающих хинельские леса, стояли крупные немецкие отряды, охранявшие тыловые коммуникации армии, нацеленной на брянские леса. С фронта дошли печальные вести. Танковые армии врага ринулись через Северный Донец за Дон к Волге. Оккупанты ещё больше осмелели. Увозили молодёжь на фашистскую каторгу, советский актив сгоняли в концлагеря. Самолёты кружились над лесами, сбрасывая зажигательные бомбы и листовки. Местные партизаны, побывав дома, узнали, что немецкие власти пустили слух, будто брянские партизаны поголовно истреблены, а брянский лес полностью выжжен. Партизаны большинством голосов решили из Хинели не уходить. Было принято решение уничтожить одновременными ударами по нескольким селам старост, предателей, всякого рода фашистских прислужников. На следующий день партизаны приняли присягу: *«...За сожжённые города и сёла, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Кровь за кровь и смерть за смерть!»*

В этот день был объявлен вечер самодеятельности. Первым на зарядном ящике появился Анатолий Инчин, за ним ещё нескольких товарищей. Анатолий поднял над головой гитару, потом взял несколько аккордов, прошёлся всеми пальцами по струнам и запел приглушённым тенорком:

Наши пушки на опушке
Бьют полки германские.
Пропоём мы вам частушки
Наши партизанские.

Мы вот слышим чудеса
Из фашистской сводки:
Немцы сбили в небесах
Три подводных лодки!

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну танки бьешь:
Ленинград не завоюешь,
Сталинград не заберёшь!..

С наступлением ночи одна группа за другой отправилась на опасное задание. Они обязаны были уничтожить мосты, проволочную связь, распространять партизанские листовки, захватывать и разрушать молочные пункты, молотильные агрегаты, тракторы, комбайны, оказавшиеся в руках врага, захватывать документы в сельских управах и оставаться неуловимыми для врага. И вот пять кавалеристов венгерского конного полка, дислоцированного в городе Рыльске, появились на станции Локоть, удалённой от Хинели на шестьдесят километров. И только командир партизанского отряда Михаил Наумов знал, что это переодетые партизаны, а худой и слегка сутуловатый офицерик, легко державшийся на рыжем рослом коне, человек в орластом кивере, с витым серебряным шнуром на груди, с фонарём «Даймон» в петлице – лихой партизан, командир партизанской разведки Анатолий Инчин.

Изумляло Инчина в ходе рейда то, что при появлении любого количества врагов не было у партизан излишней суеты и нервозности. Каждый отряд знал свою задачу в обороне и выполнял её. Они убедились, что даже сравнительно малочисленный отряд людей, уверенных в своей правоте и силе, побеждает спесивых завоевателей. Появление партизан подрывало в фашистах веру во всемогущество немецкой военной машины. В течение рейда партизаны передавали в Москву разведанные и сведения о проведённых диверсиях. Вот одна из радио-

грамм: «В ночь на десятое февраля Хинельским, Червонным, Конопожским, Ямпольским и Недригайловским отрядами осуществлён одновременный диверсионный удар по четырём железнодорожным мостам. Коммуникации противника обрублены, движение эшелонов на линиях Сумы – Харьков, Сумы – Курск прекращено».

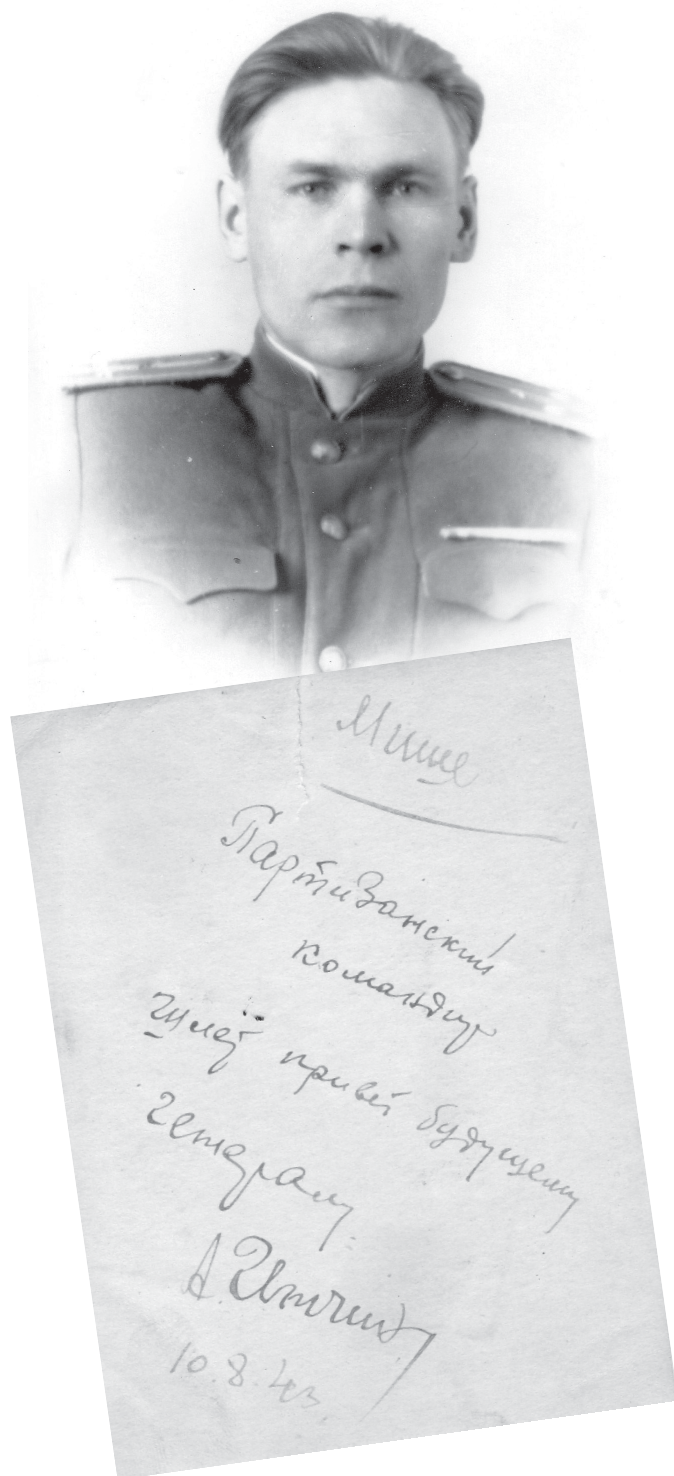
Но временами петля фашистов затягивалась туго. Так случилось, например, под Голованевским. Фашистам удалось разрознить партизанские отряды. Командир соединения М.И. Наумов, комиссар Анисименко, Инчин и ещё семь партизан оказались отрезанными от своих. Окровавлены, посечены осколками, прострелены или же исцарапаны пулями. Вид их был ужасен, всем требовалась срочная медицинская помощь, мучительно хотелось пить и есть. Нападение немцев было неожиданным и мощным. Фашисты были на вездеходах, сытые и хорошо вооружённые. Партизаны же были измотаны рейдом. Завязался неравный бой. Немцы подвозили всё новых солдат, подошли танки. И вот десять измученных партизан засели в какой-то яме. В автоматах кончались патроны, казалось, плен неизбежен. Инчин, осунувшийся и бледный, стоял с пистолетом в левой руке. Правая, с автоматом, опущена – нет патронов. До леса было 400-500 метров, усеянных трупами фашистов и партизан. Смеркалось, близилась ночь, и в этом было спасение. Под покровом ночи партизанам удалось пробраться к лесу, хотя вокруг свистели пули. Это фашисты наугад простреливали местность...

Засада. Партизан Инчин. Рис. Н. Кузовлева

За мужество и героизм в борьбе с фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета 7 марта 1943 года партизан Инчин Анатолий Иванович был награждён орденом Красной Звезды (ГАРФ, Ф. Р7523. Оп.4. Д.155. Л.18). 5 мая 1943 года закончился «Степной рейд», который длился более трёх месяцев. Хинельским партизанским отрядом уничтожены 474 солдат и офицеров противника, 1 самолёт, шоссейный мост, 26 автомашин, 5 узлов связи. Захвачены трофеи: строевых коней – до 60, обозных – 312, повозок – 120, денежных знаков до 35–40 тысяч. Роздано населению более 4 тысяч центнеров зерна. В самом конце «Степного рейда» Анатолий Инчин был тяжело ранен и отправлен самолётом на большую землю, догнал свое партизанское соединение уже в ходе «Западного рейда». 5 января 1944 года Указом Президиума Верховного Совета партизан А.И. Инчин был награждён орденом Красного Знамени (ГАРФ, Ф.37523. Оп.4. Д.210. Л.4)

Боевые подвиги А.И. Инчина описаны в книгах генералов М.И. Наумова «Хинельские походы» и «Степной рейд», П.П. Вершигоры «Партизанские рейды», И.И. Бережного «Записки» и «Два рейда», писателей В. Пелеванного «Товарищ Наумов», А. Вятковского «Партизанский командир», журналистами Л. Суриным, И. Козиным и другими. А.И. Инчин является одним из героев документальной двухсерийной ленты Михаила Ромма «Великая Отечественная», двадцатисерийного фильма Р. Кармена «Неизвестная война». Он показан также в документальных фильмах «Народные мстители» и «Стратегия победы», хроникально-документальном фильме «Где вместе сражались они».

В фильме Сергея Герасимова «Журналист» звучит песня «Синеокий мой» на слова А. Инчина. О своем кумире он тоже не забыл: Денису Давыдову Анатолий Инчин посвятил такие стихи:

Денис, я с детства твой поклонник,
И партизанил всю войну,
Хоть не гусар, а просто конник,
Но цель имели мы одну.
Я за Отечество родное,
Как ты, готов был кровь пролить.
И жаль, ей-богу, не с тобою
Нам привелось фашистов бить!

По словам сына Владимира, Анатолий Иванович несколько месяцев прослужил в органах НКВД в аппарате Берии, ему один раз довелось быть на приеме у самого Сталина. В апреле 1945 года Инчин участвовал в секретной операции по поимке итальянского диктатора Муссолини. За боевые заслуги вскоре был представлен к званию Героя Советского Союза. Но так и не удостоился этой награды. Дело в том, что учинил самосуд над пленными карателями, за что был разжалован и отправлен в штрафной батальон. После окончания Великой Отечественной войны был направлен на борьбу с бандитизмом в Западную Украину.

А.И. Инчин за годы Великой Отечественной войны был трижды ранен и дважды контужен. Когда вернулся к семье в Верхнюю Мазу, стал работать учителем математики и физики в здешней сельской школе. Жил в доме за речкой Мазкой, в котором каким-то чудом после разрушения усадьбы Давыдовых оказалась лакированная дверь барского дома.

И пройдя через горнило войны, Анатолий Инчин стремился сохранить детское восприятие мира и окружающей природы. В 1960 году выпустил книгу своих стихов для детей «Ручеек» и «Облако на ниточке», затем книги для подростков «Пароль» и «Победа». Перенесенные ранения и военные тяготы сказывались на здоровье. Он уехал на Урал в Челябинскую область, где работал редактором радиовещания на Усть-Катавском вагоностроительном заводе имени С.М. Кирова.

В конце 70-х годов переехал в Самару, где активно работал над созданием литературных произведений о Великой Отечественной войне. По словам М. Наумова, он «стал летописцем партизанской войны». Писал невыдуманные рассказы, очерки, книги про погибших и оставшихся в живых партизанах, своих боевых товарищах. Первая художествен-

Верхнемазинский дом писателя А.И. Инчина, в котором встроены двери из дома Давыдова

но-документальная повесть «Шумят леса Хинельские» была издана в 1972 году в Саранске, переиздана в 1985 году. В том же году автор был награжден орденом Отечественной войны I степени. В последние годы жизни А.И. Инчин издал несколько книг о войне: «Партизанский характер» (1991), «Корпус генерала Наумова, или Схватка с абвером» (1994), «Партизанские были» (1995). Рассказы А.И. Инчина не раз публиковались в радищевской районной газете «Восход».

Свое последнее произведение в «лихие» 1990-е годы А.И. Инчин завершил такими горькими раздумьями о будущем: «Закончилась самая страшная война в истории человечества. Неисчислимые жертвы принес советский народ на алтарь Победы. Нам, воякам, казалось: вот теперь и наступит достойное время, мы всем жизненным подвигом заслужили любовь и уважение тех, кто придет после нас. Не получилось. Мы оказались оболваненным поколением. А дети наши не оправдали наших надежд – их сознание и психику также исказила система. Мы себя и спрашиваем: во имя чего переносили мучения, пытки, лишения, когда новые вожди живут только собой и для себя? Удивительное время настало на Руси...»

До самого конца жизни дни Анатолия Ивановича были заполнены подготовкой выступлений для радио и телевидения, литературной и общественной деятельностью, работой над новыми произведениями, которые адресовал молодому поколению, к счастью, не испытавшему тягот и ужасов войны.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Дмитрий ЕРМАКОВ, прозаик, член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.М. Шукшина «Светлые души», лауреат международного конкурса детской литературы им. А.Н. Толстого и др.

Автор книг «Такой день», «Путь чая», «Дела земные», «Кружевные сказки», «Тайный остров», «Время жизни. Русские хайку» и др. Живет в Вологде.

МОЛИТВА

Он сидел, прикрыв глаза, на плоском шершавом валуне у самой воды. Солнце прогрело камень, и сначала Кирилл не чувствовал холода. Но потом ощутил – древний, ледниковый, идущий из сердцевины камня. Поднялся. Склонился к воде. И сквозь своё зыбкое отражение увидел, как по белому песку, оставляя неровную дорожку, пятится клешнистый рак...

Крутой берег в густом ельнике. Кирилл, подхватив корзину, пошёл от реки не тропой, лесом. То и дело попадались золотистые кругляши – рыжики. Кирилл бережно срезал их, вдыхал их запах. И от жёлтого молочка на срезе гриба желтели его пальцы. Грибной азарт охватил его. Он лез в самую чапарыгу, там, в траве, между валежинами, под молодыми крохотными ёлочками и было больше всего грибов. Корзина быстро наполнялась.

Кирилл забрал сильно вправо и вышел не к деревне, а к большой реке, в которую и впадал ручей, на берегу которого он сидел.

Деревня была в углу между рекой и ручьём, на самом взгорке.

Кирилл опять загляделся на воду...

Он услышал жужжание мотора, и вскоре из-за зелёного камышового мыса вылетела, задрал нос, лодка «Казанка». На корме сидел Миша, егерь, в зимней армейской шапке без кокарды, в армейском же бушлате. Охранитель здешних вод и лесов. Он и сидел как хозяин: откинувшись, вздёрнув подбородок, одной рукой держал руль, другой – зажатый между коленей стволом вверх армейский семизарядный карабин.

Заметив на берегу Кирилла, скинул скорость и направил лодку к берегу.

Когда лодка ткнулась в песок, Миша легко выпрыгнул, поддёрнул лодку, обернулся к Кириллу:

– Здорово, бродяга.

– Здорово, – пожали руки.

Они и раньше были едва знакомы, да не виделись уж лет десять. Но повели себя как добрые при-

ятели, причём – без всякого усилия.

Присели у воды, закурили.

– Отдохнуть приехал?

– Да, – кивнул Кирилл.

– Один?

– Один.

Миша заглянул в корзину:

– О, рыжики. Уважаю, – вдруг спросил: – Поедешь со мной? – На вопросительный взгляд Кирилла пояснил: – Рыбки с браконьерских сетей снимем, у костра посидим...

– Грибы-то куда вот только? – уже кивнув согласно, спросил Кирилл.

– Найдём и грибам применение. Под скамейку корзину ставь, – Миша глянул на Кириллову обувь – лёгкие кроссовки – и добавил: – И сам залазь давай, я толкну.

От берега на вёслах Миша отгрёб и на корму к мотору перебрался. Кирилл, вспомнив его слова насчёт рыбы, спросил:

– А чего – браконьерят?

– А как же...

Лодка рванулась, пошла, полетела, задрал нос.

Кирилл сидел, левой рукой прихватившись за скамейку, а правой держа карабин, поданный Мишей. Дух захватило от скорости, мокрого ветра. Брызги за бортами сверкали; высокий правый берег разделился на две полосы: широкая жёлто-коричневая – береговой откос, и узкая зелёная – трава, листва.

Пологий болотистый левый берег – весь зелёная стена.

И голубая безбрежность неба.

Кирилл оглянулся на егеря, тот сидел в своей гордой позе, подмигнул, кивнул вопросительно, мол: «Ну, как?». Так, наверное, художник представляет свои новые работы зрителям, с затаенной гордостью за сделанное. И Кирилл не сдержал улыбку и показал поднятый большой палец...

Миша показывает ему реку, как гостю. А ведь есть у него, Кирилла, и своя память об этой реке. Каждое лето приезжал он сюда, в деревню, к бабушке Поле. И однажды с Колькой Лузгиным сколотили они плот, как раз на том ручье. В реку вышли. Сперва шестами толкались, а потом, на глубине уж спохватились, что вёсел-то нет у них, но не сильно расстроились, по течению поплыли. Колька что-то дёрнулся резко, плот накренился, захлестнуло его водой, в другую сторону дёрнулся – и чуть оба в воду не скатились. Тут-то и застучали у них зубы от страха. Сидели в середине своего плотика, прижавшись друг к другу, боясь шевельнуться. А плотик пронесло уж мимо деревни, уже лесные болотистые берега потянулись. На одном из поворотов прибило их к отмели у берега. Нащупав шестом дно, как угорелые, в воду бросились и уже у самого-то берега в яму оба с головами ушли, еле выбрались... И не вспоминали потом никогда о своём плавании, стыдно, что ли, было... Недавно узнал Кирилл, что нет уже Кольки в живых... Много воды утекло, много, наверное, и таких же, как их с Колькой, плотиков по реке пронесло... Вот и он, Кирилл Медведев, – гость на реке своего детства...

Утка, хлопая крыльями по воде, вылетела из-под носа лодки, ушла в камыши. Река петляла, раз-

делялась в протоки, разливалась почти в озёра, обтекала островки. Глянцевые листья и жёлтые головки кувшинок, камышовые заросли, зелёные ивовые подушки у самой воды, всплески рыбы, взлетающие утки... Кириллу уже не терпелось остановиться бы где-нибудь, спокойно, не в разбеге взглянуть в эту красоту, удочку бы кинуть (наверняка есть у Миши)...

И Михаил, действительно, скинул скорость, направил лодку к левому берегу, заглушил мотор. Уже у самых прибрежных кустов Кирилл заметил выгащенную на берег лодку, а за кустами на сухом пригорке неприметную зелёную палатку и людей рядом. Костровый дымок почуялся.

– Останься в лодке, встань, карабин в руках держи, – скомандовал негромко Миша, вышагивая прямо в воду в своих броднях, подхватил носовую цепь, поддёрнул легкую «Казанку» носом на мокрый песок. И ему навстречу человек от костра поднялся, и из палатки кто-то выглянул.

– Добрый день, – громко уверенно сказал Миша, – егерь Буланов. – Корочки из кармана выдернул, показал. – Путёвочку вашу попрошу, документы на оружие.

Кирилл напряжённо стоял, вглядывался и вслушивался. Но говорили уже негромко, вполне мирно.

– ...нет, спасибо, работы ещё много, – Миша возвращался к лодке, махнул Кириллу, давая отбой.

– Нормально всё, – лодку столкнул и сам залез, за вёсла взялся, выгрёб к середине. Но мотор не заводил. Вёсла на борта поставил, и лодку несло тихонько вниз по течению.

– Пять лет назад я подышал здесь, – Миша кивнул в ту сторону, откуда отплыли.

– Что так? – спросил Кирилл, закуривая, и протянул пачку Михаилу. Тот выгащил сигарету, прикурив, сильно затягиваясь, от подставленного Кириллом огонька зажигалки.

– Весной, как раз на открытие охоты, пошёл на дальнее озеро уток пострелять, там спокойно, мало кто уже туда и дорогу-то знает. Лодку вот тут же оставил, где они. Да тут один и выход-то на берег более-менее сухой... Три дня там охотился. И, бывает же и на старуху поруха, попил водички прямо из ручья... На третий день и залихорадило меня. А тридцать километров почти переть было до лодки-то. Сперва-то ещё держался, потом уж не знаю как и шёл, всё в тумане, на берег выполз, а до лодки доползти сил нет... И уже, знаешь, смирился: всё? думаю, пришёл мой час... И вдруг картина в глазах – тело своё вижу, мёртвое, разлагающееся, и лиса, ободранная такая, линияющая, подбегает и... лицо моё гложет. И так мне стало противно и обидно за себя. «Врёшь, – думаю, – не возьмёшь». Откуда и силы взялись – на карачки поднялся. Стошнило меня тут же и будто бы полегчало, встал я на ноги, лодку отвязал, столкнул на воду и упал в неё. Мужики ниже по течению с берега увидели, на моторе догнали, домой притащили... А я даже врача не вызывал, отлежался, спиртом да салом барсучьим выправился. Вот так...

– Да... – сказал Кирилл, окурок в воду бросил.

– Ну-ка... – Миша опять что-то увидел у берега, за вёсла взялся.

...Сеть к береговому кусту была привязана, вто-

рой конец к притопленному, вбитому в дно батогу.

Дохлую рыбу Миша сразу выбрасывал за борт, а живую кидал в лодку.

– Как минимум два дня не проверяли, забыли, что ли, с перепую... – егерь сплюнул от злости. – Рыбаки хреновы, бракуши...

Рыбы, лещи и язи в основном, сверкали чешуёй на солнце, а потом, как-то разом, все побледнели, серыми стали...

Опять шли на моторе, солнце, уже розовое, вечернее, стояло прямо в створе берегов, позади лодки, и волнистая дорожка за лодкой была розовая.

Похолодало сразу, и Кирилл понял, почему Миша в августе – в зимней шапке и бушлате.

– Всё, приплыли. Вот избушка моя на курьих ножках.

Избушка, и правда, как на ногах, на сваях стояла метрах в трёх от воды, скрытая со стороны реки ивняком, по весне, видимо, это место затапливалось. А уже за избушкой высоко, горой, вздымался берег, и в гору петляла между кустов тропа.

Фото А. Шишова

Миша из кустов достал лесенку, приставил к порожку, поднялся, снял с двери замок:

– Держи, – бросил Кириллу серую фуфайку. С высокого крылечка не по лестнице спустился – спрыгнул по-молодому. Ткнул Кирилла в плечо: «Пошли», – будто вспомнил что-то очень важное, и вот сейчас, пока не забылось в суете, нужно сразу же это важное сказать или показать. Полез тропой в гору, Кирилл, натянув фуфайку, за ним устремился.

Вершину Кирилл почувствовал – ветер охолодил вспотевший лоб. Миша как-то в сторону ушёл, будто оставил его одного. А Кирилл не сразу решился поднять глаза, в общем-то зная, что увидит... Лента реки бесконечно разматывалась в обе стороны, причудливо извиваясь... А за рекой: леса, луга, серые дороги, поля, холмы, деревеньки, и опять леса и поля... Дух захватывало от воли и ветра...

– Вот так, брат ты мой... Вот так... Не тесно живём, – подал голос Миша.

По одной из дорог пылил мотоцикл.

– Вася Веснин гонит. День ведь в поле отпахал и опять куда-то... – одобрительно сказал Миша.

Егерь махнул рукой вниз по течению реки:

– Рыбачки наши сеть ставят.

И Кирилл увидел чёрточку на воде – лодку, понял, что говорит Миша о тех, к которым подплывали днём.

– Ну и пусть ставят. Можно. И поохотиться можно, всё можно. Совесть только иметь...

Кирилл повернулся спиной к реке – и там леса, и, кажется, озерцо просверкивало в закатном солнце – может то, на котором охотился и чуть не погиб, выбираясь с которого, Миша. И не видно конца тем лесам... И Кирилл вмиг ощутил вечность.

Егерь опять из забытья его вывел:

– А давай-ка, Кирша (по-деревенски, как только здесь и только в детстве его называли – и от этого тоже сердце ёкнуло), сгоняем вон к тому дымку, – вверх по течению указал на противоположный берег. – Там, знаешь, кто? О-о, там... не пожалеешь.

Осторожно, под конец всё же сорвавшись на бег, спустились к реке. Миша опять в домик залез, что-то собрал там в рюкзак, и, когда ставил его аккуратно в лодку, брякнуло аппетитно.

Вскоре опять гнали по реке.

И весь этот день представился Кириллу сжимающейся пружиной, которая ещё не сжалась до предельной точки, но которая ведь и разожмётся, и, может, выбросит душу его ввысь...

Выбрались на песчаный в этом месте берег. Миша рюкзак и ведро с рыбой взял, Кирилл про грибы вспомнил и корзину прихватил.

– Ага, давай, – увидев грибы, и только сейчас, видно, вспомнив про них, кивнул Миша.

На пологом травяном лугу целый палаточный городок раскинулся: большая армейского типа палатка посередине и несколько маленьких туристических. Дальше виднелись крыши деревни. А невдалеке от палаток костерок в сумерках алел, потрескивал.

Их заметили:

– О, Михаил Иванович! Давай к нам.

– Здорово, Миша.

– Рыба есть?..

У костра на досках, положенных на чурбаки, сидели люди – человек пять – археологи, кто-то и у палаток ещё ходил, и в воде кто-то плескался.

– Здравствуйте, – сдержанно сказал Миша. – Вот, с другом...

– Добрый вечер, – сказал Кирилл...

...Сразу по чуть-чуть выпили, и, конечно же, не от малости той, от чего-то другого, всё для Кирилла потом, как в тумане, происходило. То есть он всё видел и понимал, но будто со стороны или сквозь дымку видел и чувствовал. А туман и правда над рекой поднимался, затягивал берега, прижимал людей к костру.

Миша и какая-то женщина ушли к реке чистить рыбу, и слышен был вскрик женщины и смех её над водой. Кто-то поставил кирпичи над горкой углей, на них большую сковороду и покрошил туда рыжики...

Потом ещё раз, с тостом «за встречу», выпили. И Кирилл впервые в жизни закусил жареными рыжиками (он был убеждён, что их можно только солить). И от этих рыжиков жареных сразу в жар бросило, и кровь побежала быстрее.

Неожиданно совсем рядом затрещал мотоцикл и заглох.

– О, Василий, подходи, угощайся!

– Спасибо... Чуть-чуть... всё-всё... – невысокий, плотный, белоглазый человек принял железную

кружку с водкой, и кружка сразу исчезла в его чёрных ладонях.

– Опять шестерёнку какую-нибудь в мастерской выщипывал?

– Да. А что делать? Ну, спасибо. Дел ещё много.

И будто и не было его – рыкнул мотор в темноте и всё.

– Вот на таких Василиях эта земля от века и держится! Вот – прямой потомок первого поселившегося здесь славянского племени. Яркий тип одновременно смелого первопроходца и терпеливого пахаря!..

Только сейчас Кирилл и выделил из всех сидевших этого человека, понял, что он и есть здесь главный, и это с его разрешения всё здесь и происходит. Немолодой, сухой и крепкий, седобородый.

– Друзья мои, – продолжал он, – это ли не чудо? – как минимум пятнадцать тысячелетий назад здесь, на этих берегах, уже жили люди. Мы ещё не знаем, какой национальности, да и не было тогда национальностей. Тут же, вон там, мы нашли свайные сооружения угро-финского племени, чуть выше – славянское поселение, полуземлянки, почти уже избы. И уже в слоях девятого-десятого веков найдены нательные кресты. И вот она – современная деревня, – он указал на невидимые сейчас дома. – Те же избы, и главное, те же люди. Братья! За нами сорок поколений православных людей, за нами бессчётные поколения предков, ещё не знавших Христа, но и в детстве язычества уже несших в душах своих понимание добра и справедливости... Я пью за эту землю, за эту реку, за этот вечный туман и за этот вечный костёр! За нас!

И уже сверху из какого-то другого мира увидел Кирилл костёр и людей вокруг него – воинов далёкого вольного племени с седобородым властным вождем во главе... И чаша шла по кругу, посолонь, и речи заздравные и воинственные на непонятном – но русском! – языке долго не умолкали...

Утром растолкал его Миша.

– Курево есть?

Кирилл дал ему и сам закурил.

Тихо было. До звона в ушах тихо. Лагерь московских археологов спал. Пахло рекой, загашенным костром... Туман над водой уже развеялся, но по берегам ещё гулял мягкими клубами, таял в лучах восходящего солнца.

– Ну что, брат? – спросил егерь.

– Домой пора собираться. До деревни меня подкинь.

Миша ушёл к большой палатке и вскоре вернулся с карабином, рюкзаком и корзиной.

– Ну поехали.

И снова неслись по реке. Холодный мокрый ветер быстро вымел из головы вчерашний хмель, но почему-то уже не было того, вчерашнего, радостного чувства...

Когда проходили мимо егерской избушки, невидимой с реки из-за кустов, Кирилл подумал: «Как же он свай-то вбивал?..» И усмехнулся сам себе, наивности своего вопроса, взглянув на Мишу, который тоже взбодрился на вольном ветре, сидел в своей всегдашней гордой позе. Да этот Миша не то что забьёт, он перегрызёт любую сваю, если нужно будет...

На берегу простились.

– Спасибо, Кириша.

– И тебе, Миша, спасибо.

После недолгих сборов в пустом дедовском доме Кирилл сел в машину – белую «Ниву», погнав в сторону города.

Солнце уже пригревало, дорога пылила за колёсами автомобиля. Вспомнилось вдруг: «За нами дым и пыльные хвосты...» Дальше Кирилл не помнил, знал, что что-то хорошее, но не помнил... Он резко остановил машину. Вышел. В поле работал трактор, и видно было, какой он старый, весь многократно перебранный. И тракторист, кажется, Василий, махнул Кириллу...

«Господи, пусть не кончается это никогда, пусть не кончается», – прошептал или только подумал Кирилл Медведев.

АНГЕЛ ПРИЛЕТЕЛ

Таисия Петровна сидит одна за столом в своей хате, как привыкла она называть двухкомнатную квартиру в старом пятиэтажном доме, на первом этаже. Дом этот на краю посёлка, а почти сразу за посёлком – разделительная полоса. По ту сторону – украинские войска, по эту – донецкое ополчение.

«Господи, на старости-то лет и в сад не сходить!» – думает она, вспоминая деревеньку, из которой переехала с мужем в этот посёлок ещё тридцать лет назад. Вспоминает, как с дочерью Ульяной и внучкой Галей ходили осенью в свой сад собирать яблоки...

Давно уже умер её муж-шахтёр. Дочь погибла в прошлом году от шальной пули. Зять, до этого всё работавший в шахте, ушёл в ополчение. Остались они с внучкой вдвоём.

В этом году окончила Галя одиннадцатый класс (школа в соседнем посёлке). Летом вдруг сказала

бабушке: «Поеду в город Вологду на кружевницу учиться». Это уж она в своём интернете насмотрела. Рукодельная-то она с детства: и шить, и вышивать, и вязать умеет. А вот кружево – не здешнее рукоделие.

Таисия Петровна, как про Вологду да кружева услышала, совсем давнее вспомнила...

Она, кроха лет трёх, на руках у мамы, тут же отец, его брат, дедушка и ещё много людей в битком набитом «скотском» вагоне. Вот откатилась дверь, и яркое, но холодное солнце ударило в глаза, и были видны какие-то домики, пахло дымом, и снег, снег... И округлое слово «Вологда» прокатилось по вагону... Но двери закрылись, и их снова повезли, и вышли они на каком-то полустанке. Ночевали в ближнем селе, в церкви. Прямо посреди храма горел костёр, а измученные люди лежали и сидели на каменном полу, подложив свои вещи... Она всё была на руках у мамы. Всполох костра выхватывал стену, и виден

был белый ангел, летевший, расправив крылья...

Поутру многие не поднялись, осталась в той церкви и её бабушка.

Снова шли по зимней лесной дороге, потом женщин с детьми посадили на сани...

Прямо в лесу и построили ссыльные раскулаченные украинцы посёлок. Занимались лесозаготовками, потом и пахать, сеять начали, скот появился. Перед войной был это уже богатый колхоз.

На фронт ссыльных сразу не брали, но к сорок второму году и до них очередь дошла. Ушли на фронт и отец Таисьи, и дядя, оба погибли.

В войну и сразу после войны часто из соседних деревень приходили крестьянки, меняли вещи на хлеб. Бывало, и кружева приносили, но её мать их не брала: «Вдове это не трэба», – говорила.

В школу Таисья ходила в соседнее село. Однажды забежала в дом к одной из подружек, а там её старшая сестра кружево плела. Загляделась Таисья на работу кружевницы, захотелось и самой научиться. Да куда там! Столько работ да забот помимо учёбы...

В сорок седьмом стали отпускать домой украинцев. Вот и до Таисьи с матерью дошёл черёд.

Вернулись они на Украину. А родного села нет, сожгли фашисты перед отступлением. Строились люди заново, сады сажали...

Счастье это было для семнадцатилетней девушки – на родину вернуться, самой увидеть то, чего по малолетству не помнила, о чём только слышала: чёрную, жирную землю, в которую «палку весной воткни, а осенью яблоки снимай», подсолнухи, новые белые хаты, что вскоре появились на месте пожаров... Пришло время – и замуж вышла.

...И вот сидит Таисья Петровна одна в квартире и вспоминает жизнь – будто и не было! Уехала внучка-то осенью, поступила. «Это хорошо, что уехала... Чего здесь-то, ждать, когда снаряд в окно прилетит...»

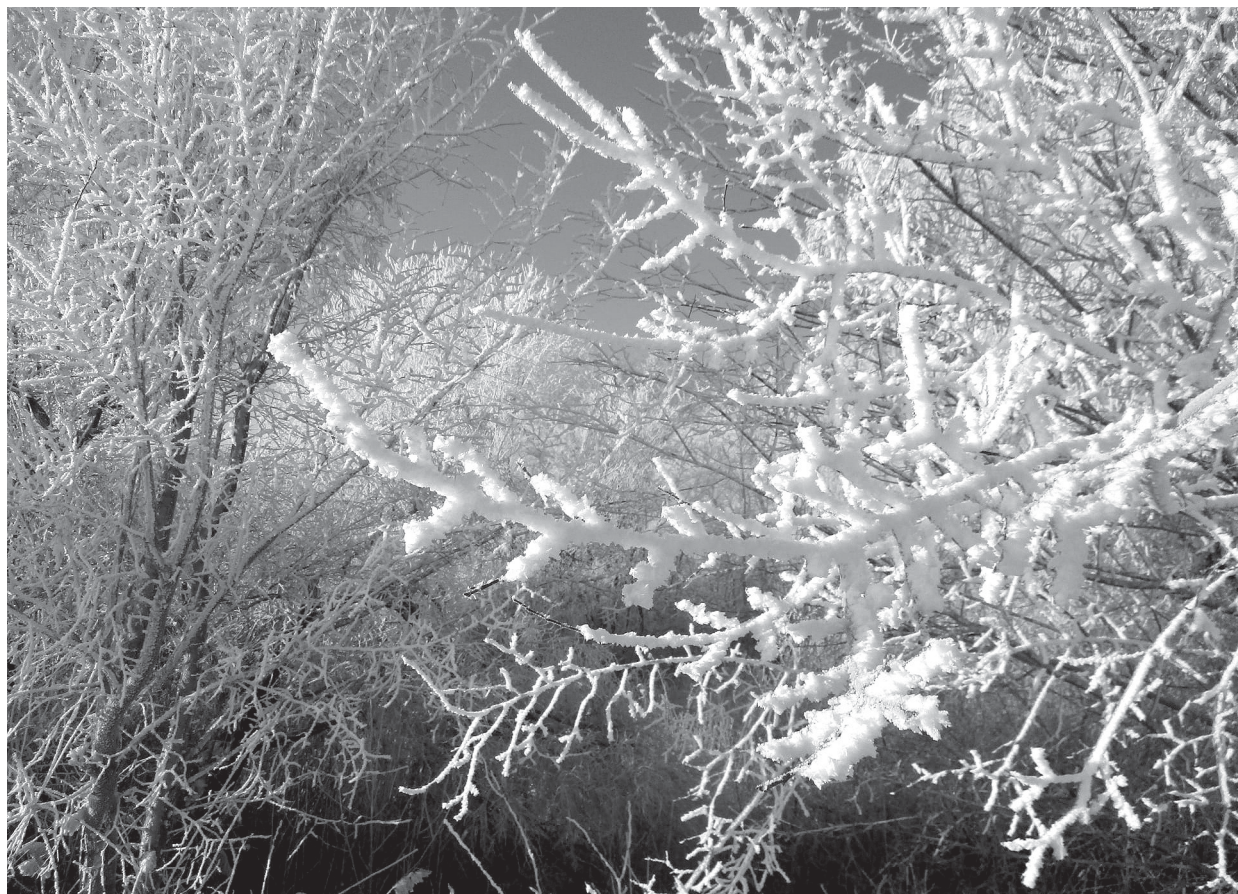
Однако же ёлочку (старую, искусственную) по привычке нарядила, стала и винегрет готовить. Есть у неё в холодильнике под окном и колбаска, и мясо, найдётся чего и выпить). Это для зятя, отца Галины. На Новый-то год, может, и отпустят до дома, не всё же воевать-то... А сама она до Рождества постится...

В дверь позвонили, и Таисья Петровна вздрогнула. Прислушалась и только на второй звонок пошла открывать.

– Бандероль вам, тётя Тая! – сообщила неунывающая почтальонка Марина. – Из Вологды! – добавила, и пошла дальше разносить письма и бандероли по полупустым домам.

Раскрыла Таисья Петровна конверт, а там в прозрачном пакетице кружевной ангел... И письмецо: «Бабушка – это я сама сплела, моя первая работа. У меня сразу стало получаться. Бабушка, Новый год я в Вологде встречу, а на Рождество приеду к тебе и папе. Обнимаю и целую».

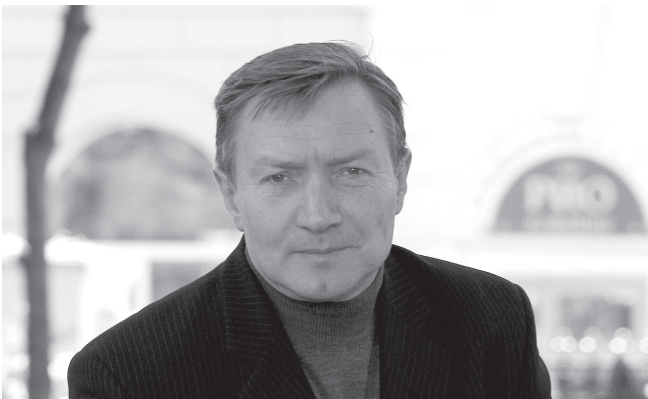
Таисья Петровна за ниточку повесила ангела на ёлку и стала ждать и молиться.

Иней. Фото М. Бирюковой

ЮБИЛЕИ

Владимир СОРОЧКИН родился 21 января 1961 года в Брянске.

Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А.М. Горького (семинар Ю.П. Кузнецова).

Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах – «Наш современник», «Русская провинция», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Дружба народов», «Форум», «Литературная учёба», «День поэзии XXI век», «Поэзия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Волшебная гора» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Всемирная литература» (Минск), «Белая вежа» (Минск) и др.

Стихи переводились на белорусский, украинский, болгарский, коми языки.

Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое «да» (1997), «Завтра и вчера» (2005), «Потаённое небо» (2016), «Божье колесо» (2019).

Лауреат Всероссийских литературных премий им. Ф.И. Тютчева «Русский путь» (2001), им. Н.С. Гумилёва (2018) и др.

Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства.

ЕСЛИ Б ГЛИНА В МОИХ ОЖИВАЛА РУКАХ...

ДОМ ДЕТСТВА

Проснёшься в детстве. Утро. Холод.
Оживший дом похож на храм,
В котором сны и тени ходят
В обнимку, прячась по углам.

Сквозь незавешенные шторы,
Как белоснежный райский сад,
Окна морозные узоры
Пушистым инеем блестят.

Печь пахнет мелом и весною.
Мать наливает в кружки чай.
Отец молчит, хотя со мною
Он часто шутит невзначай.

А мне ещё лет пять, не больше,
И я смышлён не по годам...
Теперь я много б отдал, Боже,
Чтоб оказаться снова там,

Где мы опять, как прежде, рядом
Друг с другом – не разлей вода,
И этот миг под детским взглядом
Не исчезает никогда.

В извечной тайне неповинны
Они, бесплотные, как дым,
Когда и жизнь, и смерть едины,
Как и грядущее с былым.

Они слепят глаза, как солнце,
Там, за стеклом – отец и мать,
И к ним сквозь райский сад оконце
Я всё пытаюсь продышать.

ПОМНЮ О ВАС

Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова
Доброе слово сказать иль полслова –
Всем, кто ушёл.
Всем, кто в закатной разлил позолоте
Дни, промелькнувшие, словно в полёте
Крылышки пчёл.

Помню о вас, кто с терпеньем и болью
Жил, на любовь отвечая любовью, –
Помню о вас.
Помню, что сретенье – не за горами,
И проступает сильнее с годами
Кровная связь.

Живы во мне – отголосками счастья
Все вы, родные, до смертного часа
Живы во мне.
Живы, печалям земным не внимая,
Веткой сирени весну обнимая
В радужном сне.

СОННЫЙ СВЕТ

Если б глина в моих оживала руках,
Я слепил бы тебя, чтоб оставить в веках
И осанку, и плечи твои, и наряд,
И улыбку, и твой недоверчивый взгляд.

Это просто – скользить в темноте немоты,
Воскрешая на ощупь родные черты,
Все изгибы, извивы, что льются рекой
И, дрожа, замирают на миг под рукой.

Ничего не забыто, и можно опять
В сонном свете тебя находить и терять,
Потому что слепыми касаньями уст
Я давно уже знаю тебя наизусть.

* * *

Солнце запуталось в сетке ветвей.
День закатился под шкаф.
Бабочка спит на подушке твоей,
Крылышки сна расплескав.

Плющ зацепился за створку окна,
Тени склонились к ручью...
Вряд ли ты сможешь остаться одна
В этом притихшем раю.

Чтобы услышать, как щёлкает дрозд
Песню свою без обид,
Ты поскорей возвращайся со звёзд,
С непостижимых орбит.

К дальним светилам, окутанным тьмой,
К безднам, горящим во мгле,
Я бы и сам полетел за тобой,
Но – мне милей на земле.

Здесь ожидают тебя дотемна
Тропка с осколками луж,
Бабочка, свет в перекрестье окна,
Ветром колеблемый плющ.

* * *

Потаённое небо вишнёвого цвета
Разольёт осторожно – волна за волной –
Тёплый чай утонувшего в зелени лета –
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! – и не будь так строга и предвзята. –
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мятую,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

СВЕТЛЯЧОК

Светлячок горит вдали от сплетен,
Без особых мыслей в голове, –
Он до неприличия заметен,
Под ногами путаясь в траве.

Всяк влюблённый – капельку придурок,
Так и он являет свой задор,
Словно непотушенный окурок
Или непогасший метеор.

Спят во мраке города и веси,
Но на перекрёстках всех годин
Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.

И моргает часто-часто-часто
Зоркий проблесковый маячок:
«Вот он я! – светящийся от счастья
Дурачок!»

ПРОЩАЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Ветром подбитые сутки.
Улочек вымокший шарм.
Нам не хватило минутки
Поговорить по душам.

Кроны, что плыли китами,
Брызжа зелёным суфле,
Ныне лежат лоскутами
На равнодушной земле.

Осень взлетает на воздух!
Тлей, золотое тряпье!
Дурочка – это не возраст,
Это – призванье твоё.

Я и таким принимаю
Твой ускользящий свет,
И ничего – понимаю –
В жизни напрасного нет...

Взгляд преломляет, как призма,
Листья по чёрной кайме,
Словно прощальные письма
Лето послало зиме.

* * *

Осени признаки явные
Видишь на каждом шагу.
Слышно, как падают яблоки
В стареньком нашем саду.

Дальнее поле распахано –
Всё – из полос и заплат.
Дверь ненароком распахнута
На догоревший закат.

Можно простить и покаяться,
Можно забытья виной.
Вместе с тобой мы пока ещё,
Ты ещё рядом со мной.

Помню себя каждой тóбликой
Только твоим и ничьим.
Пахнет зелёной антоновкой,
Детством и небом ночным.

И расставаться не хочется,
Но, словно загнанный зверь,
Из темноты одиночества
Смотрит в раскрытую дверь.

* * *

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы...
Посмотришь – жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

РАДУГОЙ ЧЕРНИЛ

Рагиму Рахману

Благодарю, Абдурагим,
За твой Дербент, за высь над ним,
За Каспий – с дымкой золотою,
За прочность стен Нарын-Кале,
Что поднялись, как на крыле,
Над городской суетою.

Внизу – полны, как закрома –
Видны мечети и дома,
Сверкая доньшком стакана,
И вдаль – от времени черны
В небытие плывут челны
С княжною Разина Степана.

Не видя нового врага,
Стоят Железные Врата
В подножье спящей цитадели.
Всевластен времени пожар:
Века сарматов и хазар
Уже давно в земле истлели.

А мы с тобой, Абдурагим,
Ещё живём, ещё горим,
Пытаясь душу на листочек
Перенести, вослед мечте,
Сидим, как в каменном мешке,
В плену нехитрых рифм и строчек.

Дана нам радуга чернил,
А без неё и свет не мил. –
Мы сами выбрали тирана,
Но знаю, что – всему свой час:
Бог даст – когда-нибудь и нас
На свет достанут из зиндана.

Ну а пока – не подшофе
Мы чай с тобою пьём в кафе,
Под сенью куц – почти что райских,
И улыбаются уста,
И вдохновляет высота
Щемящих звёзд табасаранских.

МУРАВЕЙ

Николаю Старченко

Быть муравьём – тяжёлый труд.
Привычно, без затей
И там и тут, и там и тут
Радеет муравей.

Он в одиночку и в строю
Ведёт мгновеньям счёт
И ношу тяжкую свою
Безропотно несёт.

От невеликих жив щедрот,
Открыт семи ветрам,
Он муравейник создаёт –
Свой дом и Божий храм.

Он там, где нет приметных троп,
Где колобродит шмель,
Где дуб стоит, как небоскрёб,
И хвою сыплет ель.

Он там, где снова зацвели
Проталины весной.
Он – муравей. Он – соль земли,
Он – труженик лесной.

Всё может этот крошка-гном,
Везде поспел пострел,
И вновь – работа день за днём –
Его святой удел.

Видать, поэтому в веках
Чиста и зелена
Не на слонах – на муравьях
И держится земля.

КАСАЯСЬ ЛИЦА

А помнишь – снег кружился вразнобой,
Светясь алмазным нимбом над тобой,
Лица касаясь, тая в сгустках пара.
Зима уже куражилась и жгла,
И шаркала метельная метла
По стёртой грампластинке тротуара.

И ты смеялась – снегу, свету, снам,
И щедро время улыбалось нам,
Пересекая год привычным курсом,
А снег ваял, коснувшись пустоты,
На ветках букли, бантики, цветы,
Как говорится, – просто и со вкусом.

Морозный мрамор хрупок. Бог бы с ним...
Я знаю, что с тобой неразделим:
Не разлучат нас тени или стены...
Уже февраль, и сникшие снега
Белеют, как танцовщицы Дега,
На грязный холст сошедшие со сцены.

ВОРОБЬИ

1
Морозит, и рукою ныне
Подать до снежной ворожбы.
А под ногами, как проныры,
Снуют шальные воробьи.

И вокруг – чирикающая порхая,
Чтоб ни зерна не дать врагу,
Клюёт задиристая стая
Кашицу крошек на снегу.

Не зная устали и страха,
Здрав голодные хвосты,
И та, и та, и эта птаха
Найдёт, чем душу отвести.

Они и раньше, хваткой мёртвой
Вцепившись так, что не пройти,
Клевали хлеб – насквозь промёрзший, –
Не то, чтоб вволю, но – почти.

И сердобольные бабульки
Под воробьиный тарарам
Крошили вымокшие булки
По переулкам и дворам. –

И не вязали пояс туже,
И жили – как заведено,
Спасая собственные души
И птичьи души заодно...

2
Снег лёг вразлёт, пленяясь ширью,
Пронёсся, вырвавшись из пут...
Теперь и птицам – не до жиру,
Но – даст Господь – не пропадут.

...И посреди седого неба,
Идёт старушка вдаль и ввысь,
Ещё решая: взять ли хлеба
Иль прошлой жизнью обойтись, –

Идёт, храня свою надею,
Почти незримо – там и тут. –
И воробьи кружат над ней
И крошки белые клюют...

НОВОГОДНЕЕ

Мы можем не видеться днями,
Но всё же – по-детски ясны,
Кружат над твоими полями
Мои новогодние сны.

И мне их хватает с лихвою,
Когда, засыпая на миг,
Я кутаюсь в жаркую хвою
Декабрьских объятий твоих. –

Сквозь снег – запашистый, как ландыш,
Бенгальский горит огонёк,
И хрупко мерцают гирлянды
Печалям моим поперёк.

Но где-то за белыми снами
Лежат, как начало пути,
И жизнь, что прошла перед нами,
И поле, что не перейти.

* * *

Из холодной зимней стыни
Слышны едва
Долежат слова пустые,
Лишние слова.

Разорвало время сети.
Что же – в добрый час!
И слова отныне эти –
Знаю – не про нас...

Но сухие, как горошек,
Как глухие дни,
Из простуженных окошек
Сыплются они,

Рвутся из-за каждой двери
В снежный нежный хлам.
Я давно уже не верю
Никаким словам.

Их ветра наколдовали,
Только снова всё ж
Слышишь то, что вслух едва ли
Вновь произнесёшь.

И звучит, звучит сквозь вьюгу,
Вслед, из-за спины:
Мы ещё нужны друг другу,
Мы ещё нужны...

ЗИМНИЕ ОГНИ

Жгут огни на рождественских ёлках,
Пахнет хвоей в подъездах пустых...
Где-то рядом, уже на задворках,
Затаившийся праздник притих...

В новом платье, подобная звуку,
Что, тоскуя, рождает струна,
Ты на кухне на скорую руку
Соберёшь что-нибудь для стола.

Время тянется... Пёстрая штора
Приглушает звучание слов. –
Как пропеллер закрутятся скоро
Неподвижные стрелки часов.

И смешается сумрак со снегом:
Не узнать, не забыть, не позвать...
Потому ли ты с вызовом неким
Разрешаешь себя целовать? –

Потому ли мне больно и колко
Быть с тобой, но и знать, что судьба
И в отпущенный срок ненадолго
Позволяет уйти от себя...

Будь со мной... Будь как крестная ноша,
Я и так получаю взаймы
Каждый час у отчаянной ночи,
Не вместившейся в стужу зимы...

И останется в памяти прежним
Этот год и огни по зиме...
Но таким – и счастливым, и грешным –
Я не буду уже на земле...

БЕЗ ПРИКРАС

Контурсы сосен прибрежных,
Ряби озёрной слюда. –
Мы не застанем нас прежних,
Снова вернувшись сюда.

Помнишь, как плавали днями
Здесь, и качался рогоз,
И танцевали над нами
Синие стайки стрекоз...

Знаю, что путает часто
Время любые пути,
И возвращение в счастье
Неисполнимо. Почти.

Встретит нас шорохом листьев –
Этой живой тишиной –
Домик – сырой и смолистый,
К лесу прижавшись спиной.

Где – без обид и тревоги,
Простенько так, без прикрас
Счастье сидит на пороге
И дожидается нас.

КАПЛЯ

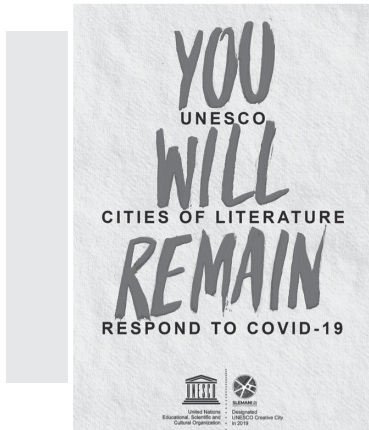
Прими всё то, что видишь: жизнь мала,
Чтоб ей успеть сложиться по-иному...
Скрипит сосна. По свежему излому
Стекает тёплой каплею смола.

Пройдёт немало времени, пока
У ног твоих взамен смолы пустычной
Из-под волны, небрежной и прозрачной,
Сверкнёт янтарь, застывший на века...

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей – на сайте программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru>

УЛЬЯНОВСК – СЛЕМАНИ

Работы ульяновских художников, поэтов и фотографов опубликованы в Международной антологии You Will Remain. Антология, включающая более 100 страниц, была представлена на 3-м онлайн-саммите креативных городов ЮНЕСКО в Пекине. Она продолжила серию материалов, созданных креативными городами ЮНЕСКО в условиях COVID-кризиса. Издание объединило тексты, визуальные материалы, фотографии из 23 литературных городов сети, в том числе из Ульяновска.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

УЛЬЯНОВСК НА КОНФЕРЕНЦИИ ЛИТГОРОДОВ ЮНЕСКО

Ульяновск принял участие в Международной конференции литературных городов ЮНЕСКО, которая прошла онлайн. Она объединила координаторов 39 литгородов сети. Тематами этого года стали новые аспекты организации литпроектов и изменения в работе офисов литературных городов ЮНЕСКО в период пандемии. Были рассмотрены новые форматы литфестивалей, мероприятий, писательских резиденций, онлайн-технологии для развития сотрудничества. Участники встречи подробнее узнали о таких проектах нашего города, как Международная онлайн-выставка «Город как рабо-

чее место писателя», детская литературная резиденция, онлайн-площадка «Культура VS пандемия» в рамках Международного культурного форума в Ульяновске, о работе по внедрению литературы в городское пространство (граффити, литературные остановки, поэтическая арка, литературные скамейки и т.д.) и др. Большой интерес вызвала акция «Литературный трамвай в Ульяновске», часть городов рассматривают возможность организовать подобные туры на своих улицах.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ДАНИЛА НОЗДРЯКОВ НА «СЛЭМОВИДЕНИИ»

Международный конкурс «Слэмовидение» – онлайн-соревнование на лучшее авторское чтение текста. В этом году в «Слэмовидении» участвует ульяновский поэт Данила Ноздряков. Всего в «Слэмовидении-2020» принимают участие 7 авторов из литгородов ЮНЕСКО. Победителя 2020 года объявят в ноябре на Международном литфестивале Prima Vista в Тарту. Специально для конкурса Данила Ноздряков записал видео с чтением одного из своих стихотворений в авторском переводе на английский язык. Проголосовать за понравившихся участников можно онлайн.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

Также Данила Ноздряков принял участие в VIII Всероссийском литературном фестивале имени Михаила Анищенко, который прошел в Самарской области, и в вечере журнала «Кольцо А» в Централь-

ном доме литераторов в Москве. На вечере состоялась очная презентация книг из серии «Пироскаф», изданных весной этого года московским издательством «Воймега» по итогам семинаров Союза писателей Москвы.

ГОРОДСКИЕ СКЕТЧИ В БИБЛИОТЕКЕ

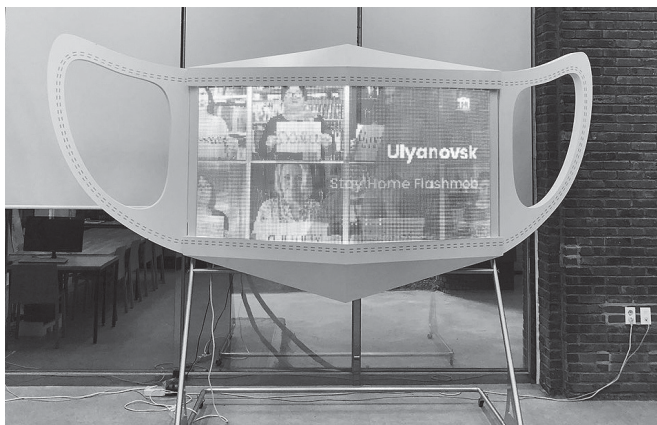
Выставка акварелей и скетчей художника, фотографа, журналиста и культуролога Юлии Узрютовой открылась в библиотеке №25 им. Б.В. Аржанцева в Ульяновске. «Когда я гуляю по старым улицам города, то автоматически оказываюсь именно в этих, еще сохранившихся кварталах Симбирска-Ульяновска. Каждый дом здесь имеет свой характер, складывающийся из деталей – изящной резьбы, интересных крыш, фасадов, которые хочется рассматривать. К сожалению, старые дома сносятся. Улицы застраиваются и теряют свое лицо. Дошедшие до нас старые улицы Симбирска-Ульяновска за последние годы сильно изменились. Мне захотелось зарисовать то, что осталось, рассказать об этих домах, которые и составляют особую атмосферу города. Так и родился проект «Истории старого города», – рассказывает Юлия Узрютова.

Подробнее:
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

КУЛЬТУРА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Кванджу – город медиаискусства ЮНЕСКО в Южной Корее – представил видеоинсталляцию, посвященную проектам разных стран, отражающим процесс трансформации культуры в период пандемии.

К акции присоединился и Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО. Видеоинсталляция представляет собой большой экран, выполненный в виде защитной маски. На нем транслируется информация о том, как креативные города ЮНЕСКО справляются с организацией культурных мероприятий в условиях коронавируса. Информация сразу о нескольких проектах Ульяновска вошла в международную видеоинсталляцию. Так, работники библиотек Ульяновска провели флешмоб «Оставайся дома и читай». Также дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» организовала международную онлайн-выставку «Город как рабочее место писателя». Кроме того, в гибридный формат была трансформирована Международная детская писательская резиденция в Ульяновске, на участие в которой пришло 100 заявок от авторов 11–16 лет из 24 регионов России и трех стран.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

ЛИТЕРАТУРА ИСЛАНДИИ

Что вы знаете о современной литературе Исландии? Наши коллеги из Рейкьявика – города литературы ЮНЕСКО в Исландии – сообщили, что Исландский литературный центр запустил новый сайт, рассказывающий об авторах страны. Здесь же можно найти информацию о переводах их текстов на разные языки: <https://www.islit.is/en/authors/>

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Отдел литературы на иностранных языках Ульяновского дворца книги совместно с кафедрой романо-германских языков УлГПУ и Музеем А.А. Пластова – филиалом Ульяновского областного художественного музея – объявляют конкурс на лучший письменный перевод отрывка из романа *Guy Petit bleu*, который не имеет официального перевода на русский язык. Конкурс проводится в рамках перекрестного года регионов России и Франции, намеченного на 2021 г. К участию приглашаются школьники, студенты, знатоки и любители французского языка. В конкурсе могут принять участие все желающие. Принимаются индивидуальные и коллективные работы. Заявки принимаются до 15 января 2021 г.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru>

СТИХИ ОНЛАЙН

Появилась группа в социальной сети «ВКонтакте» со стихотворениями ульяновского поэта Павла Солдатова. Подписаться можно здесь: <https://vk.com/votadlospavel>.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В НАНКИНЕ

Нанкин – город литературы ЮНЕСКО в Китае – объявил итоги отбора участников в Виртуальную писательскую резиденцию – 2020. По итогам рассмотрения заявок организаторы выбрали шесть авторов из разных городов мира, которые смогут поработать в Нанкине онлайн. Среди них – поэт, писатель, драматург из Ульяновска Галя Узрютова. Авторы ждут онлайн-знакомство с книжными магазинами, библиотеками, музеями Нанкина, а также диалоги с местными писателями, любителями литературы, студентами и горожанами. При составлении заявки каждый кандидат мог сам выбрать онлайн-прогулки, места и встречи, которые ему интересны, составить свой маршрут виртуальной работы в городе. Так, ульяновский автор займется подготовкой эссе о литературной жизни Нанкина, написанием серии стихотворений о городе. Уже прошли онлайн-

встречи автора с писателем, доктором литературы из Нанкина Тонгбином Хё, а также волонтером лит-центра и студентом.

Подробнее: <http://ulyanovskcreativitycity.ru>

СРЕДИ КНИГ

Театрально-образовательный проект «Среди книг» получил грант Российского фонда культуры. Программа реализована в рамках нацпроекта «Культура» Фондом поддержки театрального искусства «Премьера» при партнерстве Ульяновского театра юного зрителя. Проект посвящен юбилею писателя Антона Чехова. Главной составляющей станет спектакль «Предложение» по одноименному водевилю. Показы начнутся в ноябре 2020 года. «Постановка «Предложение» будет мобильной, адаптированной для показов в библиотеках Ульяновской области. Интеграция театрального спектакля в библиотечное пространство позволит повысить интерес молодого поколения к чтению. Спектакль представят в Аксаковке, Дворце книги и Ульяновской областной специальной библиотеке для слепых.

ПОГОВОРИ С МАЛЕНЬКИМ ПРИНЦЕМ

По случаю 120-летия со дня рождения Антуана де Сент-Экзюпери объявлен прием работ на международный литературный конкурс «Разговор с Маленьким принцем». Его организаторами выступают LearningPlanet в партнерстве с ЮНЕСКО, Молодежным фондом Экзюпери и Stories Labo. Тексты принимаются от авторов, родившихся после 1 января 1995 года на 6 языках, в том числе на русском. Дедлайн – 30 ноября 2020 года. Организаторы предлагают участникам представить, что Маленький принц вернулся в период пандемии и пришел проведать девочку во время локдауна и самоизоляции. Каким бы мог быть их разговор? Тексты 60 финалистов на 6 языках будут опубликованы в онлайн-сборнике «Разговоры с Маленьким принцем». 6 лауреатов пригласят посетить World Expo в Дубае (2021–2022).

Подробнее: <http://ulyanovskcreativitycity.ru>

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Жители Ульяновска, местные авторы регулярно получают информацию о литературных новостях региона, анонсы литмероприятий, информацию об ульяновских писателях, мастер-классах, конкурсах, стипендиях и резиденциях для авторов от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через бесплатную рассылку Writer's Info Point. Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу: infopoint.ulsacityofliterature@gmail.com

Подготовила Галя Узрютова.

ПЕРЕСМЕШНИК

Андрей НОВИКОВ (Липецк)

Родился в 1961 г. в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области.

Первая серьезная публикация состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Печатался в «Литературной газете», в газетах: «Московский комсомолец», «Слово»; в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Дружба», «Сибирские огни», «Сура», «Симбирскъ», «Молодая гвардия», «Столица», «Южное сияние», «Байкал», «Крым», «Приокские зори», «Нева», «Литературная Киргизия», «Петровский мост», «Российский колокол». «Зинзивер», «Метаморфозы». Автор 5 книг. Председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России. Секретарь СПР.

БЕГ В МЕШКАХ

Иронические стихи

ПОЭТ И ГИГИЕНА

Обывая под небом нетленно,
Целокупно свой взор обращу
На тебя, извини, гигиена,
Да еще разъясненья взыщу.

Подхожу, как всегда, не напрасно,
Прикасаясь к проблеме всерьез,
Чтобы в летний ремонт теплотрассы
Педалировать этот вопрос.

Не привык я словами бросаться,
Угодив в коммунальный отстой,
И не мыться, а только чесаться
Буду в ванне простой и пустой.

Так внимай нашим серверным генам,
Не вставай на пути ДНК,
И коварством своим, гигиена,
Ты не строй из меня дурака!

И поэт, став синонимом бани,
Может запросто в ней угореть.
Так родни упредите страданья,
Телеса прекратите тереть!

Заострив неподкупно вниманье
На коварство воды в естестве,
Разрешаю вам только купанье
В поэтическом лишь мастерстве.

После этого будет не жалко,
Монумент мне воздвигнуть простой,
Где стою с бирюзовой мочалкой,
С банной шайкой большой, золотой.

ПОЭТ В ЭЛЕКТРИЧКЕ

С утра в настроенье отличном,
Заняв в электричке скамью,
Я ехал и думал о личном,
Но жизнь подложила свинью.

Мелькали березки стандартно,
Светясь в запотевшем стекле,
И люди являться азартно
Вдруг стали в проходе и мне.

Прошла с массажёрами дама,
Глухие с портретом вождя,
Им вслед – многодетная мама,
Цыганскую выгоду бдя.

Сурово несли канцтовары,
Напомнив, что скоро сентябрь,
Потом продавал шаровары
Седой, отставной коннетабль.

Затем предлагали мне пену
Комфортного, в общем, бритья,
И даже при этом степенно
На станцию звали в зятья.

Прошли в настроении мглистом,
Бубня о спасенье души,
Суровые два адвентиста
И в тамбурной скрылись глуши.

Им вслед полноватый мужчина
С зеленым на шее шарфом,
Застыл он в проходе и чинно
В душе ощутил комильфо.

Как будто взошел на подмости,
И, сдвинувши брови грозой,
Исполнил вдруг арию «Тоски»,
Насквозь прошибая слезой.

В лучах уходящего лета,
В жилетке на голой груди,
Последним увидел поэта,
Но он продавал... бигуди.

ПЕНЬ

Заходишь в лес, находишь пень,
Споткнешься о него степенно,
И счастья приводной ремень
Вдруг заработает мгновенно.

Как будто некий маховик,
Инерционно непорочный,
Вдруг в теле явственно возник,
Начав движенье с мертвой точки.

Став невесомым и другим,
Ты ощутил и пень в том ясен,
Смысл жизнь сделался благим
И непосредственностью красен.

Но кто еще предвидеть мог
То, что нога найдет беспечно
В трухлявом пне угрюмый рок,
Охочую до тленья вечность.

Не спору, разум не спасет,
Пусть вникнет он во все детали,
Когда тебя вдруг понесет
Нелепость по горизонтали.

Мой друг, коль помыслы чисты,
И ход прозрений точно ведом,
Нам выгодно лететь в кусты,
От поражения к победам.

УЧЕНЫЙ

Встречай небылицу, которой
Напутствовал нас командор,
Взойду на Кудыкину гору,
Сворюю большой помидор.

В бурьяне он сам себя выдал,
Где ветер болезный вздыхал.
Шершавым пластмассовым видом
Светился созревший нахал.

Он рос одиноким на свете,
Собой подпирая забор.
Мы, в сущности, малые дети,
Но каждый бродяга и вор.

Нам овощ – на ужин инвестор,
Срывай, задыхаясь от слез,
Сплоченные гибельным местом,
Аграрных мичуринских грез.

Рождается день омраченный,
И сам открывается гроб,
И падая, гибнет ученый,
Взрастивший на елке укроп.

БЕГ В МЕШКАХ

Мы – пролетарии с рожденья,
И равенство сидит в кишках,
Боритесь в деле возрождения
Забегов некогда, в мешках.

Они всегда доступны массам,
И зависть сердце не сосет.
Сучи ногами безопасно,
Пускай мешок тебя несет.

Доверившись победным знакам,
Идее устремившись вслед,
По кочкам и по буеракам
Вкуси издержек, домосед.

Здесь спорта вечная царица –
Легкоатлетка взгрустнёт,
Однако олимпийский принцип,
Как прежде, равенство несёт.

К чему наград низкопоклонство,
Рекордов бешеный кредит.
Отринув зависть чемпионства,
Пусть каждый скромно победит.

И я в мешок, бывало, сяду,
Не выдаст Бог, свинья не съест,
В плену спортивного снаряда
Любитель перемены мест.

УХО–ГОРЛО–НОС

Наверно так решил Всевышний,
Оспорить это не спешу,
Люблю я сыр, как любят мыши,
На кухне ем его в тиши.

У холодильника, без света,
На табурет пристроив зад,
Я ем его, ведь есть примета,
Что свет испортит аромат.

Однако, помня чувство меры,
Ряд потребительских причин,
Я ломтик нежного ламбера
Однажды в этом уличил.

И сколько я его не нюхал,
Такой муссируя вопрос,
Закончил лишь прострелом уха
В системе ухо-горло-нос.

И повторился этот случай,
И он пугает до сих пор,
Когда в такой же тьме колючей
Жевал я с плесенью рокфор.

А раз пошло такое дело,
Терял былую крепость дух,
Когда я кушал моцареллу,
Ее расхваливая вслух.

Откуда же пришло отмщенье,
Кто уши мне зажал и нос,
Неужто импорт в замещение
Такую пакость мне принес?

В бездумном сыропоеданье
Пойми, виновен только ты,
Храни свой орган обонянья,
Чурайся ранней глухоты.

ЗАВЕЩАНИЕ

На склоне промелькнувших лет,
Шагнув душой в нотариат,
Я завещаю вам рассвет,
И завещаю вам закат.

Покуда мой императив
Упорно дружит с головой,
Я завещаю вам прилив,
И завещаю вам прибор.

Пусть злобно жаждет алчный кум
Мое наследство каждый день,
Я завещаю ветра шум,
И тень, и вкупе с ней плетень.

Я шлю родне большой привет,
И этим несказанно рад,
Я завещаю лунный свет,
Внезапный летний звездопад.

Забыв про суету столиц
И отказав второй жене,
Я завещаю пенье птиц,
Благообразное вполне.

Осмыслив бытия итог,
Бессмертье строчками поправ,
Я завещаю пыль дорог,
Непостижимый шелест трав.

А следом, что ни дать ни взять,
Но принимая, не взыщи,
Я завещаю благодать
И камень, сброшенный с души.

Но съев на ужин винегрет,
Склонивши голову ко сну,
Пойму, что это полный бред
И завещанье отзову.

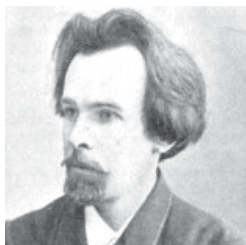

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

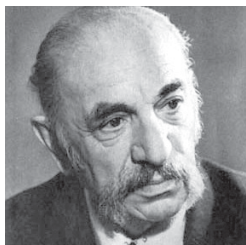
ДЕКАБРЬ 2020

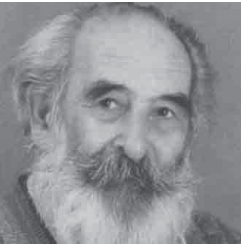
1 декабря – 120 лет назад родился литературовед **Александр Иванович Ревякин** (1.12.1900, с. Паньшино Сызранского у. Симбирской губ., ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 15.08.1983, г. Москва). Работал учителем, воспитателем детского дома. Окончил Центральный институт организаторов народного просвещения (1922). Занимался изучением творчества А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова; русской драматургии XIX в. Был редактором журнала «Литература в школе» (1946 – 1953).

3 декабря – 165 лет со дня рождения физиолога, поэта **Владимира Петровича Михайлова** (3.12.1855, г. Симбирск – 18.05.1901, г. Тверь). Окончил Симбирскую гимназию, Петербургский университет. В 1874 году за письмо «весьма подозрительного характера» был привлечён к дознанию, производившемуся в Симбирске. Впоследствии доктор физиологии, приват-доцент Петербургского университета. Под псевдонимом Вл. Мартов публиковал стихи в журналах «Русская мысль», «Русское богатство», «Слово», «Вестник Европы» и др.

3 декабря – 105 лет назад родился армянский писатель **Серо Николаевич Ханзадян** (3.12.1915, г. Горис, Армения – 26.06.1998, г. Ереван). Окончил педагогический техникум (1934). Участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен. В 1968 году с группой армянских писателей приехал в Ульяновск в рамках Дней культуры Армянской ССР; выступал на творческих встречах с ульяновцами. Герой Социалистического Труда (1984). Лауреат Государственной премии Армянской ССР. Почётный гражданин Еревана (1985).

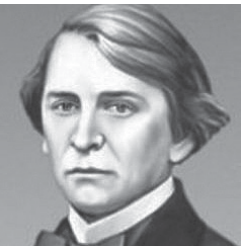
3 декабря – 100 лет со дня рождения писателя **Владимира Львовича Сосновского** (3.12.1920, г. Москва – 7.02.2004, г. Бийск Алтайского края). До войны жил в Рязани, Ульяновске, Энгельсе (1939 – 1940). Работал матросом на барже, грузчиком, подвозчиком угля,

чернорабочим на стройке. В июле 1941 года призван в Красную армию, через полгода осуждён по ложному обвинению. В 1953-м освобождён, некоторое время жил в Москве. Автор поэмы «Индия». О лагерной жизни написал прозаические воспоминания «Записки».

8 декабря – 165 лет назад родился писатель, журналист **Владимир Алексеевич Гиляровский** (8.12.1855, имение графа Олсуфьева Вологодской губ. – 1.10.1935, г. Москва). Автор книги «Москва и москвичи». Летом 1883 года приезжал в Симбирский театр с В.Н. Андреевым-Бурлаком и «Товариществом Московских артистов» на гастроли. В дневнике писал: «Прекрасное месторасположение Поливны: на гористом, высочайшем берегу Волги, вся в лесу... А под горой рыбацьи ватаги, спускался к ним, воздух – не надышишься».

дреевым-Бурлаком и «Товариществом Московских артистов» на гастроли. В дневнике писал: «Прекрасное месторасположение Поливны: на гористом, высочайшем берегу Волги, вся в лесу... А под горой рыбацьи ватаги, спускался к ним, воздух – не надышишься».

4 декабря – 195 лет назад родился поэт, прозаик **Алексей Николаевич Плещеев** (4.12.1825, г. Кострома – 8.10.1893, г. Париж, Франция). Как участник кружка Петрашевского с 1849 по 1858 гг. провёл в ссылке в Уральске и Оренбурге. По пути на место

ссылки и обратно был проездом в Симбирской губ., через которую проходил Оренбургский тракт.

Автор сборников стихов (1846, 1858); повестей «Шалость» (1848), «Дружеские советы» (1849), «Отец и дочь» (1857), «Буднев» (1858), «Пашинцев» (1859), «Две карьеры» (1859) и др.

9 декабря – 35-летний юбилей отмечает поэтесса, прозаик **Ольга Владимировна Лазарева** (р. 9.12.1985, г. Магдебург, Германия). Выросла и живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет. Автор поэтических сборников «Мир грёз»

(2003), «Страница и пилигрим» (2016). Победитель Ульяновского городского фестиваля творчества людей с ограниченными возможностями здоровья «Я люблю этот мир» (2016). Основатель Ульяновского отделения Российского союза писателей; была его первым председателем.

4 декабря – 145 лет назад родился австрийский поэт **Райнер Мария Рильке** (4.12.1875, г. Прага – 29.12.1926, кантон Вале, Швейцария). В июне – июле 1900 года со своей подругой, писательницей Лу Саломе побывал проездом в Симбирске во время путешествия на

пароходе по Волге из Саратова до Нижнего Новгорода. О Волге высказался так: «У меня такое ощущение, как будто я увидел работу Творца». Автор поэтических сборников «Жизнь и песни» (1894), «Сочельник» (1898), «Книга образов» (1902), «Сонеты к Орфею» (1923) и др.

11 декабря – 295 лет со дня рождения писателя **Ивана Перфильевича Елагина** (11.12.1725, г. С.-Петербург – 3.10.1793, там же). Принял участие в путешествии Екатерины II по Волге в 1767 году; 5-8 июня находился с императрицей в Симбирске. Перевёл

вступление и две главы «Велизария» Ж.-Ф. Мармонтеля. Произведения Елагина – элегии, песни, «сатирические письма прозой и стихами», сочинения «о важных предметах как в стихах, так и в прозе, которые слишком скромный автор ещё не отдавал в печать» – распространялись в рукописях.

7 декабря – 110 лет со дня рождения государственного деятеля, мемуаристки **Екатерины Алексеевны Фурцевой** (7.12.1910, г. Вышний Волочёк Тверской губ. – 24.10.1974, г. Москва). Была первым секретарём Московского горкома КПСС (1954 – 1957), секретарём

ЦК КПСС (1956 – 1960), министром культуры СССР (1960 – 1974). Вышла замуж за ульяновца Н.П. Фирибуна. В качестве министра культуры 6 марта 1970 года посетила Ульяновск. Автор книги политических мемуаров «Я плачу только в подушку» (издана в России в 2016 году).

14 декабря – 45 лет исполняется поэту, литературоведу **Рамилю Шавкетовичу Сарчину** (р. 14.12.1975, с. Калда Барышского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский педагогический университет (1998). Работал учителем, с 2007 года живёт в Казани. Член Союза

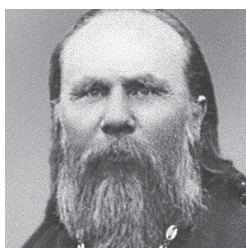
писателей РТ. Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011), «Не погашен свет» (2017); монографий «Поэтический мир Н.Н. Благова» (2008), «Николай Благов» (2008) и др. Доктор филологических наук (2016).

15 декабря – 70-летний юбилей отмечает писатель, драматург **Денис Викторович Драгунский** (р. 15.12.1950, г. Москва). Окончил филологический факультет МГУ (1973). Работал аналитиком и журналистом в журналах «Век XX и мир», «Дружба народов», «Новое время»; редактором журнала «Космополис». В марте 2016 года приезжал в Ульяновск, провёл встречи в библиотеках №8 и 22; представил новый проект «Народная книга. Были 90-х». Автор романов «Дело принца» (2016), «Автопортрет неизвестного» (2018), многих рассказов.

16 декабря – 115 лет назад родился прозаик, драматург **Николай Евгеньевич Вирта** (16.12.1905, с. Каликино Тамбовского у. Тамбовской губ. – 9.01.1976, г. Москва). В октябре 1941 года сопровождал эшелон, увозивший писателей и их семьи из Москвы в Ташкент; был проездом на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган, Кузоватово. Автор романов «Одиночество» (1935), «Закономерность» (1937), «Вечерний звон» (1951), «Крутые горы» (1956), «Степь да степь кругом...» (1960); повести «Катастрофа» (1962), пьесы «Три камня веры» (1960) и др.

22 декабря – 165 лет со дня рождения чувашского писателя **Даниила Филимоновича Филимонова** (22.12.1855, с. Первое Степаново Цивильского у. Казанской губ. – 11.05.1938, там же). Окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию (1875). В 1875 – 1881 гг. был преподавателем и заведующим Симбирской чувашской школой. Служил священником в чувашских сёлах, возведён в сан протоиерея. Собирал чувашский фольклор. Автор ряда брошюр и статей на чувашском языке, воспоминаний о Симбирской чувашской школе.

22 декабря – 130 лет назад родился татарский публицист **Ахмад-Заки Ахметшахович Валиди** (22.12.1890, д. Кузяново Стерлитамакского у. Уфимской губ. – 26.07.1970, г. Стамбул). Образование получил в медресе «Касимия» в Казани. В 1911 году приезжал в Симбирск, где гостил в доме И.К. Акчурина. С 1923 года находился в эмиграции. Обнаружил и исследовал в г. Мешхед (Иран) записки о путешествии Ибн-Фадлана на Волгу. Автор труда «История тюрков и татар» (1912), сочинений по истории тюркских народов и книги воспоминаний.

25 декабря – 115 лет со дня рождения поэта **Константина Никитича Митрейкина** (25.12.1905, Сергиевский посад Дмитровского у. Московской губ. – 6.08.1934, г. Москва). В 1920-х гг. жил в Симбирске; участник литературного объединения «Стрежень». В 1929 году уехал в Москву; печатался в «Октябре», «Литературной газете», «Комсомольской правде». Автор поэтических сборников «Бронза» (1928), «Я разбиваю себя» (1931), «Боевая лирика» (1931), «Штурм неба» (1934). Стал объектом каламбура В.В. Маяковского в поэме «Во весь голос».

30 декабря – 130 лет назад родился писатель **Виктор Львович Кибальчич**, псевдоним – Виктор Серж (30.12.1890, г. Брюссель, Бельгия – 17.09.1947, г. Мехико, Мексика). С 1919 года жил в России. В 1933-м был арестован и выслан в Оренбург проездом через Ульяновский р-н Средневожского края. В 1936 году покинул СССР. Написал в Оренбурге книгу поэм «Сопrotивление», романы «Обречённые» и «Буря». Автор книг «К событиям в Вене» (1927), «Люди в тюрьме» (1930), «Рождение нашей силы» (1931), «Тупик Сен-Барнабе» (1936).

30 декабря – 115 лет назад родился поэт, прозаик **Даниил Иванович Хармс**, настоящая фамилия – Ювачёв (30.12.1905, г. С.-Петербург – 2.02.1942, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). В детстве не раз приезжал на родину матери в с. Дворянская Терешка Хвалынского у. Саратовской губ. (ныне р.п. Радищево Ульяновской обл.); из-за голода и разрухи в Петрограде находился здесь в 1918 – 1919 гг. Член Союза писателей СССР (1934). Автор детских книг «Озорная пробка», «Театр», «Во-первых и во-вторых», «Иван Иваныч Самовар», «Игра» и др.

155 лет со дня рождения прозаика **Дмитрия Львовича Марсальского** (1865, с. Кочкарлей Сызранского у. Симбирской губ. – 1922, г. Симбирск). Родился в семье священника. Коллежский ассессор, служил столоначальником Симбирской духовной консистории. Автор книги прозы «Охотничьи рассказы» (1905), изданной в Симбирске в типографии А.П. Токарева. Похоронен на кладбище Симбирского Покровского мужского монастыря. Рассказ «Обиженная теща» опубликован в сборнике «Русский охотничий рассказ» (2019).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Владимир МИХАЙЛОВ (1855 – 1901)

* * *

Если трезвой мысли холод
Страсти ваши умирил
И нужды железный молот
Волю вашу закалил,

Если верите вы твёрдо,
Что у жизни с бою взять
Всё возможно воле гордой, –
Смело можете сказать:

– Братья! Час настал исхода,
И пароль священный дан –
Там, где счастье и свобода,
Там наш новый Ханаан.

Братство всем, кто выйдет ныне
На борьбу с царящим злом!
И да будет нам в пустыне
Братство огненным столпом...

НА РУБЕЖЕ

Зелёная степь из тумана встаёт,
Едва голубеют озёра,
И первую вспышкой утра горят
Далёкие, тёмные горы.

А сердце больное и говор родной,
И песня родная ласкают, –
Из солнечной дали забытые сны,
Забытые грёзы всплывают...

Лишь только коснулся я почвы родной,
Стихийно-могучая сила
Нахлынула в душу, как вешний поток,
И разом её охватила.

И ярко сверкают под солнцем любви
Её мног шумные волны,
То горького смеха, то радостных слёз,
Как сказки старинные, полны...

И снова мучительно жизнь хороша,
Мучительно-сладостны грёзы,
Как первые муки безумной любви,
Как первого счастья слёзы...

Алексей ПЛЕЩЕЕВ (1825 – 1893)

МОЛИТВА

О боже мой, восстанови
Мой падший дух, мой дух унылый;
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нём я ошупью блуждаю;
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

В изнеможенья скорбный час
Простри спасительные руки,
Да упадёт завеса с глаз,
Да прочь идут сомненья муки.

Внезапным светом озарён,
От лжи мой ум да отрешится
И вместе с сердцем да стремится
Постигнуть истины закон.

Услышь, о боже, голос мой!
Да, возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь – и без возврата!

1857

ПОЭТУ

Пускай заманчив гладкий путь,
Но ты своей высокой цели,
Поэт, и в песнях и на деле
Неколебимо верен будь.

Иди, послушный до конца
Призывам истины могучим;
Иди по терниям колючим,
Без ободренья и венца.

И будь бестрепетным бойцом,
Бойцом за право человека;
Не дай заснуть в пороках века
Твоей душе постыдным сном.

И будет песнь твоя сильна,
Как божий меч, как гром небесный;
И не умрёт в сердцах она,
Хотя бы смолк твой голос честный.

1861

Райнер Мария РИЛЬКЕ (1875 – 1926)

В ПРЕДМЕСТЬЕ

1882

Старуха в чёрном, что жила над нами,
она мертва. – Но кто она? – Бог ведь!
У нищих нет имён, а если есть –
какой в них прок? Бог с ними, с именами...

Внизу пылятся траурные дроги.
Дверь заколочена; ну что ж, пора!
Гроб с руганью выносят со двора,
едва не уронив среди дороги.

Унылый кучер трогает и, вскоре
забыв про смерть, орёт: «Чёрт побери!»,
как будто там лишь жалкий гроб внутри,
а не вся жизнь её – любовь и горе.

* * *

Ночь залегла в глубинах парка,
и звёзды кротко светят нам;
луны серебряная барка
плывёт к далёким берегам.

Фонтан рассказывает сказку,
как будто грезит наяву, –
почти без звука, глухо, вязко
упало яблоко в траву.

А от холмов, где кем-то щедро
гряда дубов наклонена,
уже летит на крыльях ветра
дух виноградного вина.

ВЕНЕЦИЯ

Чуждый говор. Мы – в гондоле.
Город в сумрак погружён.
Лодка движется там, что ли,
мимо мраморных колонн?

Тишина. Лишь гондольеров
смех звучит. Весло поёт...
Из каналов тёмно-серых
ночь огромная встаёт.

Чёрный след волной изрезан,
колокола дальний звон.
Снится мне: я – мёртвый цезарь
в день державных похорон.

Перевёл Борис Марковский.

Ольга ЛАЗАРЕВА (р. 1985)

РОЗА

Растоптанный цветок – немой укор.
Слеза скатилась, падая в забвеньё.
И в памяти короткий разговор.
Всё кончено... И больше нет спасенья.

Шипы любви, прогоркший запах лжи.
А был ли мёд? Наивность ожиданья...
А может, это только миражи
И хрупкий мир ожившего сознания?

Она искала свет в конце пути,
Рвала себя, дарила ласки смело,
От поцелуев распалась тело...
Был тем ли путь? Ответов не найти.

И лишь цветок, оброненный в ночи,
Благоухая, всё молил пощады...
Но громким эхом тихое молчи! –
Стрела в полёте, смоченная ядом.

* * *

Так, наверное, сходят с ума:
Тихо-тихо, почти незаметно.
Просто мир весь окутала тьма,
Заглушая дыхание ветра,

Просто город сковала зима,
Та, что длится совсем без рассветов.
И полярная лютая ночь
Атрофирует мысли и чувства,
Обжигает, как пламя, точь-в-точь.
Нарушая законы искусства,
Без мольберта рисует портрет:
Серых буден отвесные скалы,
Пыль дорог и неоновый свет
Автострады, ведущей в рассвет,
Тот, что тысячи лет я искала.

Иван ЕЛАГИН (1725 – 1793)

ЭПИСТОЛА К СУМАРОКОВУ

(отрывок из стихотворения)

Открытель таинства любовных нам лиры,
Творец преславных и пышных «Семиры»,
Из мозгу рождающейся богини мудрой сын,
Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь? – ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
Когда сложенные тобой стихи читаю,
В них разум, красоту и дивность обретаю;
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения писал ты, что хотел;
Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся
И, ищучи ее, работал и ломался;
Не вижу, чтоб, искав, сердился ты на них:
Они, встречась, кладутся сами в стих.
А я? О, горька часть, о, тщетная утеха!
Потею и тружусь, но все то без успеха;
По горнице раз сто пробегши, рвусь, грущу,
А рифмы годные нигде я не сыщу;
Тогда орудие писателей невинно –
Несчастное перо в сердцах грызу бесчинно.
Нельзя б мне показать в беседу было глаз,
Когда б я петиметр увидел в оный час,
Увидел бы, как я по горнице верчуся,
Засыпан табаком, вздыхаю и сержуся:
Что может петиметр смешней сего сыскать,
Который не обвык и грамоток писать,
А только новые уборы вымышляет
И ими глупый полк кокеток лишь прельщает?
Но пусть смеется он дурачества моим
Во мзду, что часто я смеюсь и над ним...

1753

Рамиль САРЧИН (р. 1975)

УТРЕННЕЕ

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я рано по туману
Пробуждаться летом на заре.

И послушать утреннюю птицу,
И залюбоваться на ручей,
Что уже успел позолотиться
От охапок солнечных лучей.

Поглядеть украдкой на дорогу –
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в тёплую избу.

И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные берёзы
Бились и страдали на ветру.

ВЕЧЕРНЕЕ

Уже дневная кончена работа,
И с минарета вечер возвещён –
И вместе с этим слышно: у кого-то
Корова не подоена ещё.

Ещё цветы по цвету различимы,
И маргариток теплятся огни.
И для печали вроде нет причины,
Но как печально светятся они!

О чём печаль?
О той ли, что у дома
Хозяйкой не привечена пока?
Но вот уже торопятся с бидоном –
И зазвенели струи молока...

Густеет день, и наступает вечер,
И затухают тихие цветы.
И вместо них, распахивая вечность,
Созвездия цветут из темноты.

Константин МИТРЕЙКИН (1905 – 1934)

* * *

Блестя, как негры, венские стулья,
Квадрат за квадратом, идут в атаку
На сцену, где в сумраке сером, сутулясь,
Пюпитры стоят сиротливой ватагой!

Рояль, словно ворон, присевший пугливо,
Раскрытым крылом замахнулся и замер...
Бетховен глухой на пюпитры тоскливо
Глядит со стены слюдяными глазами.

А в воздухе тёплом, согретом дыханьем,
Лаской улыбок, густом, как коллодий –
Ещё трепыхают прозрачные ткани
Далёких и смутных, как детство, мелодий.

Что обещали крылатые скрипки?
С тобой ли, мой друг, я бродил по ракам?
Последний намёк, по прозрачности хрупкий,
Грубыми звуками был закидан.

И рядом со мной – нелюбимое тело –
Остывшие стулья, да сгусток измены.

Так вот почему горячились фаготы,
Виолончели ревниво звучали...
Как старые письма, забытые ноты
На тёмных пюпитрах желтеют печально.

1928

ВСТУПЛЕНИЕ

Смелость суждений равно присуща
Ребёнку и гению. Острое зрение –
Первый намёк на величие. Я проходил
Весной по бульвару. Мальчишка
Лет четырёх, в замызганном полушубке,
Хмуря обрызганный грязью лобик,
Проталкивал синий бумажный корабль
По руслу ручья... Я посмотрел
И подумал: «Счастливым моряк,
Нынче ручей для тебя необъятен,
А вырастешь – мир будет теснее
И мельче, чем этот ручей».

1934

Даниил ХАРМС (1905 – 1942)

КОШКИ

Однажды по дорожке
Я шёл к себе домой.
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: – Эй, вы, кошки!
Пойдёмте-ка со мной,
Пойдёмте по дорожке,
Пойдёмте-ка домой.

Скорей пойдёмте, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет.

– Ах, нет! – сказали кошки. –
Останемся мы тут!
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пёс большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Всё окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

* * *

Уже бледнеет и светает
Над Петропавловской иглой,
И снизу в окна шум влетает,
Шуршанье дворника метлой.
Люблю домой, мечтаний полным
И сонным телом чуя глад,
Спешить по улицам безмолвным
Ещё сквозь мёртвый Ленинград.

ПРОЗА

ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Александр РЕВЯКИН (1900 – 1983)

А.Н. ОСТРОВСКИЙ В ЩЕЛЫКОВЕ *(отрывок из книги)*

Островского всегда потрясала изумительная панорама, открывавшаяся с кинешемской набережной. Внизу – широко раскинувшаяся Волга, то спокойная, то бурная, но неизменно величавая и прекрасная. На ней кипит жизнь: плывут баржи, плоты и беляны, идут пароходы, бегут под парусами расшивы, снуют лодки... Величавая река, извиваясь, уходит вверх и вниз серебристой лентой, теряясь в туманной дымке неоглядного воздушного пространства.

На том берегу – необъятная перспектива заволжских полей, лугов и лесов с высющимися колокольнями сельских церквей, помещичьими домами, деревнями.

На вокзале Островских обычно ждали лошади, присланные из усадьбы. Если погода не благоприятствовала переезду через Волгу, то кучер вёз семью драматурга на постоянный двор, где постоянно останавливались приезжавшие туда по делам усадьбы приказчик и рабочие. По крутому спуску тройка лошадей, сдерживаемая кучером, осторожно спускалась к перевозу.

Переезд через Волгу не всегда оказывался приятным. Так, прибыв 9 мая 1868 года в Кинешму, Александр Николаевич по случаю страшной бури с дождём и снегом не мог в этот день добраться до Щелыкова и с большим трудом, при сильном ветре, потратив два часа, переехал Волгу только на следующий день. Задержанный в Кинешме разбушевавшейся стихией, драматург писал Марии Васильевне: «Не можем попасть в Щелыково по причине очень сильного ветра... Переезжать нельзя, перевозить никто не берётся; ветер страшный, и Волга в полном разливе, воды столько, что я никогда и не видывал: так мы целый день и сидим на воде на пристани в холоде. Теперь перебрались в город в гостиницу, где ночуем».

Эту волжскую бурю, произведшую на драматурга большое впечатление, он описал в не дошедшем до нас письме к брату.

В 1873 году паром, на котором Островские переехали через Волгу, едва не был потоплен буксирным пароходом. К.В. Загорский, бывший вместе с драматургом, вспоминает: «Выехавши на середину Волги, мы увидели, что по левую сторону шёл буксирный пароход. Нужно было опередить его, а иначе отнесло бы нас далеко по течению. Александр

Николаевич сел на весло, я тоже, и начали усиленно грести и перед самым носом парохода проскользнули так, что волна от парохода чуть не опрокинула лодку. Александр Николаевич очень испугался, побледнел, но ничего не говорил. Мы благополучно переправились на другой берег и в экипажах отправились в усадьбу».

Но в безветренную погоду, когда Волга плавно катит свои воды, переезд через неё, как правило, доставлял драматургу большое удовольствие. 23 мая 1881 года он извещал Бурдина: «Мы, сверх ожидания, доехали не только благополучно, но даже приятно. Погода была тёплая, совсем летняя, мы ехали всю дорогу и переезжали Волгу в лёгком платье».

Переправившись на пароме через Волгу, Островские поднимались в гору и выезжали на дорогу в Щелыково, которая, как и ныне, лежала по Галицкому тракту.

В те времена эта дорога была до крайности ухабистая, после дождей колеистая, в глубоких выбоинах – ямах, в лужах. Иногда, особенно осенью, она представляла сплошную жидкую глину. Ехать по такой дороге было мукой мученической. Лошади шли шагом, в лучшем случае лёгкой рысцой, старательно объезжая рытвины разбитого пути.

Если в ненастье эта дорога становилась непроезжей, то в жаркую погоду – нестерпимо пыльной. 5 июня 1877 года, приехав в Щелыково, Александр Николаевич извещал Марию Васильевну: «Дорога не только просохла, но так пыльна, что я до сих пор не промою глаз».

Но этот тракт, соединяющий Кинешму с городом Галичем, кроме мучений, доставлял и известный интерес своей бойкостью. По нему в сухую погоду мчались лихие пары и тройки запряжённых лошадей с их владельцами – помещиками, чиновниками и купцами. Тут же тянулись брички и фургоны мелких перекупщиков кустарных изделий, хлебных и других продуктов питания, медленно тащились обозы с тяжёлой поклажей. Шли и пешеходы – в одиночку и группами. С. В. Максимов правильно заметил, что по этому тракту в известные времена года возвращался «из столиц на побывку в родные деревни партиями рабочий люд, выходящий на отхожие промыслы из Галицкого, Чухломского и Костромского уездов в Костромской губернии».

Серо ХАНЗАДЯН (1915 – 1998)

ЦАРИЦА АРМЯНСКАЯ (отрывок из романа)

– Подъезжаем, Таги-Усак?..

И без ответа на свой вопрос царица Мари-Луйс знала, что скоро завидится высокая башня Нерика. Там предстоит ей деяние, которого не свершить без крови.

Невозможно прожить безгрешно. Царица откинула полог, защищающий её от палящего солнца, чтобы лучше видеть всё вокруг. Она восседала на мягком ложе в колеснице. Обнаженная спина правившего конями Арбок Перча отливала медным блеском, кожа местами облезла.

Правивший колесницей астролог двора её величества кивнул головой.

– Подъезжаем, великая царица, – сказал он.

Армянская царица следовала на поклонение к покровителю Нерика богу Мажан-Армазду, просить, чтобы дал ей силы пообломать когти богу зла Дживагу, чтобы не вонзались в рёбра коней боевых порядков войска её супруга.

Мари-Луйс внутренне ликовала, сознавая, что она прекрасна, как весна, что муж изнывает по ней, как земля по воде. Вот и этого, Таги-Усака, явно влечёт к ней. Да и она словно огнём загорается, невзначай прикоснувшись к нему. Но полно, неужто и её тоже влечёт к этому человеку, который взирает на неё со сдержанной покорностью, но взглядом, пронзающим душу?..

Вспомнился муж. Высокий, поджарый, темнолицый и черноглазый. И борода у Каранни чёрная, курчавая. Голос властный, но и покорный, когда он говорит ей: «О моя царица! О свет моей души!»

Мари-Луйс стала супругой престолонаследника, едва ей исполнилось семнадцать лет. И оттого, что матери мужа к тому времени не было в живых, её провозгласили царицей. Сейчас у неё уже есть ребёнок, названный в честь деда Уганной... Великий царь нежданно явился во владения её отца Гегама, властителя земли Сисаканской. Ещё с носилок он сказал ему:

– Именем богов прошу, представь нам твою старшую дочь!..

Мари-Луйс помнит, как её привели к царю и как она смело спросила:

– А где же тот, кому боги предназначили меня в жёны?

Стоявший на боевой колеснице престолонаследник Каранни набросил на неё аркан:

– Здесь я, дикая лань! Пади ниц! Покорись!

Облака в небе вдруг рассеялись. Выглянуло солнце. Время близилось к закату. Дым из их дома-крепости потянулся в небесную высь. Жрецы Сисакана сочли всё это добрым знамением перед венчанием. В ту ночь Мари-Луйс, развязав пояс девственности, сказала супругу:

– Если бы наше бракосочетание свершалось не волею богов, а только по твоему желанию, и тогда оно состоялось бы. Боги ниспослали тебя в великую радость, в усладу мне...

Мари-Луйс ещё многое вспомнила, но горечи сожаления при этом не испытала. Завиделись группы нерикцев. В коротких одеждах и в островерхих шапках, почти все рослые, зеленоглазые, они приближались с какими-то выкриками, словно заговаривая, околдовывая всё вокруг. Мари-Луйс брезгливо передёрнулась. Особенно неприятными были откровенно вызывающие телодвижения жриц. Мысленно она вновь перенеслась ко дням своей свадьбы, будто в них помощь искала...

На рассвете Каранни повязал на жене её пояс, который всю ночь оставался расстёгнутым, поднял её на руки, вынес из покоев, усадил в колесницу и обратился к прибывшим с ним на свадьбу приближённым и воинам:

– О потомки Мажан-Арамазда и Эпит-Анаит! Исполнилась воля богов, я женат. И теперь я вижу и вширь и вдаль, как сокол, и могу одним взглядом охватить всё поле боя. И слух у меня отныне как у дикой кошки, могу издали услышать ненавистные голоса наших недругов. Я говорю вам, о храбрецы, что этой ночью великий бог Мажан-Арамазд вознёс меня в свои чертоги и повязал нас пурпурно-огненным поясом.

Он снял с себя белый плащ и набросил его на плечи жены.

– Вот ваша царица! Она – избранница богов и возлюбленная дочь богини Эпит-Анаит! Почтите её!

– Слава нашей царице! – загремело воинство...

Владимир СОСНОВСКИЙ (1920 – 2004)

ЗАПИСКИ (отрывок из воспоминаний)

Хочется начать так... Итак, меня выгнали из педучилища, где я учился на 10-ти месячных учительских курсах.

Но чтобы так начать... Нет, чтобы было всё понятно, надо объяснить, за что выгнали, а сначала – что это за курсы были, и как я попал на эти курсы, и вообще как я попал в Ульяновск и почему. А к этому прибавить, чем и кем я был в конце 1939 года, ну хотя бы вспомнить декабрь, знаменитый и достопа-

мятный вечер поэзии в Московском юридическом институте, куда привёл меня Дезик Кауфман...

Со сцены читали свои стихи, спорили Павел Коган, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий, Михаил Кульчицкий, Николай Отада, Арон Копштейн, Михаил Львов – всего, точно помню, пятнадцать человек, ещё студенты. Вскоре некоторые уйдут на фронт – до финской войны оставались буквально дни, а двое из участников вечера оттуда не вернутся. И

знакомство, и долгая ночная прогулка под густейшим и тишайшим снегопадом с Мишей Кульчицким по ночным улицам – а остаток ночи я провёл в чужом подъезде, на площадке лестничной клетки... Всё это, конечно, очень интересно, особенно для самого. Но я же не о том. Я хотел вспомнить другие, более поздние эпизоды. А к этим ещё можно будет вернуться, если будет мне отпущено время...

Итак, я исключён с курсов в педучилище – и именно в тот момент, когда в кармане моём было не больше рубля мелочи... Слоняясь по весеннему городу в поисках работы, я вышел на Венец, – любимое ещё с дореволюционных времён место отдыха, воскресных прогулок, вроде бульвара на высочайшем берегу Волги. С него так далеко видно... Но мне было не до красот, хоть Волга давно влекла меня.

Ни денег, ни ночлега! Я спустился по длиннейшей деревянной лестнице на пристань, прошёлся и увидел табличку: ОТДЕЛ КАДРОВ. Вот не ждал! Не теряя времени и надежды, я толкнул дверь и вошёл. Перед столом начальника (или не начальника) отдела кадров стоял неважно одетый небритый мужик и почти кричал:

– Начальник, ты мне давай матроса! Нет, ты мне матроса дай!

– Где я тебе его так сразу возьму?! Рожу я тебе сейчас – матроса?! – отвечал сидящий за столом начальник. В основном они кричали и говорили одновременно. Я подумал, что тут есть мой шанс, и выдвинулся к столу:

– Возьмите меня! Я ищу работу. Возьмите матросом!..

По правде сказать, может, в более нежном возрасте я, читая «Робинзона Крузо» и «15-летнего капитана», и мечтал о романтике морских путешествий, о штормах и морских островах. Но даже пять

минут назад мне не приходила такая мысль. Начальник замолчал и стал меня разглядывать. Стоящий перед ним, не обращая на меня внимания, то рошил: караван вот-вот двинется!

– Документы есть? – спросил начальник, видимо, ещё не очень веря, что судьба послала ему меня на выручку. Я выложил на стол паспорт и трудовую книжку, где уже были кое-какие записи: «Принят» и «Уволен».

– Ну вот тебе и матрос! – с облегчением произнёс он. Тот оглядел меня весьма неодобрительно:

– Ты не сможешь!

– Я – не смогу?! – закричал я, ибо была задета, по тогдашним моим понятиям, моя спортивная честь. – Да хочешь, я тебя...

– Тихо, тихо! – прикрикнул начальник примиряюще. – Хочешь – бери, сейчас оформлю, больше всё равно никого нет!

Так я стал матросом большой сухогрузной баржи «Волжского пароходства», курсирующей на буксире по Волге. Мне дали лишь полчаса «запастись продуктами». Я, задыхаясь, взбежал по легендарной симбирской лестнице – уж больно много ступенек! И добежал до Дома книги, где я месяца два уже состоял в литобъединении, которое вела заведующая библиотекой. Я занял у неё три рубля, искренне веря, что ещё буду в Ульяновске и верну с полочки. Увы, никогда не пришлось мне там быть, а теперь уж и имя забыл – ведь прошло почти 60 лет!

В «речном» магазине мне отпустили три буханки хлеба – с продуктами везде, кроме Москвы, было туго, за хлебом часто занимали очередь с вечера. Из таких городов, как Рязань, ездили в Москву и везли мешками хлеб. Их звали «мешочниками» – не представляя, как голодно живут вне Москвы...

Екатерина ФУРЦЕВА (1910 – 1974)

Я ПЛАЧУ ТОЛЬКО В ПОДУШКУ *(отрывок из книги воспоминаний)*

«Никогда не зарься на чужое», – говорила мне мама. Она имела в виду не только чужое добро, но и чужих мужей. По поводу мужей я с ней спорила. Нынче не старые времена, когда приходилось всю жизнь жить с той, с которой обвенчался. К чему приводят буржуазные предрассудки по поводу брака, наглядно показал Толстой в «Анне Карениной». Не надо ставить знак равенства между свободой выбора и моральной распущенностью.

Распущенность означает вседозволенность, пренебрежение чувствами другого человека. А свобода выбора – это возможность исправить ошибку. Такая возможность должна быть у всех. Ну не подошли люди друг другу, так что же, мучиться теперь всю жизнь? Сама по молодости однажды сделала глупость, про которую теперь даже в анкетах не пишу. Дело было в 31-м, когда женились без бумажек. Но я настояла на регистрации брака. Думала, что встретила ту самую любовь, которая одна на всю жизнь. Неловко просто сойтись, нужна торжественность. Сейчас понимаю, что то была не лю-

бовь, а одиночество. Приехала из родного города в незнакомый район. Всё чужое – и места, и люди. В Вышнем Волочке у меня было много друзей, а в знакомых весь город ходил. А тут – никого. Все косятся подозрительно – чужачка, присланная, комсомольский секретарь. Время было такое. Не жаловали тогда чужаков.

Вдобавок мой предшественник наломал дров. Запятнал репутацию комсомольского активиста так, что в районе всех комсомольцев стали считать бабниками и пьяницами. В общем, тоскливо мне было, очень. Потому я и потянулась всей душой к человеку, который проявил ко мне участие. Тем более что он был хорош собой и умён. Я ещё удивлялась, как это такой грамотей работает плотником. И ещё больше уважала его – не хочет человек бросать рабочую специальность, вот какой сознательный. Планы строила. Маме написала. Похвалялась, что встретила свою судьбу. Мама ответила коротко: «Не дури!»

Но я к тому времени уже успела «выйти замуж».

Слова взяла в кавычки, потому что «замужество» моё продлилось всего десять дней. Я считаю, что его и не было вовсе. Десять дней – это несерьёзно. Три дня я была счастлива, пять дней не понимала, что происходит, один день провела в раздумьях, а в последний, десятый, день, когда я начала серьёзный разговор, мой «муж» поднял на меня руку. Решил поучить по-семейному. Но не на такую напал. Я его сама поучила и прогнала. Поплакала, написала маме, что перестала дурить и решила поскорее забыть обо всём. С кем не бывает. Это как болезнь, любовная горячка. Переболеешь и получишь иммунитет...

Оба моих мужа, настоящие, с которыми я прожила долго, на момент знакомства со мной были женаты. Меня это настораживало. Я очень щепетильна в этом смысле. Не могу позволить себе разбить чужое счастье. Но оба они уверяли меня в том, что давно разлюбили своих жён, что их брак был ошибкой и т. д. Я верила им. Когда любишь, то веришь. Как можно заподозрить любимого человека в неискренности? Верила, а зря. Теперь подозре-

ваю, что на самом деле всё было не так, как они мне представляли. Пётр, небось, и своей фронтовой жене говорил, что у него со мной всё кончено, что мы с ним чужие друг другу люди. А я в то время от него беременная была и строила планы на счастливую нашу с ним послевоенную жизнь. А про то, что мы с Николаем якобы чужие друг другу, я узнала от посторонних. Слухи распространяются быстро. Он своей пассии сказал, та подружке похвасталась, подруга по всей Москве разнесла. Николай всё отрицает, но я по глазам вижу, что это не так. Переживаю.

На лишний гадкий слухок мне наплевать. Много их про меня ходит. Одним больше, одним меньше – неважно. Разочарование меня больно ранит, предательство. Но сама же вспоминаю мамины слова и говорю себе, что оба раза я получила то, что заслужила. С чего оба раза начиналась моя супружеская жизнь, тем она и закончилась. Кривое не выпрямить. Кто предал одну жену, тот предаст и вторую. Надо очень хорошо знать все обстоятельства, чтобы отличить белое от чёрного, понять, какие отношения связывают супругов.

Владимир ГИЛЯРОВСКИЙ (1855 – 1935)

МОИ СКИТАНИЯ (отрывок из книги)

Весной 1883 года Бурлак пришёл ко мне и пригласил меня поступить в организованное им товарищество для летней поездки по Волге.

Труппа была великолепная. Глама-Мещерская, Свободина-Барышева, Очкина, Рютчи, Козловская, Писарев, Андреев-Бурлак, Ильков, Шмитов, Васильев и суфлёр Корнев. Труппа единогласно избрала режиссёром и распорядителем Андреева-Бурлака, а меня – его помощником. Репертуар такой: «Лес», «Не в свои сани не садись», «Кручина», «На хуторе», «Горькая судьбина», «Иудушка», «В царстве скуки», водевили, и, кроме того, Андреев-Бурлак читал «Записки сумасшедшего» и «Рассказ Мармеладова».

Это был 1883 год – вторая половина апреля. Москва почти на военном положении, обыски, аресты – готовятся к коронации Александра III, которая назначена на 14 мая. Гостиницы переполняются всевозможными приезжими, частные дома и квартиры снимаются под разные посольства и депутации.

Всю Волгу я проехал со всеми удобствами пассажира 1-го класса, но почти всегда один. Труппа обыкновенно приезжала после меня, я был переводным. Кроме подготовки театра к спектаклю, в городах я делал визиты в редакцию местной газеты. Приём мне всюду был прекрасный: во-первых, все симпатизировали нашему турне, во-вторых, в редакциях встречали меня как столичного литератора и поэта – я в эти два года печатал массу стихотворений в целом ряде журналов и газет – «Будильник», «Осколки», «Москва», «Развлечение». Кроме статей о нашем театре, прямо надо говорить, реклам, я давал в газеты, по просьбам редакций, стихи и наброски.

Никогда я не писал так азартно, как в это лето на пароходе. Из меня, простите за выражение, пёрли стихи. И ничего удивительного: еду в первый раз

в жизни в первом классе по тем местам, где разбойничали и тянули лямку мои друзья Репка и Костыга, где мы с Орловым выгребали в камышах, где... Довольно.

В конце концов я рад был, что ехал один, а не с труппой.

Не проболтаешься.

Ехал и молчал, молчал как убитый.

– Нашёл – молчи, украл – молчи, потерял – молчи.

Этот завет я блюл строго, и только благодаря этому я теперь имею счастье писать эти строки. Я молчал, и все мои переживания прошлого выходили в строках и успокаивали меня, вполне вознаграждая за вечное молчание.

Под шум паровых колёс, под крики чаек да под грохот бури низовой писал я и отдыхал.

Тогда на пароходе я написал кусочки моего «Стеньки Разина», вылившегося потом в поэму и в драму, написал кусочки воспоминаний о бродяжной жизни, которую вы уже прочли выше. Писал и переживал.

Через борт водой холодной

Плещут беляки.

Ветер свищет, Волга стонет,

Буря нам с руки.

Да, я молчал. Десятки лет молчал. Только два человека знали кое-что из моего прошлого... Кое-что. Но эти люди были особые: Вася Васильев – народник, друг народовольцев, счастливо удравший вовремя. А не удалось бы ему удрать, так процесс был бы не 193-х, а 194-х. (Васильев – псевдоним. Его настоящая фамилия – Шведевенгер. Но в паспорте – Васильев). Вася умел молчать как никто, конспиратор по натуре и привычке.

Другой Вася, Андреев-Бурлак, был рыцарь, ры-

царь слова. Оба знали и молчали. Только знаменитая историческая губа Андреева-Бурлака выражала понятное мне его настроение. Об этой губе поэт Минаев сказал:

*Москва славна Тверскою,
Фискалом М. Н. К.
И нижнею губою
Актёра Бурлака.*

Бурлака никто не видел смеющимся, – у него смеялись только глаза и нижняя губа.

Бывало, в нашей компании идёт разговор о разных обстоятельствах, о которых я мог бы рассказать многое, а я молчу, смотрю на Бурлака. А у того губа смеётся, и так смеётся, что я не удержусь и в ответ сам улыбнусь... И мы только двое понимаем друг друга. Он умел молчать.

Денис ДРАГУНСКИЙ (р. 1950)

АВТОПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО (отрывок из романа)

Юля Бубнова решила написать роман, но не просто роман – «много ума не надо, чтоб написать просто роман: зайдёшь в книжный, голова кругом, одни романы кругом; и вообще – заведи себе роман и опиши его в романе!» Она любила вот так выражаться, играя словами: «не надо устраивать сцен, ты не на сцене!», «песенка этого певца уже спета», ну и в этом роде. Не просто роман – так сказала она своему мужу, – она решила написать интересный, умный, увлекательный – одним словом, во всех отношениях замечательный роман, который читатели будут рвать друг у друга из рук! Вот так! – вот так сказала она своему мужу.

– То есть ты хочешь написать бестселлер? – ответил её муж, Борис Аркадьевич Бубнов.

– Если тебе так больше нравится.

– Мне? – он засмеялся. – Мне всё равно. Твоя идея. Пиши что хочешь. Лучше, кстати, для начала напиши что-нибудь заумное. Авангард или, как это, постмодерн. Придумай что-то этакое. Как говорится, *не для всех*, – и он покрутил пальцами над тарелкой, изобразил в воздухе узоры; разговор шёл за обедом. – Это проще.

– Ну да, – кивнула Юля. – А потом издать за свой счёт?

– Ну да, – сказал Борис Аркадьевич. – В красивом переплёте.

– Нет, – сказала Юля. – Не хочу проще. Заумный роман *не для всех* каждый дурак может. Сиди себе и заумничай. А я хочу именно что бестселлер.

– Ну и? – спросил Борис Аркадьевич.

– Это я тебя спрашиваю: ну и?

– Я тебя не понимаю, – он слегка пожал плечами и отправил в рот половинку оладушки из протёртых кабачков, предварительно макнув её в греческий йогурт.

Хотя на самом деле он всё прекрасно понял.

Понял, что у Юли какая-то новая затея, и дай бог, чтобы не слишком дорогая. Борис Аркадьевич

был весьма богат (хотя далеко не олигарх и даже не полумиллиардер), но при этом не то чтобы скуповат, но скорее бережлив. Чутьочку прижимист. Он верил, что так и надо себя вести богатому человеку. Борис Аркадьевич с удовольствием рассказывал анекдот про одного знаменитого советского поэта, невероятного по тогдашним меркам богача, который в ресторане за общим ужином заказал себе сто граммов водки и винегрет. Его спросили: «Почему так скромно? Ведь вы такой богатый!» – а он ответил скрипучим голосом: «Вот потому и богатый!..»

Он понял, что придётся чутьочку раскошелиться, и, главное, непонятно на что. Юля поняла, что он всё понял, и замолчала. Стало тихо. У Бориса Аркадьевича зазвенело в ушах и заломило затылок. Юля умела молчать так, что хотелось сделать что угодно, чтобы это молчание прекратить. Заорать, разбить тарелку, вскочить из-за стола и опрокинуть стул. Или молить бога, чтоб зазвонил телефон.

Юля знала за собой это свойство. Вернее, это умение. Она научилась вот так молчать у тётки Оли, а тётка Оля – у своей мамы. «Мама, – рассказывала Юле тётка Оля, – мама умела молчать так, что стены дрожали. Один раз от её молчания старая оконная рама треснула и вылетело стекло, а на дворе зима. В ту зиму зима была очень холодная и снежная. С ветром. Как раз метель. А стекольщика не дозовёшься, не наше время, застой в разгаре, середина семидесятых. Снег налетел в окно. А виновата всё равно была я, потому что мама из-за меня молчала, то есть на меня сердилась».

Так что Юля молчала, глядя в угол комнаты – обедали они не в кухне и тем более не в современной дурацкой комнате, где гостиная соединена со столовой, а столовая – с кухней, а в нормальной традиционной столовой. Теперь это называется «столовая с подачей». То есть столовая, куда прислуга или хозяйка должна носить блюда из кухни...

Николай ВИРТА (1905 – 1976)

КАТАСТРОФА (отрывок из повести)

«...Господи, господи, как всё отлично началось!» – думалось пожилому сухопарому генерал-полковнику в хмурое декабрьское утро.

Ночью шёл снег, а на рассвете угрюмо завывала метель. Что-то грохотало невдалеке, надрывно визжало полусорванное с крыши железо, свирепый ураган обрушивался на улицы, позёмка билась о стены домов, крутились в развалинах снежные смерчи... Где-то рухнули под напором ветра подшибленные снарядами руины.

Ужасная русская зима, вторая такая же люто-холодная, зверская зима с её метелями, пронизывающими ветрами, с надеждами и разочарованиями, победами и поражениями.

Как она не похожа на чудесную мягкую зиму в родных местах! В отцовском доме так тепло, так всё привычно – привычно с детства. Там всякая вещь напоминала о прошлом чинной семьи советника по земельным делам местного самоуправления. Вот эта ваза перешла от дедушки, из этой чашки пила кофе прабабушка, вон то изречение – «Послушание – высшая добродетель» – самолично вышел шёлком прапрадедушка, доживший до преклонного возраста и занимавшийся тем, чем тешат себя иные тихие старички: либо чулок вяжут, посасывая трубочку, либо вышивают цветной ниткой и бисером полезную для дома вещь.

Нет, никто из ближних и дальних родичей советника по земельным делам не мечтал о бранной славе. И сам советник не стремился к переменчивой судьбе солдата. То ли дело размышлять над пожелтевшими от времени документами, решать мирные споры поселян, наблюдать за землеустройством, вовремя приходить на службу, вовремя уходить, а дома, облачившись в бархатную куртку с обливными бранденбурами, пообедав в кругу семьи, раскурив пеньковую трубку, доставшуюся в наследство от деда или прадеда, читать газету, восхищаться славными успехами фатерланда, мудрой политикой его величества кайзера...

Где-то в Африке идут войны; дикие туземцы, не желая пользоваться благами цивилизации – странно, не правда ли? – восстают, хватают копья, бумеранги и – ты слышишь, милочка? – с этим оружием – ха-ха! – идут против пушек и винтовок последних образцов!

Но это где-то очень далеко. Громы колониальных войн не доносятся до стен дома советника по

земельным делам, не нарушают покоя маленького Фридриха, посапывающего в колыбели.

Он родился в ясный, полный осеннего очарования день – сентябрь был на исходе, шёл к концу тысяча восемьсот девяностый год.

Фридрих родился на редкость увесистым, на редкость рослым, на редкость худощавым, и таким спокойным-спокойным оказался этот младенец – гордость и счастье семьи!

«Милый Фриц, ненаглядное солнышко!» – как называла его мать, любуясь ребёнком, задумчивым, с серьёзным взглядом светло-серых глаз.

Отец сказал как-то, что этому мальчику суждено великое будущее. Но ведь так говорят многие и многие отцы! Мог ли папаша Фридриха думать в те времена, что сын его действительно прославится... но как?

Мальчик рос сдержанным и молчаливым. Он любил свой дом, обожал родителей, платя им за заботы и ласки преданностью и редким в его годы послушанием. Сторонясь шумных мальчишеских компаний, он часто в одиночестве бродил по старым улицам родного города, проводил время на равнинах за старинными укреплениями. Далеко на горизонте виднелись густые клубы дыма: там Кассель, большой и шумный город. Фридрих бывал в Касселе с отцом и с учениками школы – их возили туда на экскурсии.

Уличный шум, грохот повозок, людские толпы на площадях и у магазинов не привлекали Фридриха. Скорей домой, в тень каштанов, в поля, где так просторно и так легко дышать!

Да, это был необыкновенный мальчик! Он отличался скромностью, редко шалил, педантично соблюдал правила, установленные им для самого себя: аккуратно разрисованная виньетками бумажка с точным распорядком дня висела над его кроватью с того часа, когда он пошёл в школу, и до часа её окончания. Его прилежность, аккуратность и опять-таки послушание были предметом восхищения. И насмешек. Насмешки Фридрих презирал, восхищение принимал как должное. Педагоги хвалили его. «Вот примерный немецкий мальчик, – говаривали они. – Как он послушен!»

Конечно, озорники и неслухи не жаловали Фридриха, зато родители и близкая родня души в нём не чаяли.

Виктор СЕРЖ (1890 – 1947)

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ТОТАЛИТАРИЗМУ (отрывок из воспоминаний)

В начале жизни мною владело чувство, кажется, оно стало вполне отчётливым раньше, чем кончилось детство. Мы обретаемся в мире безысходном, остаётся одно – биться в поисках выхода, а выход невозможен. Я испытывал замешанное на гневе и пристрастии отвращение к тем, кого считал приспособленцами. Как можно закрывать глаза на

рабское своё положение, не сознавать собственной подлости? Теперь очевидно, что в основе всего было моё воспитание сына революционных эмигрантов, заброшенных в мегаполисы Запада первыми российскими бурями.

Ясным снежным днём 1 марта 1881 года, за девять лет до моего рождения, в Санкт-Петербурге

молодая светловолосая женщина с непокорным лицом, ожидавшая на берегу канала появления саней в сопровождении казачьего эскорта, быстро взмахнула платком. Глухие раскаты взрыва, сани опрокинулись, и на снегу возле парапета канала остался лежать человек с седеющими бакенбардами, ноги и нижняя часть тела которого были разорваны в клочья... Так партия «Народная воля» убила царя Александра II.

Мой отец, Лев Иванович Кибальчич, унтер-офицер императорской конной гвардии, в то время служил в столице и был сторонником этой нелегальной, насчитывавшей не более шестидесяти членов и двух-трёх сотен сочувствующих партии, которая требовала «земли и воли» для русского народа. В числе организаторов покушения был арестован химик Николай Кибальчич, дальний родственник моего отца (степень их родства мне неизвестна). Он был повешен вместе с Желябовым, Рысаковым, Михайловым и дочерью бывшего губернатора Санкт-Петербурга Софьей Перовской. На суде все, кроме Рысакова, отстаивали своё требование свободы; на эшафоте они обнялись и умерли с достоинством...

Мой отец участвовал в деятельности боевой организации на юге России, которая вскоре была полностью разгромлена; он скрылся в садах Киево-Печерской лавры, старейшего русского монастыря, затем преодолел русско-австрийскую границу вплавь, под пулями жандармов, и нашёл приют в Женеве, где начал новую жизнь.

Он мечтал стать врачом, но увлекался также геологией, химией, социологией. Был всегда одержим неугасимой жаждой знания и осмысления, что делало его абсолютно беспомощным в практической жизни. Как и всё революционное поколение, духовными лидерами которого были Александр Герцен,

Белинский, Чернышевский (в то время отбывавший каторгу в Якутии), и вопреки своему религиозному образованию он стал агностиком в духе Герберта Спенсера, чьи выступления слушал в Лондоне.

Мой дед со стороны отца, черногорец по происхождению, был священником в маленьком городке Черниговской губернии; от него остался только пожелтевший дагерротип, на котором изображён худой бородатый поп с высоким лбом и добродушным лицом, стоящий в саду в окружении босоногих ребятишек. Моя мать, небогатая польская дворянка, отвергла обывательскую жизнь в Санкт-Петербурге ради учёбы в Женеве. Волей случая я родился в Брюсселе, на перекрёстке мировых дорог, так как мои родители в поисках хлеба насущного и хороших библиотек кочевали между Лондоном, Парижем, Швейцарией и Бельгией. В наших случайных пристанищах на стенах всегда висели портреты тех повешенных. Разговоры о великих людях сводились к обсуждению процессов, казней, побегов, сибирских дорог, идей, без конца подвергаемых сомнению, и последних книг, им посвящённых...

Моя детская память сохранила образы разных стран: Кентерберийский кафедральный собор, эспланаду старинной цитадели Дувра, мрачные улицы и дома из красного кирпича лондонского района Уайтчепел, холмы Льежа... Я учился читать по дешёвым изданиям Шекспира и Чехова и в детстве подолгу воображал себе слепого короля Лира, которого лишь нежность Корделии согревала на безлюдных песчаных равнинах. Я обрёл также суровое понятие о неписаном законе: будь готов голодать. Кажется, если бы меня, двенадцатилетнего, спросили, что такое жизнь (и я сам часто задавал себе этот вопрос), я бы ответил: не знаю, но, на мой взгляд, это означает: мыслить, бороться, голодать.

Дмитрий МАРСАЛЬСКИЙ (1865 – 1922)

ОБИЖЕННАЯ ТЁЩА (отрывок из рассказа)

– Ну а собачник-то твой дома? – спросила Наталья Андреевна свою дочь.

– Нет, мама: он с утра уехал в волостное правление – там у него суд...

– Толкуй! – скептически заметила Наталья Андреевна. – Суд!.. Чай, в винт режется где-нибудь, – добавила она, шумно усаживаясь в кресле.

– Ах, мама! Ты несправедлива к Косте.

Недавно ещё Коста, то есть Константин Никитич, в глазах Натальи Андреевны, своей тётки, был почтительным и признательным зятем, она даже ставила его в пример другому своему зятю, петербургскому чиновнику, но в настоящий момент было не то: за глаза Наталья Андреевна называла его собачником, псарём, деспотом и тому подобными нелестными именами, в глаза же была с ним изысканно любезна, называя не Костей, как раньше, а Константином Никитичем и делала ударение в отчестве непременно на первом слоге, что, по её мнению, должно было сильно уязвлять непочтительного зятя.

– Нет уж, ты, пожалуйста, не защищай его, он эгоист, – продолжала Наталья Андреевна говорить своей дочери, – гуляка и развратник! Это я знаю из самых верных источников. Ты слышала, что у них было в N на выборах? Нет, не слышала... Ну то-то... значит и молчи!

Молодая женщина – жена Константина Никитича Анна Васильевна – притворилась испуганной, чтобы не огорчать своей мамы, которая в сердцах охотно преувеличивала и могла окрашивать в мрачные краски самые безобидные вещи.

– Да говори же, мама, что знаешь!

Наталья Андреевна наклонилась к уху дочери и, хотя в комнате не было никого, шёпотом стала передавать ей то, что было в N на выборах. Слова, нуждающиеся в подчёркивании, говорились почти громко, и из одних этих отрывочных слов для постороннего слушателя составлялась законченная картина: «картёж... попойка... шампанского в городе чуть хватило... цыгане... все руки целовали у этой косоротой-то...»

Анна Васильевна закусила губы, чтобы не рассмеяться, так как всё то, что рассказывала мать, было ей уже известно от мужа, и последний получил за это должное возмездие. Однако молодая женщина притворилась оскорблённой и кротко пригласила маму пить чай.

Но старуха не унималась – сердце хотелось сорвать на ком-нибудь.

– Да сами они вот какие штуки устраивают – это называется у них «проветриваться», а ты сидишь дома, – сочувственно отнеслась Наталья Андреевна к своей дочери, – совсем зачаврела... В Петербург небось не пускает тебя!.. А как бы мы славно съездили с тобой и погостили там!..

Собственно, из-за Петербурга Константин Никитич и попал в немилость у своей тётчи.

Видите ли, её старший зять недавно получил очень видное место в Петербурге, и Наталье Андреевне, естественно, захотелось побывать и посмотреть на зятя и дочь в их новой обстановке, но, чтобы не задумал этот петербургский чиновник пе-

ред тётчи величаться – «этот мозляк-то!», как она раньше его звала, – «с него, пожалуй, станет!» – она решила ехать не одна, а с Анечкой, этой пышной, с румянцем во всю щёку и большим тактом красавицей, которая не даст в обиду свою маму и которую всегда можно поставить на вид петербургским супругам, превратившимся в «драных кошек».

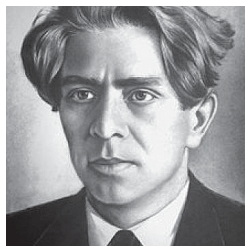
Разумеется, и Anne Васильевне хотелось повидаться с сестрой, а пожалуй – кто ж без греха! – и похвастаться своим бабьим счастьем. Но тут явилось препятствие в лице Константина Никитича: всегда снисходительный к слабостям тётчи и послушный жене, он на этот раз воспротивился женским планам и наотрез отказался отпустить Анну Васильевну в Петербург, так как боялся за свою трёхлетнюю дочь, которую женщины брали с собой.

– Выкинь эту блажь из головы, – говорил Константин Никитич жене, – вот Лиля подрастёт, тогда и съездишь... С радостью отпущу, хоть в Америку.

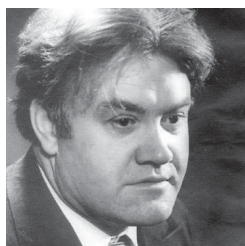
С этих именно пор Константина Никитича и стала тётца звать «собачником» и «псарём»...

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЯНВАРЬ 2021

1 января – 120 лет назад родился татарский поэт **Хади Хайруллович Такташ** (1.01.1901, д. Сыркыды Спасского у. Тамбовской губ., ныне с. Сургодь Торбеевского р-на Республики Мордовии – 8.12.1931, г. Казань). Не раз бывал проездом в Симбирской губ. по пути в Бухару (1915), Оренбург (1919), Ташкент (1921). Автор сборника стихов «Трагедия сынов земли» (1923), поэмы «Исповедь любви» (1927), пьес «Зарытое оружие» (1927), «Камиль» (1930) и др. В с. Аллагулово Мелекесского р-на Ульяновской обл. установлен бюст поэту (2015).

2 января – 90 лет со дня рождения поэта **Николая Николаевича Благова** (2.01.1931, г. Ташкент – 27.05.1992, г. Ульяновск, похоронен в с. Крестово Городище). Детство и юность прошли в с. Андреевка Чердаклинского р-на. Был зав. отделом поэзии (1970 – 1976), главным редактором (1983 – 1987) журнала «Волга». В 1976 – 1983 гг. возглавлял Ульяновское отделение Союза писателей РСФСР. Автор поэтических сборников «Волга» (1957), «Имя твоё» (1968), «Поклонная гора» (1975) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького.

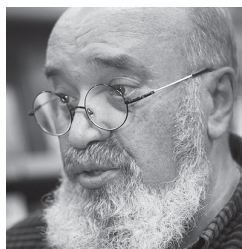

2 января – 70-летний юбилей отмечает журналист, краевед **Лидия Александровна Берч** (р. 2.01.1951, р.п. Карсун Ульяновской обл.). Окончила Ульяновский педагогический институт (1972). Руководитель пресс-службы Ульяновского областного суда. Публиковалась в журналах «Мономах», «Симбирский научный вестник». Член рабочей группы по подготовке областных книг «Солдаты Отчизны», «Солдаты Победы», «Солдаты трудового фронта», «Книга памяти». Соавтор книги «История Симбирского-Ульяновского суда» (2013) и др.

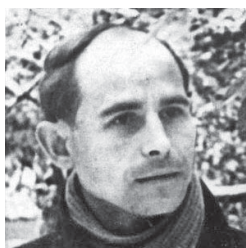
2 января – 65 лет исполняется поэтессе **Веронике Аркадьевне Долиной** (р. 2.01.1956, г. Москва). С 1976 года исполняет песни на собственные слова под гитару. В 1979 году приняла участие в фестивале самодеятельной песни «Гамбургский счёт» в Ульяновске.

Публиковалась в журналах «Континент», «Грани», «Аврора» и др. Автор сборников «Стихи» (1987), «Моя радость» (1988), «Воздухоплаватель» (1989), «Мой дом летает...» (1993), «Потайные лады» (1996), «Сэляви» (2001) и др. Член Союза писателей Москвы (1991).

5 января – 75-летний юбилей отмечает писатель, драматург **Евгений Анатольевич Попов** (р. 5.01.1946, г. Красноярск). Окончил Московский геологоразведочный институт (1968). Член Союза писателей СССР (1978). Секретарь Союза писателей Москвы. Автор

книг прозы «Веселие Руси» (1981), «Душа патриота» (1994), «Накануне накануне» (2001), «Калёным железом» (2009) и др. Был в Ульяновске 18-20 сентября 2018 года на XVIII Международном форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья; провёл встречу в библиотеке №15.

3 января – 85 лет со дня рождения поэта **Николая Михайловича Рубцова** (3.01.1936, с. Емецк Северного края, ныне Холмогорского р-на Архангельской обл. – 19.01.1971, г. Вологда). Был в Ульяновской области летом 1954 года проездом на почтовом поезде из Москвы в Ташкент и обратно.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1969). Автор поэтических сборников «Волны и скалы» (1962), «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Зелёные цветы» (1971) и др.

5 января – 65 лет исполняется поэту, краеведу **Николаю Викторовичу Марянину** (р. 5.01.1956, с. Три Озера Куйбышевского р-на Татарской АССР, ныне Спасского р-на РТ). Окончил Ульяновский политехнический институт (1978). Работал журналистом, аналитиком.

Член Союза писателей России (2012). Автор поэтических сборников «Спасение от безумия» (1996), «Бог умер» (2000), «Звёздный ковчег» (2005), «России кварцевое сердце» (2012), «Симбирская рапсодия» (2019). Награждён медалью Н.М. Карамзина (2015). Живёт в Ульяновске.

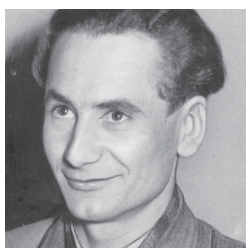
3 января – 65 лет назад родился татарский писатель **Мунир Джиганович Рамазанов** (р. 3.01.1956, с. Новая Терешка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Сызранское медицинское училище, Куйбышевский медицинский институт. Печатался в

пионерской газете «Яшь ленинчы», газете «Медик», районных газетах Инзы, Николаевки и Старой Кулатки, в областной газете «Эмет», в альманахе «Симбирские вёсны». Автор книг «Веруйте!», «Ну кто же такие татары», «Намаз уку шатлагы», «Мечети Ульяновской области» и др.

6 января – 80 лет со дня рождения литератора **Геннадия Михайловича Зенкова** (р. 6.01.1941, г. Чапаевск Куйбышевской, ныне Самарской обл.). Окончил Куйбышевский политехнический институт. Работал на электростанциях в Ульяновске, Улан-Баторе. Был

главным инженером Управления тепловых сетей в Кузбассе. Живёт в городе Кемерово. Автор книги очерков «Люди тепла», сборников лирических стихотворений «О, женщины!», «Простые стихи», «Гудят, работая, турбины». Член Союза писателей Кузбасса (2006).

5 января – 90 лет со дня рождения писателя **Анатолия Николаевича Жукова** (5.01.1931, с. Новая Хмелёвка Елховского р-на Средневолжского края – 21.02.2013, г. Москва). Работал бухгалтером в совхозе им. Н.К. Крупской, сотрудником газеты в р.п. Старая Майна.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1966). Член Союза писателей СССР (1972). Автор более 20 книг прозы: «Надежда» (1970), «Дом для внука» (1977), «Счастливо доехать» (1983), «Позади будущее» (1991), «Были Заволжья» (2011), «Лунный свет» (2014) и др.

7 января – 105 лет назад родился прозаик **Абдулла Касимович Гарипов** (7.01.1916, г. Оренбург – 20.04.1999, г. Димитровград Ульяновской обл.). Во время войны служил в отделе контрразведки «Смерш» 11-й армии Белорусского фронта. С 1956 года возглавлял

1-й спецотдел КГБ НИИАР в Димитровграде. Почётный работник госбезопасности (1974). В 1980-е гг. был председателем литературного объединения «Черемшан». Автор книг «Ильмень-озеро» (1983), «На всю твою жизнь» (1991). Член Союза писателей России (1993).

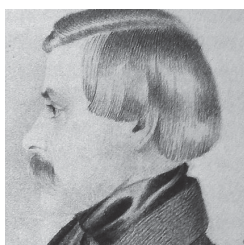
9 января – 75 лет со дня рождения историка, публициста **Равиля Усмановича Амирханова** (9.01.1946, р.п. Старая Кулатка Ульяновской обл. – 2.09.2006, г. Казань). Окончил Казанский педагогический институт (1968). Работал в Институте языка, литературы и исто-

рии АН РТ. Доктор исторических наук (1997). Автор трудов «Образование татарской нации» (1995), «Мы – татары» (2002), «Татарский народ и Татарстан в начале XX века» (2005); исследований, посвящённых деятельности Ф. Амирхана, Г. Баруди, Г. Исхаки и др.

9 января – 75-летний юбилей отмечает поэт, бард **Владимир Степанович Варламов** (р. 9.01.1946, р.п. Радищево Ульяновской обл.). Окончил Ташкентский институт ж.-д. транспорта (1971). Работал на «Сельмашзаводе» в г. Фрунзе, на строительстве санатория «Волжский утёс», на Балашейском ГОКе и в СМУ «Нефтехиммонтаж». Живёт в Сызрани. Автор книг стихов «Не пиши, не пиши, не пиши» (2006), «Привет от дилетанта» (2008), «Тепло осеннего костра» (2010), «Я время тороплю» (2015). Лауреат премии «Признание» (2007).

«Волжский утёс», на Балашейском ГОКе и в СМУ «Нефтехиммонтаж». Живёт в Сызрани. Автор книг стихов «Не пиши, не пиши, не пиши» (2006), «Привет от дилетанта» (2008), «Тепло осеннего костра» (2010), «Я время тороплю» (2015). Лауреат премии «Признание» (2007).

12 января – 205 лет назад родился стихотворец **Александр Николаевич Карамзин** (12.01.1816, г. Москва – 21.07.1888, имение Макателемы Ардатовского у. Нижегородской губ.). Сын Н.М. Карамзина. Ребёнком сочинил сказку, опубликованную

В.А. Жуковским. Автор стихотворений «Чистый понедельник», «Юность души», «Элегия», повести в стихах «Борис Ульин» и др. Печатался в «Современнике». Был знаком с В.А. Соллогубом, А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым. Участник юбилея Н.М. Карамзина в Симбирске 1-2 декабря 1866 года.

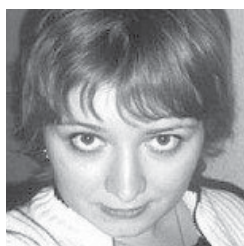
12 января – 50-летний юбилей отмечает писатель **Сергей Владимирович Заимко**, псевдоним – Изуграфов (р. 12.01.1971, г. Свердловск-45, ныне г. Лесной Свердловской обл.). В 1980 – 1988 гг. жил с семьёй в городе Димитровграде. Стихи

и рассказы печатались в газете «Димитровград». Окончил Военный институт иностранных языков в Москве (1993). Живёт в С.-Петербурге. Автор книг «Выбор Ариадны», «Пять амфор фалернского», «Смерть на Кикладах», «Убийство на вилле «Афродита», «Пропавший алхимик», «Забывтый демон» и др.

13 января – 135 лет со дня рождения татарского писателя, литературного критика **Фатиха Мухаммадзарифовича Амирхана** (13.01.1886, г. Казань – 9.03.1926, там же). Образование получил в медресе «Мухаммадия» (1905). Был редактором журнала, сотрудничал в казанских газетах. Осенью 1913 года приезжал в гости к Х.Т. Акчурину в пос. Гурьевка Карсунского у. Симбирской губ. (ныне г. Барыш Ульяновской обл.). Автор повести «Фатхулла хазрет» (1909), романа «В середине» (1912), рассказа «Сююмбике» (1913), драмы «Неравные» (1914) и др.

Осенью 1913 года приезжал в гости к Х.Т. Акчурину в пос. Гурьевка Карсунского у. Симбирской губ. (ныне г. Барыш Ульяновской обл.). Автор повести «Фатхулла хазрет» (1909), романа «В середине» (1912), рассказа «Сююмбике» (1913), драмы «Неравные» (1914) и др.

15 января – 40 лет исполняется прозаику, драматургу, сценаристу **Анастасии Валерьевне Чеховской** (р. 15.01.1981, г. Ульяновск). Правнучка писателей Д.К. Дудкина и А.Д. Чеховской. Окончила Ульяновский государственный университет, аспирантуру. Работает сценаристом, журналистом, преподавателем.

Печаталась в сборнике «Альдебараки», в журнале «Октябрь». Лауреат литературной премии «Дебют» в номинации «Киноповесть» (2005). Автор рассказов «Имечко», «Прочитай мне сказку на ночь», путевых заметок «Провинция у моря» и др.

19 января – 35-летний юбилей отмечает поэт **Евгений Валерьевич Бодунов** (р. 19.01.1986, г. Ульяновск). Работает начальником отдела правовой и кадровой работы администрации Железнодорожного р-на Ульяновска. Член Российского союза профессиональных ли-

тераторов (2012). Лауреат областного молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2016). Автор поэтических сборников «Зажги свечу» (2010), «Всё получится!» (2012), «Душа-письмо» (2014), «Радуйся!» (2016), «Расскажи мне себя!» (2018).

20 января – 95 лет со дня рождения государственного деятеля, мемуариста **Виталия Ивановича Воротникова** (20.01.1926, г. Воронеж – 19.02.2012, г. Москва). Бывал проездом в Ульяновской обл., когда жил в Куйбышеве (1942 – 1971). В 1983 – 1988 гг. пред-

седатель Совета Министров РСФСР. Утвердил 29 сентября 1988 года проект моста через Волгу в Ульяновске. Автор книг воспоминаний «А было это так...» (1995), «Такое вот поколение» (1999), «Кого хранит память» (2007), «Хроника абсурда: отделение России от СССР» (2011) и др.

22 января – 130 лет назад родился датский драматург и литературный критик **Хеннинг Келер** (22.01.1891, г. Копенгаген, Дания – 5.11.1979, там же). В 1917 – 1920 гг. в качестве дипломата и репортёра жил и работал в России, Китае и США.

В 1918 году долгое время находился в Симбирске, где жили представители его делегации. Описал происходящие события в книге «Русские хроники» (1920); в главе «Красный сад» рассказал об установке с участием Л.Д. Троцкого памятника Иуде в Свяжске. Автор пьес «Епископ», «Улла-Белла» и др.

23 января – 85 лет со дня рождения прозаика **Ивана Ивановича Маркелова** (р. 23.01.1936, пос. Базарный Карабулак Саратовского края – 15.06.2019, г. Волгоград). Окончил Казанский университет (1961). Работал в газете «Ульяновский комсомолец» (1961 –

1964), редактором газеты «Молодой ленинец» в Волгограде (1964 – 1965). Член Союза писателей СССР (1976). Автор книг прозы «На разбойных ветрах» (1988), «Запасный выход» (1989), «Стройка государственной важности» (1993), «С Богородицей» (1996) и др.

23 января – 40 лет исполняется прозаику **Евгению Валериевичу Сафронову** (р. 23.01.1981, г. Тольятти, Куйбышевской, ныне Самарской обл.). Окончил Ульяновский педагогический университет. Работает во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Член Союза писателей России (2018). Автор сборников прозы «Жонглёр и другие рассказы» (2011), «Ерошкин – предсказатель из Кувая» (2015), «Экспедиция. Бабушки офлайн» (2018). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2016).

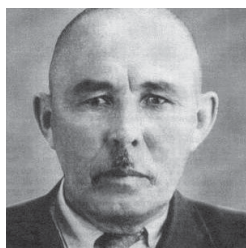

24 января – 75 лет назад родилась поэтесса **Елена Александровна Кацуба** (24.01.1946, г. Москва – 15.02.2020, там же). Окончила Казанский университет. Была обозревателем в газете «Новые известия», вела колонку в газете «Русский курьер». Автор поэтических

сборников «Свалка» (1995), «Игр рай» (2003), «Глядящие на пламя» (2014), «Заговор рек» (2018), «Зола Креза» (2019) и др. Провела творческие встречи во Дворце книги и библиотеке №4 в Ульяновске 16–18 сентября 2019 года в рамках XIX Форума молодых писателей.

24 января – 70 лет исполняется поэтессе **Татьяне Борисовне Толоконниковой** (р. 24.01.1951, г. Великий Новгород). Окончила Ростовский государственный университет (1976). С 1994 года живёт в Ульяновске. Работала учителем в школе №66; преподаёт там же технологию. Член Российского союза профессиональных литераторов (1999). С 2004 года руководитель Клуба поэтов при библиотеке им. И.А. Гончарова. Автор поэтических сборников «С открытым сердцем» (2001), «Рябиновый храм августа» (2007), «Время любить» (2010).

27 января – 115 лет назад родился чувашский поэт и прозаик **Виктор Ефремович Рзай** (27.01.1906, с. Ковали Цивильского у. Казанской губ. – 27.02.1970, г. Чебоксары). Окончил Татарский педагогический институт (1933). Член Союза писателей СССР (1934).

Преподавал в школах и училищах Татарской АССР и Ульяновской области (1936 – 1944). Автор поэм «Перед грозой» (1927), «Медная трубка» (1927), рассказов и повестей «Пожар» (1928), «Открытые ворота» (1927), «Закон Васyleя» (1934), романа на русском языке «На заре» и др.

27 января – 55-летний юбилей отмечает чувашский прозаик, журналист **Елена Николаевна Мустаева** (р. 27.01.1966, с. Кошлауши Вурнарского р-на Чувашской АССР). Окончила Чувашский государственный университет (1989). Главный редактор Ульяновской областной чувашской газеты «Канаш». Руководитель литературного объединения «Шевле». Рассказы печатались в сборнике «Свет зарницы», в газетах и журналах. Автор книги «Матерей прощают». Член Союза журналистов России, заслуженный работник СМИ Ульяновской области.

28 января – 200 лет назад родился духовный писатель, публицист **Павел Прусский**, в миру – Пётр Иванович Леднёв (28.01.1821, г. Сызрань Симбирской губ. – 9.05.1895, г. Москва). Осенью 1846 года отправился через Симбирскую губ. в Москву. В 1848-м был направ-

лен в Пруссию, где устроил старообрядческий Войновский монастырь, которым управлял до 1867 года. С 1868-го жил в Москве. Автор сочинений «Краткое описание путешествия во святой град Иерусалим» (1884), «Замечания на книгу поморских ответов» (1891) и др.

29 января – 120 лет со дня рождения чувашского прозаика, критика **Аркадия Ивановича Золотова**, литературный псевдоним – Арис (29.01.1901, д. Синерь Ядринского у. Казанской губ. – 1.06.1942, станция Иланская Красноярского края). Участник Гражданской войны. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1922). Член Союза писателей СССР (1934). Был председателем правления Союза писателей Чувашской АССР. Перевёл на чувашский язык «Мои университеты» А.М. Горького, роман «Чапаев» Д.А. Фурманова и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Хади ТАКТАШ (1901 – 1931)

В ТЁМНЫЕ НОЧИ

Как жгучий яд, текут ночные думы
В бескровных венах высохших моих,
А мрачные мечты – как даль степная,
Где лишь порывы ветров ледяных.

Душа изранена, угаснет скоро
От хищных стрел, от роковых мечей;
Хочу я умереть – уйти навеки
Из мира злобных джиннов-палачей.

Кому свободно здесь, пусть остаётся...
А я уйду – покину гнусный ад.
Распутная земля! В твоих объятьях
Теперь лишь змеи жадные кишат!

Взлечу, стерев следы свои земные,
Исчезну в чистой голубой дали, –
Там буду в небе реять одиноко,
Вас проклиная, изверги земли.

Уйду от вас, но нет, не позабуду
Вовек моих проклятий и обид:
Пусть вдалеке, покой ваш нарушая,
Зловещий, хриплый голос мой звучит.

В ПУСТЫНЯХ ТУРКЕСТАНА

Что за свет там, заря? Что за огни?
К какому идёт мир порогу?
Почему не видны светлые дни?
Почему туманна дорога?

Над страной мусульман мрак распростёр
Крыла, поглотить её хочет.
Куда ни пойдёшь – всюду тьмы костёр,
Пречёрны до жути здесь ночи...

Солнце, ты где? Где сияешь, луна?
Лучистые, где вы, рассветы?
Где ты, красивая чудо-страна?
Вопросы одни... нет ответов.

Где революции людям несут
Зарю долгожданной свободы?
Мир вверх тормашками перевернут,
Чтоб жили духовно народы?!

Где ты, духовная, сытая жизнь
В стране неразменного счастья?
Иль ты мираж, что в пустыне дрожит?
Хотел бы об этом узнать я!

Или на нас, чистых сердцем, табу
Наложено властной руцой?..
Здесь ночь, здесь не люди – рабов табун,
Пустыня вокруг – не укрыться!..

Николай БЛАГОВ (1931 – 1992)

* * *

Куда ты, слеза непроглядная?
Куда ты, в какие края?
– По ягоды, дочки, по ягоды,
По ягоды, девоньки, я.

– А солнце глаза твои видят ли?
Куда ты, по пням, по репьям?
Давно уж до дна они вытекли,
Исплакались по сыновьям.

– По мне, а куда ж они денутся
Из жизни при жизни моей?
Да плотью никак не оденутся
Их души у вечных огней.

Живые – стоят непроглядные.
Во сне? Наяву? – Толчя...
По ягоды, дочки, по ягоды,
По ягоды, доченьки, я.

* * *

Тяжёлый, душный день, белоголовый.
Ни капель не пробрызнут облака.
И вымя над травой несёт корова,
Пыль прошивая ниткой молока.
Как от пожара, гул идёт от пчел,
Гудит дорога, гул стоит в бору.
А я иду за полднем, как подпасок,
Гоню к реке усталую жару.
Иду, в руке – визгливая талинка,
Гляжу кругом и думаю любя:
Своё умеет каждая былинка
И что ей надо, знает про себя.
Вот солнце – самый светлый огородник.
В усах, теплом продышанных, – шмели.
Вот небо – голубой околоплодник,

Что не обронит вечный плод земли.
И лишь на отдых ветви яблонь вскинет
Осенний ветер, пуст и сучковат.
...Как ребятишки пятками босыми,
В садах тяжёлых яблоки стучат.

Вероника ДОЛИНА (р. 1956)

ПЕСНЯ СВЕЧИ

Не гаси меня, свечу!
Я ещё гореть хочу.
Я жива ещё покуда.
Не гаси меня, свечу.

Не протягивай ладонь,
Мой дружок прекрасный.
Я пока храню огонь –
Маленький, но ясный.

А без света нет ночи,
Без ночи нет света.
Без поэта нет свечи,
Без свечи – поэт.

Для бродячих моряков –
Маяков есть пламя.
Я – горящих мотыльков
Маленькое знамя.

Оттого-то и хочу
Я дожить до свету.
Не гаси меня, свечу!
Я свечу поэту.

* * *

Город бестолковый. Люто озабоченный.
Заживо утопленный рядовым дождём.
Кто тут участковый, кто уполномоченный?
Мы с моей собакой, грустные, идём.

Никого в просвете. В подворотне всполохи.
Ниагара плещется у продрогших лап.
А мы всё о лете рассуждаем, олухи.
Гиппократ нам в помощь или Эскулап.

Были атлантиды, контуры хрустальные.
Жили аэлиты, правнучки растут.
МВД и МИДы. Мы идём печальные,
За каким же чёртом – мы по кругу тут...

Город невозможный. Утонувший заживо.
Вот уж и не дышит, хоть из уст в уста.
Наш маршрут несложный.
Всякий Пушкин хаживал.
А Нащокин вскрикивал: «Эка красота!».

Николай РУБЦОВ (1936 – 1971)

* * *

Да, умру я! И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!
...Может быть,
Гробовщик толковый
Смастерит мне хороший гроб.

А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!
Жалкий след мой
Будет затоптан
Башмаками других бродяг.
И останется всё
Как было,
На Земле, не для всех родной...
Будет так же
Светить Светило
На заплёванный шар земной!

1954

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся тихие, светятся чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбочив и рад!
Трудное, трудное – всё забывается,
Светлые звёзды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

1965

Николай МАРЯНИН (р. 1956)

* * *

В небе утреннем горя
зеркалами вымысла,
из-за озера заря
красной розой выросла.

Разрезая серебро
в волнах бесконечности,
снова выпало зеро
на рулетке вечности.

И трепещут на ветру
отраженья мрачные:
неужели не к добру
зеркала прозрачные?

Но уже метель метёт
вперемешку с грёзами,
и всё озеро цветёт
золотыми розами..

* * *

Человечество в поисках Бога
не одну нам поведало повесть,
но быльём зарастает дорога
в мир, где истинный бог – наша совесть.

Она стала оплотом морали
и грехи отпускала до срока,
а её на Земле растерзали
кровожадные духи порока.

Во спасение хочется дружно
обнажить наши тайные вздохи:
эксгумацию совести нужно
провести по призыву эпохи!

И когда перекрытие треснет
над засевающим в сознании зверем,
как Христос, наша совесть воскреснет,
и в неё мы, как в Бога, поверим...

Геннадий ЗЕНКОВ (р. 1941)

СОН МАЛЬЧИШКИ

Мне снился сон: как будто на рассвете
Багровый луч коснулся наших стен,
И вспыхнула война на белом свете,
И папа мой попал к фашистам в плен.

Он ранен был, но не просил пощады,
И вот его выводят на расстрел.
А мне всё это видно из засады,
В которую я спрятаться успел.

Но что мне делать? Ведь фашистов много,
А я один и ростом невелик...
И тут я вспомнил, что мне папа строго
Быть слабаком и трусом не велит!

И вот я смело вышел из засады
С наганом и гранатой в руках
И крикнул им: «А ну, сдавайтесь, гады,
Иначе разнесу вас в пух и прах!»

И вдруг я оказался великаном,
Фашисты – кучкой у моих колен.
И мы связали всех одним арканом
И вместе с папой увели их в плен...

...Тут я проснулся. Тишина ночная.
Какой-то луч вдруг вспыхнул и погас.
А папа спит, пока ещё не зная,
Что я сейчас его от смерти спас.

КУЗБАСС

Там, где с улыбкой детской,
Выглянув из-за гор,
Солнце на край Кузнецкий
Свой обращает взор,
Там, где, собрав потоки,
Бег начинается Томь, –
Жизни моей истоки,
Отчий, родимый дом.
Бьётся в Сибири сердце,
Слышное всей стране –

Так о Кузбассе в детстве
Мама сказала мне.
Видел другие трассы,
Страны и города,
Только с родным Кузбассом
Сердце моё всегда!

Владимир ВАРЛАМОВ (р. 1946)

НА БЕГУ

На скаку, на лету, на бегу
Я вбираю познания крупницы.
Ничего упустить не могу –
Всё ловлю, как голодная птица.

Что-то сразу, а что-то потом
Почерпну из накопленных знаний.
Я судьбе благодарен за то,
Что к учёбе осталось желанье.

Понимаю: всего не объять,
Неподвластные будут вершины,
Но к романтике давняя страсть
Снова рвёт паруса бригантин.

Светлой вере я призван служить,
И журавль нужен мне, и синица.
Если что-то дарует мне жизнь,
Я, конечно, возьму. Пригодится.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Заплясали, закружили
В белом танце холода,
За ночь льдом они покрыли
Гладь студёного пруда.

Днём тебя я не увижу,
Ты во сне ко мне придёшь:
Стук шагов всё ближе, ближе,
Скрипнет дверь, и ты войдёшь,

Сон в мгновение растает,
Ты присядешь на кровать,
Нам никто не помешает
О любви всю ночь шептать.

Будут вместе наши руки
До рассветного луча.
Солнца утреннего струйки
Нас разбудят, щекоча.

Ночь уйдёт в страну глухую,
Где холодные моря.
Этот сон мне дорисует
Золотистая заря.

Александр КАРАМЗИН (1816 – 1888)

БОРИС УЛЬИН

(отрывок из повести)

...Палящим шаром в небе знойном
Давно плывёт светило дня;
Отпрягши потного коня,
Усталый пахарь сном спокойным
Заснул на пашне близ сохи;

В лесу не двигаются ели,
 Нагнув смолистые верхи;
 Докучным криком надоели
 И коростель, и стрекоза;
 Протяжно било три часа.
 Пора к обеду, нет спасенья!
 Борис оделся, взбил хохол,
 Собрался с духом и пошёл.
 Прошёл он двор без приключенья;
 Прошёл крыльцо, огромный зал,
 Какого сроду не видал,
 И наконец предстал в гостиной.
 С шитьём сидела у окна
 Княгиня на кушетке длинной,
 Цветами вся окружена
 И в померанцевом боскете.
 Княгиня некогда слыла
 Красавицей в столичном свете,
 Да и теперь ещё была
 И моложава, и приятна,
 И на лице её понятна
 Была минувшая краса.
 Борис вошёл, его глаза
 Смущённой робости мученьем
 Исполнены; княгине он
 Поднёс неловкий свой поклон;
 С улыбкой лёгким наклоном
 Она ответила ему.
 Всегда, везде в такие встречи
 Велись бессмысленные речи
 По силам каждому уму...

Евгений БОДУНОВ (р. 1986)

ОЗЯБШЕЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Раскинулся восток на небе ало,
 Ночь, загустев, в овраги утекла,
 Замёрзшим птахам снова не хватало
 Куда-то упорхнувшего тепла.

И гладь пруда притихшего светледа,
 И лес вчера метелью занесло...
 От холода как будто заболело
 Продрогшее оконное стекло.

Четвёртый месяц на земле лежала,
 Тайком себе выдумывая сны,
 Упавшая зима. Но так дрожала
 Восхода грань в предчувствии весны.

* * *

Тихая дорога. Путь – тропа лесная.
 Сосны да берёзки. Прямо до реки.
 Словно бы впервые, ничего не зная,
 Выйду я во вьюгу, трусить не с руки.

Валенки в подмогу, шарф да куртка деда.
 Я его не помню, так бывает, что ж.
 Что считал печалью, что ценил победой?
 Говорят, я чем-то на него похож.

И далёко мысли. И далёко город.
 В городе устал я. Аж до ломоты.
 Но сегодня снова буду свеж и молод.
 С каждой снежинкой буду я на «ты»,

С каждую звездою,
 с каждым первым встречным,
 Будь он хоть котяра, пёс ли, человек.
 Думалось о чае. Думалось о вечном.
 Господи, продли нам наш недолгий век.

Все порой живём мы будто злые дети,
 Радуемся бреду, плачем не о том.
 На прекрасной этой маленькой планете
 Как ожесточенно, блёкло мы живём...

Тихая дорога. Путь – тропа лесная.
 Сосны да берёзки. Вьюга до небес.
 Ничего не помня, ничего не зная,
 Выйду в мир я ночью. Насмотрюсь чудес!

Елена КАЦЮБА (р. 1946)

ПРОИСШЕСТВИЕ

В каналы брошенные башни
 на части рвутся
 морщат окна
 куда упала с парапета
 та что смотрела в эти окна
 на мокром камне поскользнулась
 когда задумалась о жутком
 и пожалела что сломалась.
 На каблука тупую острость
 упала солнечная сырость
 реаниматор праздный молвил:
 «Здесь капельницы не помогут
 она обманывала много».
 И увеличил жизни скорбность
 златой улиткою валторны.

1839

СЕНСАЦИЯ

В зарослях бузины и шиповника
 развалины заброшенного завода
 перекошенные ворота
 срезанные рельсы
 кривые буквы
 П_ ОЕЗД ЗА_ РЫТ
 Сенсация!
 Весь мир содрогнулся!
 Найдено неопровержимое свидетельство
 жестокости древней цивилизации –
 историки доказали, что в далёком 20-м веке
 приговорённых к смерти
 в конце календарного года
 собирали в один поезд
 и закапывали в землю перед главным храмом
 Так совершалось жертвоприношение богу Валу
 которое называлось «валовой продукт»
 Правда, специалисты по древним языкам
 что-то лепечут о стёршихся иероглифах
 Но кто их слушает?
 Готовится мощная научная экспедиция
 А пока решаются проблемы с финансированием
 чёрные археологи продают
 ржавые болты и гайки
 и утверждают
 что накануне стихийных бедствий
 из-под земли по ночам можно услышать
 замогильный перестук колёс и скорбное пение.

Татьяна ТОЛОКОННИКОВА (р. 1951)

* * *

Берёзы стройные оделись
Пушистой снежной бахромой,
И я шепчу: «Какая прелесть!»
И не грущу, что ты не мой.

Туман и редкие трамваи.
Дышу в поднятый воротник.
Какие гении ваяли
Волшебный мир, волшебный миг?

Белым-бела лежит дорога,
И я свободна. Жду. Чего?
Я не прошу щедрот у Бога.
Я дочь любимая Его.

МАМЕ

Нежнейший розовый восход.
Так тихо, как бывает в храме.
И хочется прижаться к маме,
Освобождаясь от невзгод.

И верить: лучше, чем всегда,
Всё будет. Просто и прекрасно.
Ты поглядишь в глаза мне ясно
И скажешь: «Ты моя звезда!»

* * *

Так тихо лиловый закат догорел,
Так нежно, как сердце звучало...
И кто-то неслышно с небес посмотрел,
Напомнив начало начала.
И снежные дали Звездой Рождества
Томили, и звали, и пели...
И стрелки кружились, заметны едва,
В чарующем вихре метели.
И всё повторилось; надеждой светя,
Я ёлку в душе нарядила,
Чтоб чистое, светлое Сердце-дитя
Завещанной ночью родилось:
Я двери открыла, друзей позвала,
Велела уняться метели.
И первую гостьей Звезда Рождества
Стояла у детской постели.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Анатолий ЖУКОВ (1931 – 2013)

БЕЗРАЗМЕРНОЕ ЧУДО (отрывок из повести)

Вечно улыбающийся, мечтательный, занятый только думами о рыбалке, Парфенька считался легкомысленным и пустым человеком – в этом его самого и хмельвцев убедила ненаглядная Поля, Пелагея Ивановна, забравшая всю власть в доме сразу после свадьбы. Но эта же Пелагея окончательно утвердила односельчан в рыболовной исключительности Парфеньки, его талантливости, в его узкой специализации. «Ничего больше не знает, паразит, – превозносила она мужа. – Была бы Волга да удочки. И ведь ловит, ловит, негодник! В любую погоду без рыбы не придёт, грома на него нету». И сообщала, каких утром сазанов (судаков, щук, лещей) он приволок: крупные, мясистые, вкусные, как поросята. Приходите, пока свежие, завтра опять принесёт.

И Парфенька таскал, кормил семью, щедро одаривал односельчан, доверчиво рассказывал о своих рыболовных подвигах и даже о мечте поймать на удочку трёхметровую щуку. Точнее, на спиннинг.

Как у всякого великого человека, у Парфеньки не было секретов и тайных помыслов, потому что и в жизни, и в мечтах он стремился не брать от общества, а давать ему – хмельвское общество было этим вполне довольно и признало права Парфеньки на сказочную мечту. Хотя находились, конечно, маловеры, заявлявшие, что немыслимо длинную, как рыбацкий чёлн, щуку он никогда не поймает, тем

более сейчас, когда Волга беднеет рыбными запасами и скоро станет совсем пустой. Такими людьми оказались, к сожалению, передовые рыбаки, ударники пятилетки Иван Рыжих и Федька Чёрт. Оба, к великому сожалению, пьяницы.

– А сом? – не раз напоминал им Заботкин, председатель райпотребсоюза. – На шестьдесят четыре килограммища и восемьсот граммчиков, свидетели есть, сам взвешивал!

И старый Федька Чёрт похмельно вздыхал, а молодой Иван Рыжих виновато опускал рыжую голову: такой сом ему не попадался даже на Каспии. Да и мечта самого Парфеньки доходила лишь до трёхпудовой рыбины, а тут сграбастал чуть ли не кита, на четыре с лишним пуда, в пуде же целых сорок фунтов и, значит, всего 162 фунта, без обману. Сто шестьдесят два! Это вам, товарищи дорогие, не поцелуй чужой жены, не радостный сон, это на удочку поймано, причём Парфеньку оштрафовал рыбнадзор за превышение пятикилограммовой нормы вылова за один день. Глупость, конечно. И насчёт одного дня – глупость. Редкий этот сом таскал Парфеньку по Волге двое суток, пока его не выручили рыбаки на мотодоре.

Но об этом можно и подробнее. Такие события встречаются сейчас реже, чем запуск космических кораблей.

В последние перед пенсией годы Парфенька был бригадиром рыболовецкой бригады, созданной из браконьеров, и в первый же отчётный квартал бригадирства настиг свою удачу почти у верхней отметки – поймал сетью трёхпудового сома. И когда поймал, тут же подумал, что мог бы и четырёхпудового, такой наверняка есть, потому что поймал он самца, самки же у рыб крупнее. В том, что сомиха на четыре пуда живёт где-то здесь, Парфенька не сомневался: средняя продолжительность жизни у женского пола выше, чем у мужского – читайте газеты, умные люди их составляют, денежки за это самое получают, и немалые, должно быть. Ну вот.

А подумать, что пойманный сом был вдовец или одинокий холостяк, Парфенька не мог, поскольку

ку ловил иногда мелких его соплеменников, может, сыновей, внуков, правнуков. И когда вышел на пенсию по возрасту, то занялся более тщательным обследованием окрестных вод. И не ошибся: напротив Хмельёвских Выселок (Иван Рыжих сказал бы: «На траверзе Выселок»), неподалеку от затопленного села Вершинкино, от которого остался небольшой остров, Парфенька обнаружил просторный глубокий омут, а в том омуте – заветного, на четыре пуда сома. Точный его вес, а заодно и пол будут установлены только через год, но и до того, впервые увидев сома на ранней зорьке у отмели, Парфенька понял, что и эта дерзкая его мечта, большеголовая, усатая, беззастенчиво пожирающая рыбью мелочь, почти у него в руках...

Евгений ПОПОВ (р. 1946)

КАК СЪЕЛИ ПЕТУХА (отрывок из рассказа)

А у них был петух. Вернее, у них сначала были и курица, и петух. Демьян думала, что курица выведет ей от петуха цыпляток. Цыплята вырастут, станут нести яйца. Демьян будет полной владелицей куриных яиц. Захочет – съест. Захочет – продаст на колхозном рынке как излишки.

Хорошо она прикинула. А ничего, к сожалению, не сладилось. Потому что, во-первых, петух оказался какой-то не тот, квёлый. Он и кур не топтал, а только сидел весь день на жёрдочке нахохлившись.

И курица взяла да в ноябре месяце и подохла вдруг неизвестно отчего. Гуляла, гуляла по курятнику, потом – лапки кверху. Подёргалась, заоченела и стала синеть. Прямо удивительно, до чего быстро умерла курица!

Демьян, конечно, имела кой-какие подозрения. В частности, на тётку или на меня. Но их не высказывала. А не высказывала потому, что и сама толком не понимала: кому и зачем нужно было травить её курицу. И остался петух, которого Николай Ефимыч неоднократно просил съесть, но Елена не давала.

Таким образом, 2 января 1956 года она всё же решила сварить петуха и стала его варить. А Николай Ефимыч в это время пошёл на работу, на то производство, где он трудился по металлу. Там он взял кольцо от подшипника, разрубил, распрямил, выколотил молотком, закалил, подправил. После чего весь день ширкал по бывшему кольцу напильником.

– Николай Ефимыч, уж не «перо» ли ты себе мастеришь в рабочее время? Давай лучше похмелимся после праздничка, – говорили ему друзья-рабочие.

Но Николай Ефимыч, насупившись, ничего не отвечал и продолжал усердно ширкать напильником.

– Брось, Николай Ефимыч. Не точи. Ты ведь, Николай Ефимыч, ножик этот на себя точишь, – угроваривал его один рассудительный человек, который так всё наперёд хорошо знал, что каждую минуту опасался, как бы кто ему не присветил по роже.

Но Николай Ефимыч, увы, никого не слушал. Он твёрдо решил на крайние меры по избавлению себя от жены.

Николай Ефимыч с загадочной улыбкой отправился домой. Около крыльца, занесённого снегом, он немного постоял, посмотрел вокруг.

– Век свободы не видать, – пробормотал Николай Ефимыч и шагнул в дом.

И увидел, что дома, за фанерной стеной, не воняет жареным жёлтым салом, что там, за фанерной стеной, очень даже чисто. За фанерной стеной светло. За фанерной стеной на столе бутылка водки, хвост селёдки, колбаса и огурцы. И кастрюля, а из кастрюли – пар петуха.

И по пару понял Николай Ефимыч, что он одержал полную и окончательную победу над женой. Что, возможно, и сберкнижка будет его, если она, конечно, есть. А обваренная физиономия – это чушь и мелочь. Хмурясь, он сел за стол и заорал:

– Демьян!

Тотчас и она точно как из-под земли.

– Здесь. Я здесь.

– Садись! Давай выпьем!

И точно – сели, и точно – дали. Выпили. И точно – сели, пили, ели. Выпили пол-литру и стали пить вторую. И уже дело дошло до петуха. Он был вынут из кастрюли, и он был прекрасен.

Тогда Николай Ефимыч достал из кармана ножик, показал жене и объяснил, что ей угрожало. Жена отнеслась к зловещему предмету с той степенью искренности и уважения, которая была приятна Николаю Ефимычу. И он отдал ножик жене, и она стала отрезать ножку да ножку, крылышко да крылышко, шейку да гузку.

И они жрали петуха до полуночи, а когда пробило двенадцать, супруги окончательно были пьяны и завалились спать, не сняв одежды.

Сейчас они оба уже старые и ходят еле-еле. У моей тётки они больше не живут. Тёткин дом сломали, и их всех расселили по разным квартирам. Демьян и Николай Ефимыч получили однокомнатную в пятом микрорайоне. Я их иногда встречаю. Они идут еле-еле и держатся друг за друга...

Сергей ИЗУГРАФОВ (р. 1971)

ВЫБОР АРИАДНЫ *(отрывок из повести)*

Вот уже скоро битый час, как Арина отрешённо смотрела в окно.

На палубе скоростного парома было ветрено, море волновалось, словно в предчувствии беды, неся на палубу пену и холодные солёные брызги. Поэтому, выйдя было на палубу в начале их путешествия, она быстро вернулась в салон. Отсела подалее от друзей, в дальний угол, где нашла место у окна.

Состояние было дурацким. После попытки задремать глубокий сон никак к ней не шёл, как она ни старалась – лишь ныла шея да ломило в затылке. Ноющая боль никак не улучшала и без того паршивого настроения.

Хотелось есть. Просто жутко хотелось есть.

И не этих противных булок с ветчиной и сыром на пожухлых салатных листьях с гордым названием «сэндвич» по три евро за штуку, что они сдуру набрали с собой в дорогу в Пирее, а нормальной человеческой еды: мамино нежного куриного супа с вермишелью, домашних бабушкиных котлет, чая с пирожками.

Сколько раз она ни пыталась сама, но таких ароматных, сочных котлет, как у бабушки, никогда не могла приготовить. Может быть потому, что она была не слишком внимательна?

Её бабушка Галина Александровна, пережившая в Ленинграде всю блокаду совсем юной девушкой, относилась к еде как-то очень по-своему уважительно и трепетно. Все продукты были у неё аккуратно разложены, расфасованы и распределены по полочкам в металлических и стеклянных банках.

Когда Арина готовила, в творческом порыве заляпывая всю кухню просыпанной мукой, обрезками теста, неиспользованным фаршем или оливковым маслом, – вот масло она умудрялась проливать в любых обстоятельствах, за что мама её частенько называла «Аннушкой», – пытаясь напечь пирожков по маминему рецепту, – бабушка только грустно качала головой и тяжело вздыхала. Потом, не выдержав, с нелестными выражениями выставляла обиженную внучку с кухни и наводила порядок, бе-

режно собирая все разбросанные продукты.

«Великовозрастная бестолочь» дулась у себя в комнате, мысленно доказывая бабушке, что двадцать лет – вовсе не возраст и уж кто бы говорил!

Ещё через полчаса с кухни доносился совершенно дурманящий аромат бабушкиных жареных пирожков с мясом, капустой, яйцом и зелёным луком, картошкой и грибами. Как тут было обижаться – на такой запах не захочешь, а выйдешь в кухню, найдя её даже с закрытыми глазами...

Они с бабушкой мирились и, позвав мать, которая устало отрывалась от своих ватманов с очередным архитектурным дизайн-проектом, садились втроём пить чай. Как же она любила эти чаепития!

Арина слотнула слюну и тяжело вздохнула.

Ещё минимум два часа до Наксоса, а есть уже хочется так, что живот сводит. В баре на пароме – вода, спиртное, чипсы и орешки. Называется: доброе утро, гастрит! Были ещё какие-то шоколадки, но она не рассмотрела толком – сладкое она терпеть не могла. Придётся пить воду и мучиться. Может, хоть на вилле, куда они едут, их покормят.

Она в сердцах крутанула пробку от бутылки с водой – и та, раскрутившись волчком, вдруг соскочила с бутылки и улетела куда-то далеко вперёд, под сиденья.

Ну вот! Арина чуть не расплакалась. Совершенно дурацкий день! И что теперь делать? Держать ещё два часа бутылку с водой в руке, чтобы не пролить? Поставить некуда, да и паром качает, всё равно бы она опрокинулась. Невозможно же выпить все полтора литра залпом! Придётся лезть под сиденья и искать эту дурацкую пробку, держа бутылку в руке.

Мысль о том, чтобы передать бутылку друзьям, она сразу отогнала – в тот угол она не пойдёт. Ей всё ещё было ужасно стыдно за Глеба.

В Пирее, где они остановились всего на день, он вдруг умудрился напиться до состояния полной невменяемости и вёл себя совершенно отвратительно: буянил, матерился и задирали прохожих, которые шарахались от него в ужасе...

Фатих АМИРХАН (1886 – 1926)

ТАТАРКА *(отрывок из рассказа)*

Родилась девочка...

Вначале она была живым существом. Но только до шести лет. Потом какая-то тёмная сила на своём тайном судилище приговорила её за совершение никому не ведомого греха к смерти и принялась медленно душить её, душить в тисках какой-то безжалостной машины до тех пор, пока не будет выжата последняя капля жизни: она приказала заживо зарыть татарку в могилу, прежде чем перестанет биться её сердце и остынет тело.

Девочке исполнилось шесть лет.

Братья иногда обижали её: ударят, дёрнут за косичку. Как и всякое живое существо, она могла противиться насилию: ударят – ответит тем же, за косичку дёрнут – укусит обидчику палец, расцарапает лицо. Но тёмная сила, осудившая татарку на смерть, не могла допустить, чтобы жертва её обладала подобной свободой, и заставила живую куклу, именуемую матерью, передать татарке своё повеление:

– Девочке драться с мальчиками неприлично!

С этого дня девочке было велено защищаться от притеснения братьев, лишь прибегая к покровительству других.

Неопытную девочку обманули. Она не знала, что была приговорена к смерти и что с этого запрета началось исполнение вынесенного ей смертного приговора.

Девочке исполнилось семь лет...

Прежде она могла бегать по улицам вместе с мальчиками, с такими же детьми, как и она сама. Но тёмная сила не желала, чтобы её жертва пользовалась такой свободой. Живая кукла (мать девочки) повторила, как попугай, повеление тёмной силы:

– Девочке играть с мальчиками неприлично!

Девочка не могла поверить запрету, противному человеческой природе, жизни, свободе, гуманности. Тогда тёмная сила заставила отца татарки повторить приказ:

– Девочке играть с мальчиками неприлично!

Недоверие татарки было поколеблено. Окружавшие её люди повторили то же самое:

– Девочке играть с мальчиками неприлично!

Теперь татарка поверила, ибо думала, что люди желают ей добра. Но жизнь решила защищаться. Ей казалось, что она победит врагов, если вызовет их на суд разума.

– Почему? Почему неприлично? – спросила жизнь.

Татарка молчала. Вместо неё ответила тёмная сила:

– Так повелели отец, мать, дед и бабушка!

Жизнь поразилась. Она не думала услышать столь бессмысленный, бесчеловечный ответ.

Тёмная сила торжествовала, словно в праздник: она победила. Своей жертве, татарке, она вручила маленьких мёртвых кукол.

Разлучённая с другими детьми, лишённая вольного воздуха, свободы, девочка брала в руки проклятые подарки тёмной силы и разглядывала их с недоумением. Она не знала, зачем они ей.

Тёмная сила подослала к ней живых кукол, именуемых «сестра», «мать», «бабушка», «тётка», и заставила их обучить девочку игре с куклами неживыми. Живые куклы были искренне убеждены, что играть надо, подражая их жизни: ходить в гости, играть свадьбы, выдавать невест замуж, принимать молодницу, делать подарки сватам... Истинного смысла всех этих действий татарка ещё не понимала. Но девочке, для которой считалось неприличным играть с мальчиками, не оставалось других игр, и она принялась играть со зловещим подарком тёмной силы.

– Эта кукла – мальчик, а это – девочка. Кукла-мальчик берёт в жёны куклу-девочку; свадьба, приехал жених, прибыла невеста, пришли гости...

Татарка всё играет, играет да играет...

Тёмная сила, притаившись в углу, наблюдала за татаркой с усмешкой:

– Это ты готовишься к будущему: такова твоя будущая жизнь.

Анастасия ЧЕХОВСКАЯ (р. 1981)

САЧОК ДЛЯ ХИМЕРЫ (отрывок из рассказа)

В августе Летка позвонила любимому, чтоб помириться. Трубку взяла её подруга:

– Ну что ты к нему прицепилась? – зло спросила она. – Не звони сюда больше.

– Почему? – глупо спросила Летка.

В ответ раздалась резкая, похожая на пульс истерички, гудки.

– Ну почему? – повторяла она ещё месяц и не могла успокоиться.

Осень шлёпала за ней промокшими ногами тысяч прохожих. Хлюпала ногами мелких начальников в метро, чихала тётками, трубно дувшими в клетчатые китайские платки. Кралась вслед простудой, свившей в подъездах своё гнусное логово. Расстроенными скрипками завывала в продуваемых всеми ветрами чердаках. Осень трепетала выцветшими листочками сентиментальных романов, в которые зарывались её подруги, спасаясь от серой хандры. Осень заливала пожары в сердцах холодными косыми ливнями. Человечество замирало, квасило капусту, сновало по рынкам в поисках тёплых сапог на меху и заключало браки. Летке заключать брак было не с кем. По ночам, забравшись с ногами в уютное кресло, она зализывала душевные раны в интернете. Уходила Алисой в страну чудес – честных друзей и любимых, которые никогда не преда-

ют... Чеширскими улыбками повисали двоеточия и скобочки...

– Ты откуда? Познакомимся?)))

Капала вода на кухне, плакали деревья за окном. Расширенные зрачки смотрели в бесконечность. А пальцы выстукивали привычные для ночи слова.

– Хо-хо, наша красавица пришла!.. – и бессонные программисты Татарстана поднимали за её здоровые смайлики пивных кружек.

– Ну как сегодня день прошёл, сестрёнка? Тебя никто не обижал? А то смотри – мы им навешаем!!!

И сердце ёкало от сознания, что у неё под рукой целая армия виртуальных чингисханов, готовых уничтожить врагов смертоносными татарскими вирусами. Летка была милостива к врагам:

– У меня всё чудесно!

По ночам она прилежно изучала нахальное мужское подсознание, сравнивая его с подсознанием любимого. Провинциальные плейбои, молодые начитанные снобы и весёлые сорокалетние одиночки, с которыми так легко водить наивную девичью дружбу, признавались ей в любви и зывали встретиться в реале. Летка разборчиво медлила: «Не моё...» После двенадцати она ходила к химерам из солнечной Новой Зеландии. Дружелюбные демоны

лопотали по-английски и звали в свой хоровод.

– Dear lady, where're u from?

– Are u Russian? LOL!

Несостоявшийся принц с далёких берегов съёживался вместе с ворохом алых парусов, повинуюсь клику мышки.

– Вилла у него, – бормотала польщённая Летка.

– Врёшь ты всё, маньяк виртуальный...

Через месяц она завела нового любимого – 30-летнего якутского бизнесмена Серёжу. С первых буквочек узнавала его нежно-зелёное чирикание в привате и, втайне замирая, расспрашивала о новой подружке. Она видела его Олю только на фотографии, которую жестокий прислал ей. За пять секунд разглядела всё – чёрные корни светлых (ага, мелиро-

ванных) кудрей, волоски на лошадиных ногах, нос картошкой и чёрные точки на нём. Увидела, запомнила и возненавидела навсегда.

– Летка, ты одна меня понимаешь, – плакался Серёга, стуча клавиатурой в пустой четырёхкомнатной квартире. – Ну вот скажи, что ещё бабе надо? Шубу ей норковую купил, а она всё равно ко мне не переезжает... Пекинеса, говорит, хочу. Ведь знает, что собак не переносу. Лучше вторую шубу купить... Да, Летусик, наверное, так и сделаю... Купить ей ещё одну?

И Летка в сотый раз открывала фотографию, где на неё смотрела грудастая девица с глазами сытой овцы.

– У, сволочь! – шипела она разлучнице.

Виталий ВОРОТНИКОВ (1926 – 2012)

КОГО ХРАНИТ ПАМЯТЬ (отрывок из воспоминаний)

...Вошли в сборочный цех, только отстроенный, нашу гордость, со 100-метровым пролётом, мощными кранами. Об этом директор стал рассказывать Хрущёву. Тому не понравилось увиденное, и он стал, показывая на металлические фермы корпуса, критиковать: «Почему фермы не железобетонные? Вы что, не знаете нашей политики в строительстве?» Этот окрик сбил Ельшина с толку. На помощь пришёл А.Ф. Засядько и в грубоватой форме заявил, что на 100 метров пролёта железобетонных ферм ещё нет в практике. Что фермы не только держат перекрытие, но несут многотонную нагрузку подъёмных кранов, и если даже фермы сделать железобетонными, то на арматуру уйдёт вдвое больше металла. Но Хрущёв не воспринял эти доводы и продолжал что-то бурчать себе под нос.

Затем мы поднялись в салон первого широкофюзеляжного пассажирского самолёта Ту-114. Уселись в кресла, немного поговорили о делах завода, но, памятуя установку М.Т. Ефремова, никаких просьб не высказывали. Здесь Н.С. Хрущёв немного отошёл, машина ему понравилась. Выйдя из самолёта, он сказал окружившим его рабочим несколько общих фраз, с похвалой отозвался о выполняемой ими работе, отметил хорошую политическую обстановку в стране. Ему вручили модель самолёта Ту-114, он расписался в книге почётных гостей, помахал окружающим рукой, и вся группа направилась из цеха к воротам, где их уже ожидали машины. Мы попрощались, и вереница машин уехала.

Во второй половине дня на центральной городской площади Куйбышева собрался многотысячный митинг. Туда организованно прибыли представители предприятий и организаций города. В том числе и нашего завода, числом более тысячи человек. Разместились колоннами, в отведённых местах. Но пришла и масса, так сказать, неорганизованного народа – жителей города. Толпа росла и ширилась. Многие любопытные, пытаясь пройти ближе к трибуне, уплотняли и уплотняли людей. Митинг ещё не начался, а более чем 100-тысячная масса раскачивалась, гудела, слышались возмущённые возгласы и

требовательные крики. Кто-то лез вперёд, а кто-то стремился вырваться из толпы. Навести порядок на площади не смогли ни организаторы митинга, ни милиция и привлечённые военные.

Гул и крики усилились, когда на трибуну у Дворца культуры поднялись Н.С. Хрущёв и другие руководители. Постояв пару минут и видя, что устроители не в состоянии навести порядок, Н.С. Хрущёв сам подошёл к микрофону. Стал увещевать, затем, возмущаясь, бросать в толпу резкие, грубые слова. Что ещё более накаляло обстановку. Посыпались оскорбительные выкрики в его адрес. Тогда Хрущёв, используя мощь микрофона, начал выступление словами: «Дела у нас в стране идут хорошо!» В ответ – шум возмущения, свист! Он вновь пытается повторить эту фразу – реакция аналогичная. Хрущёв кричит: «Хулиганы! Вы кому затыкаете рот?! Где же милиция?!» Но справиться с возмущённой толпой уже невозможно. Напор людей нарастает, смяв милицейское ограждение, они устремляются к трибуне, обтекая её с обеих сторон. Что уже опасно. Поняв это, гости и руководители области скорым шагом, почти бегом покидают трибуну, устремляясь к Дворцу культуры, через него к стоящим во дворе машинам и к причалам речного порта. Откуда на теплоходе «Добрыня Никитич» отправились вверх по Волге к Жигулям. Митинг был сорван. Люди на площади возмущены и долго не расходились, обсуждая детали случившегося.

Позже секретарь обкома партии А.М. Токарев рассказывал, что происходило дальше.

Как только поднялись на теплоход, Н.С. Хрущёв и другие московские гости разошлись по каютам. М.Т. Ефремов и все члены бюро обкома остались на палубе. Настроение прескверное, ожидали от Хрущёва разноса за случившееся. Минут через десять он вышел из каюты на палубу босиком (был очень жаркий день) и, как ни в чём не бывало, спросил: «А не пора ли перекусить? Отварной бы картошечки со сметанкой, а?!». «Мы, – говорил Александр Максимович, – вздохнули с облегчением...»

Хеннинг КЕЛЕР (1891 – 1979)

РУССКИЕ ХРОНИКИ *(отрывок из книги)*

Я услышал, что он упомянул Карла Маркса и Энгельса и думал, что теперь должно последовать открытие статуи. Но он закончил речь и ничего не произошло. Тогда он представил «Красный сад» (парк) городу и выразил надежду, что он будет служить общественному благосостоянию, развитию искусств и свободному расширению любви. Это был символ заботы советской республики о пролетарских массах. Но этот парк («Красный сад») должен также стать прибежищем отдыха для людей, покинувших церковь, попов или священников, – да, да, на этом самом месте должен быть Пантеон для героев международного братства. Здесь, со временем, возвысятся колонны и статуи таким людям как Платон и Бабёф, Бланки и Делеклюз, Ленин и Либкнехт. С помощью австрийского скульптора, прежде военнопленного, но теперь свободного советского гражданина, он (Троцкий) начал эту работу и теперь откроет первый памятник здесь.

Он долго колебался в выборе исторического персонажа, которому следовало оказать первую честь. Он думал о Люцифере и Каине. Они были оба унижены; они были оба мятежниками, революционерами супер-величины. Но оба они были теологическими фигурами, сверхъестественный характер которых не сходился с марксистскими представлениями о мире... И они (Люцифер и Каин) были мифологическими персонажами, историческое существование которых было очень сомнительно. Его (Троцкого) внимание поэтому повернулось к явно земной фигуре, человеку реальной истории, кто, будучи любящим и мудрым, стал жертвой религиозных представлений хищного общества... И тот, который стоит пока под чехлом (вероятно, оратор указал здесь рукой на скрытый пока чехлом памятник), должен рассматриваться каждым как невинный человек, который в течение двух тысяч лет был прикован к позорному столбу капиталистической интерпретации истории, – все должны принять его теперь как великого пролетарского Прометея... Это Красный предшественник мировой революции, двенадцатый апостол спасителя буржуев Христа – Иуда Искариот!

Слушатели едва ли поняли то, что он говорил, и они чувствовали себя неудобно под его горящим пристальным взглядом. Некоторые кричали, но множество русских набожно крестилось. Еврей за-

молчал, но, казалось, не волновался об эффекте своих слов. Его мимика, казалось, теперь скорее выражала болезненную неуверенность. Он начал говорить снова, теперь в экстазе, о часе возмездия и апостоле угнетённых, о диктатуре пролетариата, о братстве и «Интернационале»... но он не добился ничего. Его лицо исказилось как будто под ударом плети, терзающей его мысли. Обеими руками он сжимал трибуну, и его пальцы натыкались на гвозди под красной тканью. Тогда его самообладание возвращалось, он наклонился вперёд и говорил загадочно: «Я НЕСУ ВАМ ПОСЛАНИЕ», – он сказал и положил руку себе на грудь. – Я НЕСУ ГРЕХ ВСЕХ ВРЕМЁН. ВО МНЕ – ПРАВДА. РАЗВЕ ВЫ НЕ УЗНАЁТЕ МЕНЯ? Я – СПАСИТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Я – ОН» – говорил он. Без сомнения, он мог думать так. Человек был безумен. Он думал, что он был Иудой!

В тот момент послышался шум самолёта, летящего над садом, и хлопок горячего воздуха. Он прислушался и вытер лоб. «Да здравствует мировая революция!» – закричал с внезапным вдохновением и оставил трибуну, с полным самообладанием отвесил поклон Долли Михайловне и попросил, чтобы она сняла покрывало со статуи.

Долли Михайловна поднялась со стула, и он дал ей шнур (конец пеньковой веревки). Дёрнув шнур пару раз, она сорвала покрывало – и мы увидели гипсовую фигуру ржаво-красного цвета. Это была фигура голого человека, выше человеческого роста, а лицо её напоминало лицо Комиссара и было угрожающе обращено к небесам, в то время как руки, казалось, страстным движением стремились удалить часть реальной пеньковой верёвки, зацепившейся вокруг шеи. Оркестр, увидев статую, напыщенно грянул «Интернационал», и мы поднялись и обнажили головы, разбитые властью музыки. Вдруг в другом конце сада из стоявшей там полевой части раздались три выстрела в быстрой последовательности. Они не были холостыми. Снаряды пронеслись над нашими головами с дьявольским свистом и порывом, который заставил меня вздрогнуть, и Бог знает, куда они улетели.

Я чувствовал себя как больной и ощущал слабость в коленях. Я почти получил солнечный удар в этом открытом месте, с солнцем над головой. Я пошатывался позади апостола, в тени деревьев...

Евгений САФРОНОВ (р. 1981)

НЕПРИКАЯННЫЙ *(отрывок из рассказа)*

К стервецу пришёл ночью, вырвал душу за уши и говорю: «Пойдём, покажу тебе, где таких, как ты, держат!» Перетащил его по мосту. Ну, там внизу – стоны, руки-ноги всплывают, скрежет зубовой, всё как полагается. Он спрашивает: «А там, под мостом, кто?» Я говорю: «Известно кто – те, кто младенцев

из утробы вытравливал, души губил иль молоко с водой смешивал. Ну, да это не твоё, твоё – вот!» – и сбросил его в яму для душегубцев и насильников. Там кругом цепи висят да крючья, и черти вымещают злобу на спинах и внутренностях попавших сюда. Постоял на краю, разрешил им немного попу-

гать его (с ангелом его, понятно, договорился, да тот и не возражал, наоборот, помочь вызвался). Затем вытаскиваю его душу за уши и говорю: «Ну, видел, где измыватели да насильники век коротают?» Трепещет душа его. «Если, – говорю, – ещё раз поймаю на подобных занятиях, здесь и оставлю», – и швырнул душу в тело, едва не промахнулся.

Юлька через три дня – как огурчик. Сидим ночью – болтаем.

«Я ведь почему на тебя разозлилась, – говорит, а аура коричневеет: стыдится девчонка, значит. – Ведь ты словно и чувствовать ничего не умеешь!» Меня это заинтересовало, попросил поподробнее с сего места. «Ну вот, смотри, – и умильно так лоб свой с родинкой тереть начала: всегда так делает, когда задумывается. – Ведь та девчонка на каменоломнях, про которую ты рассказывал, ведь у неё никого, совсем никого не осталось. И ты видел этот момент, – момент, когда вот ещё кто-то у неё есть, а через несколько минут уже не будет. И ей позволил видеть это. И тебе было только любопытно...» – «А что же я должен испытывать – жалость, что ли? Нам запрещено вмешиваться в судьбу людей! Они должны совершать свой выбор сами. Если её матери суждено было погибнуть от рук надсмотрщика, а девочке – увидеть это, – кто смог бы этому помешать?» – «Ну, ведь ты помог мне? Ты же сам рассказывал: заставил прибежать воспитателей, проучил Витьку? Так?» – «Так-то так, – я был обескуражен и раздражён, – да не совсем так. С тобой по-другому. Так, как с тобой, у меня ещё никогда за эти шесть тысяч лет не было...» – «А что же изменилось?» Я пришёл в такое смятение от её вопросов, что впервые за всю мою ангельскую практику вынужден был покинуть наблюдаемого без предупреждения.

Ушёл к себе, на любимое место между вторым и третьим небом.

«Да что это я?» – я был чрезвычайно недоволен собой. Столько раз думал обо всех этих вопросах, о своей неприкаянности, о том, как правильно относиться к подобным ситуациям – и на тебе! – пожалуйста: десятилетняя девчонка выбивает меня из основательно накатанной за эти тысячелетия колеи.

Дело не в том, что меня беспокоили вопросы, кого спасать, а кого не спасать: действительно, не моё это дело, а Того, кто волосок подвесил. Меня мучил именно этот конкретный вопрос и эта конкретная ситуация: «А что же изменилось?»

Я – существо разумное и решил спокойно сопоставить эти две ситуации. Я даже решил разыграть в своём воображении две сцены: избивание матери у той девочки две тысячи лет назад и избивание в туалете совсем недавно.

По общему смыслу события мало чем отличаются – и там, и там было зверское, несправедливое, то, что надо было остановить, то, чего не должно быть. Но моё отношение к ним – совершенно разное. Там, две тысячи лет назад, я был объективен и спокоен. Там я созерцал ауру девочки, и её переливы захватывали меня больше всего. В отношении Юли мне, в общем, на ауру было, как она ни скажет, наплевать!

Ну нет! Ну не привязался же я к ней за такое короткое время?! Меня на Совете, – скажи кому, – засмеют!

Я решил исправить дело временем и не являться ей и не следить за ней каких-нибудь лет пятьдесят. Благо, в отличие от других, я могу это себе позволить. Кому какое дело! Я – неприкаянный. Я на Совете никакого места не занимаю. Меня никто никогда не слушает. Мне на-пле-вать!

Виктор РЗАЙ (1906 – 1970)

РАСПАХНУТЫЕ ВОРОТА (отрывок из рассказа)

В жарко натопленной избе пахнет потом, дышится тяжело: недостаёт воздуха. В передние заиндевевшие окна заглянул месяц, осветил внутренность дома, лица спящих. Потом перевёл взгляд на висящий у печного жерла жестяной половник и принялся с ним заигрывать.

– Да спи же ты, Никандр, спи. Чего ворочаешься с боку на бок? Светать уж скоро станет, а ты всё не спишь...

Но Никандр не слышит слов жены и даже не чувствует, как та всем телом прижалась к нему. Высвободив из-под тулупа руку, он обхватил седую голову и тяжко, длинно простонал:

– Э-эх, времена!..

Сказал – и сам испугался своих слов, своего голоса и той ярости, с которой он это произнёс.

– Светает уже, Никандр, уснул бы...

И опять не слышит жену Никандр. И опять прижимается жена к мужу, обнимает, тянет к себе... Но нет, не чувствует и не слышит жену Никандр...

С яростью скребёт он широкой новой лопатой снег у ворот и швыряет его далеко на дорогу. Остальные мужики тоже расчищают снег у своих домов. Женщины с вёдрами на коромыслах спешат за водой, другие уже идут с водой им навстречу.

– Кажись, нынче хлеб добрый уродится, Никандр Иванч. Зимы-то ещё нет и половины, а глянь, сколько снегу выпало.

– Да, да, – нехотя соглашается с одной из женщин Никандр. – Дай-то Бог, чтоб так и было. – Немногословен он с женщинами, не любит их: уж больно болтают много, языки у них будто хвосты овечьи.

Он почти покончил со снегом, когда к нему подошёл церковный староста.

– Помогай тебе Бог, Никандр Иванч!

– Спассип-по.

– Может, пройдем в дом? Поговорить надобно...

Они прошли в сарай, присели на сани. Неподалёку от них дочь Никандра – Клавье – кормит зер-

ном кур. Петух заботливо и шумно хлопочет вокруг квохчущих кур, но до слуха девушки всё же долетают слова говорящих.

– Пропадём ведь, Никандр Иванч, истинно пропадём, с голоду помрём. Сопляк-то этот Кергури, сын Кирле, разрази его гром, комитет бедноты затеял, дьявол эдакий... Хлеб у богатых отбирать станут...

При этих словах у Никандра сами собой сжалась и вскинулись кулаки, и он чуть было не задел ими лица старосты, вспомнив, как недавно схватился с этим Кергури.

– Ты поаккуратней... меня-то не бей... Так вот, отберут хлеб у зажиточных и отдадут голодранцам, а ещё и в город, говорят, отправят – там тоже народ голодает...

Никандр неучтиво перебил старосту:

– Перестань! Знаю! – и, не прощаясь, прямо с лопатой в руках вошёл в дом.

– Батюшки, Никандр, ты зачем лопату-то в дом занёс? Выстудит же дом-то, в снегу она вся... – Ури-не, жена, непонимающе глядела на мужа.

И тут Никандр дал выход своей ярости: с размаху вонзил в деревянный пол лопату, избил ни в чём не повинную жену и выгнал дочь за то, что слишком много насыпала курам овса... Целый день он провёл без дела – ярость душила и не давала возможности

ничем заняться. Но к вечеру к нему вернулся рассудок, и он, разобрав пол в конюшне, решил спрятать там зерно. Жена и дочь копали яму, сам он таскал из амбара мешки с рожью. Внизу ямы Никандр спрятал двести пудов, наверху оставил ещё двести, надеясь, что если даже уведут эти, то вниз заглянуть не догадаются.

Спрятал Никандр хлеб, и вроде бы надо успокоиться, а нет – чувствует он, что какие-то неведомые силы обложили его со всех сторон и жмут, и загоняют в угол. И нет от них никакого спасения. Что же это за силы? Кто за ними стоит? И почему именно его хозяйство, которое он всю жизнь строил своими руками, недосыпая дней и ночей? Разве он всё это нажил не работая, не сея и не убирая хлеба?..

Никандр рано остался без отца – ему было всего восемнадцать. Он на всю жизнь запомнил наказ родителя:

– Смотри, сынок, пуще глаза береги всё нажитое, не сори ни хлебом, ни деньгами, а старайся к ним прибавлять и прибавлять... Женишься – не доверяй жене и вожжей не ослабляй... Людям тоже не верь, ибо все стараются только за себя: твоё отберут, а своего ни за что не отдадут. Ты тоже будь таким, сынок...

И Никандр старался жить по отцовскому наказу, помнил его слова, уважал память.

Павел ПРУССКИЙ (1821 – 1895)

СЫЗРАНСКИЕ ПРЕНИЯ

В юности моей я имел учителя по Федосеевскому согласию, одного знаменитого в нашей стороне наставника, славившегося своей начитанностью, иконописца Ивана Порфинова Попова. Он перешёл в Федосеевское согласие из попощины. По поводу его перехода у нас, в городе Сызрани, происходили прения между попощами и беспопощами. Большие, многолюдные были собрания, ибо старообрядцы на таковые случаи, когда происходят прения о вере, не смотрят хладнокровно, но с великом усердием спешат послушать состязания наставников.

Такова была простота того времени, что на собраниях присутствовали, по приглашению старообрядцев, градский глава Иван Мясников, сын Православной церкви (жена его, впрочем, принадлежала к поповскому согласию), и сам сызранский городничий Никита Сафонов: обоих старообрядцы приглашали, чтобы придать более значения своим собраниям. Попощи сызранские, не надеясь сами отвечать против беспопощцев, вызвали на помощь себе из Избылецкого известного Аффония Кузьмина Кочуева, также славившегося начитанностью и остротой ума; он прожил в Сызрани по случаю этих споров с беспопощцами не менее года.

Со своей стороны, и беспопощцы, несмотря на то что имели опытных наставников, вызвали на помощь себе одного саратовского начётчика по прозвищу Мякушкина. Хотя в то время я был ещё очень молод, но эти знаменитые сызранские прения меня очень занимали, и об всём, что на них происходило,

слышал я от родителя и самого Ивана Порфирыча, потому и помню их хорошо. Об одном обстоятельстве небесполезно рассказать.

Аффоний Кочуев от имени попощцев дал противной стороне двенадцать вопросов (я сам их видел и имел у себя список) о церкви, о Таинствах, об Илии и Енохе, об антихристе. В числе этих двенадцати вопросов был и следующий: «Како беси веруют?» Зачем бы, казалось, предлагать такой вопрос, но он предложен был не без цели. Этим вопросом Кочуев надеялся жестоко уязвить беспопощцев. О Таинствах беспопощцы должны были дать обычный свой ответ: «Веруем, что Таинства должны совершаться в церкви, но по времени, за нужду наша церковь их не имеет». И на вопрос о вере бесовской, как полагал Аффоний, должны ответить согласно апостолу Иакову, что «беси веруют, яко есть Бог и трепещут», но делами веры не показывают. Отсюда он предполагал вывести уподобление веры беспопощцев с верою бесовской; как бесы веруют в Бога, но делами веры своей не показывают, так и беспопощцы во все Таинства церковные веруют, но делами сей веры не показывают, – Таинств не имеют и не совершают.

Таким образом, Аффоний и прочие с ним вполне были уверены, что беспопощцам нельзя будет уклониться, чтобы не признать свою веру подобной вере бесовской. Беспопощцы хорошо поняли цель данного им вопроса о бесах, и если бы вопрос этот им предложен был церковью, имущей вечную, непрерывную, законную иерархию, им действительно

избежать такого страшного уподобления было бы невозможно. Но так как поповцы, осуждавшие их за неимение Таинств, и сами подлежат такому же осуждению, ибо и сами не имеют тайны рукоположения, или поставления священства, чрез которое прочие все тайны совершаются, и пользуются краденым священством, не имущим на себе епископского благословения и посему незаконно священнодействующим, то и отвечать поповцам на лукавый вопрос о бесах они не слишком затруднились, даже обратили его против них же самих.

О вере бесовской они говорить не стали, а повели речь о хитрости и лукавстве бесов, о том, как бесы, желая прельстить кого-либо, превращаются во ангелов света, сами тьма суще, и в этом отношении совершенно уподобили им поповцев, особенно же их беглых попов. Ибо и поповцы прельщают себя и других, показуясь якобы имущими все Таинства,

лишены суще оных, а беглые их попы в Номоканоне и горше бесов быти поведуются.

Поучительно зрелище суда, изречённого друг над другом самими оклеветаемыми церковью, мнимыми ревнителями старообрядчества! Поповцы беспоповскую церковью за лишение священства и Таинств бесам уподобляют, а беспоповцы поповцев за дерзость священнодействия без получения благодати рукоположения архиерейского и бесов превосходящими злобой нарицают, безбожными, неверующими Богу. Се Церкви без брани победа, без борьбы одоление! Только внимательно да смотрят сыновья Церкви, как противники церковные один другого обличают, лишение благодати Таин и повинность суду один у другого поведают, и не голословно (как поступают они, когда на Церковь клеветают), а писанием и сбытием вещей один другого вины засвидетельствуют.

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

